

ББК XXXXXXXX
Г XXXX
УДК XXXXXXXX

Дерибасовская — Ришельевская: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах, 2003. Книга 15. 1-348.

Дерибасівська — Рішельєвська: Літературно-художній, історико-краєзнавчий ілюстрований альманах, 2003. Книга 15. 1-348.

Deribasovskaya — Rishelyevskaya: Literary and artistic, historic and of regional studies almanac illustrated, 2003. Book 15. 1-348.

ISBN XXXXXXXX

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский
(заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:

Виталий Амурский (Париж), Наталья Барышева, Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Григорий Поженян (Москва), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко, Борис Херсонский.

Фото:

Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht

Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:

Vitaliy Amoursky (Paris), Natalya Barysheva, Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Gregory Pogonyan (Moscow), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko, Boris Khersonsky.

Photos by:

Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirkirsky

Издается с 2000 года
www.odessitclub.org

От редакции

2004 год важен для нас знаменательными юбилеями. В сентябре Южной Пальми-ре исполнится 210 лет. Если мерить человеческой жизнью, возраст немалый, но в масштабах исторических в пору вспомнить, чуть переиначив Владимира Маяковского: "Одесса — подросток. Твори, выдумывай, пробуй!". Самое заманчивое и трудное — найти себя в этой триаде глаголов повелительного наклонения. Так будем же стремиться соответствовать хотя бы одному из этих оптимистических параметров.

В апреле мы будем праздновать 60-летие освобождения Одессы от фашистских захватчиков. Три года оккупации были самыми зловещим и страшными в биографии нашего города и его жителей. Независимо от национальности, вероисповедания, происхождения, возраста и пола.

В 1944 году Одессе исполнилось 150 лет. Мало кто из ее освободителей дожил до 1994 года, до 200-летия, которое, кажется, мы отмечали вчера. А ведь прошло еще 10 лет, наступил XXI век... Двое из трех членов редколлегии помнят, с каким восторгом и почтением глядели на матросов крейсера "Варяг". В начале 50-х они, тогда уже глубокие старцы, с гордостью носили на своих форменках георгиевские кресты. Сегодня самыми дорогими, самыми уважаемыми гостями на приближающихся праздниках должны и, мы уверены, будут ветераны Великой Отечественной, награжденные медалью "За оборону Одессы" и орденом Славы, который носится на георгиевской ленте.

И еще один юбилей, логично вытекающий из двух вышеупомянутых. В марте Михаилу Жванецкому грянет 70. Пацан войны, он ведет второй отсчет своей жизни с апреля 1944-го. Почетный гражданин Одессы, он навечно вписан в ее летопись.

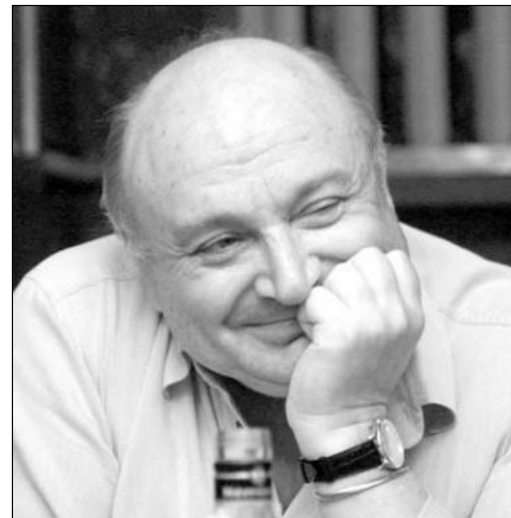
Не принято поздравлять с юбилеями досрочно. Но мы еще погуляем с вами, дорогие читатели, на этих праздниках.

Приглашаются все! Ведь мы — свои же люди!



**Особая благодарность —
фирме
"ХАРРИСОНС-ТРАНС-СЕРВИС"**
Выражаем признательность за помощь:
фирме "ФАГОТ",
фирме "АРХО",
агентству недвижимости "КАПИТАЛ",
а также Михаилу Пойзнеру.

Распространение марксизма



Вот жизнь наступила. Похвастаться уже некому. Пожаловаться — еще есть.

Для рассказа об успехах нужен слушатель редкой силы и самообладания.

Сколько вокруг друзей с испорченным настроением.

— Ты где был?

— Та тут знакомый дом построил.

— Ну что? Плохой?

— Та не... Такой, со вкусом... Едрёнь. И не

то чтоб дорогой. А шикарный... Там мрамор. В общем, где он прятался... И так все красиво у мерзавца.

— А ты не любил его?

— Та не. Любил его, суку. Но не ожидал... Как-то без друзей... Не посоветовался, построил. И главное, проговорился, сволочь, что дела идут хорошо. Вот что плохо...

— Ну и что?

— Он напрасно такое говорит. Людям такое говорить. Представляешь?

— Так, если дела идут хорошо.

— Может быть... А говорить такое нельзя. Ты газеты почитай. Плохо, плохо, плохо. А вот еще хуже... А зимой будет гибель, а весной подохнем, а осень не переживем... А за это время знаешь, сколько дворцов понастроили, в том числе и те, кто пишет.

И с помощью пострадавших, под стук колес — плохо-плохо-плохо-хуже.

Плохо-плохо-плохо-хуже.

Приятно наблюдать отсутствие дураков в пишущих структурах и присутствие умниц в контролирующих органах.

Зачем марксизм в людях вызывать?

Маркс, чье имя долго гремело и еще звучит, все рассчитал правильно и человечно. Снизу на пригород смотришь, все нормально — заборы-заборы-заборы. Сверху посмотришь, в душе начинает тебя грызть марксизм. Крыши, дома, особняки, бассейны, как в микроскопе колонии бактерий.

Особенно в солнечную погоду.

В туман полегче.

Но марксизм еще ничего. Это тихое такое. Внутри грызет и кислотой хозяина выедаёт. Хуже, когда в людях ленинизм начинается. Это уже кислота наружу выходит.

Ленинизм — это разлившийся марксизм. Тут не дай бог спичка или огонек, или искра, или шутка не к месту. Вспыхивает на века.

Есть инкубационный период, пока марксизм внутри развивается, человек друга ищет. Соединяйтесь и т. д.

При ленинизме — врага. Ленинизм — это открытая форма марксизма. Тут о себе думать некогда. Тут вообще не до себя. Только о враге. Врага давай. Будет враг — друзья найдутся. Как говорится, начни отнимать — помощники набегут.

В этом красота теории. Вначале враг наружный, потом враг внутренний, потом семейный, потом в детях. Теория правильно предлагает уничтожить врага, чтоб погасить в себе марксизм.

Вначале врага яркого, видного, розовощекого, в духах и ароматах, который, не выдержав своих успехов, возвел-таки... и ковры постелил, и медью покрыл, и все это стоит, сверкая, наводя на себя марксизм, который, как компас, в человеке наворачивается дурным концом к хорошей архитектуре и всей силой бьет по куполу.

После соседа яркого и ароматного бьет сдержанного, который гораздо умнее, а все равно не выдерживает, и по понедельникам, чтоб не привлекать внимания, камбалу ест, а по ночам в ночном мерседесе разъезжает с фарами, горящими в ночи.

Потом бьет соседа совсем скрытного, с плохим запахом изо рта, что в закрытом гараже, в закрытом мерседесе сырыми ночами ест жареную камбалу уже несвежую, о которой не знает даже жена.

Марксизм в людях не ошибается и бьет точно. После обеспеченного бьет талантливого, а потом и просто способного, правильно подозревая в нем будущую обеспеченность. Избавиться от этого полностью нельзя.

Маленькая злокачественная марксинка гнездится в каждом до поры, а при всеобщем возбуждении выходит зрелым ленинизмом, поражающим народы.

Марксизм бывает черная и белая. Белая, говорят, у творческих работников друг к другу. Кто лучше спел или написал, тому не сразу, но прощают. Белую марксизм носят в себе, и довольно долго, криво улыбаясь и плохо аплодируя.

Но к тому, кто не только спел, но и приоделся в цепи и хоругви, к тому испытывают глубочайшую черную марксизму с радужным ореолом.

Как же, мол, и голос — дерьмо, и музыка — дерьмо, и сам недалекий. И раньше таким не был. И жадный, и за копейку удавится. И все себе. На старость якобы. Хотя при таком отношении к окружающим точно не проживет.

Когда все живут одинаково, марксизм в человеке все равно выделяется. Этот премию получил, тот не болеет. Этот изобретатель. Этот в лесу ученый.

Но, когда уже все заражены, марксизм переходит в открытую стадию и грозным ленинизмом за пределы государства выходит. Он уже по отдельным людям не стреляет. Ему народы интересны, что нагло, богато и противно живут на глазах у всех. Шикарно передвигаясь, лечась и изобретая и, что особенно противно, сберегая...

И, что еще противнее, оружие у них тоже, хотя и кроме оружия есть еда, вода и электричество. А в дальние районы ведет асфальт, не стратегический, а всеобщий, для завезения снабжения продуктов населению...

Тут уж лучше, чтоб марксизм испытывали отдельные люди, пусть и в больших количествах, чем один народ к другим народам, скрежеща зубами в виде марша, что чревато опасностью и грозит полной потерей ископаемых, единственного богатства бедных народов.

С трудом завершая поэму, можно сказать, что жалобы и стоны — прямой путь к дружбе и человеческому общению.

Рассказы же об успехах и высоких заработках требуют слушателя редкой силы и самообладания.

Теперь таких нет.



ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Василий ГАЛЯС
Русский историк-славист А.В. Флоровский 9

Борис РЕЗНИК
Пациент из моего детства 25

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Helen 51

Олег ГУБАРЬ
Дом на углу Конной и Ямской 58

Василий ГАЛЯС

Русский историк-славист А.В. Флоровский



Профессор А.В. Флоровский —
председатель Ученой комиссии
Русского заграничного исторического
архива в Праге с 1933 г.

Полузабытое длительное время имя профессора Новороссийского университета в Одессе и Карлова университета в Праге относится к той русской интеллигенции, чья жизнь была расколота надвое революциями 1917 года и гражданской войной 1918-1920-х гг. Достигший на чужбине европейской известности после изгнания из своей страны в 1922 году, он был мало известен у себя на родине во времена культа личности И.В. Сталина, когда тут происходило массовое выселение народов в места, не столь отдаленные друг от друга, как Север России, Сибирь и Дальний Восток.

После выдворения за пределы родины Антония Васильевича Флоровского его имя здесь стало постепенно забываться даже библиографами и краеведами. Известный "Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей" Ивана и Юрия Масановых, представляя криптонимы профессора А. Ф. и Ф-ий, ошибочно называет его Анатолием. Да и с фамилией Флоровского не раз происходила путаница то ли по незнанию, то ли по ошибке, чаще всего по корректорскому недосмотру, как в книге "История Одесского университета (1865-2000)", где соседствует Фроловский (стр. 37) и Флоровский (стр. 38). Искажение фамилии А.В. Флоровского имело место даже в таких документах, как предписание Н.К.В.Д. Губнаобразу об увольнении 13 преподавателей одесских институтов в связи с высылкой их за рубеж. Точно так же допущена ошибка в подписи к представленному здесь фото: Профессор А.В. Фроловский — председатель Ученой комиссии Русского заграничного исторического архива в Праге с 1933 г.

В старинном роду Флоровских историки насчитывают четыре поколения активных работников науки и культуры вплоть до преподавательни-

цы иностранной литературы Одесского и Кишиневского университетов Ольги Васильевны Флоровской (1924-1989).

Из одной семьи кафедрального протоиерея Василия Антоновича Флоровского (1852-1928) и его супруги Клавдии Георгиевны (1863-1933), председательницы Благотворительного совета благородных дам духовного звания при Спасо-Преображенском соборе, вышли в люди питомцы Новороссийского университета — доктор медицины Василий Флоровский (1881-1924), педагог Клавдия Флоровская (1882-1963), историк-славист Антон Флоровский (1884-1968), философ-богослов Георгий Флоровский (1893-1979).

В отличие от старшего брата Василия Антоний не был одесситом по рождению, а появился на свет 1 (14) декабря 1884 г. в Елисаветграде. В метрической книге Покровской церкви предместья Елисаветграда Ковалевке был записан следующий акт: "Декабря первого родился, а шестнадцатого крещен Антоний; родители его: смотритель Елисаветградского духовного училища кандидат богословия Василий Антониев Флоровский и законная его жена Клавдия Георгиева православные. Восприемниками были: профессор богословия Новороссийского университета магистр протоиерей Александр Николаев Кудрявцев и города Одессы Сретенской церкви протоиерея Георгия Попруженко жена Мария Федорова".

Относительно даты рождения Антония Флоровского имеются разночтения в различных энциклопедиях. Еще при его жизни вышедшая в Галиции "Українська Загальна Енциклопедія" (Львів-Станіславів-Коломия. 1930-1935) ошибочно указывает 1883 год. "Советская историческая энциклопедия" (Москва, 1974, том 15) подает хронологические рамки жизни русского историка (дек. 1884 — 27.III.1968). Более точные данные сообщают биографический словарь "Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции" (Москва, 1997) — 1.12.1884 — и энциклопедия "Книга" (Москва, 1998) — 14 (26).12.1884. Неизвестно, по какому стилю календаря, новому или старому, отмечает дату рождения русского историка-слависта 1 февраля 1884 года четвертый том биографического словаря "Професори Одеського (Новоросійського) університету" (Одеса, 2000).

Глава семейства Флоровских происходил из низшего духовенства Новгородской губернии. В списке сел и погостов Новгородского уезда по состоянию на 1790 год в числе других населенных пунктов названы село Фроловское и так называемая Флоровская выставка, т. е. отдельно стоя-

щая (выставленная) по малолетству и отдаленности часть прихода. На то время в Новгородском уезде на 38 сел приходилось 4 выставки.

Историк христианской церкви Георгий Флоровский однажды заметил: "Местом рождения моего отца была даже не деревня, а дом священника при сельской церкви. Церковь называлась в честь святых Флора и Лавра, и мой отец с братьями, вероятно, первые, кому была присвоена эта фамилия".

Стипендиат Новгородской духовной семинарии и кандидат богословия Московской духовной академии Василий Флоровский приказом обер-прокурора Священнейшего Синода 17 ноября 1877 г. был определен на службу помощником смотрителя (заведующего) Одесского духовного училища. Оно вместе с домовою Кирилло-Мефодиевской церковью находилось в доме № 74 на Внешней улице. В настоящее время там, на улице Мечникова, воссоздан храм святых равноапостольных просветителей Мефодия и Кирилла.

Помощник смотрителя Василий Флоровский в 1879 г. стал делопроизводителем училища и учителем греческого языка. С открытием 16 августа 1878 года Одесского епархиального женского училища при Свято-Архангело-Михайловском женском монастыре на Успенской улице (дома №№ 2-4) он был принят законоучителем и преподавателем педагогики и дидактики.

К этому времени он женился на 16-летней пансионерке Клавдии Попруженко, дочери священника Сретенской церкви, выходца из запорожского рода Подпруги.

С появлением на свет сына Василия и дочери Клавдии, названных в честь родителей, отец добился с целью улучшения материального положения перевода в Елисаветград, где имел возможность стать смотрителем Елисаветградского духовного училища и священником домовою церкви, преподавателем местной мужской гимназии и реального училища. В предместье Елисаветграда Ковалевке родились сыновья Антоний и Георгий, дочь Мария (1889-1891), умершая в раннем детстве.

Ближайшие родственники Попруженки помогли семье Флоровских возвратиться в Одессу в памятный для города 1894 году и поселиться в доме № 58 по Ямской улице (ныне Новосельского). Там же в то время находились Одесское казенное реальное училище (Ямская, 85) и частная женская гимназия А.И. Бракенгеймер (Ямская, 61), в которых преподавал кандидат богословия В.А. Флоровский.

Местожительство Флоровских менялось в зависимости от службы главы семейства старшим священником Покровской церкви (Александр-

ровский проспект, 11), разрушенной в советское время при сохранившемся церковном доме на углу Еврейской улицы, ректором духовной семинарии (1900-1903), при котором возведено новое семинарское здание (на Семинарской улице угол Канатной, дом 99), кафедральным протоиереем Спасо-Преображенского собора. В соборном доме на Соборной площади (д. 12, кв. 1) семья назначенного настоятелем в 1905 году Василия Флоровского проживала с 1906 года до конца гражданской войны. Только женатые братья Василий и Антоний со временем перебрались на другие квартиры: Василий — в жилое здание епархиального дома (Жуковского, 38), Антоний — на Отрадную улицу, 12. Василий был дважды женат, имея от разных браков двоих дочерей, Галину и Ольгу. Верной спутницей жизни Антония была дочь видного адвоката Афанасия Семеновича Белоусова — Валентина Афанасьевна.

По приезду в Одессу братья Василий и Антон Флоровские пошли учиться в четвертый и первый классы четвертой мужской гимназии, временно находившейся в Лютеранском переулке, 1 (на углу Ямской), до ее перехода на Пушкинскую улицу, 9, где ныне находится Музей западного и восточного искусства. Здесь Антоний Флоровский проявил большой интерес к истории, русскому языку с церковно-славянским и словесностью. В его аттестате зрелости отмечено "прилежание очень хорошее и любознательность большая". Эти свои качества он сохранил в студенческие годы (1903-1908), обучаясь на историческом отделении историко-филологического факультета Новороссийского университета. Он успешно занимался в семинарах профессоров Василия Михайловича Истрина (история русской словесности), Евгения Николаевича Щепкина (история Западной Европы), Ивана Андреевича Линниченко (история России).

Специализироваться Антоний Флоровский решил по отечественной истории. На конкурс студенческих работ он под девизом "Ошибками моими поучаюсь" подал свое сочинение "Крестьянский вопрос в Законодательной комиссии Екатерины II", удостоенное золотой медали. Дополненное и переработанное это сочинение под заглавием "Из истории екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крестьянском праве" было опубликовано в 1910 году в "Записках историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета". Окончив учебу в 1908 году, Антоний Флоровский с января 1909 года был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории, которой заведовал его научный руководитель Иван Андреевич Линниченко.

После сдачи магистерских экзаменов Антоний Флоровский становит-

ся с 31 октября 1911 года приват-доцентом университета и с весеннего семестра 1912 г. читает спецкурс "История царствования императрицы Екатерины II", ведет семинары по русской истории. К тому времени он уже имел опыт преподавания с 1907 года в Одесском коммерческом училище (Преображенская, 8), где теперь главный корпус Экономического университета. 11 октября 1908 года молодой учитель избирается в члены-сотрудники педагогического отдела Историко-филологического общества при Новороссийском университете. 16 ноября 1913 года, будучи уже действительным членом Историко-филологического общества, он выступает с научным сообщением "Положение о выборе депутатов в Законодательную комиссию 1767 г.". В том же 1913 году награждается светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования дома Романовых.

Антоний Васильевич Флоровский активно участвовал в работе Одесского библиографического общества при Новороссийском университете, созданного 1 апреля 1911 года на базе небольшого библиографического кружка университетского библиотекаря Петра Степановича Шестерикова в 1907 году. При бессменном председателе Общества Иване Андреевиче Линниченко Антоний Флоровский избирался на трехгодичный срок сперва помощником библиотекаря, а затем и самим библиотекарем Общества. Он же привлек к участию в библиографическом Обществе родную сестру Клавдию, братьев Василия и Георгия. На собраниях общества Антоний Флоровский постоянно информировал слушателей о новых книжных новинках, многие из которых рецензировал. Его сообщения и рецензии часто печатались на страницах "Известий Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете", выходивших с 1911 года до Февральской революции. Им были напечатаны подборка документов из одесской старины, рецензии на труды местных авторов ("Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания" Александра Дерибаса, "Библиографические материалы по истории Новороссии" Людвиг Дерибаса, "Летопись Одесской духовной семинарии (1838-1885)" протоиерея Иоанна Стрельбицкого).

30 апреля 1911 года Антоний Флоровский баллотировался в члены-сотрудники Одесского общества истории и древностей, действительным членом которого его избрали 25 февраля 1914 года. В дальнейшем он состоял библиотекарем Общества, заведующим Археологическим музеем и последним секретарем Общества истории и древностей.

Оригинальные научные работы А.В. Флоровского помещались на страницах "Записок Одесского Императорского Общества истории и

древностей". Вслед за документальным сообщением "Из материалов для истории прикрепления крестьян к Южной России (ЗООИД, том XXIX, 1911)" было напечатано исследование "Депутаты войска Запорожского" в Законодательной комиссии" (том XXX, 1912), "Отечественная война и Новороссийский край" (том XXXI, 1913). Последняя статья "Несколько фактов из истории русской колонизации Новороссии в XIX в.", вошедшая в редактируемый самим Флоровским последний XXXIII том, датирована 12 марта (28 февраля) 1919 года. На этом издание "Записок" ОО-ИД прекратилось, а само Общество существовало до последнего 470-го заседания 22 мая 1922 года при советской власти.

За время научных командировок 1912-1914 годов в Москву и Санкт-Петербург Антоний Флоровский собрал большой архивный и печатный материал для дальнейших научных исследований. В 1915 году опубликовал "Новые данные по истории выборов депутатов от городов в Законодательную комиссию 1767 года". Тогда же, в десятом выпуске "Записок Императорского Новороссийского университета" появилась магистерская диссертация "Состав Законодательной комиссии 1767-1774 гг.", представленная на защиту в Московском университете 14 февраля 1916 года. Официальными оппонентами выступили видные историки Михаил Михайлович Богословский и Юрий Владимирович Готье. Удостоенная Уваровской премии Академии Наук монография А.В. Флоровского сохранила научное значение, о чем свидетельствуют "Очерки истории исторической науки в СССР" Том III, с. 329, Москва, 1963 г.

Совет Новороссийского университета 27 октября 1916 года избрал магистра А.В. Флоровского исполняющим обязанности экстраординарного профессора по кафедре русской истории. Официальное подтверждение Министерством Народного Просвещения состоялось 17 января 1917 года. Во время Февральской революции, находясь в научной командировке, Антоний Флоровский непосредственно отдавал свои труды в редакции журналов "Русский архив", "Русская мысль", "Русский исторический журнал".

10 августа 1917 года на заседании профессоров и младших преподавателей Новороссийского университета состоялось избрание на Поместный Собор Православной Всероссийской Церкви членом поместного Собора профессора по кафедре русской истории Антония Флоровского и заместителем его — профессора по кафедре церковной истории Александра Доброклонского, исполняющего обязанности ректора университета.

Возвратившись в Одессу, молодой профессор в 1917-18 гг. читал в род-

ном университете общий лекционный курс истории России до XVIII столетия, спецкурсы по русским летописям и русской исторической географии, проводил практические занятия по древнерусской истории, одновременно преподавал на Высших женских курсах (с 1915 года) и на созданном в 1918 году экономическом факультете Политехнического института.

В годы гражданской войны, когда сменяли друг друга недолговечные режимы большевиков и гетьманцев, австро-германских и англо-французских интервентов, украинских националистов и российских белогвардейцев, далекий от политики профессор оставался дома, в уединении с женой, на Отрадной улице. Зачастую он не являлся ни в университет, ни в Археологический музей. Будучи членом Совета университета, он даже отсутствовал на его заседании 16 сентября 1919 года, когда родная сестра Клавдия Флоровская была принята приват-доцентом на кафедру всеобщей истории, немного опередив брата Георгия, принятого приват-доцентом 26 октября 1919 года на историко-филологический факультет по отделению философии и психологии, руководимом профессором Николаем Николаевичем Ланге.

В незабываемом 1919 году Антонию Флоровскому удалось избежать красного и белого террора. Приказами от Комиссара просвещения Е.Н. Щепкина 18 и 23 апреля 1919 года увольнялась от службы в Новороссийском университете и исключалась из списков большая группа старых профессоров, явно не сочувствующих Советской власти. Многие из них были арестованы. Их освободила пришедшая Добровольческая армия генерала Антона Ивановича Деникина, избранного затем Почетным членом Совета Новороссийского университета. На заседании Совета 26 августа 1919 года ректор Антон Дмитриевич Билимович доложил об убийстве большевиками Сергея Васильевича Левашова, внештатного профессора Яворского, помощника библиотекаря Ивана Дусинского и служителя Топольского. Ученый Совет выразил сочувствие бывшим под арестом профессорам, а Александр Павлович Доброклонский от их имени выразил благодарность за освобождение и денежное вспомоществование.

В условиях "триумфального" нашествия советской власти на Украину многие ученые не стали дожидаться нового года и спешно покинули Одессу. Позже других, в начале 1920 года, в январско-февральские морозы, решили уехать из страны четверо из семьи Флоровских — кафедральный протоиерей Василий Антонович, его супруга Клавдия Георгиевна, их дети Георгий и Клавдия, а заодно с ними Михаил Георгиевич Попруженко. Тогда же декан историко-филологического факультета профессор

Александр Доброклонский, выезжая в разрешенную ему заграничную командировку, передал заведование Музеем изящных искусств профессору Евгению Парфентьевичу Трифильеву.

Георгий Флоровский высказал убеждение, что всем им с советской властью не по пути. "Хотя ей и были нужны учителя, но учителя лишь в марксистском духе. И никакую философию и даже историю — помимо марксистской — они бы не потерпели". К этому следует добавить, что и саму свою историю они надолго заменили обществоведением, вплоть до выхода первого школьного учебника для 1-4 классов начальной школы в свете требований "Краткого курса истории ВКП(б)".

Жены братьев Василия и Антона уговорили мужей остаться на родине. Брат Георгий высказался, что "никто не мог тогда предположить, что и от врачей потребуют приверженность марксизму". Современники отмечали бóльшую близость Георгия к своему старшему брату, хирургу Василию, чем к другому — историку Антонию и сестре Клавдии (мол, "их отличал интерес к фактам истории, событиям прошлого, но не увлекала их суть и смысл"). С другой стороны, советские историки не сомневались, что либерального профессора А.В. Флоровского вовсе не увлекала суть и смысл марксизма-ленинизма.

С окончательным приходом советской власти на Украине были ликвидированы университеты, считавшиеся консервативной формой подготовки специалистов. Последним ректором Одесского университета явился профессор, магистр политической экономии Сергей Иванович Солнцев (с 17 марта по 10 июня 1920 года). При нем происходила реорганизация одних факультетов в самостоятельные институты (Медицинский, Химико-фармацевтический и др.), а остальные ликвидировались. Непосредственными преемниками Одесского университета считаются Институт народного образования (ИНО), Институт народного хозяйства (ИНарХоз) и недолговечный Археологический институт (АрхИн) с двумя отделениями: археологическим (декан — профессор С.С. Дложевский) и археографическим (декан — профессор Б.В. Варнеке). Возглавлял АрхИн магистрант Петроградского университета Юлиан Григорьевич Оксман, будучи заведующим Одесским губернским архивным управлением и Одесского губернского архива. Его помощниками были Антоний Васильевич Флоровский и Евгений Парфентьевич Трифильев. А.В. Флоровский заведовал кафедрой исторической географии. Здесь была написана его научная статья "Труды Н.И. Надеждина в области исторической географии".

Научно-исследовательская работа Антона Флоровского того времени базировалась только на местных архивных и библиотечных фондах. В связи с 60-летием крестьянской реформы 1861 года он опубликовал статьи "Освобождение крестьян по проектам губернских комитетов Новороссийского края" ("Ученые записки Высшей школы г. Одессы", т. 1, выпуск 1, 1921), "Крестьянская реформа и высшая администрация Новороссийского края" (альманах "Посев". Одесса — Поволжье, 1921), а также отдельно изданный очерк "Воля панская и воля мужицкая. Страница из истории аграрных волнений в Новороссии 1861-1863" (Одесса, 1921).

В условиях сокращения педагогической деятельности профессор Антон Флоровский поработал в должности директора Одесской городской (бывшей публичной) библиотеки в марте-декабре 1921 года, уступив место по настоянию старших библиотечных сотрудников уважаемому им самим Александру Михайловичу Дерибасу. А 10 февраля 1922 года на объединенном заседании Губпрофобра и пленума научного бюро Высшей школы был единогласно избран директором главной библиотеки Высшей школы (бывшей университетской).

В разное время многие коллеги по работе Антония Васильевича Флоровского были в большей или меньшей мере репрессированы. После секретного письма В.И. Ленина 19 мая 1922 года председателю ОГПУ Феликсу Дзержинскому "К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помощников контрреволюции" был принят декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета "Об административной высылке" от 10 августа 1922 года. На августовской XII Всероссийской конференции РКП(б) решено было не отказываться "от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции".

В Одессе оказалось примерно полтора десятка профессоров, неугодных советскому правительству и подлежащих административной высылке за границу без суда и следствия. 18 августа руководство ОГПУ направило Ленину отчет и списки высылаемых по Москве, Петрограду и Украине.

22 августа 1922 года последовало предписание ОГПУ на имя завгубнаробра Внукова следующего содержания: "Ставлю вас в известность, что гр.-гр. преподаватели Высшей школы г. Одессы Кастерин, Фроловский, Бабкин, Трифильев, Крылов, Самарин, Михайлов, Мулюкин, Соболев, Добровольский, Секачев, Хронович и Александров согласно цирку-

лярного распоряжения Госполитуправления высылаются за границу, а посему просим уволить их из Губнаробраза и произвести денежную расплату в срочном порядке".

Опечатка машинистки относительно фамилии Флоровского была исправлена в приказе Губпрофобра от 1 сентября 1922 года за № 74, который гласил: "Отчисляются и исключаются из списков преподавателей Высшей школы г. Одессы с 1 сентября

1. Кастерин (Химфармин, Ино) 2. Флоровский (Ино, Инархоз, Архин, Библ. Высшей школы) 3. Бабкин (Осхи, Медин, Ино, Химфармин) 4. Трифилев (Ино, Инархоз, Архин) 5. Крылов (Мединститут) 6. Самарин (Мединститут) 7. Михайлов (Инархоз) 8. Мулюкин (Осхи, Инархоз) 9. Секачев (Осхи) 10. Хроневиц (Осхи, Инархоз) 11. Александров (Ино).

Основание: административная высылка за границу".

Здесь названы талантливые ученые тогдашних высших учебных заведений — Института Народного Образования, Института Народного Хозяйства, Археологического, Медицинского, Химико-фармацевтического, Сельскохозяйственного институтов. Обращает на себя внимание то, что их фамилии неуважительно представлены без указания имени-отчества. Губнаробраз при расставании с ними знать не хотел их имен. Хотелось бы надеяться, что в исторической памяти одесситов их имена не исчезнут, как отзвук дальний эпохи социализма.

По ходатайству некоторых ведомств Одессы и Москвы списки высылаемых за границу уточнялись, благодаря чему остались на родине инженер Виктор Добровольский, писатель Андрей Соболев, физик Николай Кастерин, историк Евгений Трифилев, за которого лично ходатайствовал Юлиан Григорьевич Оксман.

Профессору Антону Флоровскому пришлось собираться в дорогу, получив денежный расчет за май-август 1922 года по средней норме тарифных ставок. В первый день нового учебного года он отбыл на пароходе из любимого города Одессы, о котором не раз вспоминал до конца жизни.

Волей судьбы профессор А.В. Флоровский оказался в числе 18 одесских диссидентов, приставших в сентябре 1922 года к чужому берегу Черного моря. В Турции с помощью иммиграционной службы он связался со своими родителями и родственниками, эмигрировавшими в Болгарию перед окончательным приходом советской власти в феврале 1920 г. В связи с получением иностранной визы американский Красный Крест оказал ему денежную помощь.

По прибытии в болгарскую столицу Софию, Антоний Флоровский

временно поселился в доме родителей. По собственному его признанию, он пробыл там три с лишним месяца "без всякого дела и заработка", так как не мог найти себе работу. Тем временем изучал архивные дела, касающиеся русско-турецкой войны 1877-1878 гг., знакомился с журналами периода Первой мировой войны и революции. В поисках работы поехал в Сербию, но и в Белграде не оказалось вакантных мест.

1-го января 1923 года Антоний Васильевич Флоровский вместе с женой Валентиной Афанасьевной, неразлучной спутницей его жизни, прибыл в Прагу. Сразу по приезде у него был отобран советский паспорт, так что он оказался лицом без гражданства. Бывший верноподданный России, не успев стать гражданином СССР, оказался буржуазным ученым Чехословакии. В удостоверении личности он значился как Антонин Флоровский. В своих научных трудах, написанных на русском языке, он оставался при своем русском имени.

При содействии знакомого по Новороссийскому университету академика Никодима Павловича Кондакова (1844-1925), профессора-ординариуса Карлова университета, Антоний Флоровский начал преподавать на Русском юридическом факультете, имевшем статус самостоятельного учебного заведения под покровительством Карлова университета. Войдя в состав Русской учебной коллегии, он возглавлял ее историко-филологическое отделение в 1923-1930 годах. Читал курсы по истории России для русских студентов Карлова университета.

Одновременно преподавал в основанном в 1923 году Русском народном университете, представлявшем собой чешско-русское просветительное учреждение, имевшее 5 отделений по разным отраслям знаний. А. Флоровский преподавал на историко-филологическом отделении, председателем которого был Александр Александрович Кизеветтер (1866-1933). Переименованный в 1934 году в Русский Свободный университет, он был закрыт фашистами в 1944 году, а при освобождении Чехословакии был расформирован министерством внутренних дел Чехословакии.

В феврале 1923 года в Праге был создан Русский Заграничный Исторический Архив по постановлению комитета Земгора (объединение российских земских и городских деятелей). Архив собирал издания и документы политических эмигрантов разных стран. Для определения ценности приобретенных документов была учреждена Ученая комиссия. Возглавлял РЗИА и Ученую комиссию выдающийся русский историк А.А. Кизеветтер, пригласивший в качестве эксперта профессора А. Фло-

ровского, ставшего на его место в 1933 году во главе Ученой комиссии. В настоящее время фонды РЗИА стали достоянием Государственного архива Российской Федерации.

1 мая 1923 года по инициативе эмигрантских культурно-просветительских организаций в Праге был основан Комитет русской книги, сопредседателями которого явились чешский профессор Иржи Поливка и русский профессор А. Флоровский. В задачи Комитета русской книги входило объединение книголюбов, устройство выставок русской литературы и составление "Библиографии русской книги 1914-1924 гг.". На выставке 8-10 марта 1926 года экспонировались книги русских, украинских и белорусских эмигрантов, а также их переводы на чешский язык.

В 1924 году министерство иностранных дел Чехословакии основало в Праге Русскую библиотеку. В основу ее фондов легло несколько тысяч закупленных русских книг. В результате пополнения библиотеки украинскими и белорусскими изданиями, а затем польскими и сербскими, Русская библиотека уже в 1925 г. была переименована в Славянскую библиотеку. Со временем она стала академическим учреждением. А. Флоровский поддерживал связь со Славянской библиотекой все годы. Он и его коллега Евгений Филимонович Максимович, женатый на дочери профессора А.А. Кизеветтера Екатерине Александровне, составили библиографический указатель "Русская литература в Славянской библиотеке. Из рукописных собраний". В книжном фонде Славянской библиотеки А.В. Флоровский нашел знакомые ему с Одессы "Заметки И.С. Орлая о Карпатской Руси" (1827). Позднее эти заметки директора Нежинского и Ришельевского лицеев публиковались в журнале "Карпатский свет" (Ужгород, 1928).

7 апреля 1925 года в Праге было основано Русское историческое общество. Первым председателем Общества был избран профессор Евгений Францевич Шмурло. В течение ряда лет его заместителем был профессор Антоний Флоровский, а в 1938-1940 гг. он сам занимал пост председателя РИО. При поддержке чехословацкого правительства издавались "Записки Русского исторического общества в Праге" (т. 1 — 1927, т. 2 — 1930, т. 3 — 1937, т. 4 был запрещен немецкой цензурой в 1941 году), в которых участвовали специалисты по истории права, литературы, искусства, философии и др. Антоний Флоровский являлся представителем РИО в Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран.

А. Флоровский участвовал в трех съездах русских ученых за границей, в Праге (1924), Белграде (1928) и в Софии (1930), двух международных

конgressах историков в Варшаве (1934) и Цюрихе (1938), двух съездах славистов — Прага, 1929, и Варшава, 1934, конгрессе византистов в Риме (1936).

В 1925 году начал свою деятельность в Праге научный семинар Н.П. Кондакова, выпускавший сборники своих научных трудов. В 1931 году произошла реорганизация Семинара в Институт имени Н.П. Кондакова. Основным заданием Института было сохранять и развивать традиции в исследовании культурного прошлого России в духе наследия академика Н.П. Кондакова. Последним директором института его имени в предвоенное время оказался профессор А.В. Флоровский, безуспешно пытавшийся восстановить институт.

В 1933 году А. Флоровского пригласили в Карлов университет для чтения лекций по русской истории на философском факультете. При этом он нострификовал свой русский диплом и был промовлен как доктор философии. После закрытия университета в 1939 году А. Флоровский был переведен в научно-исследовательский Славянский институт, членом которого он являлся с 1929 года.

В 1936 году после публичной защиты диссертации в заседании Русской Академической Группы в Праге А. Флоровский получил ученую степень доктора русской истории. Официальными оппонентами выступили тогда авторитетные историки Ярослав Бидло, Павел Николаевич Милюков, Владимир Андреевич Францев.

Ученая степень доктора исторических наук была подтверждена в 1957 году при уходе А. Флоровского в отставку. Таким образом, Антоний Васильевич был вправе считать себя "доктором наук в кубе".

На первых порах пребывания за границей в своей научно-исследовательской работе Флоровский использовал привезенные из Одессы рукописные и печатные материалы, опубликовал читанный в Одесском обществе истории и древностей доклад "Академия науки и Законодательная комиссия 1767 г." и часть рукописей, касающихся истории русской государственности.

С открытием Славянской библиотеки А. Флоровский сделал удачный выбор магистральной темы последующего научного творчества — чешско-русские связи с незапамятных времен ("Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений", 1929) до XX столетия ("Русские в Марианских Лазнях", 1947).

С привлечением печатных и архивных документов А. Флоровский годами работал над монографиями "Чехия и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений X-XVIII вв." том 1, 1935; том 2, 1947;

"Чешские иезуиты на Руси" (1941); "Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела)", 1940-1946; "Чешско-русские торговые отношения в прошлом (X-XVIII вв.)", Прага, 1954.

Знавшая А. Флоровского профессор Л.П. Лаптева в своей работе "Русский историк-эмигрант. А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей" (Вестник Московского университета, сер. 8, история, 1994, 1) насчитывала около 50 названий работ по культурным, экономическим и политическим чешско-русским связям.

В декабре 1946 года Антоний Васильевич Флоровский принял советское гражданство, но остался в Праге, зная о сталинских репрессиях 20-40-х годов и как бы предвидя дальнейшие гонения на интеллигенцию. Тогда же А. Флоровский списался с академическими учреждениями Москвы и Ленинграда, что дало ему возможность печататься в советских изданиях, начиная с автореферата фундаментального труда "Чехия и восточные славяне в X-XVIII вв." (Вопросы истории, 1947, № 8).

Диапазон научных работ А.В. Флоровского весьма разнообразен. Он занимался также вопросами историографии и исторической библиографии. Ему принадлежит доклад "Русская историческая наука в эмиграции. 1920-1930", а также несколько библиографических указателей периода 1921-1927 гг. на английском и французском языках.

В 1948 году А. Флоровский был назначен ординарным профессором Карлова университета по истории России. Согласно официальной характеристике, лекционный материал излагал "объективистски". Большую часть лекций уделял петровскому времени, поскольку занялся изучением эпохи Петра I, главным образом его внешней политики на материалах Пражского и Венского архивов. Своими исследованиями он делился с советскими учеными, как то статьи "Украина на страницах чешской истории до половины XVII ст." (Вечная дружба, Прага, 1955), "Из торговой политики Петра Великого" (Пражский университет Московскому университету. Сборник в честь юбилея 1755-1955, Прага, 1955); "Из материалов по истории России эпохи Петра I в Чешских архивах" (Археографической сборник за 1967 год, Москва, 1969). Итогом его многолетних исследований явилась книга "От Полтавы до Прута. Из истории русско-австрийских отношений в 1709-1711 гг." (Прага, 1971).

Летом 1967 года Белорусская академия наук пригласила Флоровского принять участие в праздновании юбилея 450-летия выхода в свет в Праге первой белорусской книги — Библии на белорусском языке. Чест-

ования происходили в Минске и Полоцке, откуда родом первопечатник Франциск Скорина. В связи с этим юбилеем был издан сборник "450 год Беларускага кнігодрукавання" (Минск, 1968), где была опубликована "Scoriniana 1926-1966", что явилось продолжением "Scoriniany 1776-1926" академика Владимира Ивановича Пичеты в книге "400-лецце беларускага друку" (Минск, 1926).

Антоний Васильевич Флоровский выступал с докладами на научной сессии Академии наук Белорусской ССР, а позже в Московском университете на кафедре истории СССР и в Институте истории АН СССР. Он посетил также Ленинград, где был рад встрече с русскими учеными. Мечтал "заехать и в Одессу — не хватило времени". На самом деле не хватило разрешения компетентных органов.

Оставалась только надежда на личную переписку с одесситами, которые с самого начала не баловали его своим вниманием. Ректорат Одесского университета не отвечал на его запросы ни при принятии им советского гражданства, ни при подготовке к столетию университета. Обидно звучали слова А.В. Флоровского: "Я ко дню юбилея послал ректору Университета приветствие с несколькими строками воспоминаний, не знаю, дошло ли до него это мое письмо, — я ответа не получил".

На вопрос, как отмечается столетие Одесского университета, отзывалось только "племя младое, незнакомое" Флоровскому. Один кандидат исторических наук прислал с письмом автореферат своей диссертации. Один студент привез для него материалы к юбилею Одесского университета. Один сотрудник университета прислал юбилейный университетский значок, который профессор "приколол к себе, конечно, и несколько дней гордо носил", а также юбилейную медаль столетия Одесского университета, что нашла себе постоянное место на рабочем столе профессора рядом с большой медалью 600-летия Пражского университета 1348-1948 с рельефом Карла IV, в честь которого назван Карлов университет.

Долгожданная книга "Історія Одеського університету за 100 років" была подписана к печати 26 января 1968 года, за два месяца до кончины профессора Новороссийского и Карлова университетов 27 марта. В книге выражено мнение, что только "вагання і нестійкість, властиві частині буржуазної інтелігенції, привели його до еміграції у Чехословаччину".

Антон Васильевич Флоровский был очень удручен решением советского правительства о его высылке за границу. "Он не хотел уезжать, — свидетельствует его младший современник Саул Боровой (Воспоминания. Москва, 1993 — Иерусалим, 5753).

Общественно-политический деятель России Александр Николаевич Яковлев в книге "Омут памяти" (Москва, 2000) рассказывает о больших интеллектуальных утратах России в 20-е годы, когда Россию покинули тысячи виднейших представителей отечественной интеллигенции и 160 профессоров, философов, историков, литераторов, общественных деятелей, изгнанных по спискам Москвы, Петербурга и Украины. Тогда "тяжелый урон понесла историческая наука: большевики выслали Кизеветтера, Флоровского, Мельгунова и других".

Все они, по выражению А. Флоровского, отдали себя служению "русской науке, русскому достоинству, русскому имени". Выступая на Третьем съезде русских ученых в Праге, состоявшемся 25 сентября — 2 октября 1924 года, А. Флоровский отмечал: "Пребывание многих десятков русских ученых за границей в различных центрах научной работы в вынужденной для них м(ожет) б(ыть)... научной командировке должно быть залогом возможно более быстрого восстановления нормальной жизни и деятельности в России (когда она освободится от советской власти и вновь оживет)".

Ныне имена русских ученых зарубежья стали широко известны, они вошли в новейший "Большой энциклопедический словарь", во "Всемирный биографический энциклопедический словарь", и особенно в фундаментальное издание "Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь" (Москва, 1997). Вслед за этим вышел в свет биографический словарь "Профессоры Одесского (Новороссийского) университета" (Одеса, 2000).

В настоящее время имя Антона Васильевича Флоровского пребывает как бы в тени имени его младшего брата Георгия, приобретшего мировую славу философа-богослова, к очередному юбилею которого готовится научная общественность Одессы. Пора краоведам вспомнить и о профессоре А.В. Флоровском, юбиляре в 2004 году.

Профессор А.В. Флоровский отмечал, что в свое время он "немало писал по истории города Одессы и по истории целого края "Новороссийского". Если бы собрать теперь все эти работы, то получился бы порядочный сборник этюдов по истории края за столетие от 1763 до 1863 г.". Тут же он выражал надежду, что его работы послужат материалом для дальнейших исследований по той же проблематике.

Наконец-то "Історія Одеського університету" (1865-2000) признает, что "праці Флоровського набули широкого використання серед дослідників наступних поколінь".

Пациент из моего детства



Когда на суд безмолвных тайных дум
Я вызываю голоса былого, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.
Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь, погибшую свою
И все, что в жизни мне казалось мило.
Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой.
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды.

В. Шекспир.
Сонет

Консультативный прием в поликлинике Областной больницы шел к концу, интервалы между пациентами становились все продолжительнее, затем и вовсе наступила пауза. Помогавшая мне медсестра заторопилась домой и начала бесшумно укладывать инструментарий в застекленный медицинский шкаф. Я вопросительно взглянул на нее и услышал в ответ, что в приемной остался всего один мужчина, что сидит он уже давно и даже пропустил всех, кто пришел значительно позже него. С подобным странным поведением больных мне приходилось сталкиваться и раньше: обычно так поступали те, кто желал получить возможность без помех побеседовать со мной, подробно рассказать о своей болезни и затем, не спеша, выслушать мои рекомендации. Мне было ясно, что разговор предстоит продолжительный, поэтому позвонил к себе в отделение, что задерживаюсь в поликлинике, но обязательно вернусь позже и зайду в послеоперационные палаты.

Вскоре дверь кабинета приоткрылась, и я услышал обычный вопрос: "Разрешите войти?". Голос посетителя, которого я еще не сумел хорошо разглядеть в полумраке быстро наступивших сумерек, показался мне удивительно знакомым, знакомым чуть ли не с детства. Последовавшие за этим слова приветствия: "Здравствуй, Боря!" подтвердили мою догадку — передо мной стоял Григорий Маркович, бывший директор моей школы,

Общественно-политический деятель России Александр Николаевич Яковлев в книге "Омут памяти" (Москва, 2000) рассказывает о больших интеллектуальных утратах России в 20-е годы, когда Россию покинули тысячи виднейших представителей отечественной интеллигенции и 160 профессоров, философов, историков, литераторов, общественных деятелей, изгнанных по спискам Москвы, Петербурга и Украины. Тогда "тяжелый урон понесла историческая наука: большевики выслали Кизеветтера, Флоровского, Мельгунова и других".

Все они, по выражению А. Флоровского, отдали себя служению "русской науке, русскому достоинству, русскому имени". Выступая на Третьем съезде русских ученых в Праге, состоявшемся 25 сентября — 2 октября 1924 года, А. Флоровский отмечал: "Пребывание многих десятков русских ученых за границей в различных центрах научной работы в вынужденной для них м(ожет) б(ыть)... научной командировке должно быть залогом возможно более быстрого восстановления нормальной жизни и деятельности в России (когда она освободится от советской власти и вновь оживет)".

Ныне имена русских ученых зарубежья стали широко известны, они вошли в новейший "Большой энциклопедический словарь", во "Всемирный биографический энциклопедический словарь", и особенно в фундаментальное издание "Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь" (Москва, 1997). Вслед за этим вышел в свет биографический словарь "Профессоры Одесского (Новороссийского) университета" (Одеса, 2000).

В настоящее время имя Антона Васильевича Флоровского пребывает как бы в тени имени его младшего брата Георгия, приобретшего мировую славу философа-богослова, к очередному юбилею которого готовится научная общественность Одессы. Пора краоведам вспомнить и о профессоре А.В. Флоровском, юбиляре в 2004 году.

Профессор А.В. Флоровский отмечал, что в свое время он "немало писал по истории города Одессы и по истории целого края "Новороссийского". Если бы собрать теперь все эти работы, то получился бы порядочный сборник этюдов по истории края за столетие от 1763 до 1863 г.". Тут же он выражал надежду, что его работы послужат материалом для дальнейших исследований по той же проблематике.

Наконец-то "Історія Одеського університету" (1865-2000) признает, что "праці Флоровського набули широкого використання серед дослідників наступних поколінь".

Пациент из моего детства



Когда на суд безмолвных тайных дум
Я вызываю голоса былого, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.
Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь, погибшую свою
И все, что в жизни мне казалось мило.
Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой.
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды.

В. Шекспир.
Сонет

Консультативный прием в поликлинике Областной больницы шел к концу, интервалы между пациентами становились все продолжительнее, затем и вовсе наступила пауза. Помогавшая мне медсестра заторопилась домой и начала бесшумно укладывать инструментарий в застекленный медицинский шкаф. Я вопросительно взглянул на нее и услышал в ответ, что в приемной остался всего один мужчина, что сидит он уже давно и даже пропустил всех, кто пришел значительно позже него. С подобным странным поведением больных мне приходилось сталкиваться и раньше: обычно так поступали те, кто желал получить возможность без помех побеседовать со мной, подробно рассказать о своей болезни и затем, не спеша, выслушать мои рекомендации. Мне было ясно, что разговор предстоит продолжительный, поэтому позвонил к себе в отделение, что задерживаюсь в поликлинике, но обязательно вернусь позже и зайду в послеоперационные палаты.

Вскоре дверь кабинета приоткрылась, и я услышал обычный вопрос: "Разрешите войти?". Голос посетителя, которого я еще не сумел хорошо разглядеть в полумраке быстро наступивших сумерек, показался мне удивительно знакомым, знакомым чуть ли не с детства. Последовавшие за этим слова приветствия: "Здравствуй, Боря!" подтвердили мою догадку — передо мной стоял Григорий Маркович, бывший директор моей школы,

именно так он когда-то отвечал на мое приветствие, когда я ненароком встречался с ним в коридоре школы. И именно так — по имени, а не по фамилии, он обратился ко мне на выпускном вечере, вручая аттестат о среднем образовании, что произошло за сорок лет до нашей нынешней встречи. Мы обнялись, я усадил его в кресло и сам сел напротив. Мы долго молча смотрели друг на друга, поражаясь изменениям, происшедшим во внешности каждого из нас. Тем временем в мозгу непроизвольно происходила корректировка хранившегося в глубинах памяти "портрета", и спустя уже несколько минут пришла уверенность, что напротив находится хорошо знакомый человек, и более того, за прошедшие годы он очень мало изменился. Возникшая вначале напряженность прошла, и вскоре мы начали обмениваться обычными в подобной ситуации вопросами:

- А ты помнишь?..
- Конечно, помню! А вы, Григорий Маркович, помните?
- Разумеется, помню. Как сложилась твоя, Боря, жизнь в годы войны?
- От начала и до самого конца войны был на фронте, а вы?
- Я также воевал. А как поживает твоя жена?
- Циля в прошлом году во второй раз стала бабушкой.
- Как бегут годы: ваша дружба вызвала тревогу педагогов школы.
- Я всегда высоко ценил вашу мудрость, когда вы распорядились "оставить нас в покое".

Однако оживленный диалог начал довольно быстро утасать, и не потому, что вопросы были исчерпаны, просто мы вспомнили о главной цели прихода ко мне Григория Марковича: в его руках был объемный сверток с рентгенограммами и анализами. Я пересел на свое обычное место на противоположной стороне письменного стола, включил негатоскоп и принялся рассматривать содержимое свертка. По мере того как я изучал рентгеновские снимки, мною овладевала все большая и большая тревога — я обнаружил признаки болезни, которая, в случае ее подтверждения, диктовала необходимость сложной и срочной операции.

По возможности в самой деликатной форме, не упоминая об операции, я постарался разъяснить Григорию Марковичу причины, побудившие меня рекомендовать ему немедленно лечь в больницу и подвергнуться дополнительному обследованию. Он, вроде бы, понял меня правильно и пообещал прийти через несколько дней. Но, уходя, он произнес слова, поколебавшие мою уверенность в том, что мне, хотя бы отчасти, удалось успокоить его: "Я хочу, чтобы ты знал, Боря: если мне предстоит операция (а, по-видимому, к этому идет дело), я доверюсь только тебе".

После его ухода я так и не поднялся в отделение и еще долго сидел в тишине и полумраке кабинета, погруженный в воспоминания, пока явно раздраженная санитарка не вошла с решительным видом, держа в руках ведро и швабру.

Воспоминания о детстве, о школьных годах не покидали меня и дома, они тесно переплелись с воспоминаниями о событиях, происходивших в нашем молодом тогда государстве, которое всего на четыре года было старше меня.

Об этом я попытаюсь правдиво рассказать...

Знакомство с необъятным окружающим миром "городское дитя" начинается с изучения дома, в котором живет. Мой дом был выстроен, судя по надписи на фронтоне, в 1903 году. В то время в зданиях, возводимых в центре Одессы, уже отказались от ранее широко распространенной планировки, когда вход в квартиры осуществлялся через деревянные галереи, опоясывающие со стороны двора его стены. Новая конструкция предусматривала разделение флигелей лестничными клетками, именовавшимися "парадными ходами". Соответственно этому названию лестницы в них делались из мрамора. Кроме того, в каждой квартире был и "черный ход", оснащенный металлическими лестницами, они использовались для хозяйских нужд и опускались во второй двор, который назывался "черным".

Получив разрешение спуститься во двор, я неизменно слышал мамини слова: "Не вздумай высунуть нос за ворота!". Моя милая добрая мама всегда догадывалась о моих самых потаенных желаниях. Но как было трудно удержаться от соблазна выйти на улицу, ведь то была Большая Арнаутская!.. Влево от ворот она достигает обрыва у моря, где находился большой санаторий, носивший имя поэта Лермонтова, его стихотворение "Белеет парус одинокий" я пытался выучить наизусть. Ну, а вправо от ворот, прямая, как полет стрелы, улица уходила далеко-далеко, до самого горизонта. Моя бабушка, которая из Одессы никуда не выезжала, но, тем не менее, все знала, авторитетно заявляла, что если ехать по нашей улице, никуда не сворачивая, то можно приехать "аж в Киев!". По-видимому, она была права, и я убедился в этом значительно позднее: автомашины с киевскими номерами, привозившие в наш город именитых гостей, всегда двигались по Большой Арнаутской в сторону санатория им. Чкалова, где располагалась правительственная резиденция.

Сбегая по лестнице, а нередко и съезжая на животе по перилам, я неиз-

менно делал остановку на втором этаже и стучал в дверь квартиры, в которой жил мой закадычный друг Буся. Обычно мне открывала его мама, которая, к сожалению, не была столь демократична, как моя, и старалась убедить сына от вредного влияния улицы. На мою просьбу выпустить Бусю она отвечала отказом, мотивируя его тем, что он как раз складывает игрушки или еще не закончил завтрак. Из квартиры раздавались вопли моего бедного друга, пытавшегося опровергнуть слова Клары Борисовны, но она поворачивала голову в сторону комнаты и говорила: "Я лучше знаю, чем тебе следует заниматься, — читай букварь!". Вероятно, в действиях Клары Борисовны имелся определенный резон. За восемьдесят лет нашей дружбы я из уст своего друга, соученика по школе, одноклассника по институту и коллеги по профессии, ныне врача-пенсионера Бориса Григорьевича Молодецкого, ни разу не слышал ни ругательства, ни, вообще, нецензурного слова. Впрочем, когда мы недавно обсуждали этот вопрос, он признался, что иногда все-таки ругается, но только мысленно. Спрашивается, какое удовольствие может доставить такая ругань?!

Между тем "улица", несомненно, развивает в ребенке многие ценные качества: смелость, находчивость, умение постоять за себя. Дабы не быть голословным, приведу лишь один пример. В 1941 году, когда я уже был на фронте, на крышу нашего дома упало несколько зажигательных бомб. Среди взрослых не нашлось никого, кто поступил бы правильно в создавшемся критическом положении. Лишь уличный мальчишка Петька, сын прачки тети Даши, нашел в себе мужество подняться на крышу по пожарной лестнице и сбросить "зажигалки" во двор, где их присыпали песком. Какой же воспитательный метод лучше? Очевидно, однозначного ответа на этот вопрос нет.

Оба двора нашего дома были до отказа заполнены шумной ватагой моих сверстников. Страна только начала восстанавливаться после следовавших одна за другой войн, революций, оккупаций, интервенций и нашествий, и мои дорогие земляки-одесситы начали эту борьбу с разрухой с самого главного — с восстановления поубавившегося числа жителей города.

В большом четырехэтажном доме было множество подвалов, чердаков и других потаенных мест для реализации детских замыслов и фантазий. Однако был человек, в значительной мере ограничивавший активность детворы. Это был дворник Лаврентий Валентинович Гарматюк, по-нашему, по-ребячьи — Лаврик. Он достался нам в наследство от бывшего владельца дома и жил в небольшой дворничьей, которую нетрудно было опделить по висевшему над окном колокольчику, к которому был протя-

нут металлический тросик от ворот. Лаврик слово "дворник" и, наверное, это совершенно справедливо, понимал как "заботящийся о дворе" и, соответственно, с рассвета начинал его убирать. После тщательной уборки двора он переходил к прилегавшей к дому территории улицы, а, покончив с уборкой, он приступал к "несению караульной службы". Стоило какому-нибудь неизвестному посетителю войти во двор, или, того хуже, попытаться выйти из него, да еще с пакетом или сумкой в руках, как Лаврик немедленно начинал допытываться, к кому или от кого посетитель идет и что у него в руках. Возможно, благодаря его добросовестности в нашем доме не было квартирных краж.

В поле зрения Лаврика попадали и малолетние озорники. Отлично помню, как он громким рыком парализовывал мои попытки одолеть пожарную лестницу до самой крыши: "Борка (он почему-то игнорировал мягкий знак), ты опять на лестнице! А вот я сейчас возьму метлу и...". Он также утихомиривал нас, когда наш гомон начинал превышать переносимую соседскими ушами громкость, и на корню зарубил идею проведения футбольного матча между парадным и черным дворами как весьма опасную для окон дома.

Однообразие жизни двора нарушали представители "сферы услуг дому". Самым ранним из них был пожилой мужчина в потропанной армейской шинели и шапке-ушанке, который звонким голосом (подозреваю, что в детстве он пел в синагогальном хоре), нараспев провозглашал: "Стары-ы-ы... вещи-и-и... покупа-а-а-а-ю!". Вторым был черноволосый мужчина с лихими казацкими усами. Он тоже нараспев произносил: "Пая-я-ям... починя-я-ям... ведра-а-а... кастрю-у-у-ули!". За спиной у него был металлический ящик с инструментами и свертком оцинкованного железа. Он ловко, без предварительной разметки вырезал кружок для нового днища и точными ударами молотка дважды загибал его край вокруг края стенки ведра, образуя так называемый "двойной замок". Хозяйка ведра восхищенно говорила: "Ну и молодец же вы, Николай, ведро как новое!", на что он неизменно отвечал не без гордости: "Не первый год работаем!". Следующим посетителем был шарманщик. Выбрав место у пожарной лестницы, откуда он мог обозревать все балконы, с которых ему сбрасывали медяки, владелец этого старинного инструмента начинал вращать ручку, извлекая из него заунывные тягучие звуки. Прежде всего исполнялась французская песенка "Шарман Катрин", которая и явилась основанием того, чтобы в России этот переносной органчик называли "шарманкой", а в Украине — "катеринкой". Затем звучали еще один-два старинных

вальса, после чего артист переходил к завершающей фазе представления. Ее с нетерпением ждали молоденькие девушки, объединенные недавно в профсоюз домашних работниц (этот термин вытеснил унижительное "прислуга"). В большинстве это были белокурые опрятно одетые немки, жительницы окружающих Одессу поселений Гросс-Либенталь, Люстдорф и др. Они высоко ценились за честность, аккуратность и скромность (в последнем я, правда, начал с возрастом сомневаться). Их крайне интересовал вопрос, касающийся возможных женихов. Заключительный акт выступления в том и состоял, что ученый попугай извлекал туго скатанную бумажную трубочку, в которой черным по белому была обозначена судьба девицы, за что юная дама платила шарманщику сущую ерунду: 15-20 копеек.

В конце лета жильцы дома приступали к заготовке топлива. Дрова и уголь завозили на широко распространенной в Одессе "площадке", запряженной парой лошадей. Возница издавна именовался "биндюжником". Обычно это был физически очень крепкий человек, не скупившийся на употребление соленого словца, а если придется — то и кулаков. Биндюжники были объединены транспортной конторой "Местранс", самая сильная футбольная команда города состояла тогда в спортивном клубе этой организации. Широкой известностью и любовью одесситов пользовались футболисты брата Штраубы, вратари Москвин и Трусевич и, конечно, могучий хавбек Злочевский, любовно именуемый болельщиками "Злот". Многие готовы были клятвенно подтвердить, что в одном из матчей он своим знаменитым пушечным ударом сразил насмерть турецкого вратаря. Другие утверждали, что "видели собственными глазами", как мяч, запущенный Злотом, пробил сетку ворот.

Домовладельцы, предвидя необходимость доставки топлива на площадках, устанавливали у ворот массивные круглые гранитные столбы, зарывая их глубоко в грунт. Подобно Геркулесовым столпам в Гибралтаре, охранявшим во времена античности вход в Средиземное море, эти столбы предотвращали повреждение ворот и стен подъезда. Пройдя столбы, биндюжник благополучно въезжал в черный двор и довольно быстро сгружал один-полтора кубометра дров и полтонны угля, которые он ссыпал на землю, приподняв могучим плечом противоположную сторону площадки. Теперь предстояла, по нашему мнению, самая ответственная операция: разворот транспортного средства, которое занимало почти всю длину двора задом наперед. Взяв уздечку у самого удила, биндюжник заставлял лошадей вместе с дышлом и передней парой ко-

лес повернуться под острым углом к площадке, затем резким ударом кнута и крепким словом принуждал лошадей сделать рывок вперед — площадка при этом разворачивалась почти на месте и принимала должное положение для выезда со двора. В этот момент мы подходили поближе и молча смотрели умоляющими глазами на него. Он все понимал и спрашивал: "А ваши мамы не заругают меня?". Мы хором отвечали, что наши мамы только и мечтают о том, чтобы дядя биндюжник покатал нас на площадке. Он улыбался, грозил нам пальцем и говорил: "Ну и мастера вы брехать!", затем совершенно непоследовательно командовал: "Влезайте на площадку и садитесь на попону. Кто вздумает встать, получит от меня кнутом!". Площадка с грохотом выезжала в парадный двор, а затем за ворота. Но для нас и этот короткий путь был приятным путешествием.

Любопытные соседки между тем выходили на балконы, критически рассматривали привезенное только что топливо и громко обменивались впечатлениями:

— Мадам Верцман! Вы рассмотрели завоз? И где только люди берут такой сухой лес?

— О чем вы говорите, мадам Глузман, им и в прошлом году завезли такой же.

— А мой привез нам дрова, так они от сырости аж плачут. Мы определенно хорошо померзнем в эту зиму!

— Обратите внимание на уголь, — вступала в разговор мадам Сташкевич, — чистый антрацит, орешек в орешек, это вам не та пыль, которую купил мой Иван Петрович...

Однако все это говорилось беззлобно и даже, в определенной мере, уважительно по отношению к удачливому соседу. Последний тем временем нанимал на углу Большой Арнаутской и Канатной пыльщиков, которые быстро распиливали и кололи привезенные дрова на поленья по длине топок голландских печей, которыми отапливался наш дом, дрова заносили в сарай и укладывали их там ровной стеночкой. Толику угля и кучку дров оставляли для Лаврика, который, в завершение, тщательно подметал все следы, включая конечный продукт пищеварения лошадей.

Очень важным представителем "услуг на дому" был продавец керосина. В те времена население варило пищу на керосиновых приборах, доставшихся в наследство от прошлого века. "Грецы" представляли собой, по существу, ту же керосиновую лампу, но с тройным рядом фитилей, а стекло было заменено эмалированным металлическим колпаком с око-

шечком, прикрытым листиком жаростойкой слюды. На вершине колпака был укреплен решетчатый чугунный кружок, на который устанавливалась кастрюля или чайник. "Грецы" очень слабо нагревали емкость с пищей, поэтому приготовление обеда длилось долгие часы. Кроме того, они закапчивали посуду и нередко ароматизировали еду неистребимым запахом керосина. Пришедший на смену им новый прибор — примус — был более совершенен, он был экономичен и удобен в обращении. Недостатком примуса было то, что отверстие в "пистоне", через которое поступал керосин, нагретый до парообразного состояния, со временем прогорало, пламя становилось дымным. Примус чаще всего с домработницей отсылали в мастерскую на углу Канатной с напутственными словами: "Скажи примуснику, чтобы он поставил хороший пистон!". Это выражение неожиданно приняло необычайное значение, от смысла которого у девушек становились пунцовыми щеки...

Во двор заходил человек, коротко звонил в колокольчик, произносил одно лишь слово "керосин" и уходил. Он был уверен, что его товар в рекламе не нуждается. Действительно, из квартиры в квартиру, словно эхо, разносились слова: "Привезли керосин!", десятки рук хватали приготовленные емкости — бутылка, банки, бидончики, на лестницах раздавался топот ног, и у дома собиралась очередь. Керосин отмеривался кружкой, продавец и покупатель дружно отмечали вслух их количество, но чаще всего емкость оказывалась заполненной не до верха. Препирательство было бессмысленно и претензии не принимались — "считали-то мы вместе...". Дело в том, что керосинщики держали кружку так, что большой палец руки находился внутри кружки. По-видимому, они хорошо усвоили закон Архимеда, утверждающий, что тело, погруженное в жидкость, вытесняет такой объем последней, который равен объему погруженного тела. Конечно, большой палец даже у керосинщика был не так уж велик, но если помножить на количество кружек в день, неделю или месяц!.. Керосинщики в то тяжелое время жили безбедно или, по одесской терминологии, — "на большой палец!", что в данном случае приобретало весьма реальный смысл. Что же касается неистребимого запаха керосина, которым они пропитывались насквозь, то, по разговорам, они имели свой отдельный номер в бане, что располагалась неподалеку на углу Новорыбной (Пантелеймоновской) и Новой улиц.

Как-то осенью я переболел одной из распространенных болезней детского возраста — ветряной оспой. Болезнь уже почти прошла, но мама продолжала волноваться, и из нашего скудного бюджета были изысканы

3 рубля на гонорар врачу, и приглашенный родителями наш сосед по Б. Арнаутской доктор Арлюк в назначенное время пришел ко мне с визитом на дом. Посещение частного врача коренным образом отличалось от посещения так называемых рабмедовских врачей (Рабмед — аббревиатура "Рабочая медицина"). Возможно, они были специалистами высокого уровня, но постоянно очень спешили к многочисленным пациентам, потрясая в качестве доказательства пачкой вызовов. Поэтому они уже в передней, еще не успев снять пальто, начинали делать то, что в медицине называется "собираением анамнеза", подойдя к кровати, они уже были полностью готовы к "объективному исследованию" (термин также медицинский), быстрый осмотр завершался объявлением диагноза и назначением нехитрого лечения. И поскольку их вызывали, в основном, для получения больничного листа, то оформлением последнего докторский визит и завершался, и они с удовлетворением покидали квартиру, ощупывая по дороге в кармане пальто честно заработанный рубль. Арлюк в отличие от них никуда не спешил. Сняв пальто, он обратился к маме с просьбой проводить его к рукомойнику. Тщательно вымыв руки с мылом и не менее тщательно осушив их полотенцем, он подошел к кафельной печке и согрел их. Только после этого он принялся меня осматривать: основательно помяв мой живот и постукав пальцем по грудной клетке, что было весьма щекотно и вызвало с моей стороны приступ веселья, на закуску он засунул мне в рот приготовленную мамой ложку и потребовал сказать "А-а-а". После этих процедур он совершенно потерял ко мне интерес и принялся за бабушку и маму. Мама заранее приготовила целый ряд вопросов и уже была готова их задавать, но доктор многозначительно поднял указательный палец, что должно было означать: "Мадам, не торопитесь, я сам все объясню!". Затем из плоского кожаного портсигара достал длинную-предлинную папиросу и с удовольствием, как после тяжелого труда, закурил. Он задумчиво посмотрел на струю дыма и неспешно произнес: "Ничего страшного нет, период реабилитации несколько затянулся, поэтому ребенка надо почаще выводить на свежий воздух, а, главное, правильно питать". Далее он пространно пояснил, что куриный бульон, как известно, является в такой ситуации самым подходящим средством — это вызвало явное одобрение со стороны бабушки, которая была большой специалисткой по части куриного бульона с домашней лапшой. Но далее Арлюк начал подробно объяснять, как надо выбирать подходящую для настоящего случая курицу, и это уже вызвало ее неудовольствие, она поджала губы, как бы говоря, что по части выбора курицы она в советах, пусть даже и

врачебных, не нуждается. А после ухода доктора она вообще заявила: "Я давно говорила, что ребенку необходима курица — зря выбросили три рубля!". Я был счастлив, что закончилось время домашнего затворничества, и мама сказала: "Боря, завтра утром ты пойдешь с бабушкой на базарчик. Держи ее крепко за руку, особенно, переходя через дорогу, — 23-ий несется с огромной скоростью!". Это было явным преувеличением со стороны мамы, к которым она всегда была склонна в воспитательных целях, я это давно понял, но на сей раз это уже слишком! Как раз на углу Канатной и Б. Арнаутской трамвай не мчится, а останавливается, как раз напротив укрепленной на столбе литой металлической дощечки с надписью "Остановка трамвая". И не кто иной как мама терпеливо ждала, пока я по слогам читал все вывески, в том числе и эту табличку. Держать же постоянно шершавую бабушкину руку было для меня не только малоприятно, но и просто стыдно. Все встречные мальчики непременно могли подумать: "Этот Борька из кирпичного дома еще молокосос: он ходит по улице, держась за бабушкину руку"...

Мы с бабушкой пересекли улицу перед самым носом трамвая, и я успел разглядеть через переднее стекло усатого ватмана, который носил черную кожаную куртку и кожаную фуражку с серебристым вензелем "ОТ". Такой же вензель был и на упомянутой табличке на остановке. (Вся эта атрибутика досталась в наследство от дореволюционного бельгийско-русского акционерного общества "Одесский трамвай".) Как только мы с бабушкой перешли дорогу, я немедленно отпустил ее руку и остановился понаблюдать, как трамвай будет с остановки трогаться с места. Когда посадка и высадка пассажиров закончилась, кондуктрисса дернула за кожаный ремень, протянутый под потолком вагона к звонку на передней площадке. Услышав этот звонок, разрешавший дальнейшее движение, ватман ногой нажал на шляпку рычажка в полу, и громкий звонок оповестил о начале движения. При этом трамвай сделал как бы выдох — это ватман поворотом маленькой ручки справа выпустил воздух из тормозной системы. Поскольку я в то время мечтал стать ватманом, мои наблюдения имели совершенно профессиональный интерес. Но бабушка ждала, и мне надо было идти с ней рядом дальше, правда, я всячески при этом старался подчеркнуть, что мы идем врозь. Базарчик располагался совсем рядом, на большом пустыре за домом № 4, и тянулся по Б. Арнаутской до Лермонтовки. Он состоял из 4-5 грубо сколоченных столешниц с разными продуктами; бабушка устремилась к тому, где выложили свой товар крикливые женщины, именуемые в народе "куролепчихами". Завидев ба-

бушку, они наперебой стали кричать: "Мадам, подойдите сюда! Эта птица еще утром бегала по двору!". На что бабушка отвечала, что, по ее мнению, это было уж никак не позже позавчерашнего дня... Шумное препириательство, без которого базар — не базар, меня не увлекало, а вид ошипанной с перерезанным горлом курицы был вообще для меня отвратителен. Я повернулся спиной и стал смотреть на массивный серый трехэтажный дом на противоположной стороне улицы — бывшую мебельную фабрику Кайзера. Я слышал в разговорах взрослых, что мебель Кайзера высоко ценилась и в России, и за рубежом. Самого Кайзера давно не было (наверное, уехал домой в Германию), но фабрика продолжала работать, о чем свидетельствовал доносящийся до базарчика вой циркулярной пилы и другие производственные шумы. Если бы я тогда знал, что стою на том самом месте, где потом построят мою школу, в которой и пройдет моя счастливая юность!.. Тем временем бабушка купила все необходимое для моего лечебного питания, и мы отправились домой.

Гуляя с мамой, мы нередко направлялись с ней в противоположную от базарчика сторону — к вокзалу, который был хорошо виден в конце Пушкинской. По его часам сверяли время все жители Одессы: сигналы точного времени тогда еще не передавались по радио, да и радио в городе фактически еще не было. Мы неизменно делали остановку у большого четы-



рехэтажного здания бывшей табачной фабрики Попова (в то время имени украинского старосты Г.И. Петровского), и я с восхищением наблюдал сквозь широкие окна за работой автоматов, из которых непрерывной лентой выходили туго набитые табаком известные далеко за пределами нашего города папиросы "Сальве". Картонная коробочка желтого цвета с наклейкой, на которой была изображена папироса в разрезе так, чтобы был виден фильтр, установленный внутри, являлась одной из визитных карточек Одессы, равно как и изображение Воронцовского маяка, Потемкинской лестницы или Оперного театра. В послевоенные годы на месте табачной фабрики расположился Центральный универмаг.

Вокзал был большой и красивый. Подобно огромной букве "П", он охватывал все железнодорожные пути. В его левом и правом крыле размещались большие залы для пассажиров, причем, еще сохранились следы деления пассажиров на классы: первому и второму классу были предоставлены залы правого крыла, что явствовало из таблички, сохранившей упраздненные после революции буквы "и с точкой" и "ять". Здесь стояла удобная и красивая мебель, имелся вход в ресторан и отдельный выход на перрон. Залы по левую сторону были попроще и предназначались для пассажиров третьего класса. Как известно, одним из первых актов новой власти было упразднение деления пассажиров на классы, поэтому в то время, когда мы с мамой прогуливались по вокзалу, во всех залах было одинаково шумно и не очень чисто. Широкие платформы вокзала были крытыми, крыша напоминала вплотную подогнанные друг к другу створки огромных раковин. Ни дождь, ни снег, ни палящие лучи солнца не были страшны пассажирам и железнодорожникам. Выход на перрон был платным, это, видимо, было тоже заимствованно из дореволюционных времен, от которых остались и автоматы по продаже перронных билетов — на них красовались литые таблички: "Императорские железные дороги". У двери на перрон стоял контролер в железнодорожной форме, он придирчиво проверял билеты и настойчиво предупреждал, что хранить их надо вплоть до окончательного выхода с вокзала. Действительно, на выходе они проверялись не только у встречающих, но и у прибывших поездом пассажиров.

Меня, прежде всего, привлекала первая платформа, на нее выходили окна и двери дежурного по станции, рядом с которыми висел большой колокол. Через окна была видна на стене большая схема станционных путей, под ней находились длинные рычаги, которые посредством стальных тросиков и блоков соединялись с семафорами, установленными на входных путях. В то время, когда дежурный тянул рычаг на себя, тросики при-

ходили в движение, и если посмотреть в этот момент с платформы на железнодорожное полотно, то было заметно, как рука семафора поднималась вверх, что означало "путь свободен". На столе находился поблескивавший золотистого цвета деталями аппарат Морзе. Внезапно он оживал, и из него начинала ползти белая лента с точками и тире. Дежурный внимательно читал, что такой-то состав вступил на последний перегон и, следовательно, через несколько минут прибудет на станцию "Одесса-Главная". Он надевал свою фуражку с ярко-красной тульей, выходил на перрон и звонил в колокол. Заслышав этот сигнал, носильщики устремлялись к соответствующей платформе, а за ними и все встречающие сосредотачивались там же.

В прибытии поезда была своя особая прелесть, недаром изобретатели кино братья Люмьер посвятили ему один из своих первых фильмов. Паровоз ярче всего олицетворял время конца XIX — начала XX веков — время угля, стали и пара. Хорошо известно, что он мало экономичен и экологически неблагоприятен, но для тех, кто видел, как паровоз в клубах пара, поблескивая всеми своими шатунами, огромными колесами и прочими деталями, с громким гудком торжественно въезжает на станцию, становилось понятно, что именно он был и остался символом ушедшего славного прошлого.

Пассажирский состав в то время тянул паровоз марки "СУ" (Сормовский — усиленный), тем не менее, по современным меркам, поездка продол-



жалась очень долго (48 часов до Москвы, но со временем продолжительность поездок сокращалась, и в 40 г. поезд добирался до Москвы за 24 часа).

Пассажирские вагоны "николаевской" постройки были жесткими в самом прямом значении этого слова, поэтому неудивительно, что в те времена пассажиры запасались в дорогу не только провизией, но и постельными принадлежностями: подушкой, легким матрасиком или периной и одеялом. Все это скатывалось в тугой сверток, который перетягивался двумя брезентовыми ремешками с деревянной ручкой между ними. В дорогу нередко брали и металлический чайник, который можно было наполнить кипятком на любой станции из крана специальной "кубовой".

Но вот пассажиры покинули вагоны, перрон опустел, вышли и мы с мамой через залы третьего класса на Куликово поле. Когда здание вокзала восстановили после разрушений, причиненных войной, на месте этого левого крыла были проложены дополнительные пути и сооружены платформы. Пропускная способность, конечно, увеличилась, но архитектурная гармония сооружения была утеряна.

Слева от вокзала, в самом начале Земской улицы, размещался кинотеатр с соответствующим времени официальным названием "Пролетарий", в народе же по-старому — "Бомонд". Это дореволюционное название надолго закрепилось за ним, хотя на деле никаких признаков высшего света в нем не наблюдалось, а, напротив, всегда было неуютно и грязно. Этот кинотеатр пользовался популярностью у двух категорий зрителей: у пассажиров железной дороги и у школьников близлежащих школ, здесь они с удовольствием отсиживались во время очередного прогула занятий, и это тоже называлось по старинке, по-гимназически — "править казенку". Дирекция "Бомонда", видимо, знала о своеобразии контингента посетителей и начинала крутить фильмы с 8 утра. Демонстрация немых фильмов сопровождалась игрой на пианино тапера, удачно подбиравшего музыкальное сопровождение к событиям, происходящим на экране. Это требовало и умения, и несомненной склонности к импровизации. Как правило, демонстрировались боевики: например, "Акулы Нью-Йорка", где главный герой Аллан на протяжении 4 серий вызволял из рук бандитов свою невесту Люси; либо "Королева лесов", где аналогичным способом, на сей раз наоборот, уже героиня освобождала из плена мужчин; либо несравненный Дуглас Фербенкс в фильме "Знак Зорро", либо, наконец, комедии с участием Игоря Ильинского...

Мы с мамой миновали большое здание дореволюционной Земской управы, от которой улица и получила свое название, благополучно дошли

по ней до Б. Арнаутской и оказались вблизи нашего кирпичного дома, завершив очередную прогулку по городу.

В следующий раз мы направились в центр города. Мы сели в 23-ий номер трамвая, и мне удалось занять место у окна справа, ведь именно из него будут видны Сабанские казармы, к которым у меня был свой, всем мальчишкам понятный интерес. Вопрос платы за проезд за меня был давно разрешен: у передней двери была отметка, определявшая рост ребенка, за которого платить не надо, но еще год назад, заняв место под отметкой, я не без гордости услышал от кондуктриссы: "Ишь ты, уже почти жених, а норовит проехать без билета". Сабанские казармы интересовали меня отнюдь не потому, что были памятником архитектуры, а по той простой причине, что из многочисленных окон, находившихся между колоннами, обычно выглядывали солдатские головы в буденовках. Действительно, вскоре трамвай снизил скорость, пересекая старые пути первого в Одессе трамвайного маршрута, проложенного к торгово-промышленной выставке в парке еще в 1910 г. К моей радости, в этот день из окон Сабанских казарм выглядывало множество красноармейцев. Наступал самый ответственный момент: я начал приветствовать их, размахивая обеими руками, и, представьте себе, многие отвечали мне тем же, а один даже приложил руку к буденовке, отдавая честь. Я почувствовал себя чуть ли не наркомом Ворошиловым, принимавшим парад на Красной площади, как было изображено на одной фотографии из журнала "Огонек". Однако долго упиваться славой мне не пришлось, вагон свернул на Греческую и приблизился к Строгановскому мосту. Это был самый большой мост в Одессе, переброшенный сразу через две улицы: спуск Левашова и Польский, по которому проходил трамвай № 22 в порт. С моста отлично была видна вся акватория бухты, мое внимание раздваивалось: прежде всего, необходимо было сосчитать корабли, стоящие на рейде, но никак нельзя было пропустить при этом захватывающий момент, когда 22-ой буквально нырял под мост, по которому в этот момент двигался 23-ий, в котором находился я. Кораблей было в тот день не так уж много, но о захватывающем двухэтажном движении трамваев я еще долго потом рассказывал друзьям.

Следующим интересным для наблюдения объектом была Греческая площадь — настоящий центр трамвайного движения тех лет. Здесь начинались и заканчивались маршруты на Большой Фонтан, в Люстдорф и Аркадию, на Куяльницкий лиман, Пересыпь и Лузановку. Поэтому по обеим сторонам круглого дома были два трамвайных павильона, а трамвайные пути распадались здесь на множество веток. Наш трамвай сделал

здесь остановку, и я успел заметить на соседних путях пульман с пульмановской прицепкой № 18, следовавший на Б. Фонтан, и №№ 17 и 25, следовавшие в Аркадию, но разными маршрутами — по старой и новой Аркадийским дорогам.

Далее 23-ий продолжал движение по Греческой, сворачивал на Преображенскую, проезжал мимо большого Собора и огибал Соборку, попадая на Садовую. Мы приближались к цели нашей поездки — к цирку, где нас уже ждал папа. Был воскресный день, и поэтому специально для детей давали дневное представление. Я взял у папы билеты и сам предъявил их контролеру, после чего мы направились в сторону арены. Здесь нас встретил приветливый человек в коричневой форме, отделанной зеленым, — капельдинер по фамилии Березин, которого я уже запомнил по прошлым посещениям цирка. Он обратился ко мне как к старому знакомому: "Здравствуй, мальчик! Как хорошо, что ты пришел сегодня, ведь к нам приехал сам дедушка Дуров со своими дрессированными зверями. Сейчас я тебя усажу на самое лучшее место!". И он повел нас в ложу, куда папа накануне купил нам билеты. Я поинтересовался у мамы, откуда капельдинер Березин знает, что у нас самые лучшие места, на что она несколько загадочно ответила: "У него, наверное, тоже есть сын, которого он любит, поэтому ласково относится ко всем маленьким мальчикам". Действительно, через 45 лет ко мне в кабинет вошел посетитель, представившийся Ефимом Березиным. Это был известный эстрадный артист, выступавший с Юрием Тимошенко в популярном дуэте "Тарапунька и Штепсель", сын того самого заботливого капельдинера. Как любящий и заботливый сын он неотлучно находился в палате своей тяжело больной матери в течение полутора месяцев ее пребывания в нашем урологическом отделении. На мой вопрос, почему он не увезет родителей к себе в Киев, он ответил, что его отец не представляет себе жизнь без одесского цирка. Потом я еще долго получал поздравительные открытки, подписанные традиционным приветствием Тарапуньки и Штепселя: "Здоровеньки были!".

Появление дедушки Дурова было захватывающе интересным. В антракте работники манежа собрали на арене узкоколейный железнодорожный путь, уходящий за кулисы. Рядом установили небольшое здание железнодорожной станции с медным колоколом. После того как включился яркий свет прожекторов, из-за занавеси под звуки бравурного циркового марша на арену выехал поезд, состоявший из паровоза и трех вагонов. Из трубы паровоза вырывались клубы пара, а шатуны и рычаги двигались точно так, как у его собрата — настоящего паровоза на вокзале. Все ваго-

ны были заполнены различными зверюшками, машинистом была смысленная обезьянка в форме железнодорожника, которая подавала, как положено, приветственный гудок, потянув за специальный шнурок. Ученый гусь подбежал к колоколу и ударом возвестил о прибытии поезда. На тендере паровоза сидел седовласый старик в ярко-красном, расшитом золотыми нитями жилете и таких же бриджах до колен, в белых чулках и лаковых туфлях. Он ловко спрыгнул с паровоза, галантно приветствовал зрителей, встретивших его бурными аплодисментами. Затем он дал команду, услышав которую, его воспитанники выбежали или выпрыгнули из вагонов и заполнили всю арену. Кого тут только не было! Петухи и куры, маленькие собачки, ежики и даже голуби. Все, что они дальше делали на манеже, было чудом дрессировки и выполнялось без всякого принуждения и палки. Перегруженный впечатлениями от посещения цирка, я в сопровождении родителей вышел на Садовую, дальше мы отправились с мамой в сторону Соборной площади. Следующим объектом моего наблюдения был Главпочтамт. Пока мама писала кому-то письмо, я внимательно следил за процедурой отправки телеграммы. Сотрудница опускала телеграмму в специальный металлический прямоугольный ящик, он двигался на колесиках по рельсам, которые тянулись под потолком и уходили от ее стола через отверстие в стене в аппаратный зал. Когда она нажимала кнопку, начинал жужжать моторчик, и этот самоходный почтово-телеграфный ящик довольно быстро доставлял только что поданную телеграмму к аппарату для немедленной передачи ее по назначению. Еще один квартал по Садовой — и открывалась панорама Соборной площади. Храм еще был цел, и над площадью слышался перезвон колоколов. По аллеям Соборной площади лихо катили маленькие лакированные экипажи, запряженные козликками, на которых катались детишки, но эту забаву я уже перерос. Вдоль площади напротив аптеки Гаевского была "Биржа извозчиков", доживавшая в те годы свои последние дни. Когда извозчика спрашивали, почему он требует такую большую плату за проезд, он обычно отвечал, что овес, столь необходимый лошадям, заметно подорожал. Бессмертная фраза из романа моих земляков И. Ильфа и Е. Петрова — "Овес нынче дорог!", — очевидно, была почерпнута ими из лексикона все тех же одесских извозчиков. Да и как им было тягаться с трамваем, за проезд на котором требовалось уплатить копейки! К тому же именно в эти годы в Одессе появились первые городские автобусы, закупленные в Германии. Они, помню, были снежно-белого цвета, на фоне которого ярко выделялись облицовка радиатора и дверные ручки из полированной латуни. Но зато в

зимнюю пору извозчики брали реванш. Они перепрягали Саврасок, Орликов и Машек из дрожек в городские прогулочные санки, и тут уж родителям было не устоять перед настойчивыми требованиями любимого чада: "Хочу покататься на санках!". Усадив пассажиров, извозчик заботливо укутывал им ноги меховым покрывалом, скорее всего, из козлиной шкуры, которое он называл не иначе как "медвежья полость", затем он взбирался на козлы, щелкал кнутом и говорил: "Но, милая!". Лошадка довольно резво бежала по заснеженной Дерибасовской, сворачивала на Ришельевскую или Пушкинскую и далее следовала до вокзала. Весь этот путь был не только исчерчен следами узких полозьев санок, но и усыпан множеством лошадиных яблок — это лакомство очень нравилось нахальным одесским воронам. Они до сих пор продолжают гнездиться на деревьях вдоль всей Ришельевской и Пушкинской, хотя дрожки, санки и извозчики давно исчезли из панорамы нашего города.

На некотором удалении от Собора, как раз напротив Греческой стоял старинный небольшой фонтан, из которого вялой струйкой вытекала вода. Когда же собор был разрушен, то на его месте был сооружен другой фонтан, мощные струи которого празднично освещались разноцветными прожекторами. Место между фонтанами, старым и новым, было облюбовано одесскими футбольными болельщиками. Среди болельщиков были свои знаменитости (оказывается, можно достичь огромной популярности, даже не прикасаясь к мячу), чему примером была колоритная фигура азартного болельщика Гроссмана, на которого ссылались, цитировали и даже старались подражать.

Напротив храма, как и теперь, сохранился памятник Воронцову, правда, после революции на его постаменте высекли уничижительные слова эпитаграммы Пушкина: "Полумилорд — полукупец..." и т. д. Дальше виднелась главная аптека города — аптека Гаевского, которая особенно эффектно была в ночное время: в больших окнах за зеркальными витринами были установлены метровой высоты стеклянные вазы, доверху наполненные цветными растворами — красным, синим, желтым, а рядом из блестящих золотистых чаш что-то пытались выпить изящно изогнутые змеи.

На Преображенской и Дерибасовской, там же, где и ныне, находилась большая гостиница "Пассаж" с большим количеством разных магазинов на первом этаже, самый большой из них — угловой — спустя 10 лет был назван "Гастрономом № 1". В то время, когда мы гуляли с мамой, в магазине уже было пусто: вслед за изобильными годами нэпа надвигалась голодная пора, о которой я расскажу позже. У входа в этот магазин издав-

на стояла тумба для наклейки афиш, позже рядом с ней был вкопан высокий столб, на котором укрепили первые в Одессе электрические часы. С тех пор одесситы и одесситки, уславливаясь о свидании, говорили просто: "Встретимся под часами", и всем было понятно, какие часы имелись в виду. Рядом с часами долгое время стоял один из асфальтировочных котлов, знаменательных тем, что вокруг них группировались беспризорники. Деньги на пропитание они добывали самым неблагоприятным образом, и однажды, когда мы с мамой и папой ждали сеанса в кинотеатре Уточкина, босой и чумазый мальчишка, одетый в рваный клифт, вырвал из маминых рук продолговатый ридикюль, начиненный всякой необходимой для прогулок мелочью. Он кинулся к друзьям, поджидавшим его возле котла, но мой папа довольно быстро погнался за ним, и воришка вынужден был бросить свой трофей на свежеекатанный асфальт.

Наша прогулка с мамой продолжилась по Дерибасовской, и вскоре мы дошли до места, где между Красным переулком и Екатерининской размещался магазин "Лаборреактив" (в годы войны это здание было разрушено, а после войны там обустроили летний кинотеатр). Упоминаю об этом магазине, т. к. именно в нем я впервые соприкоснулся с одним из предметов, с которыми в дальнейшем постоянно имел дело, полвека занимаясь урологией. Пока мама выбирала очередной термометр, "без которого ни одна культурная семья, — по ее мнению, — не может существовать", я осмотрелся и увидел большую, сплетенную из тонких деревянных полосок



корзинку, в которой лежали резиновые гладенькие красные трубочки. Мне очень захотелось пополнить одной из них свою коллекцию интересных вещичек...

Когда мы вышли из магазина и отошли от него шагов на десять-пятнадцать, мама заметила, что я размахиваю каким-то предметом (это и была одна из упомянутых трубочек). Она остановилась и строго спросила: "Откуда э т о у тебя?". Я чистосердечно признался, где и для чего э т о взял. Решив ее успокоить, я добавил, что там э т о г о осталось еще очень много. Моя мама, которая в вопросах воспитания, как я позже понял, напоминала армейских политработников, которые тоже считали, что воспитательная работа должна проводиться в любых условиях и в любое время — и до, и после, и даже во время боя, — тут же посреди Дерибасовской начала меня воспитывать, используя предоставленный в ее распоряжение прецедент.

— Ты знаешь, как называется то, что ты сделал?

— Н-е-е-т!

— Это называется в о р о в с т в о м. Ты представляешь, к каким последствиям это может привести?

— Н-е-е-т!

— В результате какой-нибудь больной может не получить необходимую помощь и даже умереть.

— Что же делать?

— Думаю, что надо срочно вернуть этот украденный тобой предмет.

— Так давай же, мама быстро его вернем!

— Нет, дорогой, ты воровал, ты и возвращай!

Сказав это, мама демонстративно начала рассматривать одну из витрин, которых на Дерибасовской полным-полно. Я же поплелся к магазину, сочиняя в уме фразу, с которой обращусь к продавцу. Между тем обстановка в магазине изменилась. С продавцом беседовал какой-то очень высокий шумливый человек, который слегка картавил и оживленно жестикировал. Судя по тому, как продавец уважительно обращался к нему, чувствовалось, что Мирон Наумович (именно так он его называл в разговоре) был его начальником — т. е. директором магазина. Увидев меня, Мирон Наумович удивился и сказал:

— Что тебе, мальчик? Мы детям медицинское оборудование не продаем.

— Я только что покупал с мамой термометр и н е ч а я н н о унес с собой вот эту трубочку.

— Это не трубочка, а катетер Нелатона, который... впрочем, тебе рано

еще знать, для чего он используется. Ну, и что же ты хочешь?

— Я хочу его вернуть и извиниться.

Мирон Наумович задумался всего лишь на мгновение, сразу понял, что мое необычное появление есть особый воспитательный прием, придуманный моей мамой (взрослые проявляют высокую солидарность в этих вопросах), и тут же подхватил эстафету:

— Раз ты взял катетер Нелатона н е ч а я н н о, я не стану звонить и сообщать об этом в милицию, но тебе придется дать обещание, что подобное никогда в твоей жизни не повторится!

— Я уже дал такое обещание маме.

— В таком случае, положи катетер в корзину и ступай!

— Извините, Мирон Наумович, до свидания!

Говорят, что мир тесен и, наверное, это действительно так. Через 5-6 лет после случившегося, когда я был в гостях у своего школьного приятеля Гриши Гольденберга, он познакомил меня со своим отцом, оказавшимся упомянутым Мироном Наумовичем. Я напомнил ему об этой истории, но он, к сожалению, ничего не помнил и только сказал, что на месте моей мамы не стал бы церемониться, а тут же на Дерибасовской просто всыпал бы мне по одному месту как следует.

Одним из самых примечательных мест нашего города всегда был Приморский бульвар и площадь, обрамленная полукруглыми домами, где стоит памятник дюку де Ришелье. От подножия памятника начинается знаменитая Потемкинская лестница. Стоя с мамой на ее верхней площадке, я любовался картиной бухты и порта и, конечно, Воронцовским маяком. При этом я думал, что, возможно, именно в этот момент какой-нибудь иностранец в бинокль рассматривает "морские ворота Одессы", восторгаясь красивейшим архитектурным ансамблем площади. В зрелом возрасте, возвращаясь из туристических поездок, и я неизменно испытывал эти чувства. Нигде в мире видеть подобное мне не приходилось. "Морские ворота Одессы" выглядели ничуть не хуже, чем знаменитая Стрелка Васильевского острова в Петербурге с ростральными колоннами и зданием биржи. Приходится сожалеть, что современные одесские градостроители, очевидно, этих чувств не испытывают. Иначе никак нельзя объяснить тот факт, что очень красивое и нужное современное здание высотной гостиницы они расположили так, что оно почти полностью закрывает с моря "морские ворота Одессы". Им бы перенять опыт архитекторов Афин, Рима, Египта и др., которые оберегают каждый, даже небольшой памятник старины, будь то полуразрушенная колонна или языческий храм.

Справа от бульварной лестницы поднимались и опускались небольшие вагончики "Электрической подъемной железной дороги" — фуникулера. Именно такая вывеска была на верхней станции. Она была выкрашена в зеленый цвет и напоминала чем-то сказочную избушку, затерявшуюся в гуще ветвистых деревьев. Мы заняли места в вагончике, причем я постарался сесть в то купе, из которого был виден весь путь и вагончик, стоявший на нижней станции. Мама рассказывала, что необходимость в фуникулере возникла после того, как в начале XX ст. неподалеку от подножия бульварной лестницы было открыто "Заведение теплых морских ванн" (позднее аналогичные были выстроены в Аркадии и на 10 ст. Большого Фонтана), услугами которого пользовались не только одесситы, но и многочисленные курортники, в основном люди пожилые и больные. Вот для того и был выстроен фуникулер, чтобы облегчить им подъем в центр города после лечебных бальнеологических процедур.

После звонка, подаваемого кондуктором нижнего вагончика, означавшего, что там закончилась посадка и закрыты раздвижные двери всех четырех купе, начиналось плавное и совершенно бесшумное движение вагончиков навстречу друг другу по однопутному пути. В тот момент, когда мне казалось, что их столкновение неизбежно, они расходились на специальном разъезде: один — вправо, другой — влево, и дальше продолжали путь по однопутке до станции назначения... Как раз над тем местом, где пути раздваивались, был переброшен пешеходный мостик, стоя на котором, я не раз сверху наблюдал захватывающе интересную для меня картину движения вагончиков фуникулера.

Работой фуникулера управлял машинист, находившийся в стеклянной будке на верхней станции. Впереди нее был установлен специальный большой барабан, на который наматывался и одновременно сматывался толстый стальной трос, обильно покрытый жировой смазкой. Один конец троса был прикреплен к правому вагончику, а другой — к левому. В зависимости от того, какой цикл подъема совершался (подъем правого или левого вагончика), барабан изменял направление своего вращения. Все это казалось простым даже для меня, семилетнего мальчика. Тревожил меня лишь один вопрос: что будет, если трос вдруг порвется? Именно об этом, набравшись храбрости, я однажды спросил у машиниста фуникулера. Узнав, что перед ним стоит "будущий ватман", он дал исчерпывающий ответ. Оказывается, трос крепится не просто к вагончику, а к специальным клещам, они скользят по рельсам, увлекая вагончик в нужную сторону на разъезде, однако, если трос разорвется (а этого еще никогда не было), клещи сомкнутся и с огромной силой зажмут рельс, и это остановит вагончик. Кроме того, кондуктор ручным тормозом дополнительно обеспечит надежность аварийной остановки. Я был полностью удовлетворен ответом, и мы дружелюбно распрощались.

Доехав до нижней станции, мы с мамой вышли и посмотрели вверх: лестница казалась еще более протяженной, чем при обозрении сверху. Мама, как всегда, оказалась на высоте и тут же объяснила мне этот архитектурский прием: оказывается, ступени в направлении вверх сделаны короче, и это зрительно увеличивает высоту лестницы. Памятник Дюку был отлично виден, он, отведя бронзовую руку в сторону, как бы провозглашал: "Добро пожаловать в Одессу!". И следуя этому приглашению, мы с мамой стали подниматься по лестнице. Примерно посередине нашего пути располагался на каменной террасе детский "Луна-парк", вырубленный в склоне. Там были различные аттракционы, специальное кафе для детей и, что самое интересное, вольтер, в котором резвились веселые маленькие медвежата... Пройдя затем по уже описанному ранее мостику, мы оказались во второй половине "Луна-парка", разделенного лестницей и фуникулером на две части, и направились к зданию бывшей Думы, пушке с корабля "Тигр" и памятнику Пушкину.

По дороге домой мы миновали еще два очень известных в городе сооружения: Археологический музей и Оперный театр, в каждом из которых мне очень хотелось побывать, но мама неизменно говорила, что я еще должен немножко подрасти и повзрослеть. И вот уже незадолго до того, как я начал посещать школу, она сочла возможным сводить меня в эти загадочные учреждения.

В Археологическом музее я впервые ощутил себя ничтожно малой частичкой истории. Подумать только, люди жили на этом берегу Черного моря еще тогда, когда не только не было паровозов и пароходов, но даже самого нашего города! Интересно, существовали ли и тогда любопытные мальчики, которые, подобно мне, хотели бы все знать... И узнаю ли я об этом на уроках истории... Поскорей бы начались занятия в школе, думалось мне...

Посещение оперы вызвало во мне совсем иные эмоции. Уже буквально с порога я ощутил, что попал в совершенно непривычную обстановку. Публика не суетилась, как-то особенно степенно показывала контролеру билеты и торжественно направлялась к многочисленным гардеробам. Чувствовалось, что у них у всех приподнятое настроение, какое бывает в предвидении какого-то необычайного зрелища. Ничего похожего на то, что я видел в кинотеатрах: ни толчеи, ни громких выкриков, ни бесцеремонности сомкнуться и с огромной силой зажмут рельс, и это остановит вагончик. Кроме того, кондуктор ручным тормозом дополнительно обеспечит надежность аварийной остановки. Я был полностью удовлетворен ответом, и мы дружелюбно распрощались.

Доехав до нижней станции, мы с мамой вышли и посмотрели вверх: лестница казалась еще более протяженной, чем при обозрении сверху. Мама, как всегда, оказалась на высоте и тут же объяснила мне этот архитектурский прием: оказывается, ступени в направлении вверх сделаны короче, и это зрительно увеличивает высоту лестницы. Памятник Дюку был отлично виден, он, отведя бронзовую руку в сторону, как бы провозглашал: "Добро пожаловать в Одессу!". И следуя этому приглашению, мы с мамой стали подниматься по лестнице. Примерно посередине нашего пути располагался на каменной террасе детский "Луна-парк", вырубленный в склоне. Там были различные аттракционы, специальное кафе для детей и, что самое интересное, вольтер, в котором резвились веселые маленькие медвежата... Пройдя затем по уже описанному ранее мостику, мы оказались во второй половине "Луна-парка", разделенного лестницей и фуникулером на две части, и направились к зданию бывшей Думы, пушке с корабля "Тигр" и памятнику Пушкину.

монного протискивания вне очереди. Обращаясь друг к другу, все были изысканно вежливы.

Эти настроения приумножились, когда мы сделали первые шаги по ослепительно красивой парадной лестнице, обрамленной цветными мраморными перилам, на которых возвышались светильники в виде красивых бронзовых фигур. Но и эта красота померкла, когда через небольшую дверь мы вошли в ложу, и я увидел внезапно залитый светом и сверкающий золотом весь зал. Влево и вправо уходили полукругом ряды лож, и на каждом этаже они были оформлены по-разному. Над каждой висел матовый светильник. С потолка, расписанного картинами, свисала огромная люстра с сотнями лампочек. Красный бархатный занавес, расшитый золотыми нитями, отделял зал от сцены, а под рампой, в оркестровой яме, сидели музыканты. Они настраивали инструменты и извлекали при этом нестройные звуки, что было по-своему красиво и многообещающе.

Наконец все зрители заняли свои места, и свет в зале начал постепенно тускнеть, а занавес еще ярче осветился прожекторами. В это время публика начала активно откашливаться, будто ей самой предстояло петь, а не слушать, как поют артисты. Внезапно в центре оркестровой ямы появился человек во фраке с тоненькой палочкой в правой руке, который стал в центре оркестровой ямы спиной к залу, — это был известный дирижер по фамилии Прибик. Публика встретила его аплодисментами, и тогда он повернулся к ней лицом и всем поклонился, затем, обратившись вновь к оркестру, он взмахнул палочкой, и в зал полилась исключительно красивая мелодия, которая никого не могла оставить равнодушным, в том числе и меня. То была увертюра к опере "Кармен". После ее исполнения дирижер вновь повернулся к залу и поклонился в ответ на аплодисменты публики, благодарившей его и оркестр за прекрасную игру.

(И снова, как говорилось уже не раз, мир оказался тесен, и много лет спустя моим пациентом оказался любимый ученик Прибика — Николай Дмитриевич Покровский, сменивший своего учителя на посту главного дирижера Одесского оперного театра. Николай Дмитриевич оказался очень приятным, общительным и веселым собеседником, и много мне тогда среди всего прочего рассказывал и о театре, и о Прибике. В больнице его навещали жена и сын — Игорь, который оказался соучеником моей дочери по школе Столярского и которого я теперь часто вижу и слышу в телевизионных передачах канала "Новая Одесса".)

Медленно раздвинулись половинки бархатного занавеса (первый, расшитый золотом, подняли наверх раньше), и я оказался в испанском го-

роде Севилье и в течение нескольких часов сопереживал всем героям этой удивительной, тогда впервые мною услышанной и увиденной оперы. Поступки и переживания героев были для меня понятны, хотя я не всегда понимал смысл доносившихся слов: этому помогала музыка и, конечно, мамыны пояснения. Когда бедняжку Кармен убил отчаявшийся Хозе, я заплакал и не скрывал своих слез, а когда в зале вслед за этим зажегся свет, я был отчасти реабилитирован — у многих женщин в зале глаза покраснели от слез, подобно моим.

Возможно, некоторые читатели будут упрекать мою маму за то, что она преждевременно приобщила меня к человеческим трагедиям. Если так, то совершенно напрасно, ведь и народные детские сказки часто описывают трагедийные ситуации, и в народе издавна верили, что именно ребенок в самом раннем возрасте способен отличить добро от зла.

Посещение оперного театра позволило мне понять, какую особую роль играет музыка в жизни человека, как помогает она восприятию внешнего мира и происходящих в нем подчас непонятных явлений.

Между тем до начала занятий в школе оставалось совсем немного времени, пора было заняться экипировкой будущего первоклассника. Всей семьей мы отправились в магазин "Два слона" (в его торговом зале в то время стояли сделанные из папье-маше два слона полутораметровой высоты, их давно уже нет, но название магазина сохранилось до наших дней), в котором помимо игрушек продавались предметы, необходимые школьнику. Выбор ранца был предоставлен папе, он остановился на добротном вкусно пахнувшем кожей изделии, не забыв проверить на нем регулировку ремней — "мальчик быстро растет!". Затем была куплена чернильница-невыливайка, флакон фиолетовых чернил, пенал для карандашей, ручек, перьев и резинок — "карандашной" и "чернильной" — и, наконец, стопочка тетрадок. В соседнем магазине были приобретены некоторые предметы одежды, в первую очередь, ботинки московской фабрики "Скороход" и к ним калоши фабрики "Красный треугольник", так как, по словам бабушки, "...ботинки под этим мальчиком буквально горят!". Хотя школьная форма еще не была введена, мама настояла на том, чтобы я примерил верхнюю рубашку из плотной ткани с нагрудными карманами и к ней замечательный кожаный пояс, "...может быть, хоть это его как-то дисциплинирует!".

Увы, запаса добротных тетрадок хватило ненадолго. Уже в следующем, 1930 году, начался период так называемых "временных трудностей". Постепенно выбор товаров, как продовольственных, так и промышлен-

ных, в магазинах становился все более и более скудным. Тетради стали делать из зеленоватого цвета низкосортной бумаги, поверхность которой была волокнистой и шершавой; перо № 86, специально предназначенное для того, чтобы писать с правильным нажимом, т. е. меняя толщину линий в зависимости от начертания букв и цифр, постоянно цеплялось за невидимые препятствия, разбрызгивая чернила и оставляя множество клякс. Жизнь становилась все более и более трудной, но я этого тогда по малолетству еще не осознавал.

Утром 1 сентября 1929 года мама, как всегда, проверила, достаточно ли я добросовестно помыл шею и уши, надела на меня новую рубашку, помогла туго затянуть ремень и укрепить на спине ранец, и мы отправились первый раз в школу. Обычного ныне церемониала с цветами, подарками педагогам и первым звонком тогда не было, и быть не могло. Мама перевела меня через трамвайные пути на Канатной, затем остановилась и сказала: "Дальше пойдешь один. Думаю, что то, что я вложила в тебя, принесет достойные плоды! Учись хорошо! Днем, когда будешь возвращаться из школы, я на этом месте тебя встречу". Она на прощание поцеловала меня, и я пошел... Правда, поворачивая голову, я еще долго видел ее на том месте, где мы расстались. Закончилось мое детство, и наступила непростая пора отрочества...

Окончание следует



Helen

Я увидела ее впервые почти полвека назад. Я возвращалась из школы и на углу Большой Арнаутской и Канатной заметила идущую навстречу женщину, каких в нашем убогом послевоенном детстве видеть мне не приходилось. В ней было что-то не отсюда, не из этих краев. Думаю, она не заметила моего восторженного взгляда, ее синие с фиалковым оттенком глаза были обращены внутрь и не замечали ни грязного тротуара, ни вывороченного нутра черного хода продовольственного магазина, выброшенных ящиков из деревянных реек, при виде которых на руках немедленно возникали ссадины, ни замасленных черных бочек. Она прошла мимо меня, я завороченно оглянулась вослед, рассматривая уже со спины ее пальто, ее шляпу. (Когда через много лет я буду рассказывать ей об этом первом "свидании", описывать ее пальто и шляпу, их фасон и цвет, она, улыбнувшись своей неповторимой улыбкой, подивится моей памяти, а я буду ссылаться не на память, а на первое же произведенное ею впечатление, поразившее мою детскую душу.)

Пройдет еще какое-то время, и я узнаю, что эта женщина — мама девочки, появившейся недавно в нашей школе, в параллельном классе, также поразившей меня при первой же встрече своей "нездешностью". Еще издали я увидела летящую походку девочки, одетой в светлое пальто с золотистым цигейковым воротником, так чудесно оттенявшим персиковую кожу ее лица, зеленые, как крупные виноградины, глаза и чуть рыжеватые волосы. Волосы сразу вызвали чувство восхищения и зависти. Мы все ходили с косичками, туго затянутыми в "мышинные хвостики", а если кто и носил стрижки, то это были чаще всего какие-то сиротские, вызывавшие скорее жалость оголенными затылками, беззащитные головки. У незнакомой девочки была стрижка принца из легендарной "Золушки" с Яниной Жеймо — челка, и на плечи спускавшаяся волна волос!

И при первой встрече, и при второй я еще не знаю, что судьба подарит мне долгую, на всю жизнь, дружбу и с этой девочкой, Линой Шац (уже много лет как она своим поэтическим, художественным талантом известна интеллектуальной Европе как Evelina Schatz, и, увы, осталась так мало нас, тех, кто по праву любви и дружбы с детских и юношеских лет называет ее домашним именем — Лина), и с ее мамой — Еленой Осиповной Мюллер, Helen, как называли ее в семье, да и со всей этой удивительной семьей, при воспоминании о которой я повторяю лермонтовскую строчку:

ных, в магазинах становился все более и более скудным. Тетради стали делать из зеленоватого цвета низкосортной бумаги, поверхность которой была волокнистой и шершавой; перо № 86, специально предназначенное для того, чтобы писать с правильным нажимом, т. е. меняя толщину линий в зависимости от начертания букв и цифр, постоянно цеплялось за невидимые препятствия, разбрызгивая чернила и оставляя множество клякс. Жизнь становилась все более и более трудной, но я этого тогда по малолетству еще не осознавал.

Утром 1 сентября 1929 года мама, как всегда, проверила, достаточно ли я добросовестно помыл шею и уши, надела на меня новую рубашку, помогла туго затянуть ремень и укрепить на спине ранец, и мы отправились первый раз в школу. Обычного ныне церемониала с цветами, подарками педагогам и первым звонком тогда не было, и быть не могло. Мама перевела меня через трамвайные пути на Канатной, затем остановилась и сказала: "Дальше пойдешь один. Думаю, что то, что я вложила в тебя, принесет достойные плоды! Учись хорошо! Днем, когда будешь возвращаться из школы, я на этом месте тебя встречу". Она на прощание поцеловала меня, и я пошел... Правда, поворачивая голову, я еще долго видел ее на том месте, где мы расстались. Закончилось мое детство, и наступила непростая пора отрочества...

Окончание следует



Helen

Я увидела ее впервые почти полвека назад. Я возвращалась из школы и на углу Большой Арнаутской и Канатной заметила идущую навстречу женщину, каких в нашем убогом послевоенном детстве видеть мне не приходилось. В ней было что-то не отсюда, не из этих краев. Думаю, она не заметила моего восторженного взгляда, ее синие с фиалковым оттенком глаза были обращены внутрь и не замечали ни грязного тротуара, ни вывороченного нутра черного хода продовольственного магазина, выброшенных ящиков из деревянных реек, при виде которых на руках немедленно возникали ссадины, ни замасленных черных бочек. Она прошла мимо меня, я завороченно оглянулась вослед, рассматривая уже со спины ее пальто, ее шляпу. (Когда через много лет я буду рассказывать ей об этом первом "свидании", описывать ее пальто и шляпу, их фасон и цвет, она, улыбнувшись своей неповторимой улыбкой, подивится моей памяти, а я буду ссылаться не на память, а на первое же произведенное ею впечатление, поразившее мою детскую душу.)

Пройдет еще какое-то время, и я узнаю, что эта женщина — мама девочки, появившейся недавно в нашей школе, в параллельном классе, также поразившей меня при первой же встрече своей "нездешностью". Еще издали я увидела летящую походку девочки, одетой в светлое пальто с золотистым цигейковым воротником, так чудесно оттенявшим персиковую кожу ее лица, зеленые, как крупные виноградины, глаза и чуть рыжеватые волосы. Волосы сразу вызвали чувство восхищения и зависти. Мы все ходили с косичками, туго затянутыми в "мышинные хвостики", а если кто и носил стрижки, то это были чаще всего какие-то сиротские, вызывавшие скорее жалость оголенными затылками, беззащитные головки. У незнакомой девочки была стрижка принца из легендарной "Золушки" с Яниной Жеймо — челка, и на плечи спускавшаяся волна волос!

И при первой встрече, и при второй я еще не знаю, что судьба подарит мне долгую, на всю жизнь, дружбу и с этой девочкой, Линой Шац (уже много лет как она своим поэтическим, художественным талантом известна интеллектуальной Европе как Evelina Schatz, и, увы, осталась так мало нас, тех, кто по праву любви и дружбы с детских и юношеских лет называет ее домашним именем — Лина), и с ее мамой — Еленой Осиповной Мюллер, Helen, как называли ее в семье, да и со всей этой удивительной семьей, при воспоминании о которой я повторяю лермонтовскую строчку:

"Тучки небесные, вечные странники...", так невероятна география и судьба этой замечательной семьи. Не мои скромные повествовательные способности, а талант великого романиста могли бы создать эпическое полотно об этом семействе, где отразились бы "век нынешний и век минувший", испытания, страдания, радости, самопожертвование, благородство и достоинство.

Подданные Австро-Венгерской империи, родители Елены Осиповны — Анна и Джозеф Мюллер — переехали в Америку, где стали состоятельными людьми. В 1916 и в 1917 году соответственно родились девочки — Елена и Жозефина. Но к этому времени крепко стоявший на ногах отец семейства увлекся социалистическими идеями. Он продал всю недвижимость, закупил сельхозтехнику, для чего ему пришлось нанять целый пароход, в трюмах которого, почему-то в бочках (так рассказывала мне Елена Осиповна), везли еще и сотни метров тканей, из которых Анна Матвеевна сшила потом одежды для воспитанников детского дома. Так в 1924 году семья оказалась в Советском Союзе. Их вначале направили в какую-то коммуну под Херсоном, а потом, то ли в 1927, то ли в 1928 году они оказались в Одессе. Девочки поступили в немецкую школу, знаменитую Паульшуле при кирхе. В это время там учился и Святослав Рихтер. И Хелен рассказывала, как ей было его жалко, ведь он был увальнем в детстве, и более прыткие ученики над ним посмеивались. Мюллерам дали непригодное для жилья помещение во дворе на Белинского, 6, (уже нет этого двора, вытесненного новостройками, он навсегда остался только в нашей памяти). Эти две комнатки и кухню (удобства — во дворе) волшебные руки Анны Матвеевны и ее безупречный вкус превратили в благородное и элегантное жилище, ставшее теплым и гостеприимным домом для многих и многих друзей. В тридцатые годы здесь бывали политэмигранты из Германии, и, как рассказывала Елена Осиповна, все обеды в доме, все вечеринки начинались и заканчивались словами "Рот фронт!". Они еще не знали, какие трагедии ждут их в ближайшие годы, и оставались романтиками социализма.

Время шло, девочки выросли. Хелен поступила на керамическое отделение Художественного училища, где ее учителем был Михаил Жук. Очевидно, что замечательный художник, чувствовавший себя чужим в советизированной среде училища, выделил из всех юную студентку не только за ее способности, но и за то, что теперь назвали бы отсутствием "совковости". Во всяком случае, Елена Осиповна с благодарностью вспоминала своего первого учителя и украинское звучание ее имени в его устах — Оленка.

Жозефина (Жози, как звали ее в семье, и как с любовью до сих пор зовем ее мы) училась в немецком педине (был такой до войны в Одессе!). И Хелен, и Жозефина нашли своих избранников среди сокурсников. Хелен вышла замуж за Мануэля Шаца, Жози — за Эдуарда Штефана, который был родом из Петерсталь (нынешнее Петродолинское). Так начала расширяться география этой семьи — от канувшей в Лету Австро-Венгерской империи до Филадельфии, оттуда — в Одессу и Петерсталь. Пока так. У сестер рождаются дети: у Хелен Эвелина, у Жозефины — Эдгар. Все настаивают на том, что Хелен должна учиться дальше. Оставив маленькую Лину на попечение бабушки, она поступает в ленинградскую Академию художеств. Анне Мюллер можно было доверить не только маленькую внучку, ей можно было, на мой взгляд, доверить человечество. Толку было бы больше, чем от всех политиков, вместе взятых!

"А дни все грозней и суровей...", как сказано у Пастернака.

Эдуард Иванович Штефан побывал "на той войне незначительной", на финской. Вернувшись с нее, имел неосторожность где-то кому-то выказать свою озабоченность боеспособностью оружия Красной Армии, за что и поплатился арестом. Это был первый удар по семье, если не считать, конечно, того, глобального, связанного с приездом в Советский Союз!

Так с этим первым арестом зловещая география ГУЛАГа распространяется на эту семью.

Наступает 22 июня. И уже вскорости энкаведешники приходят за Джозефом Мюллером. Жозефина в буквальном смысле бросается на них, чтобы вырвать отца из их лап. Вместе с отцом забирают и ее... Ждущую второго ребенка (родившегося в пересыльной тюрьме и там погибшего). Жози рассказывала, как страдавшие ей женщины делились с ней ржавой селедкой. Как на каком-то этапе она встретила колонну заключенных, в которой был ее Эдуард. Он смог только крикнуть: "Что с ребенком?!", а она, окаменевшая от горя, смогла только показать пальцем на землю. Он ее понял.

Анна Мюллер провожает Линочку с бабушкой и дедушкой Шацами в эвакуацию. Они должны уплыть на теплоходе "Ленин". В скором времени до Одессы доползает страшная весть: "Ленин" взорван. Все погибли. Но бывают чудеса. В эвакуационной сумятице и неразберихе Шацы с внучкой не попали на "Ленин", а оказались на другом теплоходе. Но Анна Матвеевна ничего об этом не знает, все годы оккупации живет и с этой раной в сердце.

И еще одна рана — она ничего не знает о судьбе Хелен в Ленинграде. Она остается одна, в чужой стране (до конца своих дней она говорила по-русски с милым акцентом, путая падежи) с маленьким Эдгаром, Эдей, на руках. Ему еще нет и двух лет.

16 октября в Одессу вошли немцы. Начинаются облавы, виселицы, начинается Холокост в Одессе. У Анны Мюллер соседи — Коля, русский, его жена Вера — еврейка... Анна Матвеевна забирает Веру к себе, прячет ее в погребе под кухней, вырытом для картошки еще до войны. Коля соседям объясняет, что Вера успела уехать... Маленького Эдю Анна Матвеевна отдает фребеличке. Сама же идет работать в офицерскую столовую для того, чтобы носить оттуда сумки с продуктами. Не для себя. Коля связан с партизанами. Ему передает она эти сумки. И сведения, которые она могла узнать из разговоров немецких офицеров, полезные для партизан.

Ночью отодвигался шкаф, из своего подполья выходила Вера, чтобы помыться, подышать. Они слушали приемник, Вера записывала сводки Совинформбюро, а Анна Матвеевна иногда сама возила их с продуктами к катакомбам, но чаще передавала Коле. Как-то, через много лет, она рассказывала, смеясь, что с Николаем она встречалась в городе, чтобы не привлекать внимание соседей. Но однажды их кто-то увидел вместе. И по двору пронесся слух, что у Анны с Николаем роман. К счастью, слух был недолгим.

Она спасла Вере жизнь. И хоть она не стала официально Праведницей мира — никто попросту этим не занимался, к сожалению, — но для нас, всех, кто ее знал, она осталась таковой в нашем сердце и в нашей памяти. Потому что только праведница, перенесшая то, что перенесла она, могла стать выше ненависти к бесчеловечной власти во имя спасения человека.

Одесса освобождена. Вера вышла из своего спасительного заточения. Но над головой Анны Мюллер сгущаются тучи. Как же, немка, жившая в оккупации! Несколько раз двор на Белинского, 6, оглашался детскими голосами: "Эдька, беги, твою бабушку пришли арестовывать!". И хоть до ареста не дошло, но она долго была под дамокловым мечом, несмотря на спасение Веры, на помощь партизанам... Подтверждение ее заслуг пришло гораздо позже. Еще позже, после пятидесяти лет жизни на Белинского, без удобств, с печным отоплением, она наконец-то получила квартиру на самом краю Таировского жилмассива...

А что же Хелен? Когда началась война, Хелен от ареста спасло только то, что в паспорте, в пятой графе, у нее была запись — американка. Так что союзнические отношения оказались для нее спасительными. Она расска-

зывала, как сразу, как только начали готовить к эвакуации музеи, их, студенток Академии, послали в Эрмитаж упаковывать фарфоровые коллекции. Интересно, сколько предметов в эрмитажных собраниях фарфора хранят прикосновения ее бережных рук? А потом началась блокада. И ее, почти погибающую, удалось спасти, увезти по коварному льду Дороги жизни, пролегшей через Ладожское озеро.

После войны, уже с Линой и мужем, она живет в Москве. Но жизнь в ее прекрасное лицо смотрит злыми глазами. Мучительный (не по ее вине, о подробностях не смею распространяться) разрыв с мужем. Ее догоняет и в буквальном смысле стреляет ей в спину война, блокада. У нее начинается костный туберкулез. Она вынуждена уехать с Линой из Москвы, вернуться в Одессу. К маме.

Дружившая с этой семьей еще раньше, чем узнала их я, Наталья Филипповна Полторацкая вспоминала, как лежала в гипсовой колыбели Хелен, окруженная пеной тончайших кружев, которыми было обшито постельное белье, кружев, связанных Анной Матвеевной. Уже позже, освободившись из гипсового заточения, Хелен не смогла в полной мере реализовать свой талант керамиста и скульптора из-за непозволительных для нее физических нагрузок, сопровождающих творчество в этих видах искусства.

Лина выросла, и ее друзья становились друзьями этой удивительной семьи. У нас была любимая учительница, преподававшая математику, Нехамы Иосифовны Глезер. Даже перейдя в другую школу (объединились мужские и женские школы), мы ходили на Ремесленную, к Нехаме Иосифовне, умнице и красавице. Ее красота была необыкновенной — древняя еврейская красота, красота Юдифи или какой-нибудь другой библейской героини. Мы бегали к ней с радостями и слезами наших первых влюбленностей. К ней же ходили наши мамы — делиться тревогами и заботами, радостями (когда я прислала родителям телеграмму о поступлении в Ленинградский университет, моя мама с радостной вестью побежала прежде всего к Нехаме Иосифовне!). Когда через несколько лет после школы Лина собиралась уезжать в Италию, Елена Осиповна пошла со своими волнениями к Нехаме Иосифовне. Узнав, что ее любимица Лина Шац уезжает в Италию, мудрая Нехамы Иосифовны воскликнула: "Очень хорошо! Слава Богу! После всего, что пережила ваша семья — это возмездие!".

Так вот, мы окончили школу, и через год Лина поступила в Московский университет. Там она познакомилась с итальянцем, за которого вышла замуж и, выдержав все испытания, которые на нее обрушились за это, вырвалась из советской паутины и уехала в Италию.

К счастью, Хелен с Анной Матвеевной уже не были одиноки, После всех страданий, горя, мук, реабилитированные вернулись в Одессу, — и Джозеф Мюллер, увы, недолго проживший (его я, к сожалению, плохо помню), вернулись Жозефина и Эдуард Иванович. Это была чудесная пара — высокий, сухощавый, с поселившейся навсегда печалью в глазах Эдуард Иванович и красавица Жозефина с длинными светлыми волосами (за что мы называли ее между собой Ундиной) и мюллеровскими синими глазами.

Сестры были и похожи, и, одновременно, были совершенно разными. Жозефина всегда (она и сейчас осталась такой!) была энергичной, способной на решительные и смелые, неординарные поступки.

Хелен была драгоценной "вещью в себе". Как-то я сказала Лине: "Хелен — словно благородная жемчужина, створки раковины которой открываются не многим". Если бы пришлось одним-единственным словом определить характер этой женщины, я бы выбрала — безупречность. Безупречность художественного вкуса, тонкий артистизм, безукоризненность манер и завораживающая женственность.

Ее внутренняя жизнь осталась невыплеснутой, невыговоренной драмой. Но "среди мытарств, во времена немыслимого быта", этот самый "немыслимый быт", как вызов, как сопротивление, как защиту от мерзостей нашей жизни она превратила в художественный акт. Все, к чему она прикасалась, все, что ее окружало в доме, превращалось в подлинные произведения искусства.

За годы нашей долгой дружбы с ней я не уставала восхищаться и удивляться ее умению быть красивой всегда, в любых обстоятельствах.

Как она умудрялась шуровать у плиты на Белинского, 6, выгребать золу и делать другую подобную работу, оставаясь всегда "прибранной" (ни разу я не застала ее в затрапезе)? Всегда дома она носила строгие и в своей простоте элегантные платья, украшенные брошью. Никаких шлепанцев! Особенно поражали ее красивые руки с безукоризненными ногтями. Однажды мы с Анечкой все-таки решились спросить Елену Осиповну, как ей удается всегда сохранять такие красивые ногти. Она улыбнулась своей неповторимой улыбкой и поведала простой секрет. Перед тем как мыть окна, пол, стирать, словом, делать что-то подобное, она просто на ногти кладет несколько слоев лака. Так просто!..

С Хелен было интересно разговаривать, но с ней хорошо было и молчать.

Иногда у нас получались милые "девичники". Я не успевала войти, звонила Жози. Хелен говорила: "У меня Валя". — "Еду!". О, наши обще-

ния втроем! Иногда получалась более обширная компания — моя Анечка, а то еще приезжали подруги и коллеги Эдгара — Галя и Лена. За круглым столом на кухне сколько было проведено веселых, счастливых — неповторимых — часов!

В декабре 1987 года она уезжала к Лине в Италию. Ей так хотелось успеть к Рождеству! Я приехала попрощаться. Когда, уже нажимая кнопку лифта, я еще раз оглянулась, она стояла в дверном проеме, несколько наклонив голову к плечу, и, улыбаясь, сказала мне вслед: "Не горюй, я скоро вернусь!".

Она поспела к Рождеству ("Католик, он дожил до Рождества"), и на Рождество ее не стало.

В последние дни и часы ее земного бытия Бог подарил ей чудо рождественской Венеции, а потом в Милане, в больнице, — руку дочери, которую она держала в своей до последнего вздоха.

Она похоронена на беломраморном аристократическом кладбище в Вачаго, под Миланом, среди итальянской красоты пейзажа. Над озером. На ее могильной плите в трех строчках — вся география, пространство ее судьбы:

Родилась в Филадельфии.

Жила в Одессе.

Умерла в Милане.

Говорят, что Оттуда никто не возвращается, потому что Там, на Небесах, хорошо, Я надеюсь на это.



Дом на углу Конной и Ямской

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними ретроспективным общественным бытом. Неизменный спонсор рубрики — агентство недвижимости "Капитал", вот уже семь лет плодотворно работающее на отечественном рынке недвижимости.



История среднего образования в Одессе складывалась таким образом, что значительная часть горожан получала образование в частных учебных заведениях. Заведений такого рода — общеобразовательных, профессиональных, клерикальных — было довольно много. Однако лишь единичные из них со временем трансформировались в гимназии, приравняемые к государственным классическим, то есть обладавшим конвертируемым аттестатом. Из женских к их числу относились, например, гимназии Бракенгеймер (преобразованная из пансиона Матео), Березиной (пансион Гептнер), Мариинская (Фон-Оглио), Куракиной-Текели (Пиллер), Пашковской (сначала — Тровей, а затем — Чаушанской). Видное место в этом реестре занимает и гимназия С.И. Видинской (ныне СШ № 50), сыгравшая огромную роль в развитии не только народного образования, но в целом науки и культуры в городе и регионе.

Биография этого учебного заведения начинается без малого 140 лет назад, в 1864 году, когда на пересечении улиц Нежинской и Тираспольской, в доме Шайкевича, была открыта частная женская гимназия (формально — "частное женское училище первого разряда") госпожи К.М. Гауэншильд (Гауэншильд). Уже в следующем году гимназия переехала на Александровский проспект, в обширный дом видного предпринимателя и думского деятеля Василия Авчинникова, № 8, между Почтовой и Еврейской улицами, где и обосновалась. С 1867 года при этой гимназии функционировал пансион для постоянно пребывавших здесь воспитанниц. Специфическое положение гимназии Гауэншильд на карте города (магистральный торговый проспект, входящий в систему ПРАКТИЧЕСКАЯ ГАВАНЬ — ВОЕННЫЙ СПУСК — ГРЕЧЕСКИЙ БАЗАР — ИМЕННЫЕ ТОРГОВЫЕ РЯДЫ, ВКЛЮЧАЯ "АВЧИННИКОВСКИЙ", — СТАРЫЙ БАЗАР — ПРИВОЗНАЯ ПЛОЩАДЬ), в значительной мере определяло и состав учащихся: это были дочери преимущественно представителей коммерческой элиты Одессы, а, следовательно, тех именно

фамилий (те же Авчинниковы, Яловики, Шишмановы, Посоховы, Кумбари, Ралли и т. д.), каковые и сделали город легендарной Южной Пальмирой.

Другой важнейшей особенностью этой гимназии, привлекавшей уже представителей нобилитета, было то обстоятельство, что лишь в ней, единственной в городе(!), издавна преподавали английский язык (в других обычно изучали французский и немецкий, в некоторых случаях — древние языки, а в этнических — также и национальные). И этот момент лишний раз свидетельствует о том, что традиции берутся не из воздуха (имею в виду славные традиции преподавания английского языка в СШ № 50, репрезентующей бывшую гимназию Гауэншильд). А почему же английский преподавали именно (и, помимо Ришельевского лицея, исключительно) в этом учебном заведении? А потому, что наследовавшая матери на посту руководительницы Мария Федоровна Гауэншильд была супругой англичанина, священника местной англиканской церкви Кларка, и даже носила двойную фамилию Гауэншильд-Кларк. Английская община Одессы была невелика, однако весьма заметна в палитре гражданского общества, особенно со времен Воронцова. Коммерческие связи с "туманным Альбионом" также были весьма значимы для города, а потому знание английского языка становилось все более ощутимым. (Фактически единственными лекторами английского языка в городе были представители семейства Гревс; они преподавали в лицее, давали частные уроки и лишь периодически выступали с публичными лекциями.)

В середине 1870-х гимназия все еще помещалась в огромном доме Авчинникова (одновременно числился по Александровскому проспекту, 8 и по улице Почтовой, 39), а в 1880-1890 годы гимназия переместилась на ули-



цу Нежинскую, в частный дом Трахтенберга, № 81, между Спиридоновской и Гулевой. Дальнейшая позитивная эволюция этого учебного заведения связана с именем Софии Ивановны Видинской.

Она происходит из семьи чрезвычайно образованных и известных одесситов. Иван Яковлевич Видинский, действительный статский, а впоследствии и тайный, советник, состоял штаб-доктором для особых поручений по медицинской части при генерал-губернаторе края П.Е. Коцебу, а также инспектором Военно-медицинской управы. Надежда Ивановна Видинская много лет, начиная с 1 сентября 1877 года, служила надзирательницей (то есть воспитательницей) в Одесской Мариинской гимназии. Сама же С.И. Видинская вступила в управление бывшей гимназией Гауэншильд-Кларк в 1886 году, а с 1891-го исполняла обязанности помощницы попечительницы детского приюта имени императрицы Марии Федоровны (попечительницей, к слову, была супруга скандально известного одесского градоначальника П.А. Зеленого, Наталья Михайловна Зеленая). Позднее Видинская входила в правление знаменитого Крымского горного клуба. Мать и дочь Видинские постоянно жили в здании гимназии.

Официально преобразование бывшего "частного учебного заведения первого разряда" Гауэншильд (Кларк) в женскую гимназию С.И. Видинской датируется 26 июня, а открытие — 21 июля 1891 года, "в составе семи основных и одного приготовительного классов". В 1893 году приготовительный класс разбили на два отделения. В год 100-летия Одессы численность учащихся составила 318 особ. В 1890-е годы ее нередко называли гимназией Видинской и Катакази, по той причине, что дочь действительного статского советника Екатерина Антоновна Катакази с того же 1886 года содержала при этом учебном заведении так называемую "ученическую квартиру", то есть пансион, рассчитанный на 34 воспитанницы. В 1895-ом гимназия переехала в дом Яловикова по улице Ямской, № 90 (впоследствии, в середине 1900-х, в связи с упорядочением нумерации, это № 94), между Спиридоновской и Тираспольской (здание не сохранилось).

Гимназия не случайно считалась одной из наиболее престижных в городе и в целом на Юге. В разные годы здесь преподавал весь цвет интеллектуальной Одессы. Достаточно назвать таких поистине выдающихся людей своего времени, как крупный математик, физик, космограф Борис Федорович Цомакион, словесник Сергей Григорьевич Вилинский (не только известный педагог, но и авторитетный литературовед, автор работ



по пушкиноведению, преподаватель Императорского Новороссийского университета), блестящий историк Петр Михайлович Бицилли, любимый несколькими поколениями одесситов преподаватель иностранных языков Август Альфредович Шапеллон. Рисование и чистописание в старших классах преподавал Николай Иванович Скроцкий — представитель славного одесского семейства, а в младших классах — выдающийся художник Павел Гаврилович Волокидин, один из самых ярких сотрудников Товарищества южнорусских художников (ТЮРХ). Математику читала знаменитая баронесса Мария Федоровна Мейендорф, хорошая знакомая Л.Н. Толстого, автор по-

трясающих мемуаров, в том числе — об Одессе, недавно изданных в США. С гимназией Видинской также тесно связана судьба замечательного семейства Гамовых: Александра Арсеньевна Гамова четверть века(!) преподавала здесь историю и географию, а в 1906 году была удостоена тут золотой медали за успехи в педагогической деятельности.

В 1910-е годы, помимо семи основных и приготовительного классов, в гимназии имелся и дополнительный восьмой, так называемый учительский, класс, выпускники которого получали право преподавания (не только домашнего, но и в начальных школах и народных училищах). В это время обязанности начальницы гимназии перешли к преподавательнице Вере Ивановне Мельницкой, однако это учебное заведение официально получило имя своей патронессы. В 1913-1917 годах оно именовалось "гимназией имени С.И. Видинской, содержимой В.И. Мельницкой", и имело соответствующий герб — из числа городских под номером один.

В конце 1900-х гимназия переехала в дом Сухомлинова, по улице Новосельского (Ямской), № 31, угол Конной, где фактически и остается по сегодняшний день. Каковы причины такой передислокации? Это связано с благотворительной деятельностью нестандартного, скажем так, домовладельца. Действительный статский советник Николай Федорович Сухомлинов был гоф-маклером императорского двора, членом Госу-

дарственного совета, председателем дворянства Херсонской губернии, гласным Городской думы и прочая, и прочая. Как член попечительного совета гимназии он и предоставил в распоряжение этого учебного заведения свой дом на самых льготных условиях. Другим славным представителем попечительного совета был барон Михаил Александрович Рено, правнук ближайшего сподвижника Ришелье, крупный меценат (жива его внучка, см. ниже). Дом Сухомлинова, где помещалась гимназия, а ныне — репрезентующая ее СШ № 50, построен в 1908-1909 годах по проекту видного одесского архитектора Вильгельма Марковича Кабиольского и идеально подходит для размещения уютного, камерного учебного заведения.

Советская история гимназии, преобразованной в общеобразовательную школу — тема отдельного обстоятельного разговора. Для нас в данном случае важен аспект прямой и непосредственной преемственности, каковой во всей Одессе могут похвалиться лишь считанные учебные заведения. Эта культурная институция сохранила и форму (то же самое здание), и содержание (гимназия — по сути, та же школа; плюс профильность — английский язык). А потому стоило бы хорошенько подумать о подготовке к предстоящему в 2004 году 140-летию СШ № 50. Скажем, провести в ней открытую олимпиаду по профильным предметам (по тому же английскому языку); подготовить список выдающихся преподавателей и выпускников (как школы, так и гимназии) и в дни празднования юбилея установить мемориальную доску с их именами в вестибюле школы; пригласить на праздник внучку одного из основных попечителей бывшей гимназии Видинской — баронессу Елену Сергеевну Рено-Швахгейм (живет в США, постоянно навещает Одессу), родственников М.Ф. Мейендорф (живут в США, Франции, России), Н.И. Скроцкого (живут в Голландии и, кстати, в Одессе) и других (Гамова, Цомакиона); организовать празднование юбилея в общегородском масштабе.

**Для чего все это, спросят меня.
Да все для того же — ЧТОБЫ ПОМНИЛИ.**

ПРОЗА

Владимир КАТКЕВИЧ	
Цепной	64
Ефим ЯРОШЕВСКИЙ	
"Королевское лето"	74
Эвелина ШАЦ	
Чао, Антонио! или Поезда моей жизни	81
Александр ГРИНБЛАТТ	
Танго	88
Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК	
Красивая женщина... ..	99
Лена ВАСНЕВСКАЯ	
"Мелочи жизни"	102
Евгений НОВИЦКИЙ	
Третье кругосветное	105
Мая ИГНАТЕНКО	
Летчиками не рождаются	115

Цепной Рассказ

1.

Курносая высекла шпилькой искру из плиточной дорожки и поцокала мимо его оранжевой палатки, разбитой на газоне посреди города. С опозданием обнаружила Опрю, порывисто вернулась и потребовала:

— Проводи!

Она была по-весеннему оголена в полумаечку, в пупке жемчужно блестя бусинка.

— Я на цепи...

Возлежавший в шезлонге Опря высунул из-под пледа худую ногу в шлепанце и рассыпчато брякнул цепью. Цепь завершалась железным обручем-хомутом у него на лодыжке. Закованность человека, похожего на мощи, ее не смущала — непонятное или дикое пьяных не удивляет, а даже провоцирует на вызывающие глупости. Она отошла на несколько шагов, присела у зачехленного в белое бюста, долго журчала, еще дольше возилась с зиппером. Отдернула простыню, глянула в каменное лицо с утяжеленным подбородком и заключила:

— Не похож.

Прошел пожилой негр в шерстяной шапочке не по сезону — наверное, моряк. Увязавшиеся за ним двое разновеликих подростков напористо кланчили:

— Товарищ богатый иностранец, мани!

Притормозили дачные старики с ручными тележками, любознательно остановились возле планшета перед палаткой Опри, к планшету были приклеены листовки, подсвеченные китайским фонарем, похожим на кофемолку. На одной листовке уже кто-то написал из озорства: "Бога нету!" и дальше: "Бог для всех!".

В листовках объяснялось, что председатель профкома судоремонтников Клим Опря объявил бессрочную сухую голодовку в знак активного протеста против произвола местного отдела минюста, указывались фамилии и должности чиновников-обидчиков, блокирующих перерегистрацию профсоюза по формальным поводам. Один из пенсионеров расчувствовался, сутоло наклонился над ним, как над покойником, слюняво чмокнул в белую повязку на лбу и прошамкал:

— Держись, ребятка!

Опря юркнул в палатку, помочился в бутылку, стряхнул. Старики потарахтели дальше, а запах старости и табака остался. Шли десятые сутки голодовки, обоняние у Опри было живоотно обострено, как, впрочем, и слух, и зрение, он слышал сонный стрекот спящих птиц, по-кошачьи различал в глубокой лунной тени силуэты бродячих собак. Опря промокнул лоб салфеткой, ему были противны случайные поцелуи, прикованность к стволу софоры мешала отклониться от излишней солидарности, тем более что симпатии выражались не по адресу, простодушный народ не шибко вникал, что за конкретный тред-юнион поднялся на дыбы, а надо бы.

На рубеже эпох, когда все митингово низвергали профсоюзных соглашателей, крепкий заводской профсоюз возглавил в открытую критиковавший начальство Опря. Клим Макарыча электризовали общественные скандалы, работа же слесарем 4-го разряда в корпусном цехе ограничивала перспективы. Жили тогда по инерции на широкую ногу, директор даже сгоряча выделил Опре джип "PATROL NISSAN", изъятый таможей у недобросовестной экспедиторской шараги.

Будучи человеком каверзным и неблагодарным, Опря оседлал джип как должное, и стал уличать директора в левых заказах, двойной и даже тройной бухгалтерии, не подтверждая обвинений фактами. Директор тогда еще пользовался авторитетом у рабочих, приободренных бригадными подрядами, аккордами и четырехзначными зарплатами, и Опрю просто отодвинул. Лидером тред-юниона назначили зеленого инженера-менеджера, а джип отобрали. Обиженные скандалисты и лентяи отпочковались в мятежный профсоюз, который в предчувствии реванша окрестил себя "Перемогой". Когда "Перемогу" выкурили из музея истории завода, профком переселился на бесхозный аварийный дебаркадер. С независимой плавучей территории Опря продолжал разоблачать директора, упирая на то, что из-за левых заказов страдает казна, и учителя бедствуют.

"Доменеджерствуете!" — скалился Опря со страниц многотиражки.

— Время трудное, подтягиваемся, — объяснял задержку зарплаты рабочим директор.

Все понимали, что без левых заказов заводу в условиях налогового пресса не выжить, и Опря понимал, но, избрав проверенное оружие провокаторов — запугивание, он заручился поддержкой радикальной урапатриотической партии, ее листовки висели у палатки.

Опря приехал в молодой город-спутник лет тридцать назад по оргнабору из сальских степей, где в глухом горько пьющем селе скудно жили

потомки переселенцев с полтавщины в пятом поколении, потому свои национальные корни поставил во главе угла. Правда, ему пришлось заново изучать родной язык со словарем. Патриотизм Опря обнаруживал в глобальном масштабе, а в свое депрессивное село не выбирался даже на похороны.

К крестовому походу против директора Опря привлекал и детей. Завод тратился на содержание детской гандбольной секции, казалось бы, и на этом спасибо. Но когда дети поехали на соревнования, Опря подготовил родителей потребовать еще и оплаты дорожных расходов, что заводу было не под силу.

С потерей левых и даже правых заказов дела на шип-ярде пошатнулись, и конфронтация "Перемоги" с директором перешла на личности.

— Мы вас посодим! — прелюдно угрожал директору Опря, и неробкий директор отключал за неуплату свет на дебаркадере.

— Почему светом попрекают, — возмущался Опря, — мы же плотим.

Свет ему был политически необходим, потому что, во-первых, он регулярно смотрел национальный канал по переносному телевизору "Шелялис" и, во-вторых, для бытовых спартанских нужд: чайку вскипятить или обогреть самопальными козлами-тенами непримиримую территорию, на которой он еще и квартировал. Двухкомнатную квартиру в перепланированной "гостинке" Опря оставил первой жене, разумеется, не выписавшись, а сам проживал с видом на море, причем из всех иллюминаторов сразу, с секретарем "Перемоги" Эмилией, которую упрощенно по-морскому называл Милей. Миля была крепкой молчаливой девушкой, лет на двадцать моложе Опри, зимой и летом щеголяла в жилетке на кроличьем меху, в ее обязанности входило подшивать газеты и футболить особо настойчивых кляузников.

— Клим Макарыч в партийной командировке, — отшивала она требователей мыла или спецодежды. Миля величала его по имени-отчеству, возможно, даже в постели, в отличие от первой жены, которая называла его неизменно "мудылой" и обрушивала на Опря проклятья за всю свою поломанную жизнь, — у них давно на пляже утонул ребенок.

— Как вам нравится, он с ней в гражданском браке! — поносила беглого мужа-общественника первая. — А я, получается, была в военном?

Миля переписывала нервные каракули Опри круглым женским почерком и носила в редакцию городской газеты, потешавшейся над профсоюзной корридой. Правда, однажды она протабанила, написав "Болгарский пароход "Алабама" отбыл в Объединенные Арабские Эмигранты",

описку не заметили, и директор долго рвал живот. После объявления электрической блокады Опря пытался кипятить чай на костерке, разведенном прямо на палубе "Броненосца в потемках", так недруги окрестили дебаркадер, но заводской пожарник профсоюзные кострища строго запретил.

В кафе "Дрофа", которое народ обозначал "Дровами", приглушили громкую музыку, и Опря услышал разговор:

— Нас вчера буксир притаскал к третьему причалу, — сказал один, — да вон он стоит.

Пароход был освещен прожекторами с порталных кранов, задранные крышки трюмов напоминали паруса, на бакборте была нарисована музыкальная нота.

— Ну, так сиди на нем, не рыпайся, — посоветовал другой, они присели за кустами сирени на молодой травке.

— Могут кышнуть, возраст зашкаливает.

— "Потеряй" паспорт. Менты за штуку баксов выпишут новый, скостят тебе десять лет, получишь по нему паспорт моряка на новую дату рождения, а липовый гражданский при тебе порубят на мелкие кусочки в специальной машине, тем более выглядишь ты моложе...

— Бьют же не по фотографии, а по морде. А там что, палатка, бомжуют?

— Один клоун с завода голодует.

— Значит, знает за что.

— Еще бы! У тебя высчитывают в профсоюз по десять зеленых каждый месяц, а кто-то их получает.

— Пошли кукнем, — предложил один.

— И я получу свой Гала-концерт. Гала пристраивает мне концерты, когда я под этим делом.

Они подались к "Дровам".

Моряков Опря всегда считал неудачниками, на поддержку же или хотя бы сочувствие аполитичных масс не рассчитывал, их близорукость — их беда, а не его. Но теперь к нему относились неодушевленно, как к дереву или траве, а дерево можно срубить.

— Дай закурить, — язык у курносой шалил, небось, полировалась в "Дровах".

Опря курил только в детстве, когда воровал с крыш самосад, не пил же никогда, даже не пользовал дармовой спирт в авиации, где служил срочную.

Она таранила палатку, чуть не завалила, нашарила входное дышло.

Опря, брякнув цепью, юркнул, чтобы припрятать кулек с клизмами, клизмы ему ставила Миля.

— Да ты никак цепной! Как собака? — она не помнила. — А если бензином плеснут?

Цепь метров пятнадцать, подлиннее, чем у собаки. Вася Сень, Семь-Восемь, его зам, обвинил цепью ствол софоры напротив окна отдела юстиции, чтоб бюрократы видели день и ночь, соединил звенья болтом на двадцать четыре, а болт расплескал, не раскрутишь. Грохнут, а потом на бомжей спишут, дескать, придушили из-за теплых вещей. Вон, стоит один. Под зданием суда замер небритый в шапочке, он собирал в бутылку капли конденсата, который терялся с кондиционера на втором этаже, возможно, выжидал, когда дворничиха освободит мусорный бак. Ненормальная ночная дворничиха взгромоздилась с метлой на бак и трамбовала содержимое, ломко треща пластиком. Казалось, взлетит, как баба Яга. Наших летчиц на ночных бомбардировщиках немцы называли ведьмами. Ночные ведьмы вручную бросали бомбы через плечо. Взлетела бы, и пару зажигалок — на отдел юстиции.

— Я имею право на слабость? — рука коснулась низа его живота, но, не нащупав на спортивных брюках ширинки, полезла под резинку. Несмотря на потерю сил, он возбудился, но все-таки вытащил ее ладошку из промежности.

К банку подрулил милицейский "бобик", проверяли раза четыре за ночь, иногда справлялись, не обижают ли. На милицию Опря никогда не полагался, но и не презирал, в меру даже завидовал стражам беспорядков, их боялись.

Сержант вылез из машины и позвал через банковскую дверь:

— Альберт! Дай пять рублей.

— Я же заперт, — ответили из банка.

— А ты подсунь под дверь, — сержант присел выуживать.

— Вот пидер! — громко сказала она, сержант даже оглянулся.

Нашарила в палатке бутылку, присосалась, ей повезло, в бутылке была минералка, а не моча.

"Бобик" метнулся к "Дровам", быстро вернулись к раскутанному бюсту.

— На Тайсона похож, — сержант задернул простыню. Разлили в разовые стаканчики. Из машины, напоминавшей ботинок, решительно вышел человек и направился к ним.

— Шкряба, как это называется? На службе...

— Товарищ майор, у меня свояк с рейса пришел, — сержант протянул майору в штатском стаканчик. — За тех, кто в море, а?

— Ну, ты меня подписал! — майор принял тару — видимо, в прожитой биографии имел отношение к морю. Когда туфель уехал, разлили по второй. Сержант закурил, балагурил, чувствовал себя ловким хозяином ночной жизни.

— Подонок! — снова громко сказала она, но сержант уже не услышал. Она снова полезла к Опре, он снова отстранился.

На электронных часах у банка было без десяти два, в два приходила Миля, обычно с кем-то из активистов "Перемоги". Опря тряхнул курносую, она не просыпалась. Он потащил тело, она вцепилась в стойку, чуть не опрокинули палатку, курносая лягнула его, шпилька угодила в раскрытый рот. Он вылез отплеваться.

— Мы думали, ты уже дрыщешь, — сказал Семь-Восемь.

Миля принесла целый блок минералки, совсем с ума посходили, упаковки хватит на месяц, столько ему не проголодать.

— Минюст согласен подписать регистрацию с двумя поправками, — выложил Семь-Восемь.

— Никаких поправок! — промямлил Опря слабым голосом.

Миля домовито полезла в палатку забирать мочу, быстро отбуксировала за ноги курносую, все молча, дотащила до кустов и бросила. В кусты же следом полетел остроносый туфель.

— Падла-а-а! — курносая вцепилась в меховую жилетку. Семь-Восемь стал разнимать клубок на траве. В банке зажгли свет. С воем прикатила мигалка. Сержант закурил и тяжело процедил:

— Где она?

— Кто? — уточнил Опря.

— Моя жена. Если с ее головы волос упадет, повешу на цепочке.

Палатка держала запах семейного перегара.

В три часа ночи начальнику областной службы юстиции позвонили из милиции города-спутника. Он же поднял с постели минюстовцев города-спутника.

— Кончайте бадягу, — распорядился он. — Немедленно подписать! Не хватало еще милицию в эти дрязги ввязывать. Завтра же открытие памятника. Никаких караван-сараев у бюста быть не должно!

2.

Сорокалетний город, который уже не называли молодым, стал для Опри ареной борьбы, но так и не стал родным до кома в горле. Опря не был человеком прерванного полета и не летал даже в детских снах, его не окры-

ляли перспективы развития микрорайона или порта, или завода, хотя они даже после развала и хозяйственного запустения не были исчерпаны.

Задумывался населенный пункт как портовый город-спутник известного мегаполиса. Порт мегаполиса был зажат в тиски, захлебывался от грузов, а молодой порт на берегу углубленного лимана должен был его разгрузить. Обещанного слияния не случилось, город развивался самостоятельно и стал на самом деле спутником крепкого колхоза "Революция", так же называлось и благоустроенное село с привольными асфальтированными улицами, удачное его продолжение. Или начало. Симбиоз был взаимобогащающим, в "Революции" находилась птицефабрика, она поставляла городу курятину, свежие яйца, сушеный помет для удобрений в бумажных мешках, а порт — рабочие места. Благодаря занятости революционеров в смутное межвременье агрооварная фирма не разделилась инфузорно, в селе не разбирали коровники и не городили из добытого камня церквухи, как окрест. Наверное, занятость населения была главным козырем выжившего в "неимоверных" условиях хозяйства, и никакого феномена здесь искать не надо. Устойчивый инерционный подъем на фоне коллапса ставили в заслугу кормчему "Революции", проворному и дальновидному хозяйственнику Ивану Карловичу Мыцу, народному депутату первого и последнего Верховного Совета СССР, уважаемого в области руководителя.

"Память об Иване Карловиче в тугом колоске, — писала районка. — Он был метр сельхозпроизводства, большой любитель земли".

Вспоминали, что Мыцу редко бывал в кабинете, мотался по полям, решая вопросы с нужными руководителями, для чего в багажнике его "бобика" всегда имелась баклажка густого вина и лепеха овечьей брынзы.

Когда Мыцу помер, районка обещала:

"Мы будем долго верстать его исторические вехи, которые пока целиком не оценили".

На пятилетие готовились к открытию бюста. Бюст выглядел богато, фигуру выгесали из белого янцевого гранита, капитель из лезникового камня, а постамент из лабрадонита, добытого в том самом карьере, который поставлял плиты для мавзолея Ильича.

Приглашенный из Житомира мастер, который представлялся не скульптором, а каменяр, сработал бюст по фотографии, живьем увидеть Мыцу ему не довелось. Каменяра терзали сомнения, он с рассвета скрипел козлами и мелко тюкал зубилом. Солнце поспешно перемещалось, менялось выражение гранитного лица, каменяр даже обнаружил в нем недовольство и откалывал крошку за крошкой.

Торжественное открытие назначили было на 14 часов, и потому каменяр тюкал лихорадочнее. Опре после безумной ночи хотелось спать, но каменяр все тюкал.

Городской суд по случаю торжеств функционировал только первую половину дня. Опря надеялся, что именно в эту половину акция вынужденно разрешится в его пользу.

В десятом часу из двухэтажного здания суда действительно вышел осанистый сотрудник, заместитель начальника отдела юстиции, отставной юрист, которого актив Опри прозвал трибунальщиком.

— Он в состоянии говорить? — деловито выяснил юрист у Сеня, как будто Опря уже ни говорить, ни соображать не мог. — Принимая к сведению опасность нарушения здоровья бастующего, минюст принял исключительное решение перерегистрировать профсоюзную организацию немедленно с замечаниями, которые, хочется верить, впоследствии будут учтены, — огласил юрист позицию властей. — Вот — акт, распишитесь.

Миля для пущей жалости поддерживала сожителя под локоток.

— А печать? — спросил Опря.

— Печать можно поставить в канцелярии народного суда, распишитесь.

— Печать минюста, — настаивал Опря.

— Ключи от сейфа у начальника отдела, он вечером вернется из командировки.

— Тогда и будем говорить.

— Вопрос на контроле у губернатора, уверяю вас. Спор разрешен в вашу пользу. Вы напрасно нарушаете свое здоровье.

Опря положил мощи на шезлонг и закрыл глаза.

Грузовой милицейский УАЗ привез из "Революции" на суд цыган. Цыгане, муж и жена, дружно и легко спрыгнули с кузова, запястья их были соединены наручниками. Муж выглядел пухленьким заросшим мальчиком, она — маленькая, худая, в длинной черной юбке, возмущенно курила. Конвойный помогал шоферу возиться с колесом.

— Уголовное дело уже завернули, — бросил кому-то мужчина с папкой, блеснув очками и зубами.

Цыгане углубились в заросли поближе к палатке, конвоир заметил, но не запретил.

Она балаболила на ромском языке, густо пересыпанном матом.

— Сиди тихо, пока я устал! — оборвал мальчик.

Она снова принялась его упрекать, может, в нерешительности.

— Не манди! — взвился мальчик и стукнул ее в бок свободной рукой. Она замолкла, как будто из нее выпустили воздух.

— Ты что, не можешь им денег дать, чтоб подписали? — спросил цыган у Опри.

Она закатала рукав, слегка склонилась, передала мужу шприц. Порожний шприц выбросили к палатке.

"Еще подумают, что я ширяюсь, — подумал Опря. — Они хоть друг к другу прикованы, а я к дереву".

Снова появился с папкой.

— Надо сдвинуть все с мертвой точки, — напомнили ему.

— Мертвая точка — морг, — пошутил тот.

К полудню грачей потревожил хлесткий пересвист лопастей. Вертолет летел низко, видимо, вез начальство из области. К зданию суда торжественно выползла колонна высоких комбайнов, железное стадо лохматило ветки, цвет каштанов осыпался на кабины. Комбайны выстроились в каре, отгородив палатку от бюста. Один стал дымно фыркать. С высокого мостика соседнего крикнули:

— Мыкола, спыняй, тут же людына голодуе.

Митинг начался ровно в 14 без опозданий.

— Первая ласточка — его бюст, — сказал председатель поселкового совета, — а копию поставим в спортзале.

Последним выступил автор.

— Когда ко мне год назад приехал председатель сельсовета делать заказ, — поделился каменяр, — он говорил за Ивана Карловича, как за родного человека, я это почувствовал.

Покрывало сползло. Клацнули затворы. С залпом снялись грачи.

Парад комбайнов умышленно задержали, чтобы начальство улетело, не хотели оголять палатку.

Поздно вечером прикатила машина с мигалкой, в кабинете отдела юстиции зажегся свет. Вышли двое и напрямик по траве пошлепали к палатке. Машина развернулась и нацелила слепящий свет фар на Опрю. Как перед расстрелом. Начальник отдела юстиции зачитал решение, вручил Опре экземпляр и даже похлопал по плечу. Опря проверил наличие нужной печати, ему не понравился бледный оттиск, и он потребовал его усилить.

— Диванна, будьте любезны, — попросил начальник секретаря Дину Ивановну, с трудом сдерживая ярость. Метнулись за печатью.

Семь-Восемь вызвал по мобилке мотоцикл с инструментом. Зубилом перерубили цепь.

Семь-Восемь откупорил шампанское. Миля плеснула Опре из термоса капустного бульона.

— Всем нолито? — справился Опря. — И сверните палатку, отвезем ее на дебаркадер.

— Клим, мы не хотели тебя огорчать, — признался Семь-Восемь, — но дебаркадер сгорел.

3.

Дебаркадер не только сгорел, но и затонул. Опря через две недели после реабилитации бульонами подал иск на руководство завода, якобы организовавшего умышленный поджог. Директор обозначил катастрофу малым поджогом Рейхстага и пообещал стоимость судоподъема вычестить из зарплаты Опри, дебаркадер-утопленник препятствовал движению малого флота в акватории. Опря пробовал натравить радикальную партию, налицо была оскорбительная параллель, но в партии наметился раскол, и директору все сошло.

Председатель же сателлитового профсоюза, шустрый менеджер, подал встречный иск: в одной из листовок Опри вместо "председатель", написали: "предатель заводского профсоюза", опять Миля протабанила. Иск менеджера был конкретнее, Опря процесс проиграл, его наказали копеечным штрафом, пожалели. Поражение, однако, ожесточило его для борьбы, он ходил в суд, как на работу. Однажды забрел не в тот зал, промахнулся, хотя их всего четыре, и у судебного секретаря, дамочки, пишущей протоколы, попросил выписку.

Она пробежала его запрос, вернула и подняла глаза. Это была курносая. Он ее узнал, хотя она поменяла прическу и посвежела.

— Вы меня не припомните? — спросил Опря.

Ни одна мышца не пошевелилась на ее лице, ни один волосок не колыхнулся в прическе.

Получалось, ночной эпизод выпал из ее памяти, так выпадают события у пьяного. Навсегда. Он побрел от храма Фемиды нежелательной дорогой, которую раньше старательно избегал. Увидев его, первая жена оцепенела. Она торговала под памятником Мичурину семечками и окаменевшей разовой жвачкой. Только воробей не растерялся, вцепился лапками в край стакана-гранчака и отважно лушил семечки.

"Королевское лето"

Фрагменты из новой книги

1

...— Ты стал всех нас слишком жадно и нехорошо слушать. Особенно меня. Почему я должен это рассказывать тебе? Почему именно тебе?

— Ты действительно все должен рассказывать именно мне...

— Но почему? Почему тебе?

— Потому что ни в ком это так не застрянет. Я слушаю тебя не просто внимательно. Я впиваю твои рассказы. Я становлюсь тобой, когда ты рассказываешь. Я сам рассказываю себе, когда ты говоришь. Я — твой рот. И ты напрасно волнуешься. Все это во мне застрянет, будь спок. Как ни в ком. Никто так не схватит обеими руками на лету твою жизнь, как я. Только во мне щепочка твоего рассказа (твоих рассказов) начнет обволакиваться нежным гноем искусства... Она почти съедобна, почти вкусна. Грех ее выбрасывать. Твои занозы я превращаю в тело своего рассказа. Пусть застревают. Застрянет то, что нужно. Здесь я не властен. Они поселяются во мне, в моих тканях, нарываю, нагнаиваются, твоя лимфа идет на мой эпителий. Происходит метаморфоза. Происходит странное. Начинается цветение подробностей...

И моя кровь разносит их дальше, в самые сокровенные места. Это уже не ты. Это я. Ты преображен, претворен — ты уже стал "другое". Не обижайся. Здесь не моя заслуга. И не твоя вина. Так получается. Я просто отзывчив на твои щепки. Во мне болит твой зуб. Представляешь? Я этого хочу. Я прикусываю десну, прижимаю ее к болящему зубу — радужный мост боли опоясывает мои десна теплой, пульсирующий шиной. И этот соленый, сладкий, саднящий зубчик — уже мой. Я люблю его. И так просто я его не отдам.

...Так назревает скандал. Дождь. Горячий тропический ливень. Зреют яблоки — уже мои. Там твоя косточка, но моя мякоть. Тело моего расска-



за. Моя сладостная плоть. Можешь ее покусать. Я ее поливал, но мне не жалко. Ты понял? Так что твоя косточка не пропала.

...Попробуй теперь сказать, что я плохо поступил...

...Я не понимаю, что происходит. С некоторых пор у меня не стало покоя. Все стало зыбким. Не стало уютно в душе. Вечер стал гулять там... Зябко стало, свежо. Ночные звезды лихорадит на ветру, и созвездия ведут куда-то не туда... Что-то лопнуло. Где-то заело стрелку. Небеса дали трещину. Стало темно, я заблудился. "Мама, где ты? Ребята, подождите... Куда же вы?"

Почему так вдруг стало? Почему было так хорошо раньше и стало так плохо теперь? Объясните мне мою ошибку, мою опisku, промашку, кикс, клякс, не ту ноту... Я исправлю. Если я допустил... Я клянусь. Мы все наладим. Сообща. Помогая друг другу. Жалея. Еще можно. Еще не поздно. Если взяться, если приналечь...

2

...Потом я вспомнил.

Когда сырые влажные корочки весны нежно отклеивались от старых крепостных стен, и ветер нес облака над бульваром, а у магазинчика керамики, у "Оksamита", сладко грелись на корточках, до треска натянув тугие джинсики на яйца, братья-художники, друзья фонда и Лувра, и в бороденках их гулял ветер (весна!) — и солнышко свивало паутинку в лиловых капиллярчиках в забубенном носу, а в сером зимнем свитере грубой вязки похожий на викинга седеющий Сыч показывал рукой на погоду, и некий Суля покупал из-под полы у знакомого флейтиста киноварь и охру по сходной цене, а Маринюк нес листы показывать Шуне, — Хрущик сплевывал на чистую одесскую мостовую застоявшийся зимний харчок, говоря при этом: "Всюду, блядь, поебень... пора менять макулатуру на Микеланжело...". А в это время Дюльфик гипнотизировал продавщицу с озябшими ляжками — шириной груди и бицепсов и смелостью портрета, а Стрельников, похожий на Вэна Клиберна, уносился по диагонали в синюю холодеющую Дерibasовскую ввысь — в это самое время Барыгин сосал мокрую лапу, и Игорек чистил штиблеты и драил плащ, выходя на прогулку из теплого продавленного дивана, светя лучом зуба... — в это самое время под прохладными и замшелыми коридорами училища громили выпускника, ногами намалевавшего дипломную работу голландской сажей свежим мазком, а местных аборигенов с прыщавы-

ми лбами и потными подмышками ласкали, модерниста же никуда не пустили и загнали обратно в имени Грекова академию училищ, — в это самое время творилась легенда: возводили писсуар нового ресторанного комплекса "Братислава".

...А наверху, в подоблачной синеве, балансируя на парашюте между жизнью и смертью (между фондом и Лувром), шел Шура Ануфриев закалять гипсовую плиту, покрывать глазурью керамическое небо. Роняя белые статуэтки святых на головы прохожих... И оформлял банкетный зал, негодуя на Штиглицмана, Рихтер... а Миша в это время говорил:

"Штиглиц с людьми говорит, как в дерьмо вступает... это у него такое уемое, скользящий стиль... и кто тебе сказал, что у Артура испанская борода? Ничего подобного, обыкновенная черная изморозь на морде... и Павлов не Ницше, и Гриша не маэстро, зато Дюльфик — Каневский..."

...Бездомные поэты читали стихи в баре на Пушкинской и сочиняли дикие афиши. Апельсинные корки ронял с третьего этажа мальчик, и ярким весенним поносом гадили с деревьев птицы... К вечеру в алые винные погребки спускались бледные тела озверевших от трезвости богемцев, чтобы через час взойти спелыми газовыми головками и дымными фитильками осветить вечер...

3

...Между тем Хрущ, год увлеченно строга инкрустированный шкафчик для Мили, сгорбившись над изделием, слегка заикаясь, го-



ворил: "Г-глупость это, конечно, дар Божий, но нельзя же ею злоупотреблять..."

...Кто только не приходил тогда в их общую с Викой квартиру на Новорыбной, 18! Кончалось одесское лето, влажная ночь, как антилопа, ходила по городу. Огромная спелая луна подымалась над Отрадой. С теплого моря, по-русалочьи хохоча, выбегали купальщицы... Какой-то тип, стоя над обрывом, мочился под луной в Понт Евксинский. Толпа озаренных придурков бродила по пляжу и прилегающим мостовым и окрестностям... Никто не спал в эту ночь, все было пропитано чистым запахом моря, рыбы, песка, соли и тумана... Во дворе на Канатной, где жила тогда Маша Марусенко, уже совсем стемнело, зажглись звезды. Под открытым всему миру небом играли в шахматы. Толик Гланц, проигрывая партию Гаррику Гордону, слегка опечалился, но лица не терял. И говорил, меланхолически теряя фигуру: "Ты взял у меня коня. Теперь я стал бесконечным..."

Над Молдаванкой копил старый, выдавший виды месяц...



Только тут, только в тихой квартире Мишеля, я могу осознать и эстетически освоить это безумие мира за окном. Оно меня не раздражает, я защищен, я им владею — остается только опрокинуть все это на бумагу... Чай. Тепло... Книги. Несколько картин. Папа. Варенье. Запахи ушедшего лета. Тихое кипение жизни... Зеркала. И становится понятно, что же не есть жизнь...

...Осень, дождь, церковь... Март. Любимая, только ты, только ты.

Никто больше, никого больше. Где ты? Люблю тебя. Люблю... Месяц тонкий, слезящийся.

...Ночь, Питер. Ломкий лед, хруст луж осенних. Луна. Дача в Озерцах... Люда в черном платье. Шаль, зябнет. Печальна. Любовь... Деревянные комнаты, где рассыхается рояль... Утро. Беф-Строганов (стран-гинаф) с полотенцем на шее. Антично облокотясь, спрашивает или говорит по телефону: "Вас внимательно слушают...". Он что, гомик?.. Скажешь тоже. Как-то похож. Хотя я лично не видел. Разве что в анекдоте: "А зачем вы ходите в наш садик?". Помнишь? Матрос Нина. Это еще в 60-х, на углу Дерибасовской и Карла Маркса, в полосатой тельняшке... Пудрил розовые плечи.

...А потом ночная электричка. Ночевка на станции, Оля. Поезд за окнами. Какая-то деревянная кровать, зима. Пуховое одеяло. Грохот поезда в окне... В одной постели, спим как дети...

И наши разговорчики с ним спустя год:

— Я прожил жизнь идиота... Я поступал, как идиот. Но у меня были способности. Несомненно. Способности идиота...

А он мне говорил потом: "Я стою на верном пути. Но я на нем СТОЮ... И в этом все дело".

4

В деревне

Сон в весенней деревне... цветущие, теплые вишни. Клейкие стволы. Пчелы, облетающие зрелую землю. Лето созрело. Булькотенье молока... Тепло!.. Зрелое гуденье пчел. Гуд... Утро. Голуби...

Синее небо, радость. Мед... Жизнь.

— Ты уже встал, Гедали?

Это мама. Мама спросила и вышла в деревянную дверь — в солнце, и исчезла, унесенная солнечным ветром... Она сама стала светом. Где я был? Я спал под пахучим деревенским пододеяльником и совершал бессмысленный полет в узорах обоев. Узоры пульсировали и держали меня крепко.

— Ты уже встал, Гедали?

Мама ушла, оставив эту поющую фразу в хате, и она повторилась. Меня спрашивал мамин голос. Я уже встал. Гедали — это я.

Я, ослепший в прохладном полумраке деревенской кровати, откинувший козлиную шкурку одеяла, ослепленный смуглым блеском своего дет-

ского тела. Я, согреваемый вечным, бессмертным библейским огнем моей бабушки Мирл. Я проснулся. Смуглый отрок с тонкой еврейской кожей и потрясенным скелетом. Тонконогий курчавый ингеле* встал горячей от сна стопой на деревенский пол...

Оставляя жидкие морщинистые кизяки на утренней земле, в глубь двора уходила корова. Вишневые столы горели на солнце... Белье улетало в синее египетское небо... У моего глаза, потрескивая, как на огне, сидела стрекоза.

— Маня, увидьмить свое видро, он уже полный!

Это бабушка Мирл.

— Гедали уже встал?

Я беру стрекозу за твердое бестрепетное крыло, с трудом отдираю ее от своей головы, смотрю в выпуклые, неземные глаза, в которых ключевой холод; она выгибает горячее длинное тело в пластинках, присасывается к самой себе... Я ее отпускаю, и она, подумав, летит в огороды. В полете я вижу, что у нее голова в скафандре...

— Ты уже встал, Гедали?

Я уже встал...

5

...Мифы. Я творю миф своей жизни (миф о своей жизни)...

Детство без отрочества, юность.... Сны. Молдаванка. Грезы провинции... Юг, лето. Грозовое послевоенное лето... Жара. Каски цветут в полях... Жирные стрекозы. Танки. Запах железа. Сухое лето в деревне... Ливень в городе. Клокот свежей воды из-под крана... Вот он, мой миф. Молдаванские крыши, домики, мансарды. Лошади, площадчники... Шагал и Матусевич. Шурочка Рихтер... Мамуля. И гнилой, светящийся сумасшедший зуб Савлова... Зуд. Гирш в собственном соку. Которого голыми руками не возьмешь... А взять надо. Иначе он возьмет тогда тебя. Павлов изловчился... Нет, не дается Гирш...

Миф. Мифотворчество. Сны... Лиловый цвет катастрофы. Летние сады. Ночные дозоры. Осыпается акация. Мерещится летняя буддийская Москва. Мандельштам.

...Цветущие крыши. Примусники. Резерфорды с синими пороховыми черепами... Толя. Ночные сумасшедшие... Плоть. Гений. Кариатиды. Ночное море... Пыльные вишни в саду. Цветы, одуряющий запах гвоздики (белой). Початая бутылка шампанского. Купание в ночной воде... Юра о

*Ингеле — мальчик (евр.)

кинематографе. Дюльф. Солнечные порталы. Одесский Рим. Театр, подцветка, ворох платьев, Дега...

Ноги девочек. Проститутки Привоза... Стихи. Кошачьи набеги. Дерьмо. Цветут туалеты. Ночь. Мотоцикл. Бензинные спазмы мотора. Вонь отработанных газов... Звери в пустом зоопарке. Ночной зоопарк подобен тюремной больнице...

Гейне и Гете. Весна... Утреннее просыпанье. Птицы. Утро, освищенное птицами...

"А скажи, зачем ты свещешь
В этих розовых горах?
"Просто так", — ответил муж
И тщеславный и тактичный,
Расправляя тростью лишний
Завиток, что сделал плющ..."

И был таков. Это у Толика Гланца.

А это уже — Аллочка Марголина. Алиса. Алиса Марго:

"Провинциальный русский гений
С еврейской гибкою душой,
Протер костяшками коленей
Кулисы сцены небольшой..."

Дальше я не помню. Надеюсь, это обо мне...

"Кто он был? Расплакавшийся гений
Или исхудалый наркоман?..."

Это опять Толик. О многих из нас. О некоторых из нас... О лучших из нас.

Рисунки автора

Чао, Антонио! или Поезда моей жизни

Он не любил мое рыжее женское жерло. Не было у него ни любопытства, ни страсти. Но любовью занимался он со мной безупречно. С первого дня. Мы узнали друг друга или, скорее, встретились и так никогда и не узнали друг друга, в поезде Москва-Таганрог. Сначала он был неутомим. Но очень скоро перестал мне дарить свои ласки. Затем перестал любить мое тело. И вот уже без радости реагировал на мои иступленные ласки.

В своем скрытном доме предметы, мне принадлежащие, он хранил в комнате для мусора. Ну, да! Это вовсе не шутка. Честное слово! Одна из пяти комнат оставалось всегда таинственно запертой. Я открыла ее присутствие спустя год нашего квазисожительства. Да, вот уже год как я курсировала между Россией и Италией. Поистине маятник любви.

Как-то он запер меня на целый день. Может быть, забыл, что я никогда не имела ключей от дома, даже в качестве гостя. Может быть, хотел запереть себя по ту сторону моего бродяжьего бытия. Может быть, он хотел запереть мне рот, забывая о моем пишущем естестве. Может быть, он желал меня в качестве вещи. Женщина-вещь. О которой мечтает каждый мужчина. И даже не по секрету. Когда он не мечтает о женщине-королеве. Но сейчас у мечты на очереди дети: они невинны. Более того, собаки: они молчат. И всем детям, собакам, кошкам *недостает лишь речи*, говорят эти господа, и глаза у них при этом влажнеют. Но женщины, вот беда! они перестали молчать. И теперь мир полон наводнений, землетрясений и прочих катаклизмов. Под знаком всеобщего терроризма. Наверно, это и есть Потоп новой эры.

Я страдаю клаустрофобией с детства. Итак, весь день взаперти — он вернулся на редкость поздно, почти что в полночь — я пребывала в состоянии смертельной затравленности... Я все отлично помню. Кружилась голова. Поднялось давление. Сердце стучало, как поезд. В солнечном сплетении — кулак боли. Едкий запах пота, вызванный страхом, заражал небольшое жилище, приводя меня в такое же смертельное смущение. И вот уже пожар сжирает меня. Я бросаюсь с тринадцатого этажа. При этом за миг до этого я толкаю запретную дверь. Вот те кино! Я вздохнула с облегчением: неожиданное пространство расширяло мои возможности выживания. Его освещал розовый абажур с синтетической бахромой, в которой терялась убогая лампочка. Она бросала зловещий свет на странный пейзаж или, вернее, на тотальный натюрморт.

кинематографе. Дюльф. Солнечные порталы. Одесский Рим. Театр, подцветка, ворох платьев, Дега...

Ноги девочек. Проститутки Привоза... Стихи. Кошачьи набег. Дерьмо. Цветут туалеты. Ночь. Мотоцикл. Бензинные спазмы мотора. Вонь отработанных газов... Звери в пустом зоопарке. Ночной зоопарк подобен тюремной больнице...

Гейне и Гете. Весна... Утреннее просыпанье. Птицы. Утро, освищенное птицами...

"А скажи, зачем ты свещешь
В этих розовых горах?
"Просто так", — ответил муж
И тщеславный и тактичный,
Расправляя тростью лишний
Завиток, что сделал плющ..."

И был таков. Это у Толика Гланца.

А это уже — Аллочка Марголина. Алиса. Алиса Марго:

"Провинциальный русский гений
С еврейской гибкою душой,
Протер костяшками коленей
Кулисы сцены небольшой..."

Дальше я не помню. Надеюсь, это обо мне...

"Кто он был? Расплакавшийся гений
Или исхудалый наркоман?..."

Это опять Толик. О многих из нас. О некоторых из нас... О лучших из нас.

Рисунки автора

Чао, Антонио! или Поезда моей жизни

Он не любил мое рыжее женское жерло. Не было у него ни любопытства, ни страсти. Но любовью занимался он со мной безупречно. С первого дня. Мы узнали друг друга или, скорее, встретились и так никогда и не узнали друг друга, в поезде Москва-Таганрог. Сначала он был неутомим. Но очень скоро перестал мне дарить свои ласки. Затем перестал любить мое тело. И вот уже без радости реагировал на мои иступленные ласки.

В своем скрытном доме предметы, мне принадлежащие, он хранил в комнате для мусора. Ну, да! Это вовсе не шутка. Честное слово! Одна из пяти комнат оставалось всегда таинственно запертой. Я открыла ее присутствие спустя год нашего квазисожительства. Да, вот уже год как я курсировала между Россией и Италией. Поистине маятник любви.

Как-то он запер меня на целый день. Может быть, забыл, что я никогда не имела ключей от дома, даже в качестве гостя. Может быть, хотел запереть себя по ту сторону моего бродяжьего бытия. Может быть, он хотел запереть мне рот, забывая о моем пишущем естестве. Может быть, он желал меня в качестве вещи. Женщина-вещь. О которой мечтает каждый мужчина. И даже не по секрету. Когда он не мечтает о женщине-королеве. Но сейчас у мечты на очереди дети: они невинны. Более того, собаки: они молчат. И всем детям, собакам, кошкам *недостает лишь речи*, говорят эти господа, и глаза у них при этом влажнеют. Но женщины, вот беда! они перестали молчать. И теперь мир полон наводнений, землетрясений и прочих катаклизмов. Под знаком всеобщего терроризма. Наверно, это и есть Потоп новой эры.

Я страдаю клаустрофобией с детства. Итак, весь день взаперти — он вернулся на редкость поздно, почти что в полночь — я пребывала в состоянии смертельной затравленности... Я все отлично помню. Кружилась голова. Поднялось давление. Сердце стучало, как поезд. В солнечном сплетении — кулак боли. Едкий запах пота, вызванный страхом, заражал небольшое жилище, приводя меня в такое же смертельное смущение. И вот уже пожар сжигает меня. Я бросаюсь с тринадцатого этажа. При этом за миг до этого я толкаю запретную дверь. Вот те кино! Я вздохнула с облегчением: неожиданное пространство расширяло мои возможности выживания. Его освещал розовый абажур с синтетической бахромой, в которой терялась убогая лампочка. Она бросала зловещий свет на странный пейзаж или, вернее, на тотальный натюрморт.

Сначала мой хозяин-любовник перемещал на эту *бекетовую* свалку старые полки с ненужными книгами, затем старые чемоданы, саки, сумки, авоськи, затем старые ботинки, сапоги, галоши, тапки, шлепанцы, поношенные пальто и дырявое нижнее белье, затем картонные коробки, полные никчемного барахла, и, наконец, старые холодильники, сломанные стулья, пустые бутылки, ржавые инструменты, семейные альбомы, рваные обои, гигантские картоны, пачки офисных бумаг, лишние матрасы и байковые одеяла, коробки с пуговицами и просроченными лекарствами, тюбики с краской и клеем, фотолабораторию.

Сам он был всегда в блестящем порядке, как английский клерк.

Я так и не смогла понять, почему мои элегантные и дорогие вещи никогда не нашли себе места в анфиладе шкафов одинокого мужчины и обретали себе пристанище в Мусорной обители.

Он говорил, что любит меня. Он был удушающе заботлив, кудахтал, хлопоча и защищая от этого чуждого и жуткого мира, меня, женщину одинокую, что-то вроде старой девы, не вполне состоявшейся. Оно и видно. Вечные поиски любви решали все. Знала ли я мужчин? Пожалуй, нет, включая отца, т. е. мужская любовь и ностальгия — для меня одно и то же. Тем более что *мой* говорит, что любовь наша была сумасшедшей. Я так и не поняла, в каком смысле.

Я продала свою роскошную королевскую доху из гренландской лисички, безусловно, черно-бурую, для того чтобы ездить в страну последних зим, безусловно, морозных. Как в *Рождественской сказке*, старый фильм, мелодрама, вот уже пятьдесят лет на ТВ каждое Рождество Христово. Уверяю вас, повлиять можно на кого угодно. За несколько лет я оказалась на улице. Но не на тротуаре. Возраст помешал.

Запретная комната явилась открытием всяческого рода. А поезд! Он являлся ко мне по ночам. Странные голоса скандировали приказы, коммуникаты, сплетни. Как ночное покрывало, эти таинственные краткие оповещения, коды, шифры, фамильярность расстилались на снегу, на одиночестве, на молчании. Как чайки, поезда обменивались известиями: у них был свой язык. Ей-богу!

В тот раз, в день моего заточения, они разделили со мной беспредельное беспокойство. Своей близостью и природными ритмами они баюкали меня, эти звуки проходящих пассажирских и товарных эшелонов. Голоса железнодорожников бесцеремонно комментировали торопливый бег поездов, раскатисто распространяясь по всей равнине, вызывая у меня неловкость и любопытство. Они удалялись на сотни километров,

и там, далеко, зеленые закаты догоняли летом белые ночи Петербурга, выплывая на промышленном и железнодорожном горизонте. Поезда моей жизни.

Анализ *Пейзажа в Арле* Ван Гога из Пушкинского музея был моей первой университетской работой. Длинный игрушечный поезд, с ним следовал хвост дыма, задумчиво пересекал мелодичные геометрии полей цвета зеленого салата. Нежданный покой.

Рихтер играл Шопена. Пережившая себя программа классики на радио. Томительная комбинация индустриального пейзажа — он растекался свинцовым пятном над музыкой хрупкого спутника Жорж Санд — и революционного романтизма писательницы, которая по заказу Маркса писала его Манифест. Поезд стрелой неся по равнине, как полевая мышь. В глубине пейзажа блестела красным бензоколонка ЛУКОЙЛа. Билось железнодорожное сердце под музыку Шопена. Биение ускорялось в часы пик. И вот уже поезда стучали зубами в ритмах джаза. Иногда голос женщины скандировал таинственные команды. Не поезда ли вызывали ее на разговор? Может быть, все они обменивались информацией о мире, который пересекали... Может быть, они посылали мне сигналы, что я не одна на тринадцатом этаже блочного-дома-без-надежды в провинции мира, пребывающей в вековом ожидании.

Те же таинственные голоса я слышала оживленными ночами и серыми рассветами в Москве из окна дома, который смотрел на Киевский вокзал и на площадь Европы, в самом центре города: вокзал, как Домский собор, как театр. Памятник *Похищение Европы* был установлен недавно перед вокзалом. Конструкция из стальных труб какого-то бельгийца утоплена в гранитном море какого-то русского, своего рода мемориал, где лучше бы выглядел *Неизвестный солдат*, один из тех, который, подобно Мадонне, держит на руках ребенка, или меч, как Минерва. Эта волнообразная абстракция на хаотичной площади хаотичной метрополии была приглашением к бегству. *Не оставаться с теми, кого мы любим*, говорит Будда. Но, а с кем тогда, не с другими же? А то получится, как у того монаха из песни Гребенщикова, который отсек все свои привязанности и теперь "сидит он чист и светел, не привязан ни хрена".

Однажды, мне было тогда десять лет, я уехала с этой площади, тогда еще без Европы-Мадонны-Минервы, на паровозе, навстречу первой авантюре моей баснословной биографии. Поезд шел в Одессу к бабушке. Я тотчас научилась играть в дурака. Всю дорогу выигрывала. Впрочем, как все начинающие.

Нас было четверо в купе. Я и трое мужчин. Три дня подряд три жизни проходили передо мной, как поезда.

В четырнадцать лет я поехала с бабушкой на Урал: Одесса-Москва, Москва-Уфа. Всего две недели. Мы должны были добраться до Бугульмы: маленький татарский город на нефти. До десяти лет я летала только на аэропланах. Все тот же маршрут: Москва-Одесса-Москва. Сначала это был военный *Дуглас*. Привязанные к металлическим сидениям, как десант, вдоль стен чрева *Моби Дика*, мы все равно умудрялись съесть все то, что брали с собой из дому. В шесть лет я съела целую курицу за шесть часов полета. Потом *Дуглас* явился, как голливудская дива. Военный трофей. Удобные сиденья, обитые роскошной кожей. Десять лет спустя мне довелось полетать на подобном раритете. Ан-10^{*} напоминал мне старый *Дуглас*-стар. Пузатый и коротконогий, всего на сто человек, крылья произрастали прямо на спине, он поднимался с зеленого поля, покрытого чугунными решетками, как вертолет. Он часто падал. Скоро его сняли с линии.

Но настоящее происшествие, включая катастрофу, случилось на поезде.

По дороге в Бугульму я и бабушка в течение целой недели были единственными женщинами в общем вагоне. Мы карабкались на вторые полки — единственный плацкарт. В вагоне ехали на побывку в равнинные города молодые моряки. Они были хороши и галантны. Ни одного грубого жеста, заботливые. Я, ведущая происхождение по женской линии от семьи одних женщин, почувствовала удовольствие и богатство *другого* присутствия. С тех пор я всегда испытываю взволнованное любопытство к мужскому полу. И, спасибо, Боже, оно до сих пор не проходит.

Теперь я понимаю, почему в самолете меня просто поручали стюардессам и — с Богом! Там все время уходило на еду. Совсем иначе в поезде. Время течет медленно и полнокровно. Бесконечные чаепития, водка, запах которой я не выносила, пока не научилась пить ее в зрелом возрасте, трапезы, картежные застолья или, скорее, *зачемоданья*, ночное белье, манера совершать туалет. Все способствовало созданию своеобразной собранности пестрого человечества. На солидарность попутчиков возлагались серьезные надежды. Эта надежда никогда не была обманута в России, которая привыкла к эшелонам целых народов. Эшелоны кабардинцев, балкарцев, чеченцев, крымских татар, греков и болгар, русских немцев. На расстояния в десятки тысяч километров новой политической географии перемещались целые народы, сокращая их, лишая их достоинства, а значит качеств.

^{*} Антонов

Перемещаться в поезде — это как совершать путешествие во внутрь себя, восходя по собственному *Я*, для того чтобы открыть, что *Я* не существует. Потому что *Я* — это вселенная, а вселенная — это *Я*. В то время как всходит молитва: *Боже, суди меня не как Бог, а как человек!*

Наш поезд моряков насчитывал 26 вагонов. А бывает и все сорок. Некоторые товарные поезда в Сибири достигают и ста. Настоящие монстры равнины. Наш поезд часто останавливался на полустанках в ожидании встречного. Как стаи птиц, моряки прыгали с поезда и перехватывали его на ходу, возвращаясь с полными руками полевых цветов, для бабушки и для меня. Первые цветы моей жизни. Проводница искала стеклянные банки по всему вагону. Цветы нравились всем. Ребята были хороши собой. Может быть, потому что у них была военная выправка, а может быть, потому что они рассуждали о жизни, о смерти, о душе. С малых лет я чувствую красоту физически, всем телом. Красота находится вне интеллектуальной рассудительности, вне законов. Ее ощущаешь или нет. И так целую неделю продолжалось это поступательное движение, медленное и возбуждающее.

Из Москвы в Бугульму мы ехали в отдельном купе, менее демократичном. С нами ехал молодой преподаватель литературы, неназойливый и любезный. Всю неделю мы говорили о литературе. Я только что прочла, с высокой температурой, *Идиота* и *Братьев Карамазовых*. Я с азартом собирала редкие слова. В общем, я была девушка эрудированная, открывая, к тому же весьма *формозная*, белокожая, с длинными рыжими волосами. На вокзале в Бугульме, где кончался наш путь, мой собеседник попросил моей руки у всей семьи. Он обратился к бабушке, к маме, к тете. Ему было отказано с ласковой ироничной улыбкой. *Ей всего тринадцать лет, через три месяца ей исполнится четырнадцать. Не желаете ли дождаться ее совершеннолетия?* Больше я его не видела. Не многие мужчины впоследствии хотели меня в жены. Может быть, потому что снова стала летать на самолетах.

Неповторим облик каждого поезда. Мой тоже. Он привлекает воров. Некая раскрепощенность придает мне вид порой дурашливый, порой наивный, то есть глуповатый. Как только я спускаюсь в метро, будь то в Москве или в Милане, у меня крадут портмоне. Не говоря уже о *Красной стреле* — поезде Москва-Петербург, его еще называют поездом любви. Вы едете ночью. Как в номерах на час. Всего семь часов. Бязевые накрахмаленные простыни. Узковатые, правда. Так что виднеются матрацы в тюремную полоску и сиротские серые одеяла. *Eppur si muove. И все-таки она*

вертится. Тело, душа, эшелон. Включая казино. Здесь меня иногда усыпляют каким-то газом и взламывают регулярно beauty-case-от-Прады. Или же пытаются напоить чистым спиртом в 90°, который, не знаю почему, пахнет черешней, и тогда я прячусь в сортире, который есть настоящий сортир, и тогда у меня вытаскивают из сумки последние рубли, которые я берегу на такси.

Воистину замечательной была поездка с первой из пяти моих борзых, Роксоланой, уже взрослой. Настоящее сафари. *Животным под наблюдением* была я. Мы заказали роскошное купе на двоих в международном вагоне. Это был старый элегантный вагон, типа Ориент-Экспресс, с мягкими диванами, теплыми абажурами, как в борделе, и замечательным клозетом-либерти, на каждые два купе. Мы медленно пересекали Венгрию, потом Югославию. Собака спала, молчаливая и античная, на диване напротив. Она тайно высматривала меня пирамидальными эзотерическими глазами фараонов. В Будапеште мы совершили замечательную прогулку. Я, как всегда, в широкополой шляпе с фазановым пером, этакая Диана-охотница, и Роксолана, совершенный экземпляр суки борзой. Она могла свести с ума самого Павича. Если бы не влюбилась в меня. Она протестовала, когда я смела говорить с кем-либо, она набрасывалась на меня (вот именно!), если кто-то смел делать нам комплименты. Я превратилась в арабскую женщину. Смотрела в землю. Больше не выходила. Я и сама влюбилась в нее. Настолько, что потом всю следующую жизнь у меня были только борзые. Остальную часть пути я выходила только быстро выгулять собаку или в поисках еды для нее. Я читала, читала. Тогда она, возмущенная, напала на меня, приревновав к книге. Ее зубы крокодила причиняли жуткую боль. Я до сих пор ношу их следы. От горя она упала в обморок. Собака, разумеется. Несколько лет я выносила ее бешеную любовь. Потом я вручила ее друзьям, которые в своем питомнике держали даже тигров.

Но венцом поездов всей моей потрясающей и потрясенной жизни был Поезд Поэтов. Поезд с большой буквы. Уже не путешествующее Я, а сама Поэзия. Оно оказалось в гостях у Поэзии. Это все Антонио, друг-марсианин, который таким манером звал меня: *Приезжай в Сицилию! Это здесь проходит поезд истории*. Как всегда, он был прав. Это был крошечный поезд, который напомнил мне *Голубую стрелу (Стрелу Доломитов)*.

Она врезалась на скорости 120 километров в час во встречный поезд, недалеко от Тревиальо. Стрела следовала из Ауронцо в Милан. Я говорила о России с Ферруччо Солери: вечный *Слуга двух господ*, и с Даниэле Пиомби: ведущий на ТВ, когда я вдруг потеряла сознание. Я пришла в се-

бя на голой земле под дождем, в открытом сумеречном поле, я пыталась понять, в каком направлении еду, в Москву или в Одессу. Мне казалось, что мы ждем встречного поезда на полустанке. Мне казалось, что я слишком долго спала.

Мне казалось, что моя могила — это и есть та равнина, которая окружает поезд.

Я забыла итальянский. Вместе с другими я попала в больницу. Ферруччо — на шесть месяцев, я — на один. У меня образовалось странное лицо, как гигантская пицца, которая опиралась на грудь по вертикали. Шея смешалась со всем остальным, поэтому я долго не могла двигать головой. Из поезда меня вытащил Пиомби. Иначе этот поезд стал бы последним в моей жизни. С Пиомби ничего не случилось. Больше я его никогда не встречала. Кое-кто ушел навсегда. На деньги железной дороги я купила свою первую машину.

На крохотном вокзале в Кастель ди Туза, в Сицилии, воздух в шесть утра теплый и розовый, древнее море неподвижно и молчаливо, городок погружен в сон и обращен в себя. Какие-то фигурки, хрупкие и серебристые, рассеянные по перрону, вздрогнули, когда голос в репродукторе стал перечислять, жизнерадостно и торжественно, имена поэтов, которые сядут в этот поезд вместе с заключенными, психопатами, студентами и рабочими, преподавателями и психологами, рыбаками и вулканологами, просто пассажирами. Голоса вокзала Тузы были те же, что и вокзала Москвы или Таганрога. Они говорили с поэтами. Голоса, свет, цвета — все напоминало мне мир марсиан Брэбери. На Сицилии, как на Марсе?

Я уже представляла себе, как поэты садятся в поезда по всей Европе и бормочут слова о красоте, о любви, о мудрости, о том, как живется на Земле, на Луне, на Сицилии, о своей *paena insularis**. Ибо все напрасно — потому что старость есть высочайшее качество одиночества, не считая наивысшего одиночества смерти.

Отличная переправа Поэзии по склонам Этны, через цитрусовые сады острова, через архитектуру из черной лавы, через Лету глобализации, во имя ее спасения. Поэзии, разумеется. Маленький-маленький поезд бежит, стучит колесами. *Тук-тук, так-так*. Последний карбонарий! Бег продолжается. Тук-тук, так-так.

Здесь, в Москве, минус двадцать. Чао, Антонио.

Милан — Москва
Авторизованный перевод с итальянского Аллы ГОЛОВАНОВОЙ

* (Лат.) наказание островом.

Танго

Фиолетово-желтые отблески солнца скользят по шербатому столу, шифоньеру с разбитым зеркалом, старому посылочному ящику с детскими игрушками и застревают в ворохе сырого белья, приготовленного для глаженья. В двух низких креслах, стыкованных на ночь, спит ребенок. Ножки его поджаты под тонким одеялом. Рот приоткрыт, кулачок упирается в щеку. В углу, на деревянной кровати, против низкой кирпичной плиты со ржавыми кольцами, спят мужчина и женщина. Он бормочет о каких-то бумагах, временами вскрикивает. Она безмолвно спит лицом к стене после суетного дня и ненавистной стирки в жестяном корыте.

Через сорок минут будильник опрокинет их в холодное мартовское утро. Она станет хлопотать на закопченной кухне вокруг примуса и бутербродов с консервированным паштетом, купленным у повара из больницы. Он будет стелить постель, выгребать золу из остывшей плиты, а потом сядет на край кровати и провалится в дрему еще минут на десять.

Когда Она войдет в комнату, Он встрепенется, подхватит с полки деревянную подставку и торопливо сунет ее под чайник, который Она выжидающе будет держать над столом.

Потом Она разбудит сына, и ребенок, как всегда, начнет день с плача и будет упрямо натягивать одеяло на сонную голову. Она будет нежно шептать "mi querido hijito", обещать что-то, ласкать его и задышаться в восхищении от шелковистых пепельных завитков на детском затылке. Мальчик захнычет, оттолкнет ее руку, а Она ему, еще сонному, примется надевать толстые коричневые чулочки... Наконец, застегнет их на петли, поцелует его в щеку и потянет за руку, они побредут в кухню, и над утробой чугуна отлива Она будет обтирать ему лицо и шею холодной водой.

Протяжные гудки пронзят утренний город, зашипит армия чайников, в половинках газет спрячутся унылые завтраки, захлопают бесчисленные двери... Серая-пресерая масса высыплет на улицы и заспешит к фабрикам, конторам... Тысячи ртов будут выдыхать "деручий" табак "Беломоркана-ла", отхаркивать, отрывивать и чертыхаться, а заскоружные пальцы — растирать набрякшие от вчерашней пьянки глаза.

Танго в раздумьях аккордеона, тягучее как мед, осторожно ступает и пробежкой крадется к гибким телам... Вдруг обрушится дерзким порывом,

^{*} (Исп.) мой любимый сыночек.

смерчем закружит юбки, брюки, черные чулки, галстуки и красные губы, побежит электрическим разрядом по коже. И крепче сожмутся ноги и ту- же сплетутся руки, и только замелькают туфли и засверкают глаза Она упадет на его согнутое предплечье, и он поволочит ее покорное тело... Но вот она вскипит, вопьется ступней в его ягодицу... Его рука стиснет ее бедро... Снова замелькают черно-красные пятна и замрут чулками, губами, глазами, и трепетный стон не то музыки, не то сплетенных тел взметнется столбом и с дрожью расплещется в последнем аккорде...

Пока ребенок ест завтрак, Она выбегает из комнаты за позабытым ножом и, замерев в дверях кухни, любуется его смуглым мускулистым телом, извивающимся под струей. Взгляд его выхватывает ее тонкую фигуру в проеме двери. Он поворачивается, делает к ней шаг и, разбрызгивая воду, стекающую по спине и груди, мокрыми руками обхватывает ее матовое лицо и с нежностью втягивает ее губы в свой рот. Она поджимает ногу и медленно касается его коленом и растекается по его груди и бугри-стому животу... Он подтягивает халат и руками обвивает ее ягодицы. "Мама", — кричит ребенок из комнаты... Они вздрагивают и отталкиваются друг от друга. Она спешит в комнату, а Он поднимает упавшее по-лотенце и вдруг со стоном бросается к отливу и смывает неудержимое семя.

— Dios mío, — шепчет Он с отчаяньем, — по puedo aguantar más... по puedo... ¿Qué es lo que hicimos que nos castigas tanto?

Он упирается лбом в шершавую стену и с силой ударяет по ней костяшками пальцев. Слезы бегут из глаз. Он наклоняется и усиленно пле-щет водой в лицо.

В коридоре хлопает дверь. К кухне приближаются шаркающие шаги соседки Анны Митрофановны. Он отходит в сторону, начинает вытирать-ся. Щелкает выключатель, загорается еще одна лампочка scarлатинового света.

— Доброго ранку, — кланяется Он ей.

— Угу, — бурчит Анна Митрофановна, глядя в пол. Она ждет, что Он извинится за лужу перед умывальником, но Он молчит. Анна Митрофа-новна не выдерживает:

— И кто же это будет подтирать?

Он беспомощно топчется, ищет глазами тряпку, но не находит.

— Понаехали на нашу голову! — Анна Митрофановна перегибается че-рез лужу и опорожняет в отлив зеленый ночной горшок.

^{*} (Исп.) Боже, я больше не в силах вынести... не в силах... За что ты нас караешь?

— Пробачте, — бормочет Он виновато и спешит в свою комнату.

— Шоб ты сказался, — шипит ему вслед Анна Митрофановна. По-прежнему с горшком в руке, она ногой тянет половую тряпку из-под своего кухонного стола.

— Хуже немцев... те чистоту уважали, а эти, чисто цыгане, лопочут и курят целый день, а убрать за собой — дудки!

Анна Митрофановна увлечена и не замечает, как в кухне появляется молодая блондинка с большими металлическими бигуди. Анна Митрофановна поспешно заводит руку с горшком за спину, и морщины ее растягиваются в улыбке.

— Утречко добренькое, Верочка! Ну, как спалось? Что снилось?

— Здорово, Митрофанна! — басит блондинка. — А шо приснилось? Я вчера як вырубилася после гулянки, так ничего и не помню. Ты, Митрофанна, случаем не видала, я одна пришла или хто был со мной?

Блондинка громко икает и осторожно трогает бигуди. Из надорванного кармана китайского халата она извлекает пачку папирос.

— Дай прикурить, Митрофанна. Я свои в комнате оставила.

Анна Митрофановна торопливо протягивает ей коробок спичек и понимающе подмигивает:

— Да уж не одна, Верочка... с летчиком прилетели... хэ-хэ... Да...а...а... красивый такой мужчина... видный...

— С летчиком? — задумчиво тянет блондинка. Она недоуменно кривит губы и выпускает дым через ноздри. — Хм... не помню...

— Вы, Верочка, поосторожней перед отливом... Пол мокрый еще... Я только подтерла за испашкой... налил лужу, понимаете, а убрать за собой извини-подвинься... чисто свинья... Как вам такое нравится?

— А шо? Испашка мне очень даже... только гордые они чересчур и акромя выдры своей глистогадой никого не видют... А то бы... я его бы...

Обе женщины весело смеются. Анна Митрофановна даже рукой машет от удовольствия.

— У них в Аргентинии бабы неинтересные, а мужики страстные, як наши грузины... А этот еще и красавчик! Токо чего их сюды принесло?

— Не знаю, Верочка, не знаю... Я вот хотела просить у вас, если не затруднительно...

— Тридцатки хватит? — вяло спрашивает блондинка.

— Да уж хватит... конечно... Мне до следующей среды, а в среду у Пал Васильича получка, так я сразу...

— Да ладно те, Митрофанна! Кода отдашь, тогда и отдашь...

Блондинка бросает окурок в отлив и поворачивает голову на звук шагов из коридора.

— Ишь, святая троица! — Анна Митрофановна презрительно хмыкает, — каждое утро втрех высыпают.

— А где он работает? — блондинка, опершись о косяк, выглядывает из кухни.

— Шут его знает, Верочка. Иногда днем дома торчит, а то допоздна не приходит. Ее видала в хлебном на разрезке... а он — не пойму.

— А ты разузнай, Митрофанна! Не мешае знать, с кем живем под одной крышей! Може, они шпиёны... Так наш долг выведать и докласть... Ты как думаешь?

— Так и не думаю! Чисто шпионы! Иначе, какого хрена сюдой из Аргентинты тащиться? По мне, так сразу бы их на Колыму... Кабы не помер Сталин в позапрошлом году, так их бы вмиг упрятали! А тут комнату дали в самом центре, ребенка в детский сад без очереди... На всем готовом живут... О нас власти, небось, не хлопчутся... А этим, здарсьте-пожалста, и то? и сё... И шо с ними так нянькаться, раз они здесь!

Танго, летучее, кинжальное танго! Томное до онемения в кончиках пальцев... цепкое в тысяче касаний, в шелесте тел, в запахе воздуха, в гуле голосов и цоканьи рюмок! Танго! Любимое танго! Щека к щеке с раздавленными бусинками пота; поворот головы, кружево ног... и переборы бандонеона... Танго под всхлипы гитары в сизом дыме сигары Сесара и хриплый голос мамаситы Тересы... И сварливая Росарио между столиками, опорожняющая пепельницы... Друзья, с которыми в детстве гонял в футбол... Любимые переулки, и пятна витрин в теплом декабре на Рождество... Свидания с Консуэло, Марисоль, Эстелой, Карлой... пока не встретил Линду... И первая послесвадебная неделя, которую провели взаперти... и пляжились всю вторую... и просыпались утром и благодарили Небо...

Он сидел на скамье в садике напротив гостиницы "Спартак" и глядел на колышущиеся тени веток акаций. В девять Он должен быть в номере 238 на втором этаже... второй этаж, номер 238, в девять... Господи, зачем все это? Эта непонятная жизнь... Чужие люди, копошащиеся в его мыслях... Чужие запахи... А в Буэнос-Айресе... Там кафе дона Игнасио, шум голосов портеньос, шутки друзей, головокружительное танго... И мечты болтунов... А он еще до хрипоты в горле доказывал Хорхе и Антонио... Боже милосердный...

На неньку Украину их семьи из Аргентины и Уругвая корабль доставил шестнадцать месяцев тому назад. Их приветствовали в порту флагами и маршами. Им жали руки, улыбались, кричали "ура", произносили радостные речи и называли "счастливыми", и они были счастливы... Их никто никогда так не встречал. Они без устали махали руками и плакали, потому что вздохи и молитвы дедов не пропали даром — они вернулись!

Сначала всех поселили в доме отдыха за городом. Постепенно стали развозить семьи по новым адресам. К концу третьей недели выкрикнули фамилию Пивень. Через пять месяцев всех снова собрали во Дворце железнодорожников на торжественном вручении паспортов. Их лица уже не сияли. Им велели помахать цветами перед кинокамерой, и они махали... с потухшими глазами и сомкнутыми ртами. С ними говорили по-русски, а они стеснялись своего заморского украинского — они уже многое усвоили в новой жизни...

После торжественной части к Нему подошел блондин и велел подняться на второй этаж. Он недовольно повел плечом. Тогда блондин с силой произнес: "Робіть, що вам кажу!". И Он пошел. В методическом кабинете на втором этаже его ожидали двое мужчин. Один лет пятидесяти и второй — совсем молодой. Старший поднялся навстречу, представился подполковником Урыгиным и энергично пожал ему руку:

— Поздравляю, товарищ Пивень, с получением советского гражданства и советского паспорта. Знакомьтесь, мой коллега, Владимир Михайлович Цикун.

Молодой протянул руку и приветливо кивнул. Они сели за низкий стол. Владимир Михайлович достал из портфеля сверток и, протягивая его, сказал:

— Это вам от нас подарок!

В комнату постучали, дверь осторожно отворилась: на пороге, широко улыбаясь, замерла буфетчица с подносом в руках. Владимир Михайлович резво поднялся и принял поднос. Разлив водку, он радостно потер ладонями: "Прошу!". Подполковник ослабил галстук, прочистил горло и поднял стакан:

— Ну, еще раз с замечательным событием в вашей жизни! Помните и гордитесь — вы теперь граждане великого Советского Союза!

Подполковник опорожнил стакан, ухнул, подхватил кислый огурец с подноса:

— Что же вы не пьете, Альберто? Давайте-давайте, привыкайте к нашим традициям! Теперь, впрочем, и вашим!

И Он выпил и тоже выудил кислый огурчик. Подполковник заговорил о зиме, рассказал шутку про черный снег в Африке, которую Он не понял, а потом поинтересовался, нравится ли Ему проектное бюро, как Рикардо освоился в детском саду, и пообещал другую работу для Линды. Еще спросил, с кем Он и Линда поддерживают отношения в новой жизни, о чем говорят друзья, и продала ли Надя отцовский дом...

Он бросил тревожный взгляд на подполковника и пробормотал что-то невнятное... Голос подполковника сделался жестким:

— Только в прятки с нами играть не надо... Да-да, Альберто, не надо!

Подполковник поднялся и стал медленно вышагивать по комнате:

— Мы думаем, что вы это делаете от растерянности... потому что напуганы произошедшими в вашей жизни переменами. Так ведь? Но мы здесь для того, чтобы помочь вам... Ну, разумеется, в свою очередь мы рассчитываем на вашу помощь... как принято меж друзьями.

Подполковник остановился и пристально посмотрел на него сверху:

— Я верю, что после сегодняшней встречи ваша жизнь начнет меняться к лучшему, товарищ Пивень. Вот за это обязательно надо выпить.

Полковник кивнул Владимиру Михайловичу, и тот мгновенно потянулся за бутылкой.

— Я не розумію, про що ви говорите, — осмелел Он.

Тогда подполковник сказал, что они знают, пока их семье трудно, но пройдет два-три года, Он подучит русский, его переведут на должность архитектора, Линда тоже освоит язык, они купят участок земли и построят дом по его проекту.

— Как мечтали, не так ли?

Он неуверенно кивнул.

— Но самое главное, — торжественно продолжал подполковник, — это то, что ваш сын теперь гражданин великой страны... Ну, а теперь давайте выпьем за то, чтобы меж нами не было недоразумения.

Урыгин заглотнул водку, подул в кулак и подцепил ломтик сыра.

— Конечно, вы совершили ряд необдуманных поступков... можно сказать, даже серьезных ошибок. Но мы понимаем... Мы понимаем... Поэтому решили пойти с вами на разговор, выяснить ваше отношение к некоторым обстоятельствам... и заодно помочь вам разобраться... Вот, скажем вы отговариваете вашу сестру Надю от приезда... Не нужно ей советовать "подумать". Она уже все обдумала и решила, а вы своими письмами только сеете необоснованные сомнения... и вообще, не нужно жаловаться. Ни по-испански, ни по-украински! Не раскисайте... и перестаньте идеализи-

ровать прошлое! Вы ведь не для того приехали в СССР! Люди вокруг вас правильно оценивают ситуацию. Однако помочь мы вам можем, если убедимся, что помогаем другу... дру-гу!.. Вот так-то, товарищ Пивень! Надеюсь, вы меня правильно понимаете?

Он попытался ответить, но слова вышли жалкими. В голове все время вертелось "советское гражданство"... "советское паспорт"... "гражданин великой страны"... Как же так? В его паспорте написано "аргентинец". Он проверил паспорт Линды сразу после вручения. Там тоже "аргентинка". Стало быть, они по-прежнему аргентинцы. Они не собирались менять гражданство. Так они решили еще на корабле: сначала поживут-посмотрят, понравится ли, а уже потом видно будет, менять гражданство или нет. Они даже в анкетах писали "национальность — аргентинцы". Почему же этот военный все время повторяет "советское гражданство"? И откуда ему известно, о чем Он пишет сестре и что обсуждает с земляками?

Он было решился спросить, но в этот момент Владимир Михайлович встал и протянул ему листок с номером телефона. Владимир Михайлович сказал, что уверен, они будут друзьями...

— Нам предстоит обсудить еще много вопросов. Встретимся в гостинице "Спартак", в номере 238 в шесть тридцать во вторник. Договорились? Только о нашей встрече никому, даже вашей жене...

Он не пошел в гостиницу на следующей неделе. Через месяц Владимир Михайлович пришел к нему на работу и спросил, почему Он увильнул от встречи и почему не пишет писем сестре — она волнуется, послала запрос в Красный Крест.

— Нехорошо, товарищ Пивень! — сказал Владимир Михайлович. — Не по-нашему это!

— А как по-вашему? — раздраженно выкрикнул Он.

Цикун недовольно уставился на него, покачал головой:

— Ну что ж, Пивень, не хотите по-хорошему, давайте по-плохому... Вы заявление о возвращении в Аргентину зачем подали? Вам что, непонятно, что к Аргентине ваша семья не имеет никакого отношения? Вы теперь советские люди, и родина у вас навсегда — Советский Союз! И зарубите себе на носу, что у вас нет никакого аргентинского подданства. В паспортах у вас записано "граждане СССР", а национальность, как просили в анкете, — "аргентинцы"... На-ци-о-наль-ность! Понятно? Ваш отъезд нецелесообразен для нашей страны. Вы нам еще когда-нибудь за это скажете "спасибо". Как советский человек вы обязаны помогать советской власти! Мы вам жилье дали, работу подыскали, ребенка устроили в детсад, а вы к нам

с враждебностью? Вот это и есть не по-нашему, Пивень! Вы или с нами, или против нас! И я вас спрашиваю, по какую сторону баррикад стоите?

Он прошептал "не знаю"... схватился за голову, качнулся и упал на пол.

Пришел в себя Он на стеганом кожаном диване. Перед ним стояли врач и медсестра скорой помощи. Врач с еврейской картавостью объяснил, что у него повысилось давление, что надо соблюдать режим, не курить и не предаваться излишества в любви, а то давление снова подскочит...

— В двадцать девять рановато для инсульта.

Сестра сделала ему второй укол, опять измерила давление. Врач на прощание похвалил его, сказал "лады"...

В кабинете остались Он и начальник отдела кадров Иван Никанорыч Крячок, юркий коротышка с бабьим лицом.

— Ну, шо ж это вы себя не жалеете, товарищ Пивень? Вам подлечиться надо. Мы вот здесь в администрации вошли в положение, покумекали и решили выделить вам профсоюзную путевочку в санаторию, понимаете, в Крым... Нда...а... так что лечитесь, а как подлечитесь, ворочайтесь до нас, и мы вас на старшего техника повысим... вопрос, понимаете, уже обсужден.

Иван Никанорыч протянул ему сложенную втрое полоску бумаги, еще разок сказал "нда...а..." и выкатился из кабинета.

Танго, грустное танго... медленная капля, стекающая по пыльному стеклу, обгоревший гвоздь на пепелище... танго с перекошенным судорогой лицом и с распахнутым в немом крике ртом... танго больничного воя и скрежета ломаных ногтей... И сил уже нет в обмякшем теле... и скалится гитара обглоданной костью... и непонятно, живо ли оно... танго — танго... тан-го... тан...

Он не вернулся на работу и не написал Наде. Она вызвала его телеграммой на переговорный пункт. Он успел сказать ей "Nadia, ¡no te vayas! ¡Nunca! ¡Jamás! Es una pesadilla, Nadia... Te imploro que te quedes..." — и телефонная связь оборвалась.

Они одолжили денег у Мыколы и Алисьи, и Он поехал в Москву, в Аргентинское посольство — просить помощи.

Его арестовали перед самым посольством "по подозрению в подготовке террористического акта на территории иностранного государства". Под

¹ (Исп.) Надя, не уезжай! Никогда! Ни за что! Это какой-то кошмар, Надя... Умоляю тебя, останься...

конвоем привезли назад и посадили в КПЗ. На третий день уголовники избили его, а на четвертый изнасиловали... Еще через день появился Цикун, удрученно покачал головой и молча протянул бумагу. Он заплакал и подписал, не читая... Цикун вслух прочел документ, из которого следовало, что ни у него, ни у Линды нет никаких претензий, Он сожалеет о содеянном и просит компетентные органы простить его за вред, причиненный советской власти. Он тихо плакал... А когда Цикун сказал, что отвезет его на служебной машине домой, разрыдался...

Через две недели Цикун появился в их комнате. Линда была на работе, а Рикардо в детском саду. Цикун был строг. Сначала долго поучал, как надо жить по-честному, по-советски, а потом перешел на крик:

— Посмотрите на себя! Сидите дома, заросли щетиной и пьянствуете! Вы что, совсем свихнулись, Пивень? О себе не думаете — подумайте о семье! Жена ваша из кожи вон лезет на двух работах, а вы... Вот что, Пивень, или вы приступаете к трудовой жизни, или мы забираем ребенка в детдом! Советские дети должны жить в нормальных условиях, без влияния враждебной идеологии!

Он начал ходить в гостиницу "Спартак", в комнату 238, каждую среду, в девять часов утра. Никто не настаивал, чтобы Он вернулся на работу. Ему выплачивали пособие из Красного Креста. Раз в месяц Он приходил за деньгами, расписывался в ведомости политэмигрантов и с облегчением выскакивал на улицу. Их стали избегать. Куда-то исчезли давнишние знакомые; о нем пошел скверный слух. Только Мыкола и Алисья еще приглашали их к себе. Мыкола делался модным портным. Он округлился и выглядел вполне благополучным человеком. Алисья показала Линде брошь и кольцо, которые Мыкола ей купил на их годовщину через одного из клиентов, заведующего скупкой драгметаллов. По секрету сказала, что скоро начнут строить дом... хотят на четыре спальни...

— Как у дона Порфирио, помнишь?.. С крытой беседкой во дворе...

Без пяти девять Ему снова придумывать истории о тех, с кем Он давно не поддерживал связи...

Он встал, пересек улицу, подошел ко входу гостиницы... и, не задерживаясь, прошел мимо... Тихо побрел по немногочисленному переулку, в котором начали распускаться деревья. Обошел театральный сквер и остановился у городской доски почета: головы всех мужчин на выцветших фотографиях были стрижены под "бокс" и повернуты под одним и тем же углом вправо, а головы женщин с одинаковыми "бубликами" — под тем же углом влево.

— В большом городе несложно найти двадцать человек с одинаковыми затылками...

Он шел, не выбирая дороги, пока не наткнулся на брусчатку моста над припортовым спуском. Посередине остановился, оперся локтями о парапет и в такой согбенной позе долго смотрел на торговые причалы, где сустились фигурки людей, размеренно поворачивались стрелы подъемных кранов и сновали игрушечные электрокары. Под мостом, тяжело урча, поднимались по спуску грузовики с контейнерами... один... еще один... еще...

Танго, горячее, как ожог, и хмельное, как звездное небо, содрогнется в двух сомкнутых телах и долго кружит в переливах под сладостный шепот и стон шагов... Танго! Невозможное танго! Убегает и с тихим плеском растворяется в пустоте... и не остается ничего — ни звука, ни чувств... лишь вздох пережитого наваждения...

Утром следующего дня Анна Митрофановна деликатно постучала к соседке. Блондинка была не одна, поэтому едва приоткрыла дверь.

— Ну? — сказала она сипло и похлопала себя по разинутому рту... — Чого тебе?

— Добренькое утречко, Верочка, — затараторила Анна Митрофановна, — токо не доброе оно, потому как жуткая новость... — и она умолкла, заманивая блондинку в разговор.

— Шо? — резко спросила блондинка, — Полюську за краденое арестовали? Так ты не бойсь! Не закладу. Я-то знаю, шо вона у тебя барахло хранит.

— Да что вы, Верочка? Бог с вами! Полина Петровна святая женщина... Наговариваете вы на нее... И при чем туточки я к ее товару?..

— Ну, шо ты заблеляла, Митрофанна? Не про тя и ладно... а про шо?

— Другое... Верочка... совсем другое... Нюрка только что забегала... Этот наш испашка вчера с моста сиганул... и насмерть! Его еще грузовик переехал... Дворника в пять утра на опознание вызвали... а этих его вчера на ЗИМе увезли куда-то...

— С моста?.. С какого моста? — поразились блондинка и от неожиданности распахнула дверь... И тогда Анна Митрофановна замерла с разинутым ртом и, никак не в силах отвести потрясенного взгляда от двух голых мужчин на Веркиной кровати, завизжала "мамочки мои!" и бросилась в свою комнату.

— От дура! — злобно процедила блондинка. — Щас начнет языком молоть... Мда...а... жалко испашку... красивый шельма был!

Блондинка потянулась, передернула телом и захлопнула дверь.

Анна Митрофановна выглянула из своей комнаты в темный коридор. В одной руке у нее был зеленый ночной горшок, в другой — оба шлепанца. Босиком, на цыпочках, подкралась к Веркиной двери и согнулась до замочной скважины, но из-за ключа, вставленного с другой стороны, ничего не увидела.

— Тыфу ты, — едва дыша, прошептала Анна Митрофановна и плотно прижалась к отверстию.

В ухо неприятно дул сквознячок. Анна Митрофановна потрясла головой и снова приложилась к двери: из глубины комнаты доносились мужские голоса и смех блондинки.

— Вот ведь устроилась, курва! И никакой управы на нее нет... и с моста не кинется, и сразу не подцепит...

Анна Митрофановна оторвалась от двери и плюнула на половичок. Надев шлепанцы, она привычно зашаркала по коридору. В кухне нащупала свой выключатель, но помешкала... и включила лампочку Пивней.

— Им теперь все равно!

Она старательно полоскала горшок, несколько раз кивнула, а то вдруг пожала плечами, словно соглашалась и не соглашалась с одолевавшими мыслями.

Лос-Анджелес



Красивая женщина...

Жил-был художник

Красивая женщина, которая позировала художнику, выглядела так, как будто она только-только спустилась с облака: в ее глазах дрожало небо, в душе плескалось море, а в сердце варили самогон.

— Ты знаешь, что через меня прошли три стихии, — улыбнулась красивая женщина. — Нет, они меня не изменили, они поглотили меня. Они наполнили меня счастьем.

— Скажи, пожалуйста, ты что, уже вытащила занозы из души? — красивую женщину пожирали глазами полуголый дядька с волосатыми плечами и короткими пальцами. Он окунал пальцы в краску, смешанную с клеем и вареньем, и размазывал ее по холсту. У закрытого окна толпились мухи и комары. Дядька открыл окно, и толпа насекомых ринулась к холсту.

— Красиво... — сказал дядька, глядя, как прилипшие мухи пытаются наесться перед смертью.

— Мерзко! — сказала красивая женщина и ушла на кухню готовить кофе. Она знала, что ее мужу просто необходимо выпить кофе, когда завершена очередная картина. Растирая черный порошок с сахаром, она вдыхала любимый запах и думала:

— Когда заканчивается романтика любви: когда понимаешь, что твой муж не гений вовсе, или когда готовишь ему сто первую чашку кофе?

Шаркая тапочками, вошел дядька и принес собой сладкий запах вишневого варенья. В его толстые короткие пальцы въелась красная краска. Он похлопал жену чуть ниже талии, оставив розовые пятнышки. Красивая женщина дернула бедрами, отгоняя его, как надоедливую муху. Дядька уселся на стул, и живот распластался у него на коленях:

— И что, моя девочка уже приготовила мне кофе?

Красивая женщина бросила ложечку в раковину и выключила свистящий чайник.

— Каждый раз одно и то же, — подумала она, но вслух сказала: — Грустно лишь тогда, когда звуки разбиваются о голые стены...

— Наверное, — многозначительно икнул муж. — Наверное, эти стены видели и лучшие времена. Но я уверен, что им все равно, что в них швыряют, то ли звуки, то ли вообще ничего. Они дышат моими картинами. Это пристанище, прибежище, лежбище для картин. И звуки разбиваются не о стены вовсе, а о мои картины. Ты же любишь мои картины?

Красивая женщина преданно посмотрела на мужа:

— Нет... Я их... Нет, я их люблю...

Блондинка потянулась, передернула телом и захлопнула дверь.

Анна Митрофановна выглянула из своей комнаты в темный коридор. В одной руке у нее был зеленый ночной горшок, в другой — оба шлепанца. Босиком, на цыпочках, подкралась к Веркиной двери и согнулась до замочной скважины, но из-за ключа, вставленного с другой стороны, ничего не увидела.

— Тыфу ты, — едва дыша, прошептала Анна Митрофановна и плотно прижалась к отверстию.

В ухо неприятно дул сквознячок. Анна Митрофановна потрясла головой и снова приложилась к двери: из глубины комнаты доносились мужские голоса и смех блондинки.

— Вот ведь устроилась, курва! И никакой управы на нее нет... и с моста не кинется, и сразу не подцепит...

Анна Митрофановна оторвалась от двери и плюнула на половичок. Надев шлепанцы, она привычно зашаркала по коридору. В кухне нащупала свой выключатель, но помешкала... и включила лампочку Пивней.

— Им теперь все равно!

Она старательно полоскала горшок, несколько раз кивнула, а то вдруг пожала плечами, словно соглашалась и не соглашалась с одолевавшими мыслями.

Лос-Анджелес



Красивая женщина...

Жил-был художник

Красивая женщина, которая позировала художнику, выглядела так, как будто она только-только спустилась с облака: в ее глазах дрожало небо, в душе плескалось море, а в сердце варили самогон.

— Ты знаешь, что через меня прошли три стихии, — улыбнулась красивая женщина. — Нет, они меня не изменили, они поглотили меня. Они наполнили меня счастьем.

— Скажи, пожалуйста, ты что, уже вытащила занозы из души? — красивую женщину пожирали глазами полуголый дядька с волосатыми плечами и короткими пальцами. Он окунал пальцы в краску, смешанную с клеем и вареньем, и размазывал ее по холсту. У закрытого окна толпились мухи и комары. Дядька открыл окно, и толпа насекомых ринулась к холсту.

— Красиво... — сказал дядька, глядя, как прилипшие мухи пытаются наесться перед смертью.

— Мерзко! — сказала красивая женщина и ушла на кухню готовить кофе. Она знала, что ее мужу просто необходимо выпить кофе, когда завершена очередная картина. Растирая черный порошок с сахаром, она вдыхала любимый запах и думала:

— Когда заканчивается романтика любви: когда понимаешь, что твой муж не гений вовсе, или когда готовишь ему сто первую чашку кофе?

Шаркая тапочками, вошел дядька и принес собой сладкий запах вишневого варенья. В его толстые короткие пальцы въелась красная краска. Он похлопал жену чуть ниже талии, оставив розовые пятнышки. Красивая женщина дернула бедрами, отгоняя его, как надоедливую муху. Дядька уселся на стул, и живот распластался у него на коленях:

— И что, моя девочка уже приготовила мне кофе?

Красивая женщина бросила ложечку в раковину и выключила свистящий чайник.

— Каждый раз одно и то же, — подумала она, но вслух сказала: — Грустно лишь тогда, когда звуки разбиваются о голые стены...

— Наверное, — многозначительно икнул муж. — Наверное, эти стены видели и лучшие времена. Но я уверен, что им все равно, что в них швыряют, то ли звуки, то ли вообще ничего. Они дышат моими картинами. Это пристанище, прибежище, лежбище для картин. И звуки разбиваются не о стены вовсе, а о мои картины. Ты же любишь мои картины?

Красивая женщина преданно посмотрела на мужа:

— Нет... Я их... Нет, я их люблю...

— Мои картины — это музыка твоей души, я это чувствую.

Красивая женщина поставила чашку перед дядькой. Сверху плавала соблазнительная пена. Она макнула в нее палец и засунула его мужу в рот.

— Кто кому нужен? — спросила она, глядя, как муж облизывает ее пальчик. — Художники музыкантам? Музыканты поэтам? Поэты художникам... художники людям? Музыканты людям, поэты — музыкантам?.. Люди — музыкантам, поэтам, художникам?

— Ой, раскудаhtалась. Ты то уж точно нужна мне.

— Для чего, чтобы восхищаться твоими картинами? — красивая женщина погладила мужа по плечу и пошла в мастерскую. Она содрала холст с рамки и понесла его в ванную комнату. Засунув холст в стиральную машину, красивая женщина расплакалась.

Муж сидел на кухне, пил кофе и почесывал липкий живот.

— Ты где? — крикнул дядька. — Любуешься новой картиной? И правильно делаешь. Это шедевр. Это музыка моей души. Вот оно, получилось. Да, я — гений! И это все ты! Это ты меня вдохновляешь. Ты слышишь, милая? Только ты могла меня вдохновить на такое. Любуйся, любуйся. Это шедевр.

Красивая женщина сидела в ванной комнате на полу и плакала. Ей было жалко себя... и чуть-чуть несостоявшийся шедевр.

Желтый день

Утром ослепло солнце.

— Желтый день, желтый день, — кричали дворовые коты и били хвостами друг о друга.

С неба стекали мелкие липкие струйки и липли к асфальту и к котам. Те не успевали слизывать с себя желтую гадость и становились похожими на заводные игрушки.

— Желтый день. Желтый день... — вздохнула Серебрина, открыв шкаф. — Это мое лучшее платье? — спросила она у дверцы шкафа.

— Скрипиндианка! — закрылась всегда и всем недовольная дверца.

— Мне эта прическа подходит? — спросила Серебрина у зеркальца. Зеркальце одобритительно посмотрело на нее самыми желтыми в мире глазами.

— Это твой день — день — день! — пропел телефон.

Серебрина схватила трубку и прижала к уху. Ее улыбка осветила желтую комнату:

— Я соскучилась... Да, я твоя желтоглазая богиня. Да, я твоя... Да, я люблю тебя... Да, да, да. Я всегда буду говорить тебе только да...

Нет. Он не приходил... Нет, я не вру. Коля, не наезжай на меня. Он давно, очень давно, не приходил... Ну, кто тебе сказал такую глупость?.. Коля, Коленька, погоди, я сейчас приеду и мы поговорим. Я же люблю те-

бя, люблю, слышишь. Нет, нет, не знаю я, почему он решил меня рисовать... Ну и что, что нельзя выходить на улицу? Нет, нет, ты не можешь знать, почему наступил желтый день... Нет, нет, нет. Нет же! Я тысячу раз скажу тебе нет...

Да, ты прав. Лучше говорить правду... Да... он заходил ко мне... вчера. Он просто хотел закончить мой портрет. Да, представь себе, я позировала без ничего, и без чувств к нему тоже. Да, ему это не понравилось... Да, мне все равно... Да, Коля, да... На все, что ты мне скажешь, я буду говорить только да.

Нет. Мне не все равно, что ты думаешь. Нет, я тобой не манипулирую. Дурацкими словами ты только натягиваешь наши отношения. Нет, нет, ты не такой, как он... Нет, он не закончил портрет... Нет, нет, не потому, что хочет еще ко мне прийти. Нет, нет, нет. Надоело все время говорить тебе "нет". Нет, ты не прав. Больше всего на свете я хочу тебя увидеть. Нет, я не люблю его больше. Нет, я не мучаю тебя...

Да... Я устала... Нет... Я не ошибаюсь. Да... Он плохой. Нет, ты хороший. Да. Он негодяй. Нет, ты художник не хуже, чем он. Да... Я такая, как все. Нет, ты особенный. Да... Нет... Да... Нет... Да... Нет... Да нет же!

Послушай, а зачем ты позвонил? Прекрасно. Все. Пока.

Серебрина бросила трубку на диван.

— Мне совсем не подходит эта прическа, — она с надеждой уставилась в зеркальце. И зеркальце с надеждой посмотрело на нее самыми желтыми в мире глазами.

— Скрипиндианка! — открылась дверца шкафчика.

— Ну и ладно, — вздохнула Серебрина и повесила свое самое лучшее платье в шкаф. — Ну, что ж, желтый день тоже не мой.

Она открыла окно и подставила руку под тонкую струйку липкой желтой дряни.

— Это больно, — сказала девушка, не ощутив ожог. В ее ладони образовалась голубая лужа.

— Это дождь, просто дождь! Значит, желтый день — это не желтый день вовсе.

Маленькое голубое озеро на ее ладошке начало желтеть.

— Это больно!!! — крикнула девушка, стряхивая с ладошки желтую липкую дрянь.

Под окнами дворовые коты били хвостами друг о друга и кричали:

— Желтый день, желтый год, желтый век...

Ослепшее солнце катилось по небу наугад.

"Мелочи жизни"

Детки-очепятки

Написать бы роман из ошибок. Или хотя бы повесть. И не совсем из ошибок, а из опечаток — очепятков. Я люблю набирать тексты, свои или чужие. Нравится мне эта машинка — компьютер. Ты ей мысли — она тебе взамен буквы-козявочки на экране высвечивает. Правда, бывает, вмеша-вается в ход повествования и пытается исправлять тебя: красными и зеле-ными ленточками под словами интеллигентно намекает, что ошибочка здесь вышла. А это и не ошибочки вовсе, а, можно сказать, дети любви. Хотя не все это понимают.

Вот была у нас одна, Ирочкой звалась. А еще звалась секретарем с приставкой "референт", хотя точнее было бы "машинистка". Тексты раз-ные набирала. Высококоньякая такая, и вся равномерная, как градусник-тер-мометр — ни бугорка, ни впадинки. Отличалась тихим нравом и громким голосом. Ну, что поделать, не любила по телефону говорить — предпочи-тала всех подзывать к себе звучным криком. Ничего, даже в дальних ком-натах слышали, кого зовет. Откликались. Так вот, она компьютер, как и телефон, не слишком жаловала. По клавиатуре колотила так, что искры сыпались — и у нее, и у аппарата беспомощного. Ну, и выдавал он ей со-ответствующий текст.

А я вот так не могу. Нет, я люблю руками мягко пробежаться по кла-виатуре, оглаживая каждую клавишу. Подушечки пальцев знают все щер-бинки-выемки. Начинаешь печатать и чувствуешь, как руки сами по себе уже по клавиатуре бегут, и боишься вмешаться в это слияние. Соприкаса-ются, вздыхают, охают, щелкают, причмокивают — страсти нешуточные разгораются. И когда эти чувства неземные выходят из-под контроля мо-его, тогда и рождаются детки-очепятки.

Есть у меня любимчики, так и норовят при каждом удобном и не очень случае выскользнуть на экран. Самый многообразный первенец — это *кон-чено* вместо *конечно*. И есть в этом какая-то мудрость. Слова однокорен-ные — и то, и другое свидетельствует, что подошли мы к концу. Но если "конечно" — вялое, размытое, появившееся в результате долгих фило-софствований или чего там еще, то "кончено" — бодрое, резкое и... оконча-тельное. Не поспоришь.

Вторая детка из другой оперы. Как ни стараюсь, а слово "ответствен-

ность" с первого раза никогда правильно набрать не удастся. Обычно по-лучается *ответственность*. Тоже ведь неспроста высказывает. Потому как "ответственность" получается какая-то пришептывающая-присвисты-вающая, убогая и скособоченная, вроде и не ответственность вообще. А с калеки и спрос какой?

Недавно новое слово вытворилось: *балженство*. Понравилось мне очень. Это же надо — не просто блаженство, а, можно сказать, балдеющее блаженство! Или вот вместо обычного временного-назидательного "пока" получилось вдруг "опка" — залихватское, хулиганское и, по моему мне-нию, жизнеутверждающее.

Все чаще и чаще выпрыгивают из-под рук моих на экран детки-оче-пятки. Кто-то скажет — усталость. А я так думаю — знак свыше. Вот напи-сать бы роман из ошибок. Или хотя бы повесть. А еще лучше — письмо любимому. Чтобы видел, как от любви к нему путаются у меня мысли, а вместе с ними слова и буквы.

Но потом решила — зачем?.. Поймет ли? В общем, одумалась... Вернее, *омудалась*. Потому как процесс обдумывания почему-то всегда превраща-ется в *обмудывание*.

А я не хочу жить обдуманно. Хочу жить-поживать. И рожать. Пусть для начала деток-очепятков.

Драгоценности

Я не люблю украшения. Никогда их не покупаю. Ношу только то, что мне подарили. Украшение подаренное перестает быть бесполезным пред-метом. Это не манок для особой противоположного пола и не знак отли-чия среди мне подобных. Замечательно, что все мои украшения получены от женщин. Маленькое незаметное колечко подарила мне подруга. Уви-дев его, я сразу поняла, что это — на все 3 грамма золота, которое оно ве-сит, — абсолютно, безоговорочно мое кольцо. Я ношу его, не снимая, и мне иногда кажется, что окольцованный палец стал тоньше в основании. Лю-бимые серьги подарила сестра. Я так к ним привыкла, что уже не ощущаю и периодически пристрагиваюсь к ушам, чтобы убедиться в наличии тон-ких золотых колечек. Есть еще подвеска — крошечный слоник и почти не-видимая нитка цепочки. Это тоже дары моих подружек. Искренние. Не-навязчивые. Не отягощающие.

Мужчины украшений мне не преподносили. К счастью. Не хочу носить на себе воспоминания о боли. Достаточно того, что они внутри. Муж-чины мне дарили совсем иные сокровища. Я называю их своими драго-

ценностями. У них нет материального воплощения, и тем весомее они для меня, потому что каждая из этих драгоценностей — часть меня.

Один говорил, что я всегда танцую. Иду — танцую, сижу — танцую, говорю — танцую. Все подчиняется какому-то ритму и мелодии, которую слышу только я. Все мои движения — часть танца. По его мнению, это был вальс.

Другой как-то сказал, что у меня улыбка Гагарина. И пояснил: Гагарин стал первым космонавтом не за свои выдающиеся успехи, а за особую, удивительно харизматичную и обаятельную улыбку. Так вот у меня такая же, с теми же запятыми в уголках рта.

Третий готов был слушать меня часами. Мой голос, негромкий, медленный, со сдержанными интонациями, расслаблял и убаюкивал его. Он говорил, что физически ощущает тепло, когда слушает меня.

Четвертый чувствовал меня на расстоянии, а, вернее, флюиды, которые от меня исходят. Объяснить, что это значит, он не мог. Просто ощущал мое появление еще до моей визуализации.

Последняя, самая дорогая мне драгоценность, беззвучна. Это легкое движение руки, убирающей волосы с моего лба.



Третье кругосветное

— Не будете ли вы так любезны, Юрий Моисеевич, — бархатно произнес епископ, — не подвезете ли вы нашего гостя. Он здесь недалеко живет, на Вестсайде. Да вы знаете его, это Викентий Вениаминович. Большой друг нашей Академии и милый человек. Он воевал поручиком еще в Первую мировую и на гражданской побывал. Кстати, вам как историку будет интересно с ним пообщаться, — закончив монолог, епископ выжидательно глянул Юре в глаза.

Владыка, так следовало называть его, был выше среднего роста, с удлиненным костистым лицом, слегка горбонос и носил окладистую с обильной сединой бороду. Одну руку он держал в кармане сиреневого шелка рясы, а второй поглаживал изумительный, с грецкий орех величиной, аметист, бывший подвеской к прекрасной работы кресту, висевшему на шее владыки.

Юра уже было собрался согласиться, но решил выдержать паузу, как бы припоминая дела, ожидавшие его. По опыту он уже знал, что одолжения легко превращаются в обязанности, а посему надо дать спрашивающему почувствовать некоторую неловкость, а может быть даже и вину за свою просьбу. Хотя для владыки это чувство вряд ли имело место быть, а может, он его умело скрывал. По висевшим в его кабинете фотографиям этого сказать было нельзя. На них он был запечатлен со всеми политическими знаменитостями США послевоенного времени. Фигура он, епископ, был загадочная. Вот с ним бы потолковать о делах минувших, но... не приставать же к начальству с вопросами о его, начальстве, непросом, мягко говоря, прошлом.

— Конечно, конечно, отец... э-э-э, простите, владыка, — оговорился Юра, т. к. епископом Арсений стал недавно, уже после прихода Юры в Академию. А до того был он архимандритом, по чину примерно штандартенфюрер. По слухам, кстати, вроде и был таковым, ну да слухи в Нью-Йорке вещь не самая надежная.

Епископ слегка повел бровью, но ласково улыбнулся и протянул руку ладонью вертикально. Тут был нюанс. Дело в том, что большинство сотрудников в случае с протягиванием руки наклоняли голову и выражали почтительное прикосновение губами к тыльной стороне владыкиной ладони. Первый раз в подобной ситуации Юра вывернул свою ладонь и ухитрился пожать руку епископу, приведя его в некоторое недоумение.

ценностями. У них нет материального воплощения, и тем весомее они для меня, потому что каждая из этих драгоценностей — часть меня.

Один говорил, что я всегда танцую. Иду — танцую, сижу — танцую, говорю — танцую. Все подчиняется какому-то ритму и мелодии, которую слышу только я. Все мои движения — часть танца. По его мнению, это был вальс.

Другой как-то сказал, что у меня улыбка Гагарина. И пояснил: Гагарин стал первым космонавтом не за свои выдающиеся успехи, а за особую, удивительно харизматичную и обаятельную улыбку. Так вот у меня такая же, с теми же запятыми в уголках рта.

Третий готов был слушать меня часами. Мой голос, негромкий, медленный, со сдержанными интонациями, расслаблял и убаюкивал его. Он говорил, что физически ощущает тепло, когда слушает меня.

Четвертый чувствовал меня на расстоянии, а, вернее, флюиды, которые от меня исходят. Объяснить, что это значит, он не мог. Просто ощущал мое появление еще до моей визуализации.

Последняя, самая дорогая мне драгоценность, беззвучна. Это легкое движение руки, убирающей волосы с моего лба.



Третье кругосветное

— Не будете ли вы так любезны, Юрий Моисеевич, — бархатно произнес епископ, — не подвезете ли вы нашего гостя. Он здесь недалеко живет, на Вестсайде. Да вы знаете его, это Викентий Вениаминович. Большой друг нашей Академии и милый человек. Он воевал поручиком еще в Первую мировую и на гражданской побывал. Кстати, вам как историку будет интересно с ним пообщаться, — закончив монолог, епископ выжидательно глянул Юре в глаза.

Владыка, так следовало называть его, был выше среднего роста, с удлиненным костистым лицом, слегка горбонос и носил окладистую с обильной сединой бороду. Одну руку он держал в кармане сиреневого шелка рясы, а второй поглаживал изумительный, с грецкий орех величиной, аметист, бывший подвеской к прекрасной работы кресту, висевшему на шее владыки.

Юра уже было собрался согласиться, но решил выдержать паузу, как бы припоминая дела, ожидавшие его. По опыту он уже знал, что одолжения легко превращаются в обязанности, а посему надо дать спрашивающему почувствовать некоторую неловкость, а может быть даже и вину за свою просьбу. Хотя для владыки это чувство вряд ли имело место быть, а может, он его умело скрывал. По висевшим в его кабинете фотографиям этого сказать было нельзя. На них он был запечатлен со всеми политическими знаменитостями США послевоенного времени. Фигура он, епископ, был загадочная. Вот с ним бы потолковать о делах минувших, но... не приставать же к начальству с вопросами о его, начальстве, непросом, мягко говоря, прошлом.

— Конечно, конечно, отец... э-э-э, простите, владыка, — оговорился Юра, т. к. епископом Арсений стал недавно, уже после прихода Юры в Академию. А до того был он архимандритом, по чину примерно штандартенфюрер. По слухам, кстати, вроде и был таковым, ну да слухи в Нью-Йорке вещь не самая надежная.

Епископ слегка повел бровью, но ласково улыбнулся и протянул руку ладонью вертикально. Тут был нюанс. Дело в том, что большинство сотрудников в случае с протягиванием руки наклоняли голову и выражали почтительное прикосновение губами к тыльной стороне владыкиной ладони. Первый раз в подобной ситуации Юра вывернул свою ладонь и ухитрился пожать руку епископу, приведя его в некоторое недоумение.

На следующий день рука уже не протягивалась, а был приветливый кивок головой, и в ответ Юрино почтительное:

— День добрый, владыка.

Когда через месяц в Академию привезли мироточивую икону, то все дети и сотрудники проходили и смотрели на нее, при этом почти все наклоняли голову, принимая благословение епископа. Юра, любопытствуя, задержался возле иконы и действительно увидел, как на поверхности появлялись капельки мирро. Похоже это было на кожу, потеющую на солнце. Поймав тревожный взгляд Арсения, он склонил голову и щекой приложился к ладони епископа, разглядывая перстень с таким же, как и на кресте, аметистом, поменьше, естественно, но в изящном касте тончайшей работы.

На следующий день, оценив Юрину деликатность, Арсений подал ему руку ребром, т. е. совершенно цивилизованно. С тех пор, не часто, но в специальных, так сказать, случаях епископ пожатием руки выказывал ему свою благосклонность.

— Так где же наш поручик? — пожимая руку, спросил Юра.

В этот момент тяжелая резная дверь в кабинет владыки открылась, и на пороге появился маленький, сухой, с детским лицом старичок. Надо сказать, что выглядел поручик не плохо, учитывая его вероятные приключения семидесятилетней давности.

— А вот и Викентий Вениаминович. Вы, кажется, знакомы с Юрием Моисеевичем, нашим историком. Он вас и подвезет к дому.

Старичок слегка наклонил голову и немного смущенно произнес:

— Право, владыка, зачем же беспокоить молодого человека, я уж сам как-нибудь, тут много такси проезжает.

— Нет уж, Викентий Вениаминович, не надо как-нибудь, а надо как следует. Юрий Моисеевич подвезет вас прямо к дому, нечего по жаре ходить, — и он протянул старичку ладонь.

Поручик, почти не наклоняясь, приложился к епископской руке и был осенен крестом и благословением. Взяв его под руку, Юра двинулся к выходу.

— Ей-богу, так неловко вас беспокоить, — виновато проговорил старичок. На высоких ступеньках он, близоруко щурясь, нащупывал ногой ступеньки. — Вот уж действительно: "мартышка к старости слаба глазами стала", — процитировал он.

Машина стояла прямо у входа в школу. Старичок остановился, посмотрел на российский флаг, свисающий из окна второго этажа, и сказал:

— А ведь дожил, опять нормальный флаг.

Тем временем Юра открыл дверь машины, пододвинул кресло чуть вперед, чтобы поручик мог слегка упираться ногами, помог ему сесть, сел сам, и они двинулись. Путь был не дальний — пересечь Манхеттен поперек. От Йорк-стрит до Вестсайд-драйв. При нормальном раскладе минут пятнадцать спокойной езды с учетом множества светофоров. Но сейчас они немедленно попали в трафик. В плохой, естественно. Машины почти не двигались. Это было и понятно, так как час пик, во-первых, а во-вторых, здесь, у гигантского медицинского центра, машин скапливалось столько, что просто дурдом.

— Вы, наверное, опаздываете, извините уж меня, Юрий Моисеевич, сам ведь собирался, да владыка не разрешил, у меня иногда спазмы сосудов мозга бывают, — сообщил он. — Могу упасть прямо на улице. Нет, нет, это не припадки. Хотя, может быть, и следы контузий Первой мировой. Да и ноги у меня, правду сказать, совсем плохие. А ведь я два кругосветных путешествия совершил, — почти с гордостью произнес поручик.

— То есть как два, когда, вернее? — спросил Юра. Они стояли под светофором у 80-й улицы. Огромный трак перед ними никак не мог вписаться в поворот. Сигналили машины, ругались водители. Юра уселся удобнее и расслабился. Стоять предстояло минут десять.

— Я ровесник века, — продолжил старичок. — И конечно, в юности был большой романтик, — букву "о" при этом он выделил очень четко и прозвучало слово поэтому несколько старомодно. — Зачитывался приключенческими романами, особенно помню "Капитан сорвиголов" о бозрах в Южной Африке.

"Надо же, — подумал Юра, — "о бозрах". У него в детстве была эта книга в дореволюционном издании, и там действительно были не буры, а бозеры. На него как бы дунул ветерок времени.

— Когда началась война с германцами, я попытался даже бежать на фронт. А в 16-м году, вскоре после Брусиловского прорыва, определился в связь. Тогда это было модно: кожаная куртка, кэпи. Но главное, мой возраст туда подходил. Я уверил всех, что мне 18 лет, почти. Ну, да и люди нужны были с образованием. А я учился очень хорошо, — слегка похвастал старичок.

Трак впереди, наконец, протиснулся, и они проскочили светофор. Покатили не быстро, но без пробок. Юра рассчитывал свернуть на 96-й улице и через Централ-парк проехать на Вестсайд. Он покосился на своего пассажира. Поручик сидел, слегка покачивая головой и пожевывая губами. Видно, челюсти не совсем хорошо сидят, решил Юра.

— Но тут наступила весна 17-го, отречение государя. Я не был большим поклонником Романовых, но все-таки... залог государственности... идея... Да вы ведь сами все это знаете, вы же историк. Я, наверное, надоед вам своими мемуарами, извините старика.

"А ведь ему девяносто четыре года, — подумал Юра, — вот это да".

— Ну что вы, — сказал он, — наоборот, потрясающе интересно. А императора вы видели?

— Нет, не пришлось. В Питере однажды видел царский проезд и императрицу. Изумительно красивая была женщина. Хотя о ней распускались всякие слухи, мерзости там... а глупости это все. Пока болтали о пустяках и рассуждали о значении российской оригинальности, кое-кто времени не терял... — поручик опять замолчал и опять зажевал губами.

Поток машин опять почти застыл. Целый квартал был разрыт. Из торчащих труб струями бил пар. Почему-то шибало мочой. Юра закрыл окно и включил кондиционер.

— Когда они закончат, наконец, эти ремонты? — произнес он скорее в воздух. Мир капитализма в сфере городских услуг до боли напоминал родной социализм. Ремонт улиц, канализации и водопроводов не прекращался ни на секунду. Точно как с покраской мостов. Дошли до края — и надо начинать заново.

— Вы знаете, — отозвался Вениамин Викентьевич, — сколько здесь живу, всегда так было, то, говорят, мэр продает заказы, то итальянская мафия все распределяет. Но уверяю вас, уважаемый Юрий Моисеевич, что в любом большом городе одни и те же проблемы. А уж я этих городов повидал предостаточно.

— Викентий Вениаминович, — осторожно прервал его Юра, — а эти кругосветные путешествия были связаны со службой или как-то иначе?

— По службе, по службе, но мне, тогда восемнадцатилетнему мальчишке, все представлялось изумительным приключением. Вы знаете, летом 17 года я входил в состав роты спецсвязи при ставке Верховного Главнокомандующего. Где-то в июле меня вызвали к начальству, вручили опечатанный портфель и приказали доставить его в Лондон послу. Конечно, я понятия не имел, что в портфеле, да меня это и не интересовало. В ставке я несколько раз видел Верховного — Лавра Георгиевича Корнилова. Безо всяких приключений я с еще одним офицером прибыл в Лондон, отдали в посольстве портфель и почти два месяца гуляли по Лондону и окрестностям.

— А что, господин поручик, в те годы в Лондоне был сильный смог? — спросил Юра.

— Не могу сказать, было лето, печки не топили. Хотя город был грязноват, закопчен слегка, правильнее сказать. Но зелени было много, и мы были молоды, и все было замечательно. А вот что меня удивило в Лондоне — это Вестминстерское аббатство. Вы не бывали там, случаем? Ну что это такое: усыпальница английских королей, а в каком ужасном состоянии.

Юра молча кивнул головой. Он уже побывал в Лондоне и был согласен с господином поручиком. В сравнении с Петропавловским собором в Питере или, скажем, аббатством Сен-Дени в Париже Вестминстерское аббатство явно проигрывало.

— Но тут последовали ужасные события сентября 1917 года и эта роковая ошибка Керенского с арестом Корнилова и Деникина. Возвратившись в ставку, мы застали уже нового Главнокомандующего — генерала Духонина. Еще несколько раз я ездил в Лондон, а потом, уже после событий в Бресте, весной 1918 года я повез очередной портфель в Сибирь адмиралу Колчаку. Ехали на пароходе в Нью-Йорк, а оттуда на поезде в Калифорнию и опять на пароходе во Владивосток. Это и было мое первое кругосветное путешествие.

Юра аж подскочил на сидении и до упора вдавил педаль тормоза. Он так заслушался, что чуть не въехал в здоровенный лимузин перед ними. Почти все, о чем рассказывал господин поручик, ему было знакомо по книгам. Но одно дело читать, а другое разговаривать со свидетелем этих немислимо древних уже событий.

— Так вы были знакомы с Колчаком?

— Конечно, Юрий Моисеевич, ведь я лично вручал ему бумаги из Лондона. Только вы уж, пожалуйста, так резко не тормозите, а то у меня голова начинает кружиться, и меня может вытошнить.

Это было невероятно. Здесь, в Нью-Йорке, в пробке у въезда в Централ-парк, рядом с Юрой сидел человек, лично знавший адмирала Колчака, Корнилова и Деникина и, наверное, еще многих людей из невероятного времени, полностью изменившего лицо мира в двадцатом веке.

— Адмирал, знаете ли, был поразительно интересный человек. Я не говорю про языки, он их знал множество, говорят, даже читал и писал по-китайски. Но со мной, мальчишкой, был прост и приветлив. Рассказывал про свои экспедиции на Севере.

Ветер времени не просто овеял Юру, но кружил его в вихре событий невероятных. Он как будто провалился в Зазеркалье, волны истории укачивали его, и он барахтался в них. Юра знал, что "Земля Санникова" Обручева написана по материалам Колчаковских экспедиций, но мог ли он

предположить, что однажды будет беседовать с человеком, лично знавшим Александра Колчака, Адмирала, Верховного Правителя Сибири. Да-а-а, свезло... Тем временем подъехали к Пятой авеню. Здесь уже был въезд в Централ-парк. Слава Богу, выбрались из пробок.

— В самом конце осени я, опять с бумагами, был отправлен на Дон к генералу Деникину. Вернее, как я узнал потом, это было письмо Вильсону по поводу конференции на Принкипо. Есть такой островок в Мраморном море. Поездка по Транссибу была совершенно невероятной. Я оказался участником, частично, слава Богу, знаменитого чехословацкого анабазиса. Летом 1919 года я еще пару раз съездил в Лондон и Париж. Воевать мне не пришлось. Я уже был, как говорят в Америке, профессионал, курьер спецсвязи. В самом конце августа — начале сентября я приехал в Одессу. Она только-только была освобождена от большевиков. Была праздничная атмосфера. Я гулял по знаменитой Дерибасовской. Вы, Юрий Моисеевич бывали в Одессе? — и в ответ на Юрин кивок продолжил: — Кажется, в тот раз я был на вечере, где присутствовал Бунин. А потом мы с приятелем наняли извозчика и ехали к каким-то его знакомым на Фонтаны.

Он так и сказал: Фонтаны. Юра зачарованно слушал. Они медленно катили через парк. Деревья еще не начали желтеть, но в зелени появился намек на скорое увядание. Окна машины были открыты, и свежий воздух парка, и его особый аромат, и шум отдыхающих людей, цокот копыт лошадей, запряженных в коляски, на мгновения вошли в резонанс видений, захвативших Юру: Одесса 1919 года. Где-то там, на улицах, идет его дедушка на кондитерскую фабрику, пробирается переулками на встречу с Бяликом Юрина бабушка, а Юрин папа уже играет во двореке на Малой Арнаутской как раз напротив Шалашного переулка.

— Но к этому времени, Юрий Моисеевич, я начал уставать. Нет, не физически, конечно. А так, знаете ли, нервно, что ли. Мой поход с чехами и пребывание с Добровольческой армией несколько выбили меня из колеи. Я по-прежнему желал и ожидал скорой победы и торжественного въезда в Москву и Питер, но я видел, как блекли и выцветали идеи святого дела. Вообще, вы знаете, что-то странное происходило с людьми. Право, законы... они отошли на второй план, на время, понятно, но люди, те самые, что вчера еще были милыми и интеллигентными, изменились, и порой совершенно ужасно. Как будто мы провалились во времени и обнажились древние жестокие инстинкты, уважение к жизни ближнего подобно луковой шелухе свалилось со многих, и вылезли самые страшные пороки... Я стал разочаровываться... Конечно, я понимал, что гражданская

война не делается в белых перчатках. Но все-таки. Знаете: идеалы, юношеское восприятие происходящего. Так как я не участвовал в операциях регулярных частей, то Бог меня миловал, и мне не пришлось поступиться представлениями о чести русского офицера, как это иногда случалось с другими. И вы знаете, Юрий Моисеевич, что окончательно разочаровало меня в Движении, — это поведение моего друга детства. Он происходил из очень старой русской фамилии. Я встретил его в Одессе. Он был уже штабс-капитаном. Я стоял у памятника Пушкину. Был замечательный день. Конец сентября. Нет жары, сухо. Легкий ветерок из порта, аромат моря. Запахи ранней осени. И вдруг я слышу знакомый голос. У Вики, его полное имя Виктор, был небольшой фальцет, что-то со связками после детской болезни. Не спутаешь никогда. И этот голос резко так звучит:

— Пошел вон, сволочь, — да еще с такими выражениями вдобавок. Я просто оторопел. Поворачиваюсь — Боже мой, точно, Вика и с ним поручик идут в сторону гостиницы "Лондонской", перед ними идет высокий худой еврей, а позади них семенит другой, с виду тоже еврей. Так они дошли почти до входа в гостиницу. Я шел сбоку по аллее и слышал, как странно этот задний говорил: "Господин штабс-капитан, я же звоню двадцать раз", потом он звонил двадцать один раз, потом двадцать два и тут они остановились. Вика взял у звонящего какой-то сверток и пнул ногой в спину того еврея, что впереди. Он тут же убежал. Я перешел через дорогу, и тут Вика увидел меня. Ну конечно, мы были счастливы, оба ведь живы, и даже не ранены. Он тут же повел меня в ресторан. Взяли, выпили прекрасного шампанского. И я обратил внимание, что Вика расплачивался деньгами из того самого свертка. Тут до меня дошло, это были тысячерублевки с колоколом. Вот, значит, почему идущий сзади "звонил". Он предлагал Вике взятку, или выкуп, можно и так сказать. Я поинтересовался, кого это они отпустили. Оказывается, арестованный сотрудничал с большевиками...

В этом месте исторических воспоминаний Юра опять чуть не врезался в бампер впереди едущей машины. Он так дал по тормозам, что машина подпрыгнула. Викентий Вениаминович ойкнул, не будь он пристегнут — лететь ему сквозь лобовое стекло.

— Юрий Моисеевич, Господь с вами, не буду ничего рассказывать, мы так точно попадем в аварию.

Юра извинился. Его можно было понять: это было не просто невероятно, это была какая-то фантастика. Однажды, лет двадцать пять назад Юрин дедушка Янкель рассказал ему, как на фабрику нагрянула дени-

кинская контрразведка. Фабрика периодически становилась то народной, то опять дедушкиной, в зависимости от власти в городе в данный момент. В очередной раз, после входа в Одессу деникинцев, дедушка отправил всех по домам, дабы не попали под арест как сотрудничавшие с большевиками, а сам забыл об этом, так как решал проблему декристаллизации карамели. Был он известный в России карамельщик. В тот самый момент, когда идея его наконец выкристаллизовалась, открылась дверь и вошли два офицера. Были они юны, энергичны и деловиты. Не теряя времени, молодые люди, используя богатый запас ненормативной лексики, разъяснили Янкелю всю пагубность работы на большевиков. На его заверения, что он, собственно, владелец, а не управляющий, они отреагировали абсолютно адекватно:

— Ничего, жидовская морда, пойдешь с нами, там и разберемся.

"Там" означало только одно — контрразведка. Не лучше, но, впрочем, вряд ли хуже ЧК. Дед был философ, поэтому он продолжал обдумывать проблему карамели по дороге. И кто знает, как все было бы, не повстречай их процессию старинный приятель Янкеля с Молдаванки. Идя сзади офицеров, он каждый квартал прибавлял по тысяче рублей, "звонил", доведя, наконец до двадцати двух тысяч рублей. Этого было достаточно для ресторана на двоих. Он выкупил Юриного деда и спас его.

И вот, сейчас в Нью-Йорке, ранней осенью в Централ-парке, Юра повстречал свидетеля тех семидесяти с лишним лет назад событий. Он уже было хотел сказать господину поручику, что это был его дед, и повернул голову, но увидел, что старик сидит, прикрыв глаза, и жует губами, то ли придремал, а, может и точно, от Юриных рывков ему нехорошо. Они выехали из парка и покатали в сторону Гудзона. Здесь город был почти пуст. Стояли запаркованные машины. Одна-две, может быть, ехали за ними.

— Мне на сто двенадцатую в самое начало, пожалуйста, — сказал поручик. Они постояли у светофора на Бродвее, повернули направо и показали вверх, в сторону Колумбийского университета. Места эти были хорошо знакомы Юре. Здесь был "Тачи", его любимый итальянский оперный ресторанчик.

Да нет, пожалуй, не стоит говорить Викентию Вениаминовичу, что он однажды осенью пересекся в Одессе с Юриным дедушкой. Кроме того, это мог быть кто-то другой. Судя по всему, выкупали в те дни не только его одного. Но надо же, на другой стороне земли, такая встреча.

— Из Одессы я уехал в Крым, а оттуда из России. В конце концов, я очутился в Америке. Фактически это и было мое второе кругосветное пу-

тешество. Потом я не раз побывал в Европе и был даже вблизи границ России, но, как вы понимаете, Юрий Моисеевич, въехать в СССР я не решился. Побывал и с другой стороны, в Японии, видел советские корабли... Да-а-а...

— Можно считать, господин поручик, что сейчас вы находитесь в третьем кругосветном путешествии, — сказал Юра. — Осталось съездить в Россию — и как раз будет три.

— Ой, как хочется съездить. Да ведь мне девяносто четыре года. Слабый я совсем, Юрий Моисеевич. Наверное, не решусь. Хотя вы правы, я в третьем кругосветном. Вот вам и детские мечты. Так ведь и вы тоже в кругосветном, разве нет? Я вообще считаю, что каждому человеку Бог предоставил три путешествия. Первое в его предках, второе в самой жизни, а третье в потомках.

Юра задумался. Это была интересная мысль. Предки его в самой глубокой древности покинули Африку, а позже прибыли в Европу с Ближнего, и не исключено, что и с Дальнего Востока. Не может быть, чтобы кто-то не побывал в Америке. Это и было его первое путешествие. Сам он Европу пересек, Америку пересек, когда-то и СССР пересек, почти. Осталась сушая безделица. А сколько раз ему еще предстоит повторить это. Слава Богу, без войн, будем надеяться. А уж его потомки покатаются, дай Бог.

Они подъехали к дому, Юра аккуратно въехал в неширокий изогнутый подъезд и остановился. Викентий Вениаминович сунул руку в нагрудный кармашек старенькой данхилловской рубашки, достал оттуда десять долларов и протянул Юре:

— Огромное спасибо, Юрий Моисеевич, что подвезли старика и поговорить дали, я ведь давно уж не имею с кем вспомнить те годы. Все померли. Очень, очень вам благодарен.

Юра обалдел, брать деньги у старика никак не входило в его планы. Подвез и подвез, тем более, что такое развлечение, а мемуар какой, а дыхание времени, нет, это он должен был бы заплатить Викентию Вениаминовичу. Поэтому он взял десятку и положил в тот же кармашек:

— Увольте, что же, я вас за деньги вез, что ли? Мне было приятно с вами познакомиться и просьбу епископа выполнить, так что, как говорили в Одессе, оставьте этих глупостей. Надеюсь, мы с вами еще не раз поговорим, у меня мно-о-о-го вопросов.

— Да-да, конечно, — ответил тот, — но вы не должны стесняться, я ведь, когда приехал, тоже работал в самых разных местах и шофером то-

же. Труд должен быть оплачен, а вы столько времени на меня потратили. Нет, нет, я не могу ехать бесплатно. Вы же знаете, я офицер русской армии и счел бы позорным воспользоваться вашим положением недавно приехавшего в эту страну человека. У вас ведь семья, дети. Нет-нет, не обижайте меня, возьмите деньги, — и он опять полез в кармашек.

Юра рассмеялся:

— Я вас прошу, Викентий Вениаминович, не возьму я у вас деньги, вот ведь придумали вы, кроме того, я тоже офицер русской армии, — он вспомнил, что при сдаче билета в военкомате выяснилось наличие у него капитанского звания, — капитан, кстати, так что будьте добры: спрячьте деньги и прекратите все это, — он слегка добавил металла в голосе.

Викентий Вениаминович на секунду замер, переваривая услышанное, а затем неожиданно быстро вытянулся на переднем сидении, и в положении руки по швам четко произнес:

— Прошу извинить меня, господин штабс-капитан. Больше не повторится.

Теперь уже Юра на пару секунд обалдел, но быстро сориентировался и весело сказал:

— Вольно, господин поручик, можете идти, до встречи.

Тут он вылез из машины, обошел ее, открыл дверь и помог Викентию Вениаминовичу выйти. Тот кряхтя выбрался, и Юра проводил его до двери, где уже стоял дормен. Здесь поручик выпрямился и бодрым голосом произнес:

— Еще раз огромное спасибо, господин штабс-капитан. Всего хорошего, — молодцевато повернулся и вошел в дом.

Нью-Йорк



Летчиками не рождаются

Часть 1.

Когда на огороде заколосилась конопля, муж сказал своей жене:

— Чучело надо бы сделать.

— Да уж надо, — согласилась та и принялась за работу. Соломки не пожалела, набила ею старую мужнину рубаху и рабочий комбинезон.

— А комбинезон нашо взяла?

— Да он такой вониючий, что всех птиц распугает.

— Постирала бы лучше, а то наша Федора до работы хвора...

— А толку! Все равно ты в нем на пугало будешь похож.

— Кто из нас пугало, так это ты, — не остался в долгу муж.

"Ну, подожди", — злорадно подумала жена и отрезала пуговицы от мужниного форменного кителя, который он надевал раз в год, чтобы напиться с друзьями по поводу Дня авиации. Две блестящие пуговицы с крылышками и пропеллером она пришила чучелу вместо глаз, а одну — на область мужского достоинства, для солидности. Оглядев творение своих рук, она осталась довольна и пошла водружать чучело на грядку.

Два дня вороны близко не подлетали. А на третий одна из них, самая смелая, подлетела поближе и крикнула своим товаркам:

— Ребята, не бойсь, он не настоящий. Налетай! — и первой рванула к конопляным посевам.

— Борт ноль-ноль-один, — сказала вдруг чучело голосом авиадиспетчера. — Посадку не разрешаю.

Ворона, уже успевшая отхватить верхушку початка, аж поперхнулась. Чучело зашуршало соломой, имитируя радиопомехи:

— Заходи на запасной аэродром к тетке Палашке.

Но ворона уже пришла в себя и заорала во все свое воронье горло:

— Ты что мне указываешь, чучело пучеглазое! Сейчас позову своих на подмогу, мы тебе живо моргалки вынем!

Ворона взмыла над грядкой и полетела к ближнему кусту орешника.

— Борт ноль-ноль-один, не забудьте убрать шасси, — донесся до нее металлический голос. И дальше, уже с нотками злорадства:

— Между прочим, у вас стабилизатор в дерьме.

...Они нагрянули целой эскадрилей. Ведущей была ворона, которая кормилась у городской свалки и поэтому считалась самой образованной.

же. Труд должен быть оплачен, а вы столько времени на меня потратили. Нет, нет, я не могу ехать бесплатно. Вы же знаете, я офицер русской армии и счел бы позорным воспользоваться вашим положением недавно приехавшего в эту страну человека. У вас ведь семья, дети. Нет-нет, не обижайте меня, возьмите деньги, — и он опять полез в кармашек.

Юра рассмеялся:

— Я вас прошу, Викентий Вениаминович, не возьму я у вас деньги, вот ведь придумали вы, кроме того, я тоже офицер русской армии, — он вспомнил, что при сдаче билета в военкомате выяснилось наличие у него капитанского звания, — капитан, кстати, так что будьте добры: спрячьте деньги и прекратите все это, — он слегка добавил металла в голосе.

Викентий Вениаминович на секунду замер, переваривая услышанное, а затем неожиданно быстро вытянулся на переднем сидении, и в положении руки по швам четко произнес:

— Прошу извинить меня, господин штабс-капитан. Больше не повторится.

Теперь уже Юра на пару секунд обалдел, но быстро сориентировался и весело сказал:

— Вольно, господин поручик, можете идти, до встречи.

Тут он вылез из машины, обошел ее, открыл дверь и помог Викентию Вениаминовичу выйти. Тот кряхтя выбрался, и Юра проводил его до двери, где уже стоял дормен. Здесь поручик выпрямился и бодрым голосом произнес:

— Еще раз огромное спасибо, господин штабс-капитан. Всего хорошего, — молодцевато повернулся и вошел в дом.

Нью-Йорк



Летчиками не рождаются

Часть 1.

Когда на огороде заколосилась конопля, муж сказал своей жене:

— Чучело надо бы сделать.

— Да уж надо, — согласилась та и принялась за работу. Соломки не пожалела, набила ею старую мужнину рубаху и рабочий комбинезон.

— А комбинезон нашо взяла?

— Да он такой вониючий, что всех птиц распугает.

— Постирала бы лучше, а то наша Федора до работы хвора...

— А толку! Все равно ты в нем на пугало будешь похож.

— Кто из нас пугало, так это ты, — не остался в долгу муж.

"Ну, подожди", — злорадно подумала жена и отрезала пуговицы от мужниного форменного кителя, который он надевал раз в год, чтобы напиться с друзьями по поводу Дня авиации. Две блестящие пуговицы с крылышками и пропеллером она пришила чучелу вместо глаз, а одну — на область мужского достоинства, для солидности. Оглядев творение своих рук, она осталась довольна и пошла водружать чучело на грядку.

Два дня вороны близко не подлетали. А на третий одна из них, самая смелая, подлетела поближе и крикнула своим товаркам:

— Ребята, не бойсь, он не настоящий. Налетай! — и первой рванула к конопляным посевам.

— Борт ноль-ноль-один, — сказала вдруг чучело голосом авиадиспетчера. — Посадку не разрешаю.

Ворона, уже успевшая отхватить верхушку початка, аж поперхнулась. Чучело зашуршало соломой, имитируя радиопомехи:

— Заходи на запасной аэродром к тетке Палашке.

Но ворона уже пришла в себя и заорала во все свое воронье горло:

— Ты что мне указываешь, чучело пучеглазое! Сейчас позову своих на подмогу, мы тебе живо моргалки вынем!

Ворона взмыла над грядкой и полетела к ближнему кусту орешника.

— Борт ноль-ноль-один, не забудьте убрать шасси, — донесся до нее металлический голос. И дальше, уже с нотками злорадства:

— Между прочим, у вас стабилизатор в дерьме.

...Они нагрянули целой эскадрилей. Ведущей была ворона, которая кормилась у городской свалки и поэтому считалась самой образованной.

Она на всякий случай устроилась на заборе подальше и приступила к переговорам:

— Думаю, мы с вами могли бы достичь консенсуса...

Чучело не ответило. Ворона пересела поближе и продолжила:

— Понимаете, учитывая сложную экономическую ситуацию в нашем регионе и все такое прочее... Короче, нам жрать нечего.

Чучело продолжало молчать, но ворона заметила, что пропеллеры на пуговицах чуть дрогнули, как стрелки компаса на магнитную аномалию. Ворона воодушевилась:

— Видите ли, для нас конопля — это не только продукт питания, но еще и, как бы это сказать поточнее, средство от стресса. Нет, поймите нас правильно — это очень слабый наркотик, во многих цивилизованных странах он даже легализован...

Она не договорила. Пропеллеры вдруг стали резко набирать обороты, чучело неожиданно взмахнуло шестом с привязанной к нему тряпкой и обрушило на голову парламентарии.

— Ах ты, жертва аборта! — заорала ворона и отскочила подальше. — Не понимаешь языка дипломании, тогда я с тобой по-фене базарить буду!

Чучело еще раз взмахнуло шестом, но на этот раз хитрые вороны нащупали его слабое место и стали заходить с тыла.

"В крайнем случае, пойду на таран, — мелькнула, как искра, мысль в голове чучела. Соломенные нейроны пришли в возбуждение, беспорядочные сигналы заматались по всему полушарию. — Во всяком случае, умру как герой. Юные следопыты найдут останки... школьный музей... бронзовый бюст на родине героя... безутешная вдова... льготы на квартиру, газ, телефон..."

Чучело все размахивало и размахивало шестом, его глаза горели святым огнем самопожертвования, ветер наполнял складки его одежды, создавая подъемную тягу. Казалось, до взлета остался один миг.

Вражья стая, неся огромные потери, со страшным гвалтом отступала с захваченных рубежей. А из хаты уже бежала хозяйка, наблюдавшая через окно за воздушным поединком...

А вскоре наступил тот самый День авиации, и муж полез в шкаф за своим форменным кителем.

— Жинка, шо это такое? — заорал он на весь дом. — Да как ты посмела?! Да я тебя... да я тебя...

Он сорвал с ковра охотничье ружье и ворвался на кухню.

За обеденным столом, подперев ладонью все три подбородка, сидела

его жена и влюбленными глазами смотрела на чучело. А оно восседало в красном углу за тарелкой свежесваренного борща с пампушками и таращилось на нее двумя его пуговицами.

— Да я тебя! — аж задохнулся муж. Он подбежал к чучелу, схватился за глаза-пуговицы и с остервенением вырвал их.

— И все равно, я — летчик! — сказала чучело и встало из-за стола, бережно прикрывая то ли последнюю пуговицу, то ли свое мужское достоинство. А потом скомандовало себе:

— От винта! — после чего потянуло штурвал на себя и на бредущем подалось на огород.

Часть 2.

— Караул! Люди добри, помогите ради Христа, — донесся со двора истошный голос соседки.

— Та шо с вами, тетка Палашка? — разом выскочили из хаты супруги. — Успокойтесь.

— Та яке там „успокойтесь"! — всегда хитрющие глазки соседки на этот раз были жалкими и беспомощными, как у потерчат. — Проклятые вороны облепили всю коноплю, скоро одни цурупалки останутся. Так еще эта бисова птица все время какое-то слово повторяет.

Тетка Палашка, пытаясь передразнить ворону, растянула свой щербатый рот аж до ушей и прокаркала:

— Эр-р-родром!

Супруги переглянулись. Они, как и все в округе, знали, что тетка Палашка заняла под коноплю все свои сорок соток. Знали и то, что она разводит эту культуру вовсе не для конопляного масла и тем более не для пряжи. Нет, тетка Палашка давно уже щеголяла в настоящей систетике, что перепала ей от городской внучки. Вот и на этот раз на тетке Палашке был кримпленовый костюм, к которому так охотно цеплялись все встречные репьяхи. Нет, соседка выращивала коноплю с коммерческой целью, ее скупал на корню за хорошие деньги внучкин сожитель, а для чего-того — тетка Палашка не знала и знать не хотела.

— Так шо, дадите своего опудала? Я в долгу не останусь, — из глаз соседки уже исчезли потерчата, и в них вернулась ее всегдашняя хитрость.

— Так я не против, — быстро согласился муж.

— Вечером вернете, — поспешила добавить жена. — А то они, проклятые, могут опять до нас вернуться.

Через десять минут над конопляным полем тетки Палашки победно

реяло рукавами соломенное чучело. Птичья стая черным салютом брызнула вверх, и только та, городская, огрызнулась:

— Пуганая ворона чучело не боится!

Чучело не ответило, так что последнее слово осталось за ней. Этот блиц-криг произвел такое впечатление на жадную тетку Палашку, что она на радостях оторвала от своего кримпленового костюма две золотые пуговицы с огромными голубыми стразами и вживила их в пустые глазницы чучела. Имплантанты наполнились чудным голубым сиянием.

— Соколик ты мой, — умилилась хозяйка.

— Нет, я — сталинский сокол! — отрезало чучело.

Тетка Палашка ошарашенно помолчала, пытаясь переварить ситуацию: с одной стороны, она вляпалась в какую-то чертовщину, а с другой — проклятое воронье могло ее окончательно разорить. Верх взял здоровый практицизм. Тетка Палашка обхватила чучело обеими руками и, лстыиво заглядывая в голубые стразы, затараторила:

— Та я ж и говорю, что сокол. Сталинский — який же еще? Помню, у войну около Печеричивки був аэродром, так вси наши дивчата щовечера туда шастали. Там цих соколов було видимо-невидимо! Так вони, як над нашим селом пролетали, дивчатам мыло сверху кидали. Пахуче таке мыло, мама давала мени понюхать. Вона его от папки в платочку ховала... Так шо, я дуже люблю военных, — подытожила тетка Палашка и уже хотела дотронуться до пуговицы с пропеллером, но вовремя опомнилась и только погладила чучело по воображаемому лампасу. Потом огляделась и погрозила воронам кулаком:

— У-у, ироды, отдохнуть не дадут человеку. В таку-то жару! Я сейчас тебе, касатик, кваску принесу, хочешь? У меня квас, як сок!

Чучело гордо возвышалось над конопляной нивой. Легкий ветерок забросил рукав рубашки ему на голову и казалось, что оно всматривается из-под руки куда-то очень далеко. Может, даже в саму Печеричивку...

Часть 3.

Еще на огороде, отбиваясь от треклятых репьяхов, тетка Палашка усьыхала лязг дверной щеколды.

— Тетка Палашка, у вас собаки, случайно, нема? — в калитку осторожно просовывалась огненно-рыжая голова Верки Гаврилючки.

— Нема, мы сами отгавкуемся, — неприветливо ответила хозяйка.

— А я до вас в гости, — объявила Верка, словно не замечая своей нежелательности.

— Гости обедают кости, — опять негостеприимно высказалась хозяйка. Она не любила Верку, девку ледащую и распутную, которую ее клиентура почему-то прозвала „Галья-Галья“.

Но рыжая персона нон-грата уже нагло направлялась к дверям, маня за собой пальцем хозяйку в ее собственную хату. Та растерянно пошла следом, теряясь в догадках.

Войдя в кухню и оглянувшись по сторонам, Верка неожиданно потребовала:

— Тетка Палашка, отдайте мне чучело!

— Та ты что, сдурела? Нашо оно тебе сдалось, ты ж и коноплю-то не сеешь.

— Коноплю у меня нет, зато гарбузов полно.

— Не бреши, Верка, у тебя на огороде отродясь ничего не росло, кроме бурьянов. Да и не едят вороны гарбузов. Иди геть, некогда мне тут с тобой, — и тетка Палашка стала теснить Верку к выходу.

— Подождите, тетечка Палашечка, не гоните, — Верка подняла ладони вверх, словно капитулируя. — Признаюсь вам, как на духу. Вы ж сами видите: дивчина я видная, а заступиться за меня некому. Расту, как бурьян при дороге, — кто идет, тот и ущипнет.

— Тю, та кто на тебя, рудое страхиття, позарится? — пренебрежительно махнула рукой тетка Палашка.

Верка тяжело вздохнула и пустила неподдельную слезу.

— Ваша правда, тетка Палашка, не позарится. А так хочется мужской ласки, внимания... Вот у моей подруги Нюрки хахаль ничем не лучше соломенного чучела, так она еще и нос дерет.

Тетка Палашка оторопело смотрела на Верку.

— Да какой тебе прок от соломенного чучела, дуреха?

— А это я сама решу, какой прок, — ответила Верка и мечтательно продолжила:

— Вечерами сидели бы вместе на лавочке за двором. Я б ему частушки пела... костюм новый справила...

— Тьфу на тебя, — опомнилась наконец тетка Палашка, сплюнула в сторону и потянула Верку за собой к выходу. И неожиданно для себя добавила: — Галья-Галья...

Когда тетка Палашка, налив в погребке кружку холодного кваса, пришла на огород, чучело там не оказалось. Вороны жадно обглаживали драгоценные посевы, а одна из них, держа в клюве, как сигару, конопляный чурбак, злорадно прокаркала:

— Ну, стар-рая кар-рга, почем нынче опиум для нар-рода?

Часть 4.

А в это время Верка, усадив чучело за стол, пыталась добиться от него взаимности доступным ей способом. Она поставила перед ним миску с малосольными огурцами и стакан сомогона. Себе тоже налила и, чокнувшись, предложила:

— Выпьем за твою свободу, — и, хихикнув, добавила: — В том числе сексуальную.

Чучело никак не отреагировало, поэтому Верка выпила сама. Похрустев огурцом и подумав, она под села к чучелу и предупредила:

— Раз добром не хочешь, придется силой. Сейчас сделаю тебе инъекцию.

И, взяв полный стакан, Верка вылила чучелу содержимое за воротник. Тут же налила по второй.

Выпила тем же способом. В какой-то момент Верке показалось, что в холодно-голубых стразах зажегся красный уголек. Чтобы удовлетвориться, она полезла под стол и посмотрела на брючную пуговицу. Пропеллер крутился на полных оборотах.

— Ага! А я что говорила! — победоносно вскричала Верка и предложила выпить на брудершафт.

Дальнейшее она помнила плохо. Помнила, что чучело вроде бы сказала:

— А вот когда мы летели в Африку...

Верка обиделась, но, по легкости нрава, ненадолго.

— Так тебе больше нравятся чернявые? Будет сделано, — с этими словами Верка подошла к печке, зачерпнула оттуда горсть саж и размазала ее по лицу. Потом нетвердой походкой вернулась к чучелу, спустила с одного плеча футболку и страстно продекламировала свое любимое:

Бери меня, срывай нейлон!

В моей груди страстей миллионы...

после чего рухнула на чучело и в такой, неизвестной даже Камасутре, позе тут же отрубилась.

...Ее разбудили истошные крики тетке Палашки. Крики стали еще истошнее, когда Верка стала перед ней во всей красе.

— Ах ты, воровка чертова, шоб тебе руки покорчило, а ну отдай назад мого чучела!

— Щас! А этого не хочешь? — и Верка метнула в лицо тетке Палашке две дули, как будто выстрелила по-македонски, с обеих рук. — Между прочим, он теперь никакое не чучело, а мой, как это... сексуальный партнер!

— Брешеш! — тетка Палашка аж задохнулась от такой новости. Она выскочила, даже не закрыв за собой калитку, и понеслась по селу с такой

скоростью, что встречные репьяхи не успевали прилепляться к ее кримпленовым штанам.

Вечером Верка перетащила чучело в сарай, где на куче соломы провела с ним бурную ночь. А что ночь была бурной, никто в селе не сомневался: Верка дурным голосом пела частушки, порой замолкала, а потом дико взвизгивала, что догадливые бабы понимали однозначно...

Когда где-то ближе к обеду Верка проснулась, чучела рядом не было. Пошарив в соломе, она нашла только холодно сверкнувший стеклянный страз...

Эпилог

Новость, которую тетка Палашка лично доставила в каждый двор, потрясла сельчан, а особенно их женскую часть. Разведенные, вдовы, незамужние и замужние, но не удовлетворенные — все проявили нездоровый интерес к соломенному Казанове. По селу поползли слухи о его выдающихся мужских способностях. Договорились до того, что ему приписали отцовство мальчонки, который родился у Светки Гайдуковой. И напрасно акушерка Зинаида Федоровна клялась чуть ли не самим Гиппократом, что поставила Светку на учет как беременную еще осенью, после того, как из района уехала партия геологов, ей никто не поверил. Тем более что у черной, как головешка, Светки Витек получился голубоглазый и белоголовый, словно одуванчик.

Доведенные до экстаза бабы шли на откровенное воровство. В селе, где никогда не запирали двери на замок, а просто ставили у порога веник в знак того, что дома никого нет, началась настоящая эпидемия (ее психиатры называют мудреным словом „клептомания“ — неодолимая тяга к чужой собственности). Стоило бабе выйти подоить корову или сбежать на огород, чтобы выбрать огурцы, как, воротясь обратно, она находила на месте своего сокровища в лучшем случае пучок соломы. Чучело пошло по рукам и в некоторые, самые загребущие, попадало не одиножды. Например, та же Верка, хоть ты ей гад сычи, каждую неделю выкрадывала чучело из-под самого носа соперницы и даже великодушно вернула голубой страз.

А еще бабы были озабочены тем, чтобы восстановить чучело его мужскую силу, крепко подорванную, как они считали, предыдущей зазубой. И тут тетка Палашка во весь голос заявила о себе как о потомственной знахарке и экстрасенсе. Она советовала бабам натирать своего суженого мазью из куриного помета и поить настоем лапчатки прямостоячей, собранной под утро, еще до петушиного крика. Бабы, хотя и догадывались,

что тетка Палашка таким образом пытается выйти из финансового кризиса, причиненного ей воронами, но бесстрашно ходили в лес и вскоре лапчатку можно было заносить в Красную книгу.

Но были и такие одержимые, которые шли на крайние меры. Алкоголь показал себя слабым стимулятором, и бабы начали добывать из конопля анашу. Бог весть, где они этому научились, но по странному совпадению из сельской библиотеки исчезли все справочники по химии. А так как химичили методом проб и ошибок, то по ходу дела бабам часто приходилось дегустировать свое варево.

Добром это не кончилось: по селу поползли глюки. По утрам, выгоняя коров на пастбище, бабы, конечно же, не могли удержать язык за зубами. Причем каждая, хвастаясь достоинствами чучела, называла его "Амой":

— Амой, когда служил в санитарной авиации...

— Амой рассказывал, когда он летали на Север...

— Та не брешь, Клавка, вин работал на юге, опылял хлопчатник, его еще Туркмен-баши наградил именными часами.

— Ха-ха, и де ж они, эти часы?

— А их у него сперли в общежитии, когда он в отряде космонавтов был.

Обнаглевшие вороны догладывали последнюю коноплю и уже начали проявлять все признаки абстиненции: их мучили боли в суставах, бессонница и тахикардия. Веселая беспечность сменилась тревогой и раздражительностью. Однажды та, городская, разглядела спрятанное в вишневом садочке чучело. Оно выглядело сильно потрепанным, и ворона с удовольствием проинформировала его:

— Где ворона каркнет, там и покойнику быть.

Но куда сильнее ненавидели чучело отвергнутые мужики. Они объединились в единую и независимую партию с грозным названием „СМЕРЧ“, что означало „Смерть чучелу“. В условиях глубокой конспирации, у дальней скирды, члены партии провели свой внеочередной съезд, который постановил: война с чучелом до победного конца! Правда, некоторые разногласия возникли по поводу метода расправы, так как ни расстрел, ни яд, ни повешение по понятным причинам не годились. Но потом какой-то умник предложил средневековый инквизиторский способ — аутодафе. Правда, после того, как он объяснил, что это значит, его подняли на смех и объяснили, что „пускать красного петуха“ — исконно наш метод борьбы с конкурентами, в том числе и сексуальными. За „петуха“ проголосовали единогласно.

Но, как водится, в ряды партии затесался предатель, который безвоз-

мездно, из чисто гуманных соображений выдал жене военную тайну. Через полчаса „сарафанное радио“ сообщило о вероломных планах противника и объявило всеобщую мобилизацию. Недавние соперницы грудью встали на защиту своей собственности.

Но чучело все-таки сожгли. Оно вспыхнуло разом и сгорело в один момент, оставив после себя только легкое облачко дыма.

— И все равно я — летчик! — горячо прошептало облачко. Оно радостно устремилось вверх и выше, в ту бездонную глубину, которая всегда так манила его. На какое-то мгновение мелькнула мысль о людях, которых оно покидало, и которые ему подарили такую интересную жизнь. Оно с легкой грустью вспомнило даже добрую и беспутную Верку, хитрющую тетку Палашку, не пожалевшую для него пуговиц от своего кримпленового костюма, и еще постреленка Витьку с такими же, как у него, соломенными волосами...

...В селе многие не верили, что чучело погибло. Поговаривали, что оно отсиживается в подполье у Верки Гаврилючки, кое-кто намекал, что его взяли в область, на повышение, а Светка божила, что чучелу пришла повестка из военкомата и его отправили служить в „горячую точку“. И только одна тетка Палашка знала истинную правду. Она часто поглядывала на небо и все ждала, когда же оттуда посыпятся кусочки пахучего мыла. Интересно, что мыло тетке Палашке было ни к чему — она им запаслась по гроб жизни. Да и в сельмаге мыла было предостаточно. И даже турецкого, каким, рассказывали, в городе собак купают. Хотя, как известно, в селе собак отродясь не мыли...

Москва



ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ

Лист ожиданий 125

Александр МАРДАНЬ

Лист ожиданий

Комедия в 9 актах по мотивам Бернарда Слэйда
для трех действующих лиц

ОН — Константин
ОНА — Вера
ОНО — Время (1975-2005 гг.)

АКТ I

В трех картинах
1975 год.

Картина 1

Номер гостиницы с четырьмя отдельными кроватями. Приглушенно слышна песня, которую исполняет ресторанный ансамбль:

"Ах, белый теплоход! Гудка тревожный бас
Встречает за кормой сиянье синих глаз.
Ах, белый теплоход, бегущая вода,
Опять уходишь ты, скажи, куда?"

Входит совсем не трезвый молодой человек лет 25, в костюме, без галстука. В руках у него бутылка шампанского и коробка шоколадных конфет. Гостеприимным жестом распаковывает дверь. Входит красивая женщина в элегантном костюме, с огромным букетом роз. Походка ее не слишком тверда, видно, что она навеселе, но в то же время смущена и чувствует себя довольно неудобно.

ОН: ...А он мне говорит: "Случай — это псевдоним Бога, когда он не хочет подписываться своим именем..." Заходите. Чувствуйте себя как дома. Простите за некоторый беспорядок.

В номере в самых неожиданных местах лежат и висят предметы мужского туалета, носки почему-то нашли свое место на усиках антенны телевизора.

Мужчина быстро сбрасывает носки с антенны.

Женщина проходит вглубь комнаты, пытаясь найти, во что можно было бы поставить цветы.

Мужчина в это время подает кому-то невидимому в гостиничном коридоре странные знаки руками, в свободном сурдопереводе они должны означать: очень прошу, ну на полчаса, благодарность не будет иметь границ в пределах 10 рублей.

ОН: Ну вот, мы почти одни. (Закрывает дверь.)

ОНА: Куда же все-таки поставить цветы?

ОН: В кувшин, в любой из них.

Возле каждой из кроватей на тумбочках стоят одинаковые пустые кувшины. Женщина кладет цветы на одну из тумбочек и уходит в ванную. Мужчина включает телеви-

зор, из него доносится знакомая мелодия, сопровождающая информацию о погоде в ночных новостях. В этот момент раздается настойчивый стук в дверь. Мужчина выключает телевизор, но стук не прекращается. Из-за двери доносится голос:

ГОЛОС: Это администратор гостиницы, откройте, гостей после 23 часов проводить в номер запрещено. Откройте!!!

Он судорожно ищет по карманам десятку, находит ее и, зажав в руке, как гранату, открывает дверь, одновременно закрывая своим телом дверной проем, не позволяя ворваться в номер блюстительнице нравственности. После недолгого противостояния на секунду исчезает в коридоре, громкий голос администратора неожиданно смолкает. Он возвращается, как человек, совершивший бессмертный подвиг и оставшийся при этом в живых. Победно озирает четырехместный номер, ныряет в чемодан и добавляет к натюрморту, состоящему из бутылки шампанского и конфет, пачку "Marlboro" и бутылку армянского коньяка "Арарат".

Из ванной доносятся звуки текущей воды. Он срывает лепестки у одной из роз, приподнимает покрывало на одной из постелей, собираясь посыпать лепестками простыню. Что-то его останавливает, и он проделявает эту процедуру на следующей кровати. Снова включает телевизор, но передача закончилась. Включает "точку", она мелодично потрескивает. Открывает шампанское, наполняет два осиротевших без кувшина стакана и направляется с ними к двери ванной. В это время из "точки" звучит голос диктора.

ГОЛОС РАДИОДИКТОРА: "В Москве — полночь".

Звучат куранты, бой часов на Спасской башне. В дверь ванной он стучится под звуки гимна СССР, дверь открывается, гаснет свет, через несколько секунд гимн замолкает, а еще через секунду исчезает звук текущей воды.

Картина 2

На сцене темно.

ГОЛОС РАДИОДИКТОРА: "В Москве — 6 часов утра".

В темноте вновь начинает играть гимн. Зажигается свет, мужчина, прикрываясь подушкой, движется от выключателя к "точке" и, преодолевая препятствия в виде других кроватей, выключает "точку". Гимн затихает. Он возвращается на цыпочках к выключателю. Она прячется с головой под простыню. Свет гаснет.

Это действие продолжается несколько секунд, но зритель успевает заметить, что по всей комнате разбросаны так и не поставленные в кувшин розы, вперемешку с предметами мужского и женского туалетов, на антенне телевизора вновь мужские носки, постели разобраны на всех четырех кроватях.

Следующее пробуждение происходит уже при заполнившем номер дневном свете.

Картина 3

Комната наполняется светом. Пустая разобранная постель в лепестках роз. Мужчина спит на другой, через одну, кровати. Звуки воды из ванной, вероятно, будят его. Он просыпается, садится в постели, сбрасывает простыню, с удивлением смотрит на брюки, в которых он почему-то досыпал остаток ночи, на надетую задом наперед майку, с переодевания которой начинаются его первые движения.

Потирая голову, он произносит, проверяя дееспособность речевого аппарата.

ОН: "Если выпил хорошо — значит утром плохо. Если утром хоро-

шо — значит, выпил плохо". (Встает с постели, подходит к телевизору, снимает носки с антенны, напевая.) "Свой уголок я убрала носками..."

Надевает их. Включает телевизор, телевещания еще нет, зато слышен голос радиодиктора, общающийся о трудовых победах строителей БАМа.

Из ванной появляется ОНА. Ее наряд состоит из жакета вечернего костюма и юбки-сари, роль которой играет простыня.

ОНА: Доброе утро... Костя. (Произносит его имя не совсем уверенно.)

ОН (отвечает почти уверенно): Доброе утро, Вера.

ОНА: Костя, вы не видели моих, ну, этих...

ОН: А-а... (Сображает, приподнимает одеяло на одной из кроватей, затем на другой, достает и протягивает Вере трусики.) А юбка? (В голосе слышна готовность продолжать поиски.)

ОНА: Спасибо, юбка есть. (Идет в ванную.)

ОН: Вера, а вы не помните, я в ресторане был в галстук?

ОНА: Да, но потом вы его сняли и связали розы, которые забрали у цветочницы.

ОН: Как — забрал?

ОНА: Наверно, хотели произвести на меня впечатление. Цветочница не возражала, но настаивала на пересчете. Оказалось 25, а вчера было 25-ое. Вы сказали, что это судьба, и от нее нам не уйти, и заказали такси, чтобы ехать в гостиницу, хотя ресторан в этом же здании, на первом этаже.

ОН: Это я все помню, а деньги, деньги я ей отдал?

ОНА: И не сомневайтесь. (Скрывается в ванной.)

Приглушенный голос диктора сменяется популярной песней-песенкой: "С добрым утром, с добрым утром и хорошим днем". Внимание Константина концентрируется на руках, он подносит кисти ближе к глазам. На лице отражается работа отдела мозга, отвечающего за безопасность самого лица. Он достает из-под кровати пиджак, а из его бокового кармана записную книжку, перелистывает. Ничего не найдя между страницами, прячет обратно, ощупывает другие карманы пиджака, выворачивает карманы брюк. Звучащая жизнерадостная музыка не гармонирует с его озабоченно-растерянным лицом. Механически надевает рубашку, засовывает ноги в туфли, озабоченность сменяется радостью. Он снимает туфель и достает из него пробку от бутылки с коньяком, стоящей на одной из тумбочек. Водворяет пробку в полупустую бутылку, ногу — в туфель. С раздражением выключает телевизор, вновь заговоривший про трудовые победы, и замечает на нем предмет своих поисков. Пытается надеть на безымянный палец правой руки обручальное кольцо, которое не налезает на несколько отекающую от выпитого конечность. За этим занятием его застает вышедшая из ванной Вера.

ОНА: Это Вы мое кольцо пытаетесь надеть, вот ваше, оно было в мыльнице и чуть не провалилось в слив.

Без признаков торжественности они обмениваются обручальными кольцами.

ОНА: Почти, как в ЗАГСе. Вчера еще были холостыми, а сегодня...

ОН: Никогда не считал моногамию достижением человечества. И потом, наличие института верных ленинцев предполагает существование ленинцев — не верных.

ОНА: Давайте Ленина не трогать, я на эту тему анекдотов не люблю. Должно же быть хоть что-то святое.

ОН: Что-то должно быть, это правда. Вера, вы меня простите за вчерашнее, но вы мне так понравились... Я обычно робею и не умею знакомиться с женщинами, особенно с такими красивыми. Я, кажется, говорил, что не женат, это к счастью, то есть, к сожалению, неправда. Но вы, к счастью, то есть, к сожалению, тоже. Хотя какая разница, если сегодня 25-ое, в букете оказалось 25 роз, а мне, кстати, 25 лет... А вам?

ОНА: Костя, бойтесь женщин, которые сообщают свой возраст. Женщина, способная на это, способна на все. А что касается 25-го... К сожалению, а может быть, к счастью, 25-ое было вчера, сейчас мне пора, у меня в 3 часа самолет в Москву. Вчера мы с подругой договорились отметить окончание путевок, она из соседнего санатория, тоже 4-го управления. Но она не пришла, а может, я ресторан перепутала, и она меня сейчас ищет.

ОН: Ее я не помню.

ОНА: Когда я поняла, что она не придет, и пошла к выходу, оркестр заиграл про белый пароход. Вы подбежали, пригласили на танец, сказали, что морякам под эту мелодию отказывать нельзя, а то у них чего-то там под килем не хватит. Вы в самом деле моряк? Или только до утра?

ОН: Моряк, моряк, правда "камышовый", то есть береговой. Инженер в порту, в одесском.

ОНА: "Шаланды полные кефали"... Одессит, моряк, да еще и Костя?!

ОН: Правда. Я здесь в командировке.

ОНА: К счастью или к сожалению?

ОН: К полному удовлетворению материальных и духовных потребностей советских людей.

ОНА: ...Просто не знаю, что вчера со мной произошло, может розы, может лепестки, может ваши истории про волны выше сельсовета. (Пауза.) Я люблю своего мужа, он замечательный человек, и ничего подобного со мной никогда не случалось. Поэтому простите, и не провожайте меня.

ОН: Вера, оставьте адрес, хоть телефон, я буду писать, звонить, на работу, конечно. Кстати, где работает очаровательная москвичка?

ОНА: В Москве... Константин, мы с вами, наверно, больше не увидимся, а с собой мне еще в зеркале глазами встречаться.

ОН: Я понимаю, что все случившееся — еще не повод для знакомст-

ва, но не откажите простому инженеру в рабочем телефоне, я вас буду с праздниками поздравлять.

ОНА: А смысл?

ОН: Но все-таки я вас спас от изнасилования!

ОНА: Этого я не помню. Каким образом?

ОН: Я вас уговорил. (После паузы, с пафосом.) Вера, а если это Любовь?

ОНА (смеясь): Если любовь, значит, встретимся через год, в этом же ресторане. Под песню про белый пароход. (Направляясь к двери, останавливается.) Выгляните, нет ли там этого Цербера.

ОН (выглянув в коридор): "Фермопилы свободны, спартанцев нет".

Вера чмокает его в щеку и уходит.

Константин закрывает дверь. Проходит по комнате, под одной из тумбочек находит свой галстук, подходит к постели, сбрасывает с нее лепестки роз. У него вид человека, столкнувшегося в своей квартире с незнакомыми вещами и мебелью.

Произносит как бы про себя, но громко, с сарказмом, при этом пытается завязать галстук:

ОН: "4-е управление, 4-е управление, — там полы паркетные, а врачи анкетные". (Галстук не завязывается, он начинает эту процедуру снова.) И вообще, "Если женщина в постели хороша и горяча — это личная заслуга Леонида Ильича!"

Раздается стук в дверь, он радостно бежит открывать. Из полуоткрытой двери голос уборщицы.

ГОЛОС: "Освободите номер, уборка".

Расстроенный, набрасывает пиджак, включает "точку" и выходит из номера.

Из динамика несется:

"Не надо печалиться, вся жизнь впереди,
вся жизнь впереди, надейся и жди..."

АКТ II

1976 г.

Гостиничный номер с двумя отдельными кроватями. Приглушено слышится грохот ресторанного оркестра. В номер входит заплаканная Вера. На ней — шорты и футболка, в руках — сумочка и роскошный букет роз. За Верой идет Костя в красивом вечернем костюме, белой рубашке и галстуке.

ОН: Вера, пожалуйста, не расстраивайтесь. Я сейчас все устрою.

ОНА (дрожащим голосом): Приехала — а здесь этот швейцар... Я ему пытаюсь объяснить, что в аэропорту багаж пропал, а он ничего слушать не хочет. (Всхлипывает.) Кричит, что у них приличный ресторан, и таких, как я, в него не пускают. (Пауза.) Наверное, не надо было мне сюда ехать. Все не так...

ОН: Вера, сейчас все будет так.

ОНА: Костя, восемь часов вечера... Если в городе советская власть, то уже все закрыто... Ничего не получится.

ОН: Именно потому, что в городе советская власть, все будет в порядке. И все откроется.

Костя усаживает Веру в кресло, сам садится к телефону, листает справочник, набирает номер. Вера тем временем встает, чтобы поставить букет в вазу.

ОН (уверенным, не терпящим возражения тоном): Алло! Центральный универмаг? Девушка, мне срочно нужен домашний телефон вашего директора. (Пауза.) Милая, неужели вы думаете, что у меня нет часов? Я знаю, что рабочий день кончился, но мне нужно срочно. Это Романов из первого отдела. (Пауза.) Она еще на работе? Ну, просто замечательно. Все забываю — Татьяна Алексеевна или Александровна? Ирина Николаевна? (Смеется.) А-а! Это я ее с директором коопторга перепутал. Все, добро!

Вера ошарашено смотрит на Костю.

ОНА: Костя, какой первый отдел? Вы что — особист?

ОН: Ну разве я похож на особиста? Первый, третий, пятый... Никакой разницы. Вера, какой ваш любимый цвет?

ОНА: Сиреневый.

ОН (набирая номер): А размер обуви?

ОНА: Тридцать седьмой.

ОН (в трубку, прежним уверенным тоном, почти без пауз): Ирина Николаевна? Вечер добрый! Романов из первого отдела. Голубушка, у нас тут ЧП. Съёмочная группа с Мосфильма прилетела, в составе — иностранцы, и такой конфуз — у Мишель Мерсье в аэропорту багаж пропал! Да-да, та, что Анжелику играла. А через час у нее в "Приморском" творческий вечер. Так что срочно нужно платье. Ну, вы сами понимаете, какое... Дефицитное... Чтобы не стыдно было перед нашей гостьей. (Пауза.) Размер? Минутку. (Спрашивает у Веры про размер по-английски. Вера от испуга и неожиданности только пожимает плечами. Костя осматривает ее с ног до головы.) На рост метр семьдесят размер сорок шестой. Желательно сиреневое. И туфли, тридцать седьмой. Какого цвета? К платью, конечно. Записали? (Пауза.) Нет-нет, вечер закрытый... Контрамарку? Ой, сложно... Это надо с Егор Кузьмичом согласовать. Но я постараюсь что-то придумать. (Приказным тоном.) Ирина Николаевна, не подведите! Все. Через пять минут "Чайка" будет возле универмага. Да, мы оплатим, референт из ЦК передаст вам

деньги. Завтра проведете по кассе, отдадите сдачу. Вопрос политический! Всего доброго.

ОНА: Костя, вы просто сошли с ума! Ну, допустим, она вам поверила. Но где вы возьмете "Чайку"?

ОН: У жениха с невестой. В ресторане гуляет свадьба, разъедутся они нескоро. (Подходит к Вере и немного нерешительно ее обнимает. Она отстраняет его мягко, но решительно.) Не скучайте без референта. Я сейчас вернусь. (Выходит из номера.)

Вера подходит к телефону, набирает номер.

ОНА: Алло! Мама? Это я. (Пауза.) Да, долетела хорошо. Тут тоже жарко. Как Олег? Опять? С кем? (Пауза.) С Виталиком из средней группы? Обоих наказали? Правильно сделали. И в кого он такой драчун? (Пауза.) Ну все, целуй его. За меня не беспокойся. Сейчас приму душ и лягу спать. (Пауза.) Ой, мам, кстати, я Свете забыла сказать... У тебя же есть ее телефон? Позвони и скажи ей, что списки на Австрию уже завизированы, они у меня в сейфе. И резерв тоже завизировали. Если все будет в порядке, то в понедельник я уже выйду на работу. (Пауза.) Все, всех целую. Спокойной ночи.

Снова набирает номер.

Алло! Мариша, привет! Да, из Ялты. Представляешь — прилетаю в Симферополь, а багажа нет!.. "Летайте самолетами "Аэрофлота": завтрак в Москве, обед — в Париже, ужин — в Нью-Йорке. Багаж — в Бейруте". Надеюсь, что не в Бейруте, а во Внуково. (Пауза.) Стою в аэропорту и не знаю, что делать. Ждать, пока багаж найдут? А вдруг Костя меня не дожждется? А может, он и не приехал?.. Ехать в Ялту без вещей? В шортах? Так и поехала... Такси брать одной вечером страшно, на автобус очередь... Приехала, как мокрая курица... В ресторан в таком виде не пустили. Хорошо, что парень один заходил, согласился Костю поискать. Спрашивает: как он выглядит? А я сказать толком ничего не могу. Думаю, вдруг я не так его помню? Все-таки, год прошел... Выходит... Я его представляла совсем другим. А он еще лучше... (Улыбается.) Не знаю... Побежал за платьем. Поднял на ноги полгорода, представился референтом ЦК, а я пока исполняю обязанности Мишель Мерсье... (Пауза.) Да, поверили. Что ты хочешь, — провинция. (Пауза.) Ой, Марина, ничего не знаю... (Пауза.) Я представляла, как крашусь, причешусь, оденусь... Помнишь, мое любимое, сиреневое?.. А тут — все как назло. (Пауза.) Интересно было, придет он

или нет. А как можно это проверить, не приехав самой?.. (Пауза.) Ну ладно, Мариночка, из всей артподготовки остался только душ, им и воспользуюсь. (Пауза.) Что тебе привезти? Море? Сколько литров? (Пауза. Смеется.) Ну ладно, все, до встречи.

Вера прохаживается по номеру, подходит к телевизору, включает его (звучит песня Льва Лещенко: "Ты помнишь, плыли в вышине и вдруг погасли две звезды, но лишь теперь понятно мне, что это были я и ты" ...) и уходит в ванную.

В номер входит Костя, у него в руках сверток и шляпа с большими полями. Он подходит к двери ванной, слышит звук льющейся воды, кладет шляпу на стол и принимается распаковывать сверток. Раскладывает на кровати длинное платье нежно-сиреневого цвета. Когда Вера выходит из ванной, он опускается на колени и протягивает ей босоножки.

ОНА (потрясенно): Костя, Вы волшебник!..

ОН (явно довольный ее реакцией): Добытчик!

Вера, улыбаясь, берет платье и босоножки, видит шляпу.

ОНА: Боже! А это зачем?

ОН: Это — в нагрузку. У них сдачи не нашлось...

Вера снова скрывается в ванной. Костя тем временем садится к телефону, набирает номер.

ОН: Позовите руководителя оркестра? Он играет? Слышу, что играет. Громче, чем нужно. Позовите, это из отдела культуры, пусть подойдет. (Пауза.) Романов беспокоит. Песню про белый пароход знаете? Следите за входом в зал, как только зайдет женщина в длинном сиреновом платье, прерывайте мелодию и начинайте играть. (Пауза.) Так надо! Вопрос политический! (Пауза.) Исполняйте.

Заходит Вера в новом платье. Костя молча долго смотрит на нее.

ОНА (польщена, смеется): Позвольте представиться — Анжелика.

ОН: Очень приятно! Жофрей.

Вера берет Костю под руку, он демонстративно прихрамывает. Они выходят из номера. Свет постепенно гаснет. После паузы громко слышна песня "Ах, белый теплоход..."

АКТ III

В двух картинах

1980 год.

Картина 1

Гостиничный номер с двумя кроватями. На стене висит большой плакат-календарь с олимпийским Мишкой, рядом — принесенный откуда-то плакат "Пятилетке качества — рабочую

гарантию". На столе — хрустальная ваза с 25-ю розами и торт, в котором горят пять свечей.

Рядом — арбуз, новенький кассетный магнитофон, коньяк "Арапат", шампанское и пачка "Marlboro".

Открывается дверь, входит Константин с Верой на руках. Он в костюме, она — в вечернем платье. Увидев плакат и торт со свечами, Вера начинает смеяться, и Константин чуть не роняет ее на пол. Став на ноги, Вера подходит к столу.

С двух сторон они одновременно задувают свечи на торте.

ОНА: Костя, у тебя талант по организации праздников, по тебе плачет отдел культуры ЦК.

ОН: При виде моей анкеты у твоих комсомольцев слезы высохнут сами.

ОНА: Да брось ты, у Брежнева самого жена еврейка, или брат жены. Нет, вспоминаю, муж сестры, то есть шурин.

ОН: Да, я знаю, в нашей стране евреи — такие же люди, как все. Только им чаще других приходится это доказывать.

ОНА (не обращая внимания на его реплику): А знаешь, как еще мужей сестер называют? (Что-то говорит Константину на ухо, оба смеются.) У меня для тебя подарок. Закрой глаза. (Достает из сумочки и надевает ему на руку часы.) Открой. С олимпийской символикой, такие нашим спортсменам дарили, — противоударные, и нырять в них можно на семь футов под килем. Я правильно футы указываю, товарищ камышовый моряк? Нравятся?

Константин рассматривает руку, на которой две пары часов.

ОН: Очень. Японские от советских уже на минуту отстают. Нет, действительно, нравятся, только потом браслет подрегулирую. (Снимает и кладет часы в карман.)

ОНА (несколько расстроено): Так и знала, не понравились.

ОН: Мне мама на день рождения подарила два галстука. Через неделю прихожу к ней на воскресный обед в одном из них. Смотрю — она чем-то расстроена, допытываюсь. Что, говорит, второй не понравился?

ОНА: Ты мне говорил, что у нас с твоей мамой много общего.

ОН: Ну, хотя бы я, это уже немало. Буду носить, честное слово. Я тебе про Хельсинкское совещание рассказывал? Нет? (Рассказывая, открывает шампанское, наливает его в оставшиеся от прежнего убранства номера граненые стаканы.) Выходят после заседания в холл перекурить Брежнев, Форд и Жискара д'Эстен. Форд говорит: "Господа, после подписания Заключительного акта в Европе начнется отсчет нового времени. Сверим наши хронометры", — и достает карманные часы на золотой цепочке. Щелкает крышкой, на крышке надпись: "Самому деловому президенту от бизнесменов Америки". Жискара достает свои: "Самому обаятельному президенту от женщин Франции". Брежнев — свои: "Графу Воронцову от графини Курагиной".

ОНА (приснув, но потом подавив смех): Как ты не боишься эти анекдоты рассказывать? Тут же все может прослушиваться. Один сероглазый товарищ говорил, что через телефон можно прослушать любое помещение, в котором он установлен.

ОН: Вера, не разглашай государственные тайны. И потом, за анекдоты уже давно не сажают.

ОНА: Не сажают, но визу закрывают.

Звонит телефон. Костя берет трубку, молча слушает, после паузы становится по стойке смирно, показывает Вере рукой на невидимые погоны на плечах.

ОН: Так точно, товарищ, да, искренне, искренне смеялась, товарищ полковник...

Кладет трубку. Вера смотрит на него с недоумением.

ОН (смеется): Это дежурная по этажу звонила. Она нас теперь любит, причем с каждым днем мы становимся для нее все дороже и дороже. Спрашивает, не сгорели ли свечки раньше времени. (Смеются оба.)

ОНА: Помнишь Марину? (Костя смотрит непонимающе.) А, ты же ее не можешь помнить... Моя знакомая, с которой я должна была встретиться в ресторане, в Ялте, когда мы с тобой познакомились. Она в тот вечер не пришла — прощалась с курортным другом, местным работником горячего цеха.

ОН: Какого цеха?

ОНА: Горячего: в жаре, по колено в воде. пляжный фотограф.

ОН: Теперь она ездит отдыхать только в Ялту?

ОНА: Представь, нет. Года три она ездила, а потом развелась и переехала к нему. В школе преподает! Это после кафедры МГУ! Можешь себе представить?

ОН: Могу. А ты?

ОНА: А я — нет. Сменить мужа — начальника треста на пляжного фотографа! Москву — на провинцию...

ОН: Ну почему — "провинция"? Курорт. Вон какие дамы отдыхать ездят. (Обнимает ее.)

ОНА: Курорт — для тех, кто отдыхает. А знаешь, что в Ялте, да и здесь, в Сочи, зимой делается?

ОН: Что?

ОНА: Ничего. Мертвый сезон. Жизнь заканчивается. Здесь надо, как растению, на полгода впадать в спячку...

ОН: Ну, а сама она что говорит?

ОНА (пожимает плечами): Говорит, что счастлива.

ОН (наливает в стаканы шампанское): Тогда давай за счастье.

ОНА: Кто-то меня убеждал, что в вопросах счастья он, как и Пушкин, атеист, и в него не верит.

ОН (со вздохом): Если бы мы пили только за то, во что мы верим...

Выпивают. Константин достает из шкафа пакет.

ОН: Теперь твоя очередь глаза закрывать.

Вера с радостью выполняет просьбу.
Он достает из пакета эротичную прозрачную ночную рубашку.

ОН (серьезным голосом): С олимпийской символикой.

ОНА (разглядывая рубашку, серьезно спрашивает): Где?

Ответ он шепчет ей на ушко. Оба смеются.

ОНА: Я должна это немедленно померить.

Уходит в ванную. Костя подходит на цыпочках к дверям и, убедившись, что заработал кран, быстро подходит к телефону и набирает номер.

ОН: Людочка, привет, это я. Да, все в порядке, еще на пару дней придется задержаться. Ну, ты же знаешь, конец квартала, всегда аврал. Ириша спит? Что у нее в школе? (Пауза.) А у тебя? (Пауза.) Ладно, все, целую, у меня всего одна пятнашка. Да, с автомата. Все, завтра позвоню.

Подходит к столу, включает новый кассетник. Звучит песня: "Миллион, миллион, миллион алых роз". Костя обрывает один из бутонов и посылает лепестками постель. Раздевается под музыку. Открывается дверь ванной.

ОНА: При свете в этом ходить нельзя.

ОН: А Светы здесь нет, так что выходи смело.

ОНА: Не выйду. Гаси.

ОН: Эксгибиционизм в малых дозах полезен в любом количестве.

ОНА: Сейчас надену халат.

Под тяжестью последнего аргумента Костя подходит к выключателю и гасит свет со словами:

ОН: "Вот так и живем, в темном царстве".

Свет гаснет. Некоторое время слышна песня: "Прожил художник один, много он бед перенес, но в его жизни была песня безумная роз..."

Картина 2

Утро. Вера одна спит в постели, Кости в номере нет. Раздается стук в дверь. Проснувшаяся Вера прячется под простыню. Дверь открывается, входит Костя с полотенцем, переброшенным через руку, как у официанта, и с подносом, на котором дымятся чашки с кофе.

ОН: Товарищ ответственный работник, позвольте задать безответственный вопрос. Вам кофе в постель или в чашку?

Вера садится в постели, завернувшись в простыню.

ОНА: С буржуазным образом жизни бороться еще труднее, чем с мелкобуржуазным, товарищ безответственный работник. В постель, конечно, в постель.

ОН (ставит поднос на тумбочку, садится рядом): Эдуард Мане. Завтрак на тумбочке.

ОНА (пробует кофе): Индийский?

ОН: Обижаешь, бразильский.

ОНА: Поедем сегодня на Рицу? Мы в детстве, когда с родителями отдыхали в Сочи, всегда туда ездили.

ОН: "Кто на Рице не бывал, тот Кавказа не видал"... А меня в детстве только на Каролино-Бугаз возили, есть такое место под Одессой. С одной стороны море, с другой — лиман, между ними — песчаная коса...

ОНА: А что такое лиман?

ОН: Озеро, только соленое.

ОНА: А если озеро, то почему — лиман?

ОН: Турецкое название. То, что сейчас — наш юг, когда-то было севером Турции. Помнишь, папа Остапа Бендера был турецкоподданным... Ты — как наши вожди: полмира объездила, а в Одессе так и не была.

ОНА: А ты почему в зарубежную не хочешь? Сколько раз тебе предлагала, один звонок — и ты в списке. Или жену отправь. Капстрану не обещаю, а Венгрию или Болгарию — без проблем.

ОН: Спасибо, мы еще родной край не изучили. "Широка страна моя родная..."

ОНА: Окажите мне любезность, укройтесь в ванной, мне тоже нужно позвонить на оставшуюся "пятнашку".

ОН: Подслушивать некрасиво. (Направляется в ванную.)

ОНА: Ты настолько перевоплотился в верного мужа, что кричал в трубку, как на переговорном пункте. Даже если бы рядом был водопад, а не струйка из крана, тебя было бы слышно.

ОН: Постарайся не перевоплотиться в змею, когда будешь шипеть, прости, шептать шепотом, как делишься ты опытом... на семинаре крохотном.

ОНА (швыряя в скрывающегося в ванной Костю подушкой): Поэт-передвижник. Душ прими и о душе подумай...

Вера надевает халат, подходит к зеркалу, расчесывает волосы. Затем идет к телефону, снимает трубку, но в этот момент из ванной с намыленной головой появляется Константин.

ОН: Связь со столицей под угрозой, воды в кране нет.

Вера, вздохнув, идет в ванную, через секунду оттуда доносится шум воды.

ОНА (возвращается в комнату): А еще инженер!.. (Набирает номер.) Привет, ну как вы там? У меня все в порядке, завтра последний день семинара, послезавтра вылетаю, в Москве буду в четыре часа. Пришли водителя. (Смеется.) Да, и машину тоже пришли. Как Олежек? Кашляет? Действительно кашляет, или на музыку идти не хочет? Ладно, завтра пусть не идет. Да. (Пауза.) Конечно, соскучилась. Что тебе привезти? Про чурчелу я помню, что еще? Заднюю часть? Чью? (Смеется.) Не переживай, все свое ношу с собой. Ты еще помнишь, как это по-латыни? Я тоже. (Пауза.) Откуда?.. Из кабинета секретаря по идеологии, он любезно вышел, деликатный. Когда у тебя коллегия? (Пауза.) Ну, ни пуха, ни пера. Нет, скажи "к черту". Вот, теперь точно утверждают. Все, целую, не скучай. Пока.

Подходит к зеркалу, вглядывается в отражение, но, как у всякой женщины, общение с зеркалом ведет к изучению не глубины, но поверхности. В ванной стихает шум воды, появляется Константин в расстегнутой рубашке, с полотенцем на шее.

ОН (примирительным тоном): Хотел побриться, но с вечера еще не отросло. Раньше не мог понять, зачем английские джентльмены бреются два раза в день...

ОНА (будто не слыша сказанного): Твои замечания про "деление опытом на семинаре крохотном" я слышу в последний раз... У нас с тобой стратегический паритет. На одну твою жену приходится один мой муж. Так было, так есть и так будет.

ОН: Человеку даровано великое благо: не знать своего будущего.

ОНА (неожиданно раздражаясь): Чушь! Оставь свои банальные афоризмы!

ОН: Афоризм — это отредактированный роман.

ОНА: Да ну тебя...

Вера уходит в ванную. Костя включает магнитофон, вставляет кассету, закуривает, звучит "Охота на волков". На куплете "...Волк не может нарушить традиций, видно в детстве, слепые щенки, мы, волчата, сосали волчицу, и всосали — нельзя за флажки. Волк не может, не дол-

жен иначе..." Вера возвращается в комнату. Костя подходит к ней, несколько раз протягивает ей руку, но она, еще сердясь, отталкивает его. Наконец, она сама протягивает Косте руку, и он целует ее ладонь.

Костя наливает коньяк, разрезает арбуз. Песня заканчивается. Костя выключает магнитофон, протягивает один стакан Вере.

ОН: Не чокаясь. Как он здесь точно — про нас и про флажки...

Выпивают, закусывают арбузом.

ОНА: Тебя не смущает, что мы завтракаем коньяком?

ОН: С утра не выпил — день пропал. (Подливает в стаканы.) А вообще, к такому напитку относиться надо как к женщине. Сначала полюбоваться его видом (поднимает бокал), затем согреть его своим теплом (сжимает стакан в ладонях), вдохнуть его аромат и лишь потом сделать маленький глоток, наслаждаясь вкусом.

Вера повторяет все действия за Костей, отпивает.

ОН (подливает в стаканы): Когда человек выпивает 50 грамм, он становится другим человеком, и этот другой человек тоже хочет выпить. (Чокаются и выпивают.)

ОНА: Ну что, поедem сегодня куда-нибудь?

ОН: А мне казалось, что тебе путешествий и без меня хватает.

ОНА: Хватает. Но иногда так жаль, что тебя нет рядом... Знаешь, кстати, я как впервые за границу попала? Это еще в университете было. Включили меня в состав тургруппы в Венгрию. Ну, все как положено, утверждение характеристик, бюро райкома, медкомиссия... Посадили нас в поезд, на границе стали загранпаспорта выдавать — раньше не рискнули, чтобы мы их не потеряли.

ОН: Это мудро!

ОНА: ...Всех называют, а меня — нет. Руководитель группы отозвал меня в сторону: "У тебя какая фамилия?". Я говорю — Заречная. Он: "Вот паспорт, фотография в нем твоя, а фамилия — Загорная. Варианта два: ты возвращаешься в Москву, человека, который ошибку допустил, конечно, накажут... И второй вариант: ничего никому не скажем, поедешь как Загорная". Понятно, что второй вариант мне понравился больше. А потом пограничники паспорта собрали, завели нас в таможенный зал и сказали заполнять декларации. А я свою новую фамилию вспомнить не могу! То ли Заславская, то ли Задорнова... Ну, думаю, все! В паспорте одна, в декларации — другая, в жизни — третья. Но — повезло, вспомнила. А в Москве меня друзья встречали. "Пока-

жи, какой он, загранпаспорт? А почему у тебя фамилия другая?" Ответаю: так надо!

ОН: Пианистка Кэт... Так ты в девичестве Заречная?

ОНА: Меня в университете еще Чайкой называли.

ОН: А я, кстати, в драмкружке Треплева играл. (Декламирует.) "Женщины не прощают неуспеха. Если бы вы знали, как я несчастлив!" (Закуривает.) Есть, кстати, легенда, что в чаек переселяются души моряков. Поэтому они всегда летят вслед за судном. (Усаживает Веру к себе на колени и обнимает ее.) Ты знаешь, я нашей первой встрече в Ялте сначала значения не придал. Потом неделя проходит, другая... И я сам себе удивляюсь — что это я все о тебе думаю? Был в Москве, в ресторанах оглядывался... Представлял, как случайно тебя увижу, приглашу на танец...

ОНА: Да, ты танцевал лучше всех. Но не это было главное.

ОН: А что?

ОНА: То, что ты ни на кого не был похож... И не старался быть ни на кого похожим. (Вера встает, прохаживается по комнате, перебирает цветы в вазе.) Знаешь, первый раз я влюбилась в школе... В учителя литературы...

ОН: Красивый был?

ОНА: Не в том дело... Он мне тогда казался старым: представляешь, ему было 24 года! Борис Алексеевич... А потом увидела, как он с физичкой в коридоре целуется. Хотела в реке утопиться, страдала ужасно... И в театральное решила поступать, чтобы от него подальше. Через пару лет приехала домой и встретила его. И — ничего! Время и расстояние вылечили... И с тобой, думала, так будет. Не увижу год — и все пройдет. Но — не получается.

ОН (подливает коньяк): И что, поступила?

ОНА: Не прошла по конкурсу. Может, потому, что была в таком же платье, как одна дама из комиссии?.. Стояла за ним в ГУМе четыре часа и зубрила из Чехова: "Чем мне оправдаться?.. Я не мужа обманула, а самое себя..." Возвращаться в Горький не хотелось. Поступила на филфак.

ОН (обнимая Веру): Такой талант пропал!

ОНА: Не пропал. В семейных драмах играю без репетиций.

ОН: Ты, кстати, в курсе, что Горький переименовали?

ОНА (поверив серьезному тону Кости): Нет.

ОН: Был Горький, стал — Сладкий.

ОНА: Почему?

ОН: Так к вам же Сахарова выслали.

ОНА (смеется): Вот у кого талант пропал: врешь и не краснеешь!

ОН: Красною я только в бане. Кстати, мы на пляж сегодня пойдем?
ОНА: Мне еще на рынок надо — чурчхелу купить. Я из поездок местные вкусности привожу. В Ялте красный лук купила...
ОН: Не понял?! В Москве с луком напряженка?
ОНА: Это же красный лук, сладкий, крымский.
ОН: Не пробовал. И зачем нужен сладкий лук?
ОНА (игриво смотрит на него): А зачем горький шоколад? Ты же сам говоришь — то, что было Горьким, может оказаться Сладким...

Вера задерживает шторы, в номере — полумрак.

ОН: А как же чурчхела?

Постепенно свет на сцене гаснет, слышен шепот, поцелуи... Из-за окна доносятся шум набережной, крики чаек и песня из магнитофона в ближайшем кафе:

"Лаванда, горная лаванда,
наших встреч с тобой синие цветы...
Лаванда, горная лаванда,
сколько лет прошло, но помним я и ты..."

АКТ IV

1985 год.

Красивый гостиничный номер "люкс". Большая двуспальная кровать. Цветной телевизор, картины на стенах. Хрусталь. В вазе, как всегда, 25 роз. Костя бродит по номеру, поправляет покрывало на кровати, смотрит на часы, проверяет, работает ли телефон. Обрывает лепестки одной из роз и бросает их на кровать. Включает радиоточку: звучит песня Антонова.

Моряку даны с рожденья
Две любви — земля и море,
Он без них прожить не может,
ими счастлив он и горд.
Две любви неразделимо
В нем живут — к земле и морю,
А граница между ним — порт, порт.

Константин подходит к телефону, набирает номер.

ОН: Алло, девушка, что с московским? Сел? Как — час назад, вы же сказали, что задерживается? Ах, два московских... Спасибо.

В дверь тихо стучат. Костя открывает. В номер входит Вера, одетая с характерным шиком восьмидесятых. Видно, что она очень спешила. Ставит на пол большую дорожную сумку. Не сказав ни слова, они сливаются в долгим поцелуе.

ОН: Я до последней минуты не верил, что тебе удастся вырваться.

ОНА: Если бы ты знал, чего мне это стоило! Пришлось даже маму подключить. Она дала в посольство телеграмму, врачом заверенную, что

серьезно больна и хочет видеть дочь. "Товарищи" пошли нам навстречу, тем более, что мы уже больше года в Союзе не были.

ОН: А мужа ностальгия не замучила?

ОНА: Его непустили. Ожидается приезд Шеварднадзе в Нью-Йорк, и все стоят на ушах. Я вчера утром в Москву прилетела — и сразу к своим девчонкам в "Спутник" звонить, они мне с билетом помогли, иначе бы я к тебе из-за этих туристов выходного дня не вырвалась. А ты как?

ОН: Путевку взял. Выходного дня. Шучу. Обмениваемся опытом с рижским портом.

Вера осматривает номер, заглядывает в ванную.

ОНА (вздыхая): Да-а... Бедненько, но чистенько.

ОН: Ты считаешь? По-моему, шикарный номер.

ОНА (снисходительно): Ты шикарных не видел... (Кивает на букет.) Двадцать пять?

ОН: Как всегда. Ну, а с мамой-то повидалась?

ОНА: Весь вчерашний день была с ней. Ой, кстати! Я же твоей маме привезла... (роется в большой сумке, вытаскивает из нее какие-то пакеты и заглядывает в них) таблетки эти... Не могу найти. Разница во времени — восемь часов, я в полусне каком-то.

ОН: Да ладно, брось, потом найдешь. Куда они денутся?

ОНА: Нет, лучше сейчас, потом не до того будет (кокетливо смотрит на Костю и снова роется в сумке). Как мама-то?

ОН: Врачи говорят — серьезного ничего нет, но в ее возрасте с этим не шутят.

ОНА: Да где же?.. Кошмар...

ОН: Что случилось?

ОНА: Я их наверно в такси оставила. Искала кошелек, пакеты на сидение вынула... Надо звонить в таксопарк. (Садится к телефону, набирает номер.) Алло, добрый вечер! Я только что на такси приехала, и в машине сумку оставила. Подскажите телефон таксопарка. (После паузы.) Спасибо большое. Да, благодарю вас. (Кладет трубку.) Администраторы здесь такие любезные... Даже про наши семейные узы не спросили, когда в номер провожали.

ОН: Подожди, еще не вечер.

ОНА (набирает номер): Алло, девушка, добрый день! Вы мне не можете, я в аэропорту... Что? Девушка, у меня один вопрос... Девушка!!!

Кладет трубку, растерянно смотрит на Костю и, подражая латышскому акценту, произносит:

ОНА: "По-русски не понимаю".

ОН (хохочет): Ура!!! Я наконец-то за границей! Здесь не понимают по-русски!

ОНА (по-прежнему растерянно): Я в Риге не первый раз, и никогда такого...

ОН: Это смотря на кого нарвешься. Не переживай, сейчас все устроим. Они же европейцы. Дай-ка телефон. (Набирает номер. Говорит по-английски.) "Здравствуйте! Не можете ли вы мне? Моя жена..." (замолкает и, прикрыв трубку рукой, говорит Вере): Переключают на кого-то. (продолжает в трубку по-английски): "Здравствуйте! Моя жена полчаса назад ехала из аэропорта в гостиницу "Латвия" на такси и забыла в машине пакет с лекарствами. Не можете ли вы мне... О, да, гостиница "Латвия", номер 911. Да, буду очень благодарен". (Кладет трубку и вздыхает.) Обещали привезти, но я разочарован.

ОНА: Чем?

ОН: Это не Рио-де-Жанейро. К дуракам и иностранцам у нас по-прежнему относятся лучше, чем ко всем остальным.

ОНА: Как жаль, что ты не был в Америке... С твоим английским тебе было бы еще интереснее, чем мне.

ОН: Вера, ты же знаешь, что у нас немому выехать за рубеж гораздо проще, чем полиглоту.

ОНА: Ошибаешься, документы инвалидов на загранку вообще не принимаются, за исключением ветеранских поездок.

ОН: Почему?

ОНА: Да потому что представители советского народа не могут быть немыми, глухими, одноногими или однорукими. Как, впрочем, и одинокими, то есть без родственников.

ОН: А одиноких почему не выпускают? Чем не угодили?

ОНА: А ты пофантазируй...

ОН (подходит к Вере и крепко обнимет ее): Верка! Ты соскучилась?

Целует ее. Вера вдруг вырывается

ОН: Что, еще что-то забыла?

ОНА: Я про лекарства... Наверное, не надо было звонить.

ОН: Почему?

ОНА: Пакеты эти американские с надписями, и внутри коробки с таблетками, и все на английском... Ты уверен, что таксист сюда пакет принесет, а не в "комитет глубинного бурения"? И придет уже не один...

ОН: И ты с ними не договоришься?

ОНА: Скажешь тоже! Я же не дома!

ОН (притворно-скорбно): Ну, тогда все... Ночевать будем не здесь, а... а как будет "Лубянка" по-латышски?

ОНА (озабоченно): Очень смешно!

Некоторое время сидят рядышком на диване в полном молчании.
Костя снова обнимает Веру, но она мягко отстраняется.

ОНА: Давай сначала отметим встречу. Я немного приду в себя.

ОН (смущенно): Сейчас все принесут.

ОНА: И коньяк принесут? День открытых дверей какой-то! Я думала, ты как всегда запасешься...

ОН: Извини, с местом не рассчитал. От этой гостиницы до морвокзала — ровно пятьсот метров.

ОНА: Ну и что?

ОН: Согласно гениальной инициативе минерального секретаря зона в радиусе километра от вокзалов свободна от спиртного. Поэтому сейчас здесь — как в Саудовской Аравии. Только с многоженством задержка.

ОНА: Это ты про себя?

ОН: Нет, про Михаила Сергеевича.

ОНА: Не смешно.

ОН: Разве? А знаешь, кто самые известные в Союзе люди? Райкин-отец, Райкин-сын и Райкин муж.

ОНА: А Райкин муж — это кто?

ОН: Да, воздух свободы сыграл с тобой злую шутку.

ОНА: А-а... Обязательно Косте расскажу.

ОН: А Костя — это кто?

ОНА: Райкин-сын. Мы с ним в Москве встречаемся в одной компании. (Садится за стол.) Так у нас что, безалкогольная свадьба?

ОН: Я послал человека в магазин, но там, боюсь, очередь.

Костя достает из портфеля и кладет на стол коробку конфет и апельсины.

ОНА: А французы называют алкоголь водой жизни — лё де ви.

ОН: А у нас лё де ви — вне се ля ви. Компрене ву?

ОНА: Оф кос!

ОН: Произношение выдает в вас жену советского дипломата.

ОНА: Ну, до дипломатов нам еще расти и расти.

ОН: Не прибедняйтесь, сотрудники торгпредства. (Берет Веру за руку и надевает ей на палец кольцо.)

ОНА: Какая красота! У нас сегодня помолвка?

ОН: Нравится?

ОНА: Спасибо, очень. (Целует Константина.)

ОН: Вера, я подумал...

Стук в дверь. Костя выходит и возвращается с подносом, на котором стоят чайник и две чашки.

ОНА: Мы сегодня чай пьем, с бальзамом?

ОН: Нет, надеюсь, бальзам без чая.

Пока Костя расставляет на столе чайник и чашки, Вера вынимает из дорожной сумки халат, но, подержав, кладет его на одно из кресел и садится за стол.

ОН: Ты же хотела переодеться?..

ОНА: Потом. Я хочу к тебе немного привыкнуть.

Костя смотрит на Веру с удивлением, смешанным с неудовольствием, затем продолжает накрывать на стол, разливает бальзам по чашкам.

ОНА: Что-то у нас... То коньяк из граненых стаканов, то бальзам из чайных чашек...

ОН: А какая посуда бывает в наших гостиницах кроме графинов и стаканов?

ОНА: Но здесь-то рюмки есть, давай перельем.

ОН: Нет, будем соблюдать конспирацию до конца.

ОНА: Если уж до конца, и мы маскируемся под чаепитие, то надо пить из блюдца.

ОН: Легко. (Поднимает чашку.) Земля — крестьянам, вода — матросам, а женщины — тем, кто их любит! (Чокается с Верой, а потом переливает бальзам в блюдце и пьет по-купечески, подперев локоть рукой.)

ОНА: Как ты там говорил? "Нужно согреть бокал в ладонях, полюбоваться янтарными бликами, вдохнуть аромат напитка и лишь затем пригубить его..."

Константин "греет" блюдце в ладонях и нюхает его.

ОНА (смеется): А ты не меняешься совсем. И внешне тоже. Хотя нет, похудел немного.

ОН: А ты похорошела.

ОНА: Перестань, от возраста только коньяк лучше делается...

ОН: Это намек? (Наливает. Достает из портфеля красную папку, на которой золотом вытиснено: "Победителю социалистического соревнования". Открывает ее и, стоя, торжественно произносит.) Гражданка, позвольте вам вручить аттестат об оконча-

нии нашей десятилетки. (Читает.) За искусство любви — отлично, за конспирацию — пятерка. Верность — зачет.

ОНА (смеется): Ну, хватит, давай сюда (читает "аттестат" про себя, потом кладет его на стол). Ох, когда уже мое чудовище аттестат получит?

ОН: Что, у Олега в школе проблемы?

ОНА: Как всегда.

ОН: Что опять натворил?

ОНА: Натворил?! Это мягко сказано! Нашел дома нотный сборник, выучил "Боже, царя храни"...

ОН: Откуда у вас такие песенники интересные?

ОНА: Это еще моей бабушки — она была пианисткой, Шаляпину аккомпанировала, когда он в Нижнем Новгороде гастролировал... В общем, Олег сыграл "Боже, царя храни" на уроке пения, да еще и подговорил весь класс при этом встать...

ОН: Что ты хочешь? Наши дети — первое непуганое поколение.

ОНА: Ребенок тигра не боится... Пока не подрастет.

ОН: Может, потому что тигр уже старый? Или, как говорят китайцы, бумажный.

ОНА: Видел бы ты, как бумажного тигра американцы боятся! Во всяком случае, спасибо моей маме. Если бы не она, из-за этой музыкальной истории нас с мужем могли отозвать гораздо раньше срока.

ОН (с сарказмом): Господи, какая у торгпредов жизнь тяжелая! Врагу не пожелаешь!

ОНА (как бы не замечая его сарказм, озабоченно): Да, все это очень сложно. Мы — там, он с бабушкой — здесь... Но ведь мы через год уже вернемся. А как твоя Ирина? Она же скоро школу заканчивает? Может, ей в Москве поступать? С университетом я бы могла помочь, у меня там половина сокурсников на кафедрах. Пусть с факультетом определится.

ОН: Пусть. Только она, по-моему, не в университет, а замуж собирается.

ОНА: В десятом классе? А за кого?

ОН: Встречается с одним мальчиком. Правда, они уезжать собираются. В Америку.

ОНА: По еврейской линии?

ОН: По армянской. У них дядя — миллионер в Лос-Анжелесе.

ОНА: А ты?

ОН: Был бы это мой дядя — я бы еще подумал. А что? Встречались бы с тобой на углу Четвертой и Пятой авеню.

ОНА: Да, долго бы ты меня там ждал: они параллельные... Я считаю, что эмиграция во все времена — великое бедствие.

ОН: И лишь при советской власти о ней мечтают, как о загробной жизни.

ОНА: У меня почему-то такой аналогии не возникает.

ОН: У заграничников ввиду отрыва от Родины эти мечты временно отсутствуют.

ОНА: Те, кто уезжают, становятся там людьми второго сорта.

ОН: А те, что остаются здесь, — пятого. В соответствии с графой.

ОНА: Видел бы ты бывших наших на Брайтоне! Они пытаются найти себя, но удается это одному из тысячи.

ОН: Я давно обратил внимание, что за ограничение рождаемости борются те, кто уже родился... Ты видела Брайтон? Пусть и она посмотрит. Сама, а не кто-то ей всю жизнь будет рассказывать. (Наливает.) Возвращается маленький крот в нору и говорит: "Что я видел! Трава зеленая, небо голубое, солнышко теплое. Папа, почему же мы живем под землей?" — "Здесь наша родина, сынок". Вот давай за нее и выпьем...

ОНА: Давай, диссидент.

ОН: Диссидентов у нас нет. Есть отсиденты и досиденты. (Выпивают.) Ну, как тебе Союз после года в Америке? Есть разница?

ОНА: Знаешь, первое впечатление — чисто женское. Мне кажется, что американки покупают себе одежду на два размера больше, чем нужно, а наши — на два размера меньше.

Стук в дверь. Константин выходит и возвращается с подносом, на котором стоят два блюда, накрытые серебряными крышками.

ОН: А вот и закуска. (Открывает крышки.)

ОНА: Что это?

ОН (довольно): Лягушки — для лягушки путешественницы. Тем более что сегодня четверг.

ОНА: Ну и что?

ОН: Забыла, что такое рыбный день? Первый, кто скажет, что лягушки — это мясо, пусть бросит в повара камень. Подали как-то Иван-царевичу в Париже лягушку. Упала она оземь и превратилась в Василису Прекрасную. И сколько не бил ее об стол Иван-царевич, назад в лягушку превращаться не захотела... Пришлось съесть так.

ОНА (морщась, трогает вилкой лягушачью ножку, лежащую перед ней на тарелке): Ты считаешь, это можно есть?

ОН: Хотел тебя угостить, как ты это называешь, местной вкусностью.

ОНА (натянута улыбаясь): Спасибо, я попробую. (Нарочито долго орудует ножом и вилкой, наконец, подносит ко рту вилку с кусочком мяса, но снова кладет ее на тарелку.) Давай еще выпьем. Бальзам чудесный.

Константин наливает бальзам. В этот момент Вера спохватывается.

ОНА: Да, у меня для тебя — маленький сувенир!

Опять вытащив из сумки массу маленьких пакетов, достает со дна большую коробку и ставит на стол. Константин извлекает из упаковки видеомagnитофон.

ОН (ошеломленно и немного смущенно от дорогого подарка): Вера, ну... Спасибо!!! Теперь будем устраивать закрытые просмотры. О! Тут кассета выходит автоматически. Знаешь, как у нас борются с тлетворным влиянием? Приходит милиция и выкручивает в парадном пробки.

ОНА: Зачем?

ОН: Да-а, воздух свободы... А затем, что когда они с понятиями входят в квартиру (Костя зажимает себе пальцами, как прищепкой, нос и измененным голосом переводчика видео продолжает), "Эммануэль" еще в видеике. Встать, суд идет! Пять лет за распространение порнографии.

ОНА (изумленно): А если не порнография?

ОН: Ну, тогда три года за пропаганду насилия. (Увлеченно рассматривает магнитофон.)

ОНА: Сказали, что подходит к любым телевизорам, даже советским. Можем сразу проверить. (Достает из сумки две видеокассеты). Все на английском, хотя понятно и без перевода.

Костя начинает возиться с магнитофоном, вставляет кассету.

Вера тем временем, взяв халат, уходит в ванную.

Костя включает телевизор, переключает каналы. На одном из них — встреча Горбачева с тру-дящимися. Слышны фразы: "Главное — начать, но процесс уже пошел". Женский голос: "Михаил Сергеевич, вы только будьте к народу поближе!". Горбачев: "Куда же еще ближе, товарищи?". Наконец, Костя подключает видеомagnитофон, раздаются характерные охи и вздохи, и через несколько секунд в номере гаснет свет. В темноте — голоса.

ОНА (испуганно): Костя, что случилось?

ОН: А это нас арестовывать идут. Я же сказал, что хочу магнитофон проверить...

ОНА: Ничего себе шуточки. (Слышно, что Вера вернулась в комнату.) Ты где? Ой, что это? (На что-то наткнулась в темноте.) Я к тебе иду.

ОН: О, черт! (тоже на что-то наткнулся, слышен звон разбившейся чашки.) Встречаемся на кровати.

ОНА: Хорошо.

Несколько секунд проходят в темноте и тишине. Вдруг включается свет, и выясняется, что в темноте Вера и Костя разминулись, прошли мимо кровати и идут в разные стороны. Увидев это, они начинают хохотать и падают на постель. Вера так и не переделалась в халат.

ОН: Да-а! А я уж думал — проверочка, и будет мне Верочка переда-
чи носить.

ОНА: Ну, на то, чтобы передачи носить, у тебя есть жена.

ОН: Уже нет. Я развелся.

Посреди веселой перебранки повисает пауза. Вера и Костя так и остаются лежать на дву-
спальной кровати, не касаясь друг друга.

ОНА: Зачем?

ОН: Не зачем, а почему. Надоело.

ОНА: Но раньше тебя, кажется, все устраивало?

ОН (садится и закуривает): Я уже в порту начал учить немецкий, а в отпус-
ке подрабатывал гидом-переводчиком с гэдээровскими группами.
По крымско-кавказской линии с ними ходил. И вот как-то летом в Суху-
ми веду экскурсию по обезьянъему питомнику. Жара страшная, группа
устала — и от обезьян, и от запахов, и от информации о резус-факторах.
Экскурсовод, чтобы их немножко расшевелить, рассказывает об одном
обезьянъем семействе. "У этого самца есть две жены: одна любимая, вто-
рая нелюбимая". А в немецком языке глагол "любить" — это "либен",
а "жить" — "лэбен". И я под воздействием жары перевожу: "Дизес манн
хат цвай фрау. Айн лебедингер, айн ун лэбендегер". То есть, одна жена жи-
вая, а другая — неживая. Тут и группа оживилась: "Покажи, — говорят, —
какая из них неживая". А я так понимаю, что "нелюбимая". "Наверно, вот
эта". Они говорят: "Она же движется". А я: "Ну и что, все равно неживая".
Долго мы так объяснялись, пока я не сообразил, в чем дело. Хотя, если
вдуматься, нелюбимая — она все равно что неживая.

Оба молчат. Пауза становится тягостной.

ОНА: И что ты собираешься делать?

ОН: А ты?

ОНА: А при чем здесь я? Ты развелся, я тебя об этом не просила.

ОН: Выходи за меня.

Повисает очередная свинцовая пауза.

ОНА: Я не помню, говорила ли я тебе об этом... но я замужем.

ОН: Я серьезно.

ОНА: И я серьезно. У американцев есть поговорка: "Не надо чинить то,

что не поломалось". Извини, но, по-моему, ты как раз этим и занимаешься.
Прекрасно знаешь — у меня с мужем нормальные отношения, мы живем
вместе много лет, у нас сын, друзья, и я не понимаю, зачем что-то менять?
Да и потом, его снимут с должности, отзовут из-за границы. Ради чего?

ОН: Действительно, ради чего? И ради кого? Конечно, я не могу те-
бе предложить обкомовского распределителя и служебной квартиры
с видом на Гудзон. И друзья у меня — не народные артисты. Прав был
Треплев: "Женщины не прощают неуспеха"... Но ты же сама говорила,
что твой муж — слуга, и никакого не народа, а такого же слуги, только на
ступеньку выше.

ОНА: Да причем здесь это?..

ОН (перебивая ее): Притом! Я не верю, что ты его любишь, что тебя вол-
нует его карьера. Ты просто не хочешь терять все эти удобства, поездки...
А я для тебя — просто мальчик по вызову, постельная принадлежность.
Наши с тобой отношения — "Дама с собачкой"... сто лет спустя. Я — в ро-
ли собачки.

ОНА: Прекрати! Не суди о том, чего ты не знаешь и не можешь знать!
Ты понимаешь, чего мне стоило прилететь сюда на несколько дней? Он не
даст нам развода. И не даст нам жить вместе. Ты не знаешь, какие у него
друзья и что они могут.

ОН: Вера, ну неужели тебе не надоело? Ложиться спать в одну по-
стель, а просыпаться в другой? Обнимать одного, а чувствовать другого?

ОНА: Ты тоже обнимал одну, чувствовал другую, и спал в разных по-
стелях. Если тебе это так претит, почему ты развелся только сейчас, через
десять лет? Почему не сразу? Или это не ты, а с тобой развелись?

ОН: Не имеет значения.

ОНА: Имеет. (Примирительным тоном.) Костя, это глупо. Любой брак —
это два-три года счастья, а потом — мирное существование. И у нас с то-
бой было бы то же самое. Семья — это, в конечном итоге, домашние тапоч-
ки. А наши встречи — туфли на высоких каблуках. Ты хочешь лишить нас
праздника? Через какое-то время ты станешь искать его вновь. И я тоже.
(Пауза.) По-настоящему мы любим лишь тех, кто позволяет нам оставать-
ся самим собой. Не помню, кто это сказал, но я полностью согласна... Кос-
тя, мы же с тобой оба — лидеры. Два медведя... в одной берлоге?... А дети...
Как им это объяснить? (Помолчав, подходит к нему, смотрит в глаза.) Пусть все бу-
дет, как было.

ОН: Нет, как было — не будет. Даже если ты не захочешь выйти за меня.

ОНА: Что ты имеешь в виду? А, ну конечно, ты же не сможешь дол-

го жить один. Ведь так? Я права? А я чувствую — что-то не то... Теперь все ясно.

ОН: Что ясно? Нет, я не перестаю восхищаться твоей логикой! Я делаю тебе предложение, и тем самым разрушаю наши отношения? Это же бред!

ОНА: Это ты бредишь!

ОН: Прав был мой отец: жен меняют те, кто не умеет вовремя менять любовниц.

Вера, отшатнувшись, хватается плащ.

ОНА: Я пойду. Закажи мне такси.

ОН: Куда?

ОНА: В Америку.

ОН (берет в руки ее халат, брошенный на кресло): Так, не привыкнув, и уедешь?

Пытается ее обнять. Вера вырывается.

ОНА: Да пошел ты!

Уходит, хлопая дверью. Константин нервно ходит по номеру. Включает телевизор.

Звучит песня, поют Лайма Вайкуле и Валерий Леонтьев:

"Смятение вы мое и грусть,
тот сон, что помню наизусть.
— Но вы вдвоем. Вы не со мною.
— Моей надежды яркий свет,
я шел к вам столько долгих лет.
— Но вы вдвоем, вы не со мною.
— Ах, вернисаж, мучитель наш!
Вы не одна, какой пассаж!
— Но вы вдвоем, вы не со мною.
— На этой выставке картин
сюжет отсутствует один —
где мы вдвоем, где вы со мной".

Стучат. Константин бросается к двери, но через несколько секунд возвращается в номер с пакетом в руках. Вынимает из него коробочки с лекарствами, затем бросает все на стол и выбегает из номера. Через некоторое время, перебивая песню, звонит телефон. В пустом номере долго раздаются звонки... Гаснет свет, умолкает телевизор, и телефон звонит уже в темноте и тишине...

АКТ V

1990 год.

Пустой номер в стамбульской гостинице. С улицы доносится крик муэдзина, призывающий правоверных на вечерний намаз. В номере разбросаны разнокалиберные коробки, в центре комнаты стоят два танка — детские игрушки с дистанционным управлением. Ваза с 25 розами. В номере появляется Константин в элегантном костюме, в галстук, с дипломатом.

Подходит к телефону, набирает номер.

ОН: Алексей Петрович, да, это Константин. Из Константинополя. То есть, из Стамбула. (Пауза.) Если мы сумеем отгрузить 300 тысяч, турки откроют аккредитив под 9 долларов за штуку, на 10 они не соглашаются. (Пауза.) По всем правилам стамбульского базара. Уходил. Прощался. Не возвращают. (Пауза.) Нет. Нет, не думаю. Девять пятьдесят тоже не дадут. Предоплату не сделают. Уже обожглись с ленинградцами. Хорошо. Перезвоните мне, я в "Диване". (Смеется.) Нет, это гостиница так называется.

Открывается дверь, заходит Вера. В руках у нее четыре больших пакета.

ОНА: Поздравь с обновками. За пять танков — кожаная куртка. Представляешь, прицепился ко мне один турок. "Наташа! Наташа! Зайди ко мне в магазин". Начал передо мной дубленки раскладывать. "Выбирай, любую подарю!" Такое впечатление, что они женщин никогда не видели...

ОН: Пойдем куда-нибудь? Кебаб съедим, кофе попьем. Ай-Софию посмотрим.

ОНА: Я читала, что когда ее строили, в основание по скифскому обычаю замуровали человека. Только не помню — зачем?

ОН: Чтобы колонны ровно стояли, трещин в стенах не было.

ОНА: Нет, не пойдем. Я после этого базара ног под собой не чувствую. (Сбрасывает туфли, вытягивает перед собой ноги.) Ну, конечно, натерла.

ОН: Где? (Садится на корточки, берет Верины ступни в свои ладони.)

ОНА: Надела новые, думала, разносятся.

ОН: О-о-о... Похоже, придется тебе до конца поездки в тапочках ходить. Кто же на базар отправляется в новых туфлях? А может, ты не меня, а турков потрепать хотела? Признавайся?

ОНА (смеется): Признаюсь, признаюсь... Как твои переговоры? Ты давно вернулся?

ОН: За три минуты до тебя. Переговоры — нормально. Они, конечно, упрямались. (Отвернувшись от Веры, надевает противогаз.) Но я показал им товар лицом. (Поворачивается. Вера от неожиданности вскрикивает, потом смеется.) Что вы смеетесь? Что вы все смеетесь? Лучше наших противогазов только наши газы. Не понимать это может только турок. Еще неизвестно, куда повернет Хусейн после Кувейта.

ОНА: Ну, все о'кей? Контракт подписали?

ОН: До контракта еще торговаться и торговаться.

ОНА: Если за контракт пить рано, давай покупки обмоем.

ОН (открывая бар): Виски, тоник... И даже лед есть. Турки хоть и мусульмане, но пьющие. Ну что, уипьем уиски? (Берет бутылку и рассказывает анекдот.)

Одесса, пункт приема стеклотары. Мужик спрашивает приемщика: "Вы пустые бутылки из-под виски принимаете?" — "Да... Сэр," — отвечает тот.

Пока Константин наливает виски, Вера облачается в новую кожаную куртку и встает перед ним в эффектной позе.

ОНА: Ну как, сэр?

ОН: Леди, вы неотразимы. Теперь перед вами не устоит ни один мужчина Константинополя. (Протягивает ей стакан.)

ОНА: Из всего Константинополя меня интересует только один Константин, по фамилии Любимов. (Чокаются и выпивают.) Кстати, почему опять кровати раздельные?

ОН: Не страшно. Свяжем полотенцами, как в Таллинне.

ОНА: Ну, утром как-то на бегу — быстро-быстро, "сама-сама"... А ночевать хотелось бы вместе, а не рядом.

ОН: С разными фамилиями общая кровать не полагается.

ОНА: Я готова взять твою.

Костя делает "большие глаза". Вера походкой роковой соблазнительницы проходит по номеру.

ОНА: Сфотографируй меня! В куртке и с танком...

ОН (вынимая из сумки фотоаппарат): А как же конспирация? Такая улика! Как ты потом объяснишь, кто фотографировал и почему в кадре мужской галстук?

ОНА: Ну, если я смогла придумать, почему из десяти дней в Союзе я пять провела в Риге... Смелее, папарацци!

Костя фотографирует Веру. Раздается стук в дверь.
Костя выходит и возвращается с подносом. На нем — чай в рюмочках и рахат-лукум.

ОН: Не бойся, это не конспирация и не коньяк, а местный чай.

ОНА: Отлично. (Гладит рукой куртку.) Хорошая страна Турция. В чем бы ходили? "Березки" закрыли. Сколько у людей чеков пропало!..

ОН: Вер, кожаная куртка — это уже не актуально. Сегодня лучшая одежда — это "Мерседес". И вообще, тебе ли жаловаться? По-моему, у тебя проблем с гардеробом нет.

ОНА (некоторое время сидит задумчиво, поглаживая куртку): Мне иногда кажется, что я люблю модно одеваться, потому что всю юность проходила в перешитых маминых вещах.

ОН: Странное совпадение... Английская королева тоже любит модные вещи...

ОНА: Мне бы домой позвонить.

ОН: Сейчас организуем. (Отодвигает в сторону поднос со сладостями, ставит перед Верой телефон.) Ты о чем-то волнуешься?

ОНА (набирая номер): У Олега — ни дня без приключений... Сорвалось! (Набирает номер снова.) Я тебе не рассказывала, как его чуть из института не выгнали?

ОН: Интересно, за что?

ОНА: За чувство юмора. (Некоторое время молчит.) Снова занято. Попробую позже. (Кладет трубку. Костя подливает Вере и себе виски. Они выпивают.) К ним в группу направили кубинцев. Знакомиться стали. Один к Олегу подсел, с трудом фразу слепил: "Меня зовут Джордж". А тот: "А меня — Хозяин". Кубинец так и стал Олега называть. Однажды мимо декан проходил, услышал... Ну и все, скандал! Меня к ректору вызвали. "Расиста воспитали!.." Пришлось покраснеть, звонки из МИДа организовать. Отделались выговором.

ОН: Обошлось?

ОНА: А толку? Говорю: "Исключат!" Он: "Ну и что?". — "В армию пойдешь!!!" Смеется: "Представляю, как вы мне в Афган печенье будете отправлять".

ОН: Ну, слава Богу, в Афган уже печенье не шлют...

ОНА: А потом говорит: "Никакой это не расизм... Просто захотелось, чтобы меня хозяином назвали". И опять смеется: "Вы с отцом ничего не скрываете? Может, у нас в роду графья были? Иначе откуда это во мне?"

ОН: Белый медвежонок спрашивает у медведицы: у нас в роду бурые медведи были? Нет, не было, все белые, до третьего колена. Мама, почему же я тогда так мерзну?

ОНА: Это ты к чему?

ОН: К тому, что я бы ему больше самостоятельности давал. Будущее сегодня — не в карьерных вузах, а в свободном плавании. Тогда его хозяином будут называть по праву, а не по глупости.

ОНА: В свободном плавании можно и утонуть...

ОН: Можно. Но, судя по тому, что ты рассказываешь об Олеге, он любую стену прогрызет.

ОНА: А если зубы себе раскрошит? Тогда — эту стену лизать? Или плевать на нее из-за бугра?

ОН: Это у кого же из классиков ты такой образ социалистического общества нашла?

ОНА: Да ну их, классиков!

ОН (цитируя Веру): А как же Ленин, "не трогай святое", Сталин — "был культ, но была и личность..."

ОНА: Мы же не знали. Это сейчас все рассказали и напечатали!

ОН: Откуда же МЫ все это знали? Даже тогда, когда из правды радио сообщало только время. Просто ВЫ знать не хотели! Ладно!.. Вечная тема... Мы сейчас об Олеге. Ему просто скучно. Вы ему все на блюдечке поднесли...

ОНА: Никто ничего не подносил. Что, надо было икру под одеялом есть, а ребенку — спартанские условия? Глупость!

ОН: Глупость, конечно. Но, увы, родителей не выбирают.

ОНА: Точно так же, как и детей. А у тебя дочка что, ангел? В семнадцать лет замуж — это от большого ума или от хорошего воспитания?

ОН: Диалог по принципу: "Сам дурак, и шапка у тебя краденая".

ОНА (продолжает уже спокойнее): Я давно заметила — все понимают, как чужих детей воспитывать.

ОН: Махнемся?

ОНА: Легко сказать, твоя в Америке.

ОН: Ну, в Америке — не на Луне. Может, вернется.

ОНА: Ты перепутал, это с Луны все вернулись!

ОН: Ну, ты же в Америке не осталась?

ОНА: Что ты сравниваешь? А Олег? А мама? Что бы с ними стало? (Почти примирительно.) Про тебя я уже не говорю...

Вера еще немного обижена. Костя несколько раз пытается взять ее за руку, пока она, улыбнувшись, наконец, протягивает ему руку, и он долго целует ее ладонь.

ОНА: Слушай, а давай кровати сдвинем?

ОН: Ход ваших мыслей мне нравится.

Сдвигают тяжелые кровати, потом, словно обессилив от тяжелой работы, падают в кресла. Вера берет пульт, и один из танков начинает ездить по комнате.

ОНА: Ты билет купил?

Костя тоже берет пульт, и его танк едет вслед за первым.

ОН: Я на листе ожидания. Билета нет, но, кроме Веры, есть Надежда, что он появится. (Игрушечные танки сталкиваются. Костя наливает виски и протягивает Вере стакан.)

ОНА: Третий тост — за тех, кто в море и за морем?

ОН: Нет, давай за Михаила Сергеевича! Благодаря ему мы становимся похожи на людей.

ОНА: Торгуя игрушками на базаре?

ОН: Не скажи. В своих тюках челноки привезут западный дух! Как когда-то декабристы из Парижа.

ОНА: Базарный — это точно, насчет западного не уверена. Да и что это изменит? Болтовни много. А в Москве собирают окурки, пачка сигарет сегодня такая же валюта, как пять лет назад бутылка водки. Этой стране нужен не логопед, а хирург.

ОН: "Пусть рухнет все, что может рухнуть от слова правды".

ОНА: Вот все и рушится! У меня подруга в Кишиневе. Там уже, как в Прибалтике, русским открыто говорят: "Чемодан, вокзал, Россия". Танки на улицах, причем настоящие...

ОН: А как иначе расхлебать кашу, которую 70 лет варили честные ленинцы?

ОНА: Надо было, как в Китае — начинать с экономики. И делать все постепенно, осторожно... Мой тесть считает, что перестройка затеяна для того, чтобы выявить врагов. Потом все закончится, как нэп.

ОН: Не-е-ет, пасту в тубик уже не затолкнуть. Потому что это — не нэп, а революция, которая одних поднимет, а других швырнет вниз.

ОНА: Боюсь, что никого она не низвергнет и вряд ли кого вознесет. И вообще, за ней хорошо наблюдать издалека.

ОН: Ты — как Рахманинов, который не понял значения Великого Октября, уехал в Париж. Потом понял... и уехал в Нью-Йорк.

ОНА: Кстати, о Нью-Йорке. Как дочка? Как зять?

ОН: На то он и зять, чтобы взять. Дядя у него, не помню, говорил тебе или нет, не миллионером, а мелиоратором оказался. Что-то там осушает, или наоборот, наводняет в Калифорнии. Но ничего, принял хорошо. В общем, все довольны, все свободны.

ОНА: А ты не собираешься?

ОН: Нет, уезжать сейчас — архиглупо (произносит это с ленинской картавинкой). Такие возможности открываются!.. Мне кажется, я открыл для себя формулу счастья: это когда ты победил сегодня и тебе есть за что бороться завтра.

ОНА: Азартен, Парамоша! Ты уверен, что тебя эта волна поднимет?

ОН: Ну, падать мне особенно некуда. Из порта я уволился, так что нищему пожар не страшен.

ОНА (пораженно): Но ты же был без пяти минут зам. начальника порта!

ОН: Вот именно — без пяти. Все, сюрплас закончен.

ОНА: Что закончено?

ОН: Сюрплас. Видела, как велосипедисты балансируют, чтобы быть ближе к стартовой черте, но не пересечь ее раньше времени? Мне надоело так балансировать. Полжизни прошел вполноги... В последнее время даже дурные мысли в голову лезли...

ОНА: Только не говори, что собирался стреляться, потому что не слали в заграникомандировки и не утверждали в должности.

ОН: В наше время чаще спиваются, чем стреляются... Я даже рад, что "система коридорная" рушится сразу. У меня на "постепенно" времени нет. "Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно". Как в анекдоте: сколько будет дважды два? Ну пять, ну шесть, но не семь! Эту таблицу умножения ПЕРЕСТРОИТЬ нельзя! Нужная новая. И меня ни пять, ни шесть не устраивают. Я хочу четыре. (Заглядывает в опустевшую папку, комкает ее, достает и распечатывает новую, закуривает.) Как, кстати, у твоего мужа дела с умножением?

ОНА: Кресло под ним скрипит, но скрипучее дерево живет долго.

ОН: Значит, верхи еще могут? Так чего нервничать?

ОНА: Не знаю... Правы китайцы: нет большего несчастья, чем жить в эпоху перемен.

ОН: Когда дует ветер перемен, глупый строит стену, а умный — ветряную мельницу. Да и просто интересно. Когда бы я еще увидел, как супруга начальника главка торгует на базаре игрушками?

ОНА (смеется): Да, я тебе забыла рассказать! Иду здесь по узкой улочке, с танком, а мне навстречу — жена замминистра с игрушечным пианино.

ОН (с интересом): Ну?

ОНА: "Повстречались они, и не узнали друг друга..." (Снова берет трубку и набирает номер.) Ну, наконец-то! Алло! Мама? Мамочка... Слышно ужасно... Ты меня слышишь? (Пауза.) Долетела нормально, поселилась с Мариной, в одном номере. Купила тебе прекрасный свитер. Недорого, за два театральных бинокля. (Пауза. Улыбается.) Нет, мам, это не контрабанда, а бартер. (Пауза.) Ты знаешь, даже интересно. (Пауза.) Мама, позвони Рюриковичу и скажи, что у Марины все в порядке, просто она к нему дозвониться не может. (Пауза.) Олечка как? Занимается? Ну и прекрасно. Все, мам, целую.

ОН: Рюрикович... Типичная еврейская фамилия. Это кто?

ОНА: Бывший пляжный фотограф. Оказалось, что фотографию он видит еще до снимка, за что и пригласили в "Огонек". Так что Марина уже дважды москвичка. (Некоторое время молча пьет виски, поглядывая на Константина. За-

тем подходит к нему, обнимает и продолжает неуверенным тоном.) Котя, раз уж ты серьезно решил заняться бизнесом — перебирался бы в столицу.

ОН: Это совет?

ОНА: В столице возможностей всегда больше.

ОН: Верочка, если человек делится яблоками, значит, у него есть яблоки. Если человек делится советами, значит, яблок у него нет...

ОНА: Костя, если задаться целью...

ОН: Это раньше были цели, теперь — мишени... Вер, ну что я буду делать в Москве? Облака красить? Кому я там нужен? Нет, буду строить капитализм "в глухой провинции, у моря"...

ОНА: А если серьезно? Снимем квартиру... (Повисает пауза.)

ОН (удивленно): А как же твой муж? Он уже не боится взысканий по партийной линии? Или ты будешь жить на два дома?

ОНА: Мне кажется, что с мужем у меня те отношения, когда люди уже не могут быть вместе, но еще не могут врозь. А с тобой — наоборот: мы уже не можем друг без друга, но еще не решились быть вместе.

ОН: Вера, не помню, говорил ли я тебе об этом... но я женат.

ОНА: Да, на этой девочке... Ну, это смешно. И потом, это не я у нее мужа отнимаю. Мы с тобой встречались, когда ее еще на горизонте не было. Что ваши три года против наших пятнадцати? Да и детей у вас нет.

ОН: Пока нет. (Пауза.) Она ждет ребенка.

ОНА: От кого?

ОН: Детей, как правило, рожают от мужа. И вообще — что тебя удивляет? У тебя же есть ребенок, почему у нее не может быть?

ОНА (ошеломленно): Значит, вы ждете наследника. Поздравляю. (Наливает себе виски.) Ну что ж, дети — это прекрасно. Обидно только, что от тебя.

ОН: Вера, это смешно!

ОНА: Грустно, даже очень. (Выпивает, открывает бар, достает новую бутылку и наливает себе снова.) Знаешь, я до тебя думала, что никогда не буду встречаться с женатыми мужчинами. Удобно они устраиваются с запасной любовью...

ОН: Так же, как и замужние женщины.

ОНА: А я привыкла занимать свое собственное место. И потом, мне всегда было страшно, что такие отношения могут перейти во что-то серьезное. Поэтому я тогда в Риге и отказалась выйти за тебя. (Пауза.) Помнишь, мы с тобой кино смотрели, "Интервенцию", с Высоцким? "Сначала следователь предложит папиросу... Ее можно взять. Потом предложит жизнь, а вот от нее придется отказаться..."

ОН: Вер, ты сама себе противоречишь.

Вера выпивает одна и наливает себе.

Садится на кровать и продолжает говорить, сидя спиной к Константину, лицом к залу.

ОНА: Я ведь тогда на самом деле испугалась, до озноба. И не за мужа, конечно. За нас испугалась. Мы были так счастливы в эти редкие встречи... Зачем было что-то менять?.. Мне казалось, что если между нами исчезнет расстояние — исчезнет и любовь. Вот и сказала тебе "нет". А ты — мужчина сильный, сразу себе молодую жену нашел. И со мной отношения разрывать не стал. Действительно, зачем? А я смирилась. Даже не понимаю, как это случилось, что ты стал занимать такое место в моей жизни. Ты мне нужен... как камертон. Мне кажется, что по тебе я проверяю свою жизнь, свое звучание... (Выпивает.) Одно время я думала, что нас держит вместе постель. Ты замечательный любовник. Хотя есть и получше...

ОН: У тебя были романы?

ОНА: Скорее, очерки... Какое это имеет значение? Главное, что я не могу без тебя. Рядом, рядом... Ты все время рядом, даже когда мне этого не хочется. После нашего объяснения в Риге я ждала какого-то продолжения... А ты бросил пробный шар, не получилось — и ладно, не очень-то и хотелось... (Выпивает.) Все у тебя хорошо. Колонны ровные, трещин нет... Может, потому, что меня замуровал в фундамент?.. Я до сих пор так и не знаю, что я для тебя значу... Иногда мне кажется, что ты встречаешься со мной по привычке...

ОН: Вера, ну как ты можешь, я же тебя люблю...

ОНА: Любимов, ты никого не любишь... Просто тебе надо, чтобы любили тебя. И чем больше — тем лучше. Жена, любовница, дочка... Все любят! А теперь еще ребенок родится — и тоже будет тебя любить. (Молчит. Продолжает уже срывающимся от слез голосом.) Мне казалось, что мы все-таки будем вместе. Дети уже выросли, объяснять ничего не надо. А ты?! Меня тянет к тебе, как чайку к озеру... к лиману, как ты его называешь. А ты эту чайку гонишь. Лучше бы пристрелил... (Вытирает слезы.) Никогда не думала, что буду при тебе плакать. Если родится девочка, назови ее Верой. На память обо мне...

Вера кладет голову на подушку и плачет. Костя кладет на кровать ее ноги, укрывает покрывалом. Молча включает стоящий на столе приемник. Звучит музыка — "Наутилус Помпилиус":

"Я хочу быть с тобой, я хочу быть с тобой,
Я так хочу быть с тобой, и я буду с тобой...
Комната с белым потолком, с правом на надежду.
Комната с видом на огни, с верою в любовь".

АНТРАКТ

АКТ VI

1994 год.

Гостиничный номер, на одном из стульев лежит халат, возле стула — нераспакованная дорожная сумка. По номеру нервно ходит Вера с сигаретой в руке (зритель впервые видит, как она курит). Из-за окна вдруг доносится музыкальная фраза "Ты в сердце моем, ты снова со мной, Одесса, мой город родной" и бой часов. Входит Константин с традиционным букетом и большим пакетом в руках. Вера бросается к нему, обнимает, они целуются.

ОН (несколько искусственно): Прекрасно выглядишь. Правду говорят: сорок пять — баба ягодка опять.

ОНА: Это любители сухофруктов придумали. (Оба смеются.) Ну, ты меня сегодня удивил! Прилетела, стою в аэропорту, думаю, где же ты? Я в первый раз в Одессе — а тебя нет! Расстроилась. Вдруг появляется молодой человек. "Вы — Вера Васильевна? Я вас сразу узнал". — "Каким образом?" — "Константин Александрович сказал, что самая красивая женщина на этом рейсе — вы". Настроение улучшилось.

ОН: Да, когда ты вчера позвонила, что прилетишь, у меня уже была назначена встреча. Вот и пришлось за тобой водителя отправить... (Улыбается, что-то припоминая.) ...вместе с машиной. Ты есть хочешь? Я только с Привоза. Купил все, что ты любишь.

ОНА: Честно? Умираю. Утром только кофе выпила — и на самолет.

Костя ставит на стол туго набитый пакет.

ОНА: Зачем так много?

ОН: Море любит сильных, а сильные любят поесть.

У Кости звонит мобильный.

ОН: Да! (Разводит руками, извиняясь перед Верой.) Да, Ниночка. Как долетели, хорошо? (Пауза.) Жарко? Что делать, на Канарах холодно не бывает. Смотрите, не сгорите в первый день. Как Верочка? Полет хорошо перенесла? (Пауза.) Ну, слава Богу. Хорошо, завтра созвонимся. Пока. (Убирает телефон в карман.) Извини, жена звонила. Я их на солнышко отправил. Туда, где чисто и светло. Ладно, что там у нас? (Распаковывает сумку.) Так. Персики, скумбрия, бычки вяленые, шоколад... Вот паразит, не мог горького найти? Купил "Сникерс".

ОНА: Маленькая ложь рождает большие подозрения.

ОН: Это ты о чем?

ОНА: О Привозе. Кто на базаре-то был?

ОН: Верочка, не представляешь, какая нагрузка. Водителя послал.

Но список писал собственноручно! (Продолжает вынимать из сумки покупки.) Ага, и "Стопка".

ОНА: Зачем стопка? Посуда здесь есть.

ОН: Это водка с Земли Обетованной. (Вынимает бутылку.) Для нежных барышень — тридцать градусов, поэтому пить ее можно стаканами. (Накрывает на стол.) Так что у тебя стряслось?

ОНА (смущенно): Почему сразу — стряслось? Может, просто соскучилась.

ОН: Ладно, за двадцать лет ни разу так не соскучилась, чтобы сюда прилететь.

ОНА: Сейчас расскажу. Ну что ты так, с порога... Подожди, я цветы поставлю. (Кладет цветы на стол, берет вазу и уходит в ванную. Тут же возвращается, в недоумении.) Воды нет. Ремонт, что ли?

ОН: "Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный,
Чего б вы думали? — Воды".

Фильм "Жажда" видела?

ОНА: Это с молодым Тихоновым? Там, где — "Мы с тобой два берега у одной реки"? Видела.

ОН: Должен тебя предупредить о местной достопримечательности: у нас после полуночи отключают воду. Можно снимать "Жажду-2": спецназ захватывает водонапорную станцию и ценой собственной жизни дает ночному городу воду. Моются рабочие вторых смен, счастливые влюбленные принимают душ не только до, но и после...

ОНА: Еще не вечер!

ОН: Значит, временные перебои. Подожди, могут и свет отключить. Его, правда, отключают по плану. Мы же теперь независимые. В том числе — и от источников энергоснабжения.

ОНА (растерянно): В Москве такого нету. Ладно, розы будут умирать без воды, а я сяду за стол с немытыми руками.

ОН: Вон графин с водой, давай я тебе солью.

ОНА: А потом я умру от жажды? Нет, пусть будет НЗ.

ОН: Не бойся, что-нибудь придумаем. Ну что? Давай за встречу?

Наливает в рюмки водку, подает Вере, выпивают.
Вера разрывает обертку шоколадного батончика, откусывает.

ОНА: Зря ты ругал своего водителя. Шоколад вкусный.

ОН: У моего знакомого персональный водитель две недели хмурый

ходил. Шеф его спрашивает: "Я тебе зарплату двойную плачу? Жене твоей плачу, чтобы дома сидела и тебя ждала? Детей в институты устроил? Дачу подарил? Так чего ж ты все время недоволен?" Тот, обиженно надувшись, бормочет: "Хочу, чтобы вы меня возили".

Вера смеется. Костя наливает еще по рюмке.

ОНА: Как тут ваше пароходство?

ОН: Как в песне. "На палубу вышел — а палубы нет..." И пароходства нет. Суда расплылись по новым хозяевам. Крысы разбежались, чтобы и их заодно не продали.

В этот момент снова звонит мобильный.

ОН: Да! (Ласковым, мягким голосом.) Привет! Ты извини, я на переговорах. Нет, позже тоже буду занят. Наверное, придется уехать на пару дней. Ну все, извини, потом объясню. Целую. (Видно, что "целую" у него вырвалось.)

ОНА: Ты что, уезжаешь?

ОН: Это для конспирации, чтобы не отвлекали.

ОНА: Когда мужчине плохо, он ищет женщину. Когда ему хорошо, он ищет еще одну. Судя по количеству звонков, дела у тебя идут прекрасно.

ОН: Да нет, это просто один надоедливый продавец.

ОНА: Ты сменил ориентацию? Стал целоваться с мужчинами?

ОН: Вера, здесь же — как в фильмах про мафию, все мужчины целуются почище, чем Брежнев с Алиевым. Так модно.

ОНА (полусерьезно, полупуштя): Не верю ни одному твоему слову.

ОН: И союзам с предложениями — тоже не веришь?

ОНА: Ладно, предложения убедил.

ОН: Так что случилось-то? А то ты вчера — "не по телефону, не по телефону"... Прямо как раньше, один другому звонит, а тот что-то жует. (Говорит с кавказским акцентом.) "Что жуешь, Гоги?" — "Э, Гиви, это не телефонный разговор!" (Смеется один. Вера молчит.)

Раздается новый звонок.

ОН: Алло! Да, как раз сейчас ведем с ними переговоры. (Жестами показывает Вере, что не может прервать разговор, тон которого разительно отличается от предыдущего.) Итальянцы настаивают, чтобы контракт подписывали в Милане. Сумма к этому обязывает. (Пауза.) Сто миллионов. В лирах — даже называть страшно. (Раздается стук в дверь. Костя, зажав телефон между плечом и ухом, идет к двери и возвращается с двумя полными ведрами воды. Ставит их у двери в ванную.) Знаю,

что на контроле у президента, что вся металлургия смотрит на меня с надеждой. Но все зависит от того, когда откроют кредитную линию. (Пауза.) Надеюсь, что, о чем на берегу договорились, в море не поменяют. Вообще, для достижения такой рентабельности не обязательно покупать завод. Достаточно купить заводу управление. (Пауза.) Да, ты меня правильно понял. (Пауза.) Все на контроле. Перезвоню. (Отключает мобильник.) Вера, извини. Сейчас ты веришь, что это не женщина?

ОНА (не слыша вопроса): Костя, с Олегом неприятности.

ОН (садится рядом с ней): Рассказывай.

ОНА (нервно, сбивчиво, со спазмами в голосе): Влип в историю... Он был со своим другом, к ним пристала компания, началась драка. Олегу — пара синяков, а вот того парня избили, в больнице лежал. Конечно, заявили в милицию, — они знали тех, с кем подрались. Те пришли, упросили заявление забрать, пообещали оплатить лечение... Парень согласился, после больницы пошел за деньгами. В открытую не отказывали, но... В общем, закончилось тем, что он пошел к ним с угрозами. И не один, а с Олегом. Грозили серьезно...

ОН: С рукоприкладством?

ОНА: Клянутся, что без. А те на следующий день написали заявление — на Олега и его друга! И приложили диктофонную запись. Ребят начали таскать в милицию, предъявляют угрозы физической расправы, и самое серьезное — вымогательство...

ОН: А что твой муж? Не может дело уладить?

ОНА: Видимо, у них с Руцким много общих друзей оказалось... Так что, теперь он временно безработный. Конечно, пошел по друзьям, иных уж нет, а те, что остались... "Да, поможем..." Никто не отказывает, но в результате — ноль. Может, фамилия наша стала неблагозвучной, может, в самом деле, не могут...

ОН: И что?

ОНА: Пошли с конвертами, но и это непросто. То ли время такое, то ли мы не в те кабинеты попадаем... Сначала брать не хотели вообще.

ОН (тоном лечащего врача): О, как все запущено! Это сколько же вы давали, что ОНИ брать не хотели???

ОНА: Мне казалось — нормально, но вчера мы вышли на нужного человека, и нам назвали сумму... В нашей взятке не хватало нолика. Костя, я к тебе приехала... попросить денег. В долг, конечно. Они требуют срочно, а у нас... Есть машина, есть дачный участок, украшения... Но чтобы продать, нужно время. А деньги требуются к пятнице. Ты мне поможешь?

ОН: Странно это все. Странна страна моя...

ОНА: Костя, я знаю, что все это странно, глупо, я ничего не понимаю в этой ситуации... Но я и не хочу понимать! Я хочу заплатить, чтобы все это закончилось. Ты мне поможешь?

ОН: Успокойся, завтра деньги будут, сейчас только сделаю несколько звонков. Твой муж должен будет подъехать и забрать. Сколько?

ОНА: 100 тысяч.

ОН: Рублей?

ОНА: Если бы.

ОН (немного озадаченно): Странно, очень странно.

ОНА (испуганно): У тебя не получится?

ОН: Получится, но это будет завтра к вечеру. В одном месте в Москве у меня столько нет, а через границу я тебя с такой суммой не отпущу.

ОНА: Подожди, дай я домой позвоню, узнаю, как там. (Набирает номер на мобильном.) Алло! Это я. С деньгами все решилось. Очень удобно. Ребятам как раз должны деньги в Москве, и их отдадут прямо тебе. Я перезвоню, скажу, куда подъехать. (Пауза.) Что??? Нет, ну как же?.. Мы же обо всем договорились! (Пауза.) Как? Нет... Что? (Пауза.) Повтори, не слышу. (Пауза.) Когда? Завтра? Нет, подожди... (Пауза.) А откуда он это знает? Алло!!! Нет, я не... Нет, мне пока не звони, я тебя сама наберу.

ОН: Что случилось?

ОНА: У Олега на завтра повестка к следователю. Мужа только что предупредили, что есть постановление об изменении меры пресечения. Его прямо там и заберут. Это катастрофа.

ОН: Ну что ты такое говоришь?! Так сразу и арестуют? Из-за такой ерунды? И денег не возьмут?!

Вера вскакивает, хватает вещи, которые уже успела вынуть из дорожной сумки.

ОН: Ты куда?

ОНА: Полечу обратно. Сегодня. Как звонить в аэропорт? Я поменяю билет.

ОН: Подожди, сядь, не суетись. Я сделаю пару звонков, может, что-нибудь утрясу.

ОНА: Ты с ума сошел! Отсюда? А я буду есть скумбрию и ждать, пока его посадят?!

ОН: Сиди, ешь скумбрию. Я позвоню, только не из номера. Не знаю, как здесь с акустикой. (Рукой показывает на углы.) Все будет в порядке. (Уходит.)

ОНА (закуривает, садится к телефону): Марина, привет! Да, долетела, в Одессе. Ну, ты знаешь, для всех я в Ленинграде. Прости, в Санкт-Петер-

бурге. (Пауза.) Костя нормально, но с Олегом — катастрофа. Муж сказал, что его завтра могут забрать... (Молчит, плачет. Потом продолжает, всхлипывая.) Не могу я спокойно! Для меня одно слово "тюрьма" — и сразу отец перед глазами. Я тебе рассказывала, он преподавал в институте, и как-то попросил коллегу по кафедре помягче отнестись на вступительных к нашему соседю. Мальчик поступил, его родители не знали, чем отблагодарить. Подарили папе вазу, он ее той тетке отнес... А на следующий год она попала на большой взятке. Трясли серьезно. Так серьезно, что она рассказала про все свои проступки, начиная с трехлетнего возраста. В том числе и про папину просьбу, и про вазу... Ваза стоила больше тридцати рублей. Папу лишили звания, исключили из партии и посадили. Мне тогда было двенадцать. (Смотрит на еду на столе.) Знаешь, никогда не забуду, как мы с мамой пришли к нему на свидание. (Костя заходит в номер, но Вера, сидя спиной к двери, его не видит.) Мама принесла с собой сумку чего-то вкусного, и папа все пытался меня накормить, угощал печеньем... Я никогда не забуду его глаза на свидании... И вкус раскрошенного печенья... Все что угодно — только не это!!! Если Олег попадет туда — неважно, на сколько — на день, на час, на десять минут... Я сойду с ума. (Поворачивается, видит Константина.) Мариночка, извини, я тебе перезвоню. (Кладет трубку.) Ну что?

ОН: Как говорят в Одессе, быстро поднятое не считается упавшим.

ОНА: То есть?

ОН: Арестовывать уже не будут. Теперь нужно дело закрыть. Незнание закона не освобождает от ответственности. А знание — освобождает... Адвокат у вас есть?

ОНА: Есть один знакомый...

ОН: Адвокаты делятся на две категории: одни хорошо знают закон, вторые — судью. Ваш — какой?

ОНА: Скорее, первый.

ОН: Не годится. (Снова садится к телефону, набирает номер. Спрашивает Веру.)

Как фамилия следователя?

ОНА: Паршивцев.

ОН: Seriously!

ОНА: Seriously — такая фамилия.

ОН (уже по телефону): Привет, старик! У меня племянник в Москве попал в непонятку. (Пауза.) Тригорин. Олег Тригорин. (Пауза.) Да, да, того Тригорина... (Пауза.) Чего не признавался в родственных связях? Не время, товарищ. (Пауза.) Следователь Паршивцев. Да нет, серьезно, такая фамилия. Бауманская прокуратура. (Пауза.) Да, хотят пацану лапти сплести.

(Пауза.) Не берут... (Молчит.) Цена вопроса? (Пауза.) Годится, но чтоб совсем отстали. Береженого Бог бережет, а не береженого — конвой стережет. (Пауза.) Нет, Коля, стараться надо дома с женой, а мне нужно закрытое дело. Раз пар со рта выпустил, значит, уплачу. (Пауза.) Словами гуляешь, это ты — генерал-лейтенант, а я — просто лейтенант... Запаса. Все. По твоему вопросу через неделю все решится. Жду звонка. Целую. (Закуривает.)

ОНА: Костя, какие лапти?

ОН: Вера, я тут услышал про отца... А как же твоя анкета? "Я и мои ближайшие родственники под судом не состояли"?

ОНА: Время прошло, с папы судимость сняли, и я писала: "никто из родственников судимости не имеет". Наверное, те, кому положено, знали эту историю, но никогда о ней не напоминали. Так что такое лапти?

ОН: Решетка.

ОНА: А пар со рта?

ОН: В девятом классе у меня мама нашла нож. Настоящий. И сразу, с криком, отцу его отнесла. Зовут меня, думаю — прибьют. Отец сидит, рассматривает нож, и спокойно так спрашивает: "А ты им ударишь?" Я говорю: "Не знаю. Если кто-то нападет — может быть". Отец протягивает его мне и говорит: "Если ударишь — носи, а если не уверен — то не надо, потому что ударят тебя". Я это запомнил на всю жизнь. Поэтому перед тем, как что-то говорить... (Прерывая его фразу, раздается звонок мобильного.)

ОН: Да! Вопросов нет. (Пауза.) Чтобы нас любили за красивые глаза, их нужно, как минимум, иметь. Да. (Пауза.) Витя сегодня же привезет деньги. (Молчит, слушает.) Тригорин? Семьдесят третьего года рождения? (Пауза.) Ты не путай теплое с мягким... Много будешь знать, не дадут состариться. (Пауза.) Смотрящий сказал? (Пауза.) Понял. Только не строй из себя горба в авторитете. (Пауза.) Все. Спасибо. Когда на юг? (Пауза.) До встречи в эфире. (Кладет трубку. Вере.) Извини, мне нужно еще раз выйти. Съешь хоть что-нибудь. (Выходит из номера.)

Вера включает телевизор, звучит песня Шевчука:

...Боже, сколько дней я иду,
но не сделал и шаг.
Боже! Сколько дней я ищу
то, что вечно со мной.
Сколько лет я жую
вместо хлеба сырую любовь!
Сколько жизней плюет
мне в висок вороненым стволом
Долгожданная даль!
Желтые фары у соседних ворот,
Люди, наручники, порванный рот,

Сколько раз, покотившись, моя голова
с переполненной плахи летела туда,
где Родина!
Еду я на Родину!
Пусть кричат — уродина!
А она нам нравится
Хоть и не красавица,
К сволочи доверчива...

Пока звучит песня, Вера наливает в стакан водку, выпивает, ест персик. Закуривает.
В этот момент звонит ее мобильный. Вера вскакивает, выключает телевизор.

ОНА: Да, да, это я! (Пауза.) Позвонили, сказали, что оставят на подписке? Я уже знаю. (Пауза.) Откуда? От Борис Николаевича. (Пауза.) Нет, Ельцина. (Пауза.) Меня твои догадки сейчас не интересуют. Как, впрочем, и ревность. (Пауза.) Это все не по телефону. Приеду — расскажу. (Пауза.) Ничего никому не обещаю. Ребята вышли наверх, вроде, все должно решиться. (Пауза.) Ничего, рассчитаемся... Начнешь же ты когда-нибудь руководить. Все. (Пауза.) Еще раз говорю: сюда звонить неудобно! Я сама тебе перезвоню.

Кладет трубку. Заходит Костя.

ОН: Есть две новости.

ОНА (голосом, срывающимся от волнения, пытается пошутить): Начни с хорошей.

ОН: Так они обе плохие. Дело закроют. Но, во-первых, он должен тикать из Москвы. Все равно куда, не меньше, чем на пару лет. Во-вторых, ты ошибаешься. Он не просто влип, как благородный мальчик, за компанию с другом, а уже давно на учете как член устойчивой преступной группировки — это по-протоальному.

ОНА: Нет, это неправда.

ОН: Когда мне об этом сказал опер, я не поверил, но потом подтвердили авторитеты. Твой сын больше года назад связался с группой, за которой — несколько серьезных афер. Трупов на них нет, но кинули многих, в том числе и блатных. За ними давно смотрели, но взять было не на чем. А тут эта детская история с "вымогательством": пальцы веером расставил, по-фене ботал... В нее и вцепились. Главное — закрыть, а там разговорится. Поэтому милицкий следователь от ваших денег и отказывался — знал, что все на контроле у ФСБ. (Смотрит на Веру, которая, побледнев, опустилась на стул.) Посиди, я у дежурной валерьянку возьму.

Выходит из номера. Вера наливает себе в стакан водку, но, так и не выпив, ставит стакан на стол. В номер возвращается Костя с пузырьком валерьянки. Ищет чистый стакан.

ОН: У тебя есть варианты, куда усрать Олега?

ОНА: Сложно сказать. Брат двоюродный в Питере.

ОН: Что делает?

ОНА: Главный инженер на...

ОН: Не пойдет. (Находит на тумбочке стакан и графин с водой, наливает воду в стакан, открывает флакон с валерьянкой, но, забыв про нее, поворачивается к Вере.) Вера, давай я Олега заберу к себе.

ОНА: Куда — к себе?

ОН: На фирму. Объясню ему, как классики говорили, что на свете существует тысяча относительно честных способов отъема денег у населения. А с уголовным кодексом нужно дружить.

ОНА: Костя, ты серьезно?

ОН: Звони Олегу, говори, чтобы собирал вещи. И из дома — ни ногой!!! Ни к каким друзьям! Я сегодня созвонюсь со своим человеком в Москве, он возьмет билеты на самолет, завтра утром заедет за Олегом, и — сюда.

Капает валерьянку в стакан, стоящий на столе перед Верой. Она залпом выпивает, хватается за горло, потом машет руками.

ОН: Что? Это же просто валерьянка.

Вера выбегает в ванную, оттуда возвращается в комнату, хватается графин и пьет прямо из горлышка.

ОНА (отдышавшись): Ты же мне валерьянку накапал в эту, "Стопку"! Такая гадость получилась! (Начинает хохотать, но смех быстро переходит в слезы. Костя садится рядом, обнимает ее.)

ОН: Вера, ты согласна?

ОНА: Конечно, согласна. (Уставшим голосом.) На твоих Канарах жило когда-то племя... У них был обычай: если находили виновного в преступлении, наказывали не его, а самого близкого ему человека...

ОН: Вер, кто не падал, тот не поднимался. Мальчишка еще...

Успокаивая Веру, Костя обнимает ее, прижимает к себе, целует. Постепенно поцелуй становится другим... Вдруг Вера отталкивает Костю и встает.

ОН (нежно): Ну что ты?

ОНА: Костя, не надо. Ты извини меня... Тебе, наверное, пора? Тебя же искали, опять будут звонить...

ОН: Нет, я останусь.

ОНА: Не надо.

Вдруг гаснет свет, и в темноте слышно журчание воды.

ОНА (испуганно): Что это?

ОН: Я же предупреждал: свет выключили. А воду дали.

Костя, чиркая зажигалкой, уходит в ванную, закрывает кран, потом возвращается, достает из тумбочки свечку, зажигает ее и устанавливает в пепельнице.

ОН: Ужинать будем при свечах.

Подходит к Вере, снова пытается ее обнять, но она отстраняется и подталкивает его к двери. Смеясь, пытается все обратить в шутку.

ОНА: Нет, Костя, ты иди, иди... Я что-то устала, у меня критические дни... В прямом и переносном смысле.

ОН: Может, все-таки, поужинаем?

ОНА: Японцы в таких ситуациях предлагают вместе позавтракать. Нет, правда, приходи завтра часов в десять. Я отдохну, приду в себя... Ладно?

ОН (не проявляя излишней настойчивости): Хорошо. А потом я съезжу в аэропорт, встречу Олега и привезу его сюда.

ОНА: Договорились. Иди.

Костя целует ее и уходит. Вера провожает его до двери со свечой. Потом берет телефон и набирает номер.

ОНА: Алло! Олег? (Говорит холодно и жестко.) Это я. Тебе надо будет уехать. (Пауза.) В Одессу. Нет, к следователю идти уже не надо. Я утром буду дома и все тебе объясню. (Пауза.) Собирай вещи. За тобой завтра заедут. Из дома не выходи, на телефонные звонки не отвечай. И никому не звони! (Пауза.) Почему таким тоном? Объясню при встрече. (Пауза.) Олег, все завтра!!! Я вылетаю в семь пятнадцать. (Срывающимися голосом.) Нет, не встречай меня. Еще раз заклинаю тебя: из дома не выходи, трубку не снимай. Все!

Снова набирает номер.

Алло! Добрый вечер. Девушка, мне нужен билет на завтра, на Москву, на семичасовой. (Пауза.) Нет? На лист ожидания? (Ровным и настойчивым тоном.) Девушка, мне очень нужно улететь этим рейсом. Я вас прошу. Я благодарю. (Пауза.) Тригорина Вера Васильевна. (Ждет.) В какую кассу? К Свете? Спасибо.

Кладет трубку, берет свечу и ходит по номеру, собирая вещи. Вдруг зажигается свет. Вера задувает свечу, включает радио и продолжает собираться под песню группы "Люба":

Атас! Эй, веселей, рабочий класс!
Гуляйте, мальчики, любите девочек!
Атас! Пускай запомнят нынче нас.
Малина-ягода, атас!

АКТ VII

1998 год.

Номер в венецианской гостинице, много зеркал и бархата на стенах. В вазе, как обычно, 25 роз. Ваза стоит возле зеркала, и кажется, что цветов в два раза больше. В номер входят смеющиеся Вера и Костя в вечерних костюмах. В руках у них карнавальные маски.

ОНА: Какой забавный этот гондольер. Я, правда, кроме слов "синьора" и "аривидерчи" ничего не поняла. Что он там говорил?

ОН: Сказал, что никогда не видел такой красивой женщины. Сегодня же скажет обо всем жене и уйдет к тебе с тремя детьми. Заведете еще одну гондолу и будете жить долго и счастливо.

ОНА: Я бы с радостью, но он же — мужская версия Дюймовочки.

ОН: Знаешь, почему среди итальянцев так много людей маленького роста? Они боятся, что если вырастут, их заставят работать.

Вера смеется. За окном раздается грохот фейерверка.

ОНА: Ой, смотри, салют! Какой сегодня праздник?

ОН: Финита ля феста, габата ля санте.

ОНА: В каком смысле?

ОН: Праздник закончился, и черт с этим святым. У них тут столько праздников! Почти как у нас...

Стук в дверь. Костя уходит и возвращается с сервировочным столиком, на котором стоит ведро с бутылкой шампанского, бокалы и блюдо с устрицами, обложенными льдом.

ОН (цитирует, переверивая Пушкина):

"Что устрицы? Пришли! О радость!

Давай, смеющаяся младость,

Глотать из раковин морских

Затворниц жирных и живых, (Пауза.)

Слегка обрызнутых лимоном".

Лягушек ты не любишь, но моллюски могут на что-то надеяться?

ОНА: Ты знаешь, сколько раз мне их предлагали, начиная с Америки, — я всегда отказывалась. Они же живые! (Брезгливо морщится.)

ОН (смеется): Как дед Щукарь бабам объяснял? "Дуры! Лягушка — па-

кость, а в вустрице — благородные кровя!" (Садятся за стол.) Не бойся! Пищать не будут!

ОНА (с опаской рассматривая раковину): А жемчужины в них не попадают?

ОН: Это в смысле проглотить? Жемчужницы — другой вид, их не едят.

ОНА: Жаль...

ОН: Тебе нравится жемчуг?

ОНА: Да. Настоящие жемчужины — теплые и нежные.

ОН: А искусственные?

ОНА: У женщины моего возраста зубы уже могут быть искусственными, а драгоценности — только настоящими.

Костя смотрит на часы. Вера не замечает этого, потому что рассматривает раковину, отливающую перламутром.

ОНА: Какая красивая... Неужели их потом выбрасывают?

ОН (серьезно): Нет, конечно. Сдают, как у нас — бутылки. Тут на каждом углу — пункты приема устричных раковин. Ты что, не заметила?

Вера смотрит на него озадаченно, потом смеется. Костя наливает шампанское, они чокаются, выпивают. Костя начинает инструктаж.

ОН: В левую руку берешь раковину, поливаешь ее лимоном. В правую руку берешь бокал и отпиваешь шампанское. Глотаешь содержимое раковины и быстро запиваешь оставшимся шампанским.

Проделяет это все. Вера нерешительно повторяет действия Кости. Проглотив устрицу, хватая ртом воздух, вспоминает о шампанском, выпивает бокал до дна и громко произносит:

ОНА: Вкусно! Сколько нас помню, мы всегда получали удовольствие от кухни.

ОН: Но не больше, чем от спальни.

Костя поглядывает на часы. Вера перехватывает его взгляд.

ОНА (шутливо): Нет, спать еще рано. (Дальше — серьезно.) У тебя дела? Надо звонить?

ОН: Нет, не обращай внимания.

ОНА: Я поняла, что ты что-то заказываешь в номер, а что именно — не разобрала.

ОН: Немного учу итальянский, но есть проблемы. Бизнес — это тот же ребенок, которого ни на минуту нельзя оставить. А древние греки предупреждали — или дети, или книги.

ОНА: Поэтому ты теперь так мало читаешь?

ОН: В основном считаю... Спрягаю глаголы, а мобильник разрывает-ся, и хоть бы раз что-то хорошее сказали.

ОНА: А отключать не пробовал?

ОН: Пробовал, тогда занятия дорого обходятся. Подчиненные принимают решения, а я потом расплачиваюсь.

ОНА: А сейчас почему отключил? Не боишься?..

ОН: Это — Венеция, здесь хочется быть счастливым, а не думать о проблемах.

ОНА: Ты действительно здесь совсем другой.

ОН: "Бык на арене — неврастеник, бык на лугу — здоровый парень".

ОНА: Говорят, что если человек счастлив больше дня — значит, от него что-то скрывают.

ОН: А это мы проверим. Включим телефоны (смотрит на часы) через пятнадцать минут.

Снова стучат. Костя идет к двери и возвращается с подносом, на котором лежит изящный футляр. Ставит поднос перед Верой.

ОН: Интересно, это от кого? Неужели от гондольера? (Смеется.) Закрой глаза.

Вера послушно закрывает глаза. Костя достает из футляра жемчужное ожерелье и надевает его Вере на шею, а затем, обнимая ее за плечи, подводит к зеркалу.

ОН: Нравится?

ОНА: Костя!.. Это то самое, которое я заметила в витрине? Когда же ты успел купить?

ОН: За те два часа, пока ты мерила шляпки и пеньюары.

ОНА: Спасибо!

Обнимает и нежно целует Костю. Они возвращаются к столу, Костя наливает шампанское, но Вера, взяв бокал, не садится за стол, а возвращается к зеркалу.

ОН (с иронией): Столик к зеркалу передвинуть?

ОНА: Не надо, я сейчас...

Любуется ожерельем, потом примеряет маску.

ОНА (декламирует): "Она его за муки полюбила, а он ее — за состраданье к ним". Это, кстати, все здесь происходило.

ОН: А что ты еще помнишь из "Отелло"?

ОНА: "О ужас брачной жизни! Как мы можем
Считать своими эти существа,
Когда желанья их не в нашей воле?"

ОН: Да, я всегда говорил: пьет муж — плохо, не пьет — тоже плохо.

ОНА: Это ты о чем?

ОН: О том же, что и Шекспир — о несовершенстве института брака.

ОНА (снимает свою маску и примеряет Костину): ...Знаешь, я иногда жалею, что так и не стала артисткой. Когда-то казалось, что эта мечта ЕЩЕ может осуществиться, и муж был не против, но потом появился Олег, карьера, командировки... И стало ясно, что этого УЖЕ никогда не будет...

ОН: Кстати, никогда тебя не спрашивал — как ты познакомилась со своим мужем?

ОНА: А я тебе рассказывала: на пограничной станции. Он был тем руководителем группы, который на свой страх и риск провез меня "нелегально" через границу. Еще пошутил: "Ну, раз вы — Заречная, то я как Тригорин не имею права оставить вас на перроне". (Возвращаясь к столу.) Какие планы на завтра?

ОН: Если хотите рассмешить Бога, поделитесь планами на следующий день... Дел — масса. (Задумчиво.) Надо мрамор посмотреть, маме на памятник...

ОНА (оторопев): Костя?.. Когда?.. Я же ничего не знала!

ОН: Что ты не знала?.. Да нет, слава Богу, мама жива-здоровая. Она меня давно просит мрамор купить и памятник сделать — "От скорбящих детей и внуков". Я испугался, решил, что она уже... того... Пошел к врачу знакомому. А тот смеется: ты от моды отстал. Сейчас многие так делают. "МММ" всяких боятся, вот и нашли, во что средства вкладывать.

ОНА: Да, любит их поколение проснуться среди запасов... Ты бы видел, как они крутят бутылки с помидорами и огурцами каждое лето!.. А весной не знают, кому их раздать. Но памятник — это, по-моему, слишком!..

ОН: Меньше будет переживать, как мы ее на тот свет проводим — дольше на этом задержится. Еще надо по галереям пройтись. Посмотрю живопись местных художников...

ОНА: Тоже маме?

ОН: Нет, себе. В офис. Может, "Данаю" Тициана возьму — ту, что с золотым дождем. Копия, конечно, на оригинал мы еще не наработали.

ОНА (с сарказмом): А может, пока "Бурлаки на Волге"? Знаешь любимый анекдот моей мамы? 70-й год, диктор на радио говорит: "Бригадир колхоза "Заря" Иван Бойко просит, чтобы в эфире прозвучала песня "Ва-

ленки" в исполнении Лидии Руслановой". Год 75-й, Иван Бойко — уже председатель колхоза — просит поставить для него "Валенки" в исполнении Лидии Руслановой. 80-й: первый секретарь обкома партии Иван Иванович Бойко просит, чтобы в эфире прозвучала си-бемольная fuga Баха. Не выёживайтесь, товарищ Бойко, для вас прозвучит песня "Валенки"...

Костя снова наполняет бокалы шампанским.

ОНА: За что пьем?

ОН: В Париже была куртизанка, брала за визит миллион франков. Однажды в ворота ее особняка постучал молодой человек в потертых джинсах, с рваным портфелем. Служанка долго не впускала, но он открыл портфель, в котором был аккуратно уложен миллион. Утром хозяйка обратилась к нему: "Жан, я без ума от тебя, но ты не похож ни на нефтяного магната, ни на сына мультимиллионера". — "Ты права, Жаклин, — отвечал он, — я бедный студент, член ассоциации студентов, в которой — миллион человек. Мы скинулись по одному франку и разыграли визит к тебе в лотерею. И я выиграл". "Жан, — сказала Жаклин, — я не хочу, чтобы наши отношения носили корыстный характер". И вернула ему один его франк. Так выпьем же за бескорыстных женщин!

ОНА: Ты на что, буржуйская морда, намекаешь? Чтобы я тебе вернула одну жемчужину? Не дожدهшься!

ОН: Ни на что не намекаю, просто мщу за "Валенки".

ОНА (шутливо): Да-а... Такого я от тебя не ожидала. Но... (с особым ударением) за успех женщина может ПРОСТИТЬ многое. А ты — человек удачи. В тебе это было всегда. Только не все видели.

ОН: А что так торжественно, как на гражданской панихиде? Или мы прощаемся? Я против. Ты заметила? — мы с тобой за три дня ни разу не поссорились! Это наш личный рекорд. (Протягивает бокал и напевает.) "Дети разных народов, мы мечтою о мире живем"... Давай — за мир во всем мире и в каждой квартире!

Чокаются, выпивают.

ОНА: Кстати, ты так и не показал последние фотографии моей тетки.

Костя достает из сумки пакет с фотографиями, протягивает Вере.
Пока она смотрит снимки, говорит.

ОН: Когда Верочке было года четыре, остался я с ней в воскресенье один на один, что бывало крайне редко. Стал сказку читать. Дочитали од-

ну книжку, беру другую, а Верочка мне с таким сомнением: "А ты и другую читать умеешь?.."

ОНА (рассматривает снимки, улыбается): Хорошенькая. Ты будешь смеяться, но мне кажется, что она похожа на меня.

ОН: И не сомневайся. Хочу их с Ниной сейчас в Швейцарию отправить. Отдохнут, а потом, может, Верочку там в частную школу отдадим.

ОНА: А Нина? С ней останется?

ОН: Наверное.

ОНА: А ты? Останешься в Одессе один?

ОН: Буду к ним летать. Мне нужно дописать роман "Как продавалась сталь". А потом можно и в Альпы переселиться, "где горный воздух и сплошные французы".

ОНА: И чем же закончится твой роман?

ОН: Мы сейчас практически все движимое и недвижимое вложили в одну операцию с ценными бумагами. Если получится — буду писать второй том: "Как продавалась нефть". А Верочка будет расти в семье бедного нефтеторговца.

Пока он говорит, Вера подходит к зеркалу и примеряет шляпку.

ОНА: Как тебе?

ОН: К пеньюару очень пойдет.

ОНА: Да ну тебя...

Костя разливает шампанское, подает бокал Вере.

ОНА: Несмотря на то, что ты такой противный, хочу выпить за тебя. Поблагодарить за сына. Ты его спас. Спасибо тебе.

ОН: Дорогая, это тебе спасибо за сына. Он быстро все схватывает. Из формулы "Товар — деньги — товар — деньги-штрих" иногда убирает товар, что дает поразительный эффект. Так что, неизвестно, кто кому большее одолжение сделал — я тебе, или мне... следовательно Паршивцев. Давай за детей, внуков и родителей.

ОНА: Не хочу списком. Давай за детей отдельно. (Выпивают.) А как у твоей Иры дела?

ОН: Внуку уже два года. Но что-то у них там не ладится. По-моему, они хотят вернуться.

ОНА: Как — вернуться?

ОН: Совсем. "Гуд бай, Америка!"

ОНА: Нет, такого не бывает! Из Штатов — к нам?! Зачем же тогда ехали?

ОН: "Все побежали — и я побежал"... В то время Штаты казались раем! Не то, что она, — взрослые люди не понимали, кому нужно ехать, а кому там делать нечего.

ОНА: Жаль. А мне в свое время в Америке понравилось.

ОН: Не надо путать туризм с эмиграцией.

ОНА: Я же не с тургруппой была, а работала.

ОН: Женой у мужа.

ОНА (после паузы): Сколько дней мы уже не ссорились?

ОН: А тебя скандал только освежает. (Примирительно.) Все равно. Ира посмотрела. Не понравилось — так не понравилось. "Хау а ю тудей?", "Веа а ю фром?", "Смайл шире"... Устрою к себе на фирму. Мне как раз нужен программист.

ОНА (наливает себе шампанское и поднимает бокал): За твою компанию и за наших детей в ней.

Налюбовавшись, Вера пытается снять ожерелье. Костя подходит и пытается ей помочь. От неловкого движения нитка разрывается, и жемчужины падают на пол. Вера вскрикивает.

ОН: Ничего страшного! Время разбрасывать и время собирать жемчуг...

Они продолжают прерванный разговор, собирая жемчуг, и принимают при этом самые неожиданные позы...

ОНА (стоя, Костя в этот момент на коленях, достает жемчужины из-под стола): Костя, я что хотела предложить... У мужа сейчас дела пошли в гору. Он может для тебя... ну, в смысле, для фирмы, где работает Олег, устроить несколько выгодных контрактов. Давай я его попрошу...

ОН (поднимается. После некоторой паузы, задумчиво): Помню, как бабушка вареники в миске перетряхивала. Так и с номенклатурой: тряхнули — и он на дне, еще разок — и он наверху. Главное — из миски не вылететь... Хотя твой в варениках с комсомола, такие не вылетают.

ОНА (из-под стола): В 93-м чуть не вылетел. Но сейчас-то снова наверху...

ОН: И в теннис играет?

ОНА (улыбается): Да, ну и что?

ОН (немного раздраженно): А если следующий президент будет с шестом прыгать, твой тоже научится? (Снова опускается на колени, чтобы достать закатившуюся в угол жемчужину.) Жаль, очень жаль, что Дракон умер, а дело его живет.

ОНА (будто не расслышав): Кто умер?

ОН: А может, и не умер, просто показалось...

ОНА (начинает нервничать): В данном случае я не уверена, что надо ревность смешивать с рентабельностью. Нет — так нет. Мне просто хотелось как-то отблагодарить тебя за Олега, чем-то помочь...

ОН (тоном боярина): Не пристало Хозяевам принимать подарки от Слуг... даже народа. Не сподоблюсь я этой благодати... (Переходит на нормальный тон.) Мне не нужна помощь. Мне надо, чтобы мне не мешали! (Встает, помогает подняться Вере. Смотрит на часы.) Ну что? 21.00, пора включаться.

Вера чмокает его в щеку.

ОНА: Не сердись. Пойду мерить пеньюар.

Включают мобильники. В этот момент почти одновременно звучат две разных мелодии (Моцарт и Бетховен) — звонки телефонов. Вера и Костя берут мобильные и почти одновременно произносят: "Не может быть!".

ОН: Он же там руку, голову или еще что-то на рельсы клал. Говорил — девальвации не будет. (Пауза.) Как они это называют? Дефолт? Ну, понятно, после этого можно и в отставку. Да, нашли кому верить... (Отключает телефон.)

ОНА: Костя, что такое дефолт?

ОН: Это когда прощают тем, кому должны.

ОНА: Костя, может, не надо было отключаться?

ОН: А что бы это изменило? "Киндер-сюрприз" еще букву "Т" в слове "дефолт" не произнес, а к акциям уже никто не прикасался. (Достает из бара коньяк, наливает полный фужер, выпивает залпом.) Поймал новый русский золотую рыбку. Она ему — "Загадай желание". Он: "Хочу, чтобы у меня все было!". Рыбка хвостиком махнула и говорит: "У тебя все было..." Все придется начинать заново. Олигарха из меня не вышло. Может, кому-то понадобится специалист по сбору выбитых зубов поломанными пальцами? (Наливает еще один фужер коньяка. Вера становится рядом, он наливает и ей.) Тициан отменяется, золотой дождь прошел стороной... Купим репродукцию Репина — "Не ждали". Самое время идти за мрамором. Может, он мне раньше, чем маме, пригодится.

ОНА: Костя, не нервничай, обойдется. Ну, не в первый же раз!..

ОН: Боюсь, что ТАК — сразу два: в первый и в последний.

Выпивают. Закусывают лимоном. Снова раздается мелодия мобильного.

ОН (расстроенным голосом): Да. Да, Олег, я не в Милане. В Венеции. (Пауза.) Не успел сообщить. Да, уже знаю. Только что узнал. (Пауза.) Почему не было связи? Мобильный упал в канал. Пока ныряли, прошли сутки...

А что бы это изменило? (Пауза.) Что? Продам?! (Пауза.) Сколько-сколько? Когда? (Пауза. Тон меняется.) А почему ты меня не спросил? Надо было, конечно, все. Но все равно, ты — умница. Титан. Каупервуд, мать твою... (Осекается, смотрит на Веру.) ...на пьедестал поставить. (Пауза.) Завтра начнем скупать. (Настроение и тон меняются с минорного на мажорный.) Ранней птичке — червячок, второй мышке — сыр. Я думаю, что через год эти бумаги поднимутся. (Пауза.) Еще неизвестно, на чей нос муха сядет. Ты против? Обсудим с утра на свежую голову. Все равно сегодня уже делать ничего не будем. (Пауза.) Ничего, продумем, всплывем. Ва bene, чао. (Кладет мобильный на стол. Вера с нетерпением ждет расшифровки разговора.) Торпеда мимо прошла. Нет, конечно, потеряли много, но по сравнению с тем, что могло быть, не продай Олег вчера контрольный пакет... Сам! На свой страх и риск. Чутье у него!.. Были у вас в роду, все-таки, бурые медведи! Недаром он "Боже, царя храни" в седьмом классе распевал.

Наливает шампанское в бокалы, протягивает один Вере.

ОНА: А как шампанское после коньяка?

ОН: Так же, как и до. Включи телевизор, у них тут спутниковое, значит, должны быть российские каналы.

Вера включает телевизор, щелкает пультом.

ОНА: За детей!

ОН: За таких можно и два раза. Знаешь, я подумал, что Репин — это здорово, но и Тициана купим. Пусть рядом висят.

Обнимает Веру. Они целуются. Свет постепенно гаснет. Слышна популярная песенка "Мальчик хочет в Тамбов..."

АКТ VIII

2001 год.

Половина сцены затемнена. На второй половине — гостиничный номер. Вера сидит в легком халатике, на голове у нее — чалма из махрового полотенца, на лице — темная косметическая маска. Она листает журнал, посматривая на настольные часы. Звонит телефон.

ОНА: Алло! Олежек? Привет. (Пауза.) Да, у меня все отлично. Море, солнце, грязи... Чисто? Ну, не так, как в Бельгии, где лошади по городу в памперсах бегают, но и не Стамбул. Температура 37 в тени. Правда, тени нет... (Пауза.) Нет, что ты, сервис великолепный. С одной стороны — экзо-

тика, с другой — везде русская речь. Я недавно на Украине была, там только один российский телеканал, и то в урезанном виде. А здесь — сразу три, и без купюр! Ну, ладно, увидимся — расскажу подробнее. (Молчит, смотрит в журнал.) Слушай, как будет распространенное психическое расстройство? Шесть букв. (Смеется.) Да, кроссворд разгадываю. Любовь?.. (Пауза.) А, действительно! Может, и любовь. По вертикали? Нет, по горизонтали. (Пауза.) У тебя-то как дела? (Молчит, слушает.) Где шеф? (Пауза.) Из Нью-Йорка? Сюда? (Пауза.) Ну, Израиль маленький, но не настолько, вряд ли мы встретимся. Тем более что через два дня улетаю домой. (Пауза.) Да, папе звонила. Готовится к юбилею. (Пауза.) Знаю. Ну, что делать, если в Москве машину, выехавшую на встречную полосу, могут ударить сзади... Кстати, папа мне сказал, что ты собираешься в командировку. (Молчит.) Один? Или снова с Ириной? (Молчит.) Олег, мне это не нравится. Во-первых, крутить роман с дочкой начальника — не самая хорошая затея. А во-вторых... (Пауза.) Нет, извини, и сейчас, и по телефону, я тебя не вижу месяцами! Так вот, во-вторых — она замужем. (Молчит. Продолжает на повышенных тонах.) Как это — ну и что? К чему это приведет? Тебе нужны такие отношения? (Пауза.) Какие — такие? Прятаться, придумывать... Счастье? С ложью пополам... Откуда я знаю? Из газет! (Раздраженно.) В общем, мне этот — как там? из восьми букв? адюльтер — и по вертикали, и по горизонтали, — не нравится. (Молчит, слушает.) Олежек, я прошу тебя, не торопись. Зачем тебе это? Ну почему замужняя женщина, которая, кстати, старше тебя на два года?.. (Пауза.) Откуда знаю? Константин Александрович говорил. Когда? (Пауза. Вера понимает, что говорит не то, что нужно.) Давно. Уже не помню. (Пауза.) Нет, ты хорошо подумай, переспи с этой мыслью. Уже? (Пауза.) И что? Остался недоволен? Очень остроумно! Ладно... Если б молодость знала... Все, целую тебя, увидимся в пятницу в Москве. Пока.

Кладет трубку и некоторое время, взволнованная, ходит по номеру. Потом быстро подходит к столу, поворачивает к себе настольные часы и со словами: "Ой, время!", убегает в ванную. Слышен шум воды. Через несколько секунд раздается телефонный звонок. В номер вбегает Вера, у которой маска смыта только с верхней половины лица. Берет трубку.

ОНА: Алло! Олежка, ты?.. Что? (Пауза.) Какой телевизор? Зачем? Что в Нью-Йорке?

Кладет трубку и включает телевизор. Слышен грохот, вой пожарных машин, сирены полиции, диктор говорит на иврите. Через некоторое время Вера бросается к телефону, набирает номер. Еще раз. Кладет трубку, снова берет мобильный, набирает номер, мечется с телефоном по номеру. Потом кладет мобильный на стол, уходит в ванную, но через несколько секунд возвращается в комнату с распушенными волосами, с полотенцем на плече, так толком и не смыв маску. Опять берет телефон, набирает номер и кричит в трубку.

ОНА: Марина?! Ну, слава Богу, хоть ты!.. (Говорит тише.) Ты видела этот ужас? (Пауза.) Я собиралась Костю встречать, он из Нью-Йорка должен был вылететь час назад. Набираю, а связи нет... Марина, я по этим новостям ничего толком понять не могу. Что там? (Молчит, слушает.) Боже!.. (Пауза.) Еще два самолета пропали? Какие рейсы, внутренние или международные? Не знаешь? Подожди секунду. (Снова набирает номер на мобильном, слушает.) Нет связи. Что же делать, Господи? (Пауза.) Мариша, я буду его набирать, но если ты что-то узнаешь, очень тебя прошу, позвони!

Кладет трубку, минуту сидит, сжав голову руками, потом опять набирает номер. Безрезультатно. Ходит по номеру. Снова садится к телефону.

ОНА: Алло! Олежек? Это я. Олег, ты с Константином Александровичем созванивался? Нет связи? (Зажмуривается. Потом берет себя в руки и продолжает.) Если вы созвонитесь, набери меня, а то я волнуюсь. Хорошо? Спасибо, я буду ждать.

Кладет трубку. В этот момент раздается сигнал мобильного.

ОНА (кричит): Да! Да, Костя! Ты где? (Пауза.) Где? Я тебя почти не слышу! Что? (Пауза.) Да, я жду! Да! Костя!

Кладет мобильник, садится перед зеркалом и начинает вытирать лицо. Медленно стирает маску и слезы... Смотрит на запачканное полотенце и уходит в ванную. Тут же возвращается, берет со стола мобильный и снова скрывается в ванной.

На второй половине сцены зажигается свет. Теперь на сцене — два гостиничных номера, между которыми — двуспальная кровать, которая объединяет и в то же время разделяет комнаты.

Во второй номер входит Костя. Он набирает номер на мобильном телефоне.

ОН: Верочка! Это я, да. (Пауза.) Солнышко, не плачь. Все хорошо. Со мной все в порядке. Нет, я рядом с этими небоскребами не был, я только по телевизору видел. Людей много погибло, но сколько — сейчас никто не знает. (Пауза.) Вера, ну ты же у меня молодец. Еще раз тебе говорю: все будет в порядке. Не надо больше плакать, хорошо? (Пауза.) Дай маме трубочку. (Пауза.) Нина! Нин, ну хоть ты не плачь. Рейс отменили, я в гостинице. Нет, ничего пока не знаю. (Молчит.) Я тебя тоже. (Пауза.) Нина, у меня мобильник садится, надо зарядить. Не волнуйся, все будет нормально. (Пауза.) Конечно. Через пару часов узнаю, когда вылечу, и сразу перезвоню. Целую.

Подходит к телевизору, включает его. Некоторое время смотрит. Доносятся те же звуки полицейских и пожарных сирен, голос диктора на английском... Костя снова набирает номер на мобильном. На второй половине сцены Вера выходит из ванной с телефоном в руке.

ОН: Вера! Я уже в гостинице, все в порядке.

ОНА: Костя, как ты, что происходит?

ОН: Я уже был в самолете, два часа не давали взлета... Потом нас вывели, и тогда мы уже все узнали.

ОНА: Костя, что это, война? С кем? Людей много погибло?

ОН: Вера, тут просто конец света, ничего понять невозможно. Торговый центр разрушен, Пентагон горит, жертв много. Тысячи. Может, десятки тысяч. (Молчит.) Вера, я тебя люблю. Родная, я тебе перезвоню, хорошо?

ОНА: Костя, я люблю тебя. Я тебя жду. Я тебя буду ждать...

Костя отключает мобильный и уходит в ванную.
У Веры звонит телефон.

ОНА: Да! Да, Мариша, он только что звонил, мы разговаривали. С ним все в порядке. Рейс, конечно, отменили, он сейчас в гостинице. Сказал, что позвонит попозже. (Плачет.) Я за эти десять минут чуть с ума не сошла. (Пауза.) Да. Мариночка, спасибо тебе, теперь все в порядке, буду ждать его звонка.

На второй половине сцены Костя выходит из ванной. Берет стакан, достает из бара бутылку, наливает себе виски, набирает номер на мобильном. На второй половине сцены у Веры раздается звонок.

ОН: Алло! Это я. Верочка, знаешь, я боюсь, что не смогу вылететь не только сегодня, но и завтра. Тебе нужно менять билет, полетишь в понедельник.

ОНА: Костя! Плохо слышу! В Израиль отменили рейсы?

ОН: Все рейсы отменены. В небе над Штатами — только военные самолеты. Сколько это продлится — не знаю.

ОНА: Костя... У мужа через два дня юбилей.

ОН: Вера, я прошу, дождись меня.

ОНА: Костя, я не могу, никак не могу.

ОН: Вера, я никогда тебя не просил, но сейчас... Ты не представляешь, что здесь происходит. Мне очень нужно тебя увидеть.

ОНА: Знаешь, у меня в жизни тоже были ситуации, когда хотелось, чтобы ты был рядом. Но я всегда учитывала и твою семью, и твою работу. Костя, родной, я тебя прекрасно понимаю, но пойми и ты меня — у мужа юбилей, как будет выглядеть, если я не прилечу? Как я это объясню?

ОН: Да, ужасно! Не попасть на мероприятие, где будут такие гости! Вера, ты же только что говорила, что ждешь меня. (Допивает стакан и наливает себе новую порцию.)

ОНА: Да! И, кстати, жду здесь уже несколько дней. Ты же должен был прилететь еще три дня назад, но у тебя нашлись дела поважнее нашей встречи!

ОН: Я задержался всего на один день, а потом не было билетов, меня поставили на лист ожидания...

ОНА: Все наши с тобой отношения — это лист ожиданий. Пока ждали друг друга — жизнь прошла. Почти прошла. И сейчас я сижу и жду тебя. У Мертвого моря... Как чайка.

ОН: Ты? Чайка? Ну и лети тогда к своему Тригोरину!

ОНА: То же самое я могу пожелать и тебе. (Бросает трубку.)

ОН: Вера! Вера!

Костя набирает ее снова. Вера долго не берет трубку. Наконец, отвечает.

ОН: Вера, прости. Я сам не знаю, что я говорю. Я только что видел людей, у которых... Которые тоже расстались с кем-то вот так — на три дня, на неделю. Не смогли подождать... А из самолета уже не дозвонились... И исправить ничего нельзя. Вера, ты понимаешь, что такое — ничего?

Пока Костя говорит, Вера, придерживая трубку плечом, достает из бара мини-бутылочку водки, открывает ее, наливает себе рюмку и выпивает.

ОНА: Я все понимаю. Пока я не могла до тебя дозвониться, я клялась себе, что если встретимся — я уже никуда тебя не отпущу. И мы всегда будем вместе. А теперь понимаю, что ничего не изменится. Ты же любишь повторять: "Без расставаний нету встреч"... Но ведь каждая встреча может быть последней!.. Ты только сейчас подумал об этом? Да, в Нью-Йорке самолеты падают на город. А год назад в Москве по ночам взрывались дома. Что, это было менее страшно?

ОН: Вера!..

ОНА (перебивая его): Костя, я очень тебя люблю. Я боюсь за тебя. Я хочу быть с тобой рядом. Но в пятницу я буду в Москве. (Молчит и снова наливает рюмку. Грустно, примирительным тоном.) Костя, почему мы с тобой все время ссоримся?

ОН: Меня гораздо больше удивляет, почему мы все время миримся... Ночлег дикобразов: вместе — колемся, врозь — холодно.

Молчат. Одновременно закуривают.

ОНА (после паузы): Ты перезвонил Олегу? Он очень волнуется.

ОН (после паузы): Олегу? Да, перезвонил. Я сейчас как-то не сразу и сообразил, о чем ты.

ОНА: Решаю проблемы по мере поступления... (Выпивает.) Проблема первая: найти тебя и узнать, что с тобой все в порядке. Сделано. Проблема

ма вторая — успеть на юбилей мужа. Будет сделано. А проблема третья — Олег, который собирается в командировку с твоей дочкой.

ОН: Это не проблема, а факт, с которым надо смириться.

ОНА: Ты знаешь? И не хочешь вмешаться?

ОН: Ты прекрасно понимаешь, что это вмешательство ни к чему не приведет. Все хотят наступать на собственные грабли. И наши дети в этом не оригинальны.

ОНА (смеется): А я вмешалась. Рассказала Олегу о том, как плохо встречаться с замужней женщиной.

ОН (тоже смеется): Это нечестно. Читать проповеди может тот, кто чтит заповеди.

ОНА: Ну, главную заповедь мы с тобой чтим.

ОН: Это какую же?

ОНА: Одиннадцатую.

ОН: Какую???

ОНА: "Не попадись!" (Наливает себе водку.)

ОН: Иногда мне кажется, что только нас не поставили в известность о характере наших отношений. Все остальные в курсе...

Вера в очередной раз наливает себе водку в рюмку, которую держит рядом с трубкой.

ОН: Что там у тебя булькает? Ты что — пьешь?!

ОНА: Да.

ОН: Без меня?

ОНА: Как раз с тобой. Я же слышу, что у тебя в номере что-то позвякивает...

ОН: Что у тебя?

ОНА: Водка.

ОН: А у меня — виски. Первый раз мы вдвоем пьем разное.

ОНА: До сих пор одновременно мы пили за встречу. А сегодня за что?

ОН: За встречу. За нашу первую встречу в Ялте.

ОНА: В прошлом веке... В стране, которой больше нет.

ОН: Но Ялта осталась. И будет.

ОНА: Ну, тогда давай за Ялту.

Одновременно пьют. Вера подходит к приемнику и включает его. Негромко звучит музыка.

ОН: "Мы похожи, может, даже очень,
На тех, кто нужен нам. Но не они...
Так на севере бывают летом ночи
Удивительно похожими на дни".

ОНА: Это чье? Ты мне раньше не читал.

ОН: Ассоциации не возникали... (Пауза.) Что это у тебя там?

ОНА: Радио включила. Не могу больше этот кошмар смотреть...

ОН: Сделай погромче.

Вера делает громче, звучит песня Аллы Пугачевой:

"...Унесет меня быстрый самолет
к тем, кого давно уже люблю.
Мой привычный круг, мой забытый друг
вновь меня к себе влекут.
Три счастливых дня, три больших огня,
три огня на берегу...
Я их сохраню, я их сберегу,
сберегу назло судьбе.
Как же эту боль мне преодолеть?
Расставанья — маленькая смерть...
Расставанья долгий путь — к причалу...
Может быть, когда-нибудь
мы встретимся опять?
Там, где ты, нет меня,
Там, где я, —
Там нет,
там нет со мною места рядом милый...
Там, где ты, нет меня.
Вот и все, прощай..."
Свет в обоих номерах медленно гаснет.

АКТ IX

2005 год.

Современный гостиничный номер. На стене висит плакат-календарь 2005 года.
На сцене — Вера, она примеряет перед зеркалом красивое длинное платье сиреневого цвета.
Затем садится у телефона, набирает номер.

ОНА: Аркадий Сергеевич? Здравствуйте, это Вера Васильевна. (Пауза.) Да. Мы определились с количеством. Будет 30 человек. (Пауза.) Да, вы правы. Мне тоже никогда не нравились свадьбы на сотню гостей, где никто никого не знает... Да, икру обязательно подать в ледовых вазах. И проследите за телятиной. (Пауза.) Да, спасибо. Всего доброго.

Договорив, Вера снова идет к зеркалу и долго стоит перед ним, явно думая не о платье...
В номер заходит Константин в красивом костюме. Подходит к Вере, обнимает ее.

ОНА: Вот, решила примерить. Как тебе?

ОН: Ты будешь самая красивая. Закрой глаза.

Вера послушно прячет лицо в ладони. Константин скрывается за дверью и возвращается с бутылкой шампанского и букетом роз, которые, видимо, оставил прямо под дверью номера.

ОН: Поздравляю тебя...

Вера открывает глаза и смахивает слезинку.

ОН: Ну что ты...

ОНА (целуя Константина и принимая букет): Двадцать пять... А я думала, за всей этой суетой ты и не вспомнишь.

ОН: Такую круглую дату — и забыть! Тридцать лет. Больше, чем роз в букете.

Вера начинает разбирать букет и расставлять цветы в вазы.

ОНА: А помнишь, в 89-м... Или нет, в 88-м? В Питере, когда самолет задержали... ты приехал поздно ночью, первый раз без цветов...

ОН: Не помню.

ОНА: Было-было. Я ужасно расстроилась. Да, точно, это было в 88-м, мы с тобой встречались уже 13 лет. И дата несчастливая, и дождь шел такой унылый... Ты уже спал, а я полночи не могла уснуть. Так тоскливо стало! Решила — хватит. Утром встану пораньше, пока ты спишь, и уеду. Без объяснений, сам все поймешь.

ОН: Почему же не уехала?

ОНА: Ты не отпустил.

ОН: Не помню.

ОНА: А ты и не можешь помнить. Я проснулась, когда еще шести не было... Ты меня держал за руку. Во сне. Не обнимал, просто держал за запястье, крепко-крепко.

Вера ставит вазу с цветами на столик. Константин подходит к Вере, глядя на нее, берет одну розу и отрывает лепестки.

ОНА (смеется): И думать не смей! За тридцать лет так и не понял, что от этих лепестков — жуткие пятна. Ты же мне платье испортишь, в чем я завтра буду? Лучше переоденусь, от греха подальше. (Уходит в ванную.)

ОН (себе под нос): От греха подальше... (Громко — Вере в ванную.) Вера, от греха подальше — это как?

Вера выходит в брюках и блузке, а вечернее платье вешает в шкаф.

ОН: Мы с тобой всю жизнь прожили в разных городах, а потом еще и в разных странах оказались. Куда уж дальше — от греха... Но все равно были рядом. Пусть не вместе, но рядом.

ОНА: Есть такое состояние: иметь, но не касаться.

ОН (достает из кармана пиджака футляр): Посмотри, какие кольца.

ОНА (рассматривает, не вынимая из футляра): Красивые... А с размерами не ошибся? Как в первый раз?

ОН: Завтра проверим! (Убирает футляр, берет бутылку шампанского и открывает ее.) Давай выпьем, пока не началось.

ОНА: А без выпивки мы не можем?

ОН: Веселие Руси есть пить.

ОНА: Без тоста?

ОН (наливая шампанское в бокалы): Хорошо моряку — после длинного рейса ждет его на причале девушка. Хорошо водителю-дальнобойщику — после дальней командировки ждет его в гараже девушка. Хорошо машинисту электропоезда — после долгой поездки ждет его в депо девушка. Плохо девушке: то на причал, то в гараж, то в депо... За нас, за девушек!

ОНА: Сколько можно этих анекдотов?! Нормального тоста сказать не можешь...

ОН: Вся наша жизнь — это длинный анекдот с печальным концом.

ОНА: Какой же анекдот, если с печальным?..

ОН: Я же сказал — длинный.

ОНА: Нет, давай выпьем за детей, внуков и родителей. Никого не пропустили?

Звонит гостиничный телефон. Константин берет трубку.

ОН: Алло. Да, Олег, это я. (Вера испуганно машет руками.) Зашел к Вере Васильевне поинтересоваться, как дела, она же у нас ответственная за фуршет. Пардон, за банкет. Да, даю. (Передает трубку Вере.)

ОНА: Да, Олежек. (Пауза.) Да, конечно. Я к вам зайду. Что? (Пауза.) Нет уж, доверься женщинам и не мешай. (Кладет трубку.) Ты зачем трубку взял, конспиратор?

ОН: Брось, ничего страшного.

ОНА: Ты уверен, что он про нас с тобой ничего не знает?

ОН: Может, делает вид. А ты до сих пор этого боишься?

Вера закуривает.

ОН: Новости! Ты что — опять? Года три не видел, чтобы ты курила.

ОНА: Волнуюсь.

ОН: Ерунда. Марш Мендельсона, "согласны ли вы стать мужем и женой?", кольца, фотографии... Ты что, не помнишь, как это происходит?

ОНА: Тебе проще, ты дочку уже второй раз замуж выдаешь, а я сына впервые женю.

ОН: Ну, тогда поделюсь опытом. После того как они обменяются кольцами и поцелуются, загосовская тетка скажет, что в жизни их ждут не только радости, а потом прикажет им подойти к родителям и низко поклониться. Обе мамы обычно в этом месте рыдают в три ручья.

ОНА: До сих пор я с твоими женами встречалась только в кошмарных снах. И не думала, что мы будем когда-нибудь плакать вместе по такому поводу.

ОН: А по какому это поводу вы собирались плакать вместе?! Не дождетесь! Ладно, не только ты переживаешь. Мне тоже предстоит с твоим мужем обниматься.

ОНА: Надеюсь, что у вас с Тригориным до дуэли дело не дойдет.

ОН: Какая дуэль?! В моей анкете наконец-то появятся номенклатурные родственники. Он же у нас почти министр. Прости, у тебя.

ОНА: Костя, ты только не злись, но министр тоже будет.

ОН: Ну, понятно... Вечная тема... Я, кстати, летел сюда через Стамбул. Там, как и везде, досматривают ручную кладь, отнимают маникюрные ножницы, пилочки... Женщины расстраиваются... Потом, наконец, заходим в родной российский самолет и первое, что видим в салоне — пожарный щит с ледорубом и багром, с которым можно на тигра идти...

ОНА (смеется): Да, странна страна моя...

ОН: А Марина когда приедет?

ОНА: Сегодня вечером.

ОН: Будет хоть один родной человек.

ОНА: Ты же ее никогда не видел!

ОН: Не видел, но она — единственная наша с тобой общая знакомая.

ОНА: Знаешь, что она сказала, когда узнала, что свадьба будет в Ялте? "Преступников всегда тянет на место преступления". Хотя я ей и объясняла, что это не мы так захотели, а Олег решил: свадьба здесь, и сразу — в круиз.

Костя включает телевизор, звучит мелодия нового-старого советского гимна ("Союз нерушимый республик свободных...").

ОНА: Правильно говорят: все новое — хорошо забытое старое.

ОН: Ну, это "старое", по-моему, забыть не удастся.

ОНА (выключает звук телевизора): Костя, я часто думала... Люди любят друг друга, женятся, после них остаются дети... Когда любимые долго не встречаются, пишут. После них остаются письма... А от нас что останется? Счета на мобильники?

ОН: А цветы? Гербарий?

ОНА: Так ни лепесточка же не осталось!..

ОН (вскакивает): Неси книги.

ОНА: Какие книги?

ОН: Какие есть.

ОНА: Да никаких нет! У сына свадьба, мне не до чтения.

ОН: Давай телефонный справочник.

Вера берет с тумбочки телефонный справочник. Костя вынимает из вазы цветов, отламывает длинный стебель, вкладывает розу между страницами и пытается закрыть книгу. Вера оторопело следит за ним. Роза крупная, книжка не закрывается...

ОН: Ты не знаешь, как раньше эти цветы в книгах прессовали? Клали сверху что-нибудь тяжелое?

ОНА: Наверное. Утюги. Раньше массивные были, на углях...

ОН: Утюга нет, придется пригрузить тем, что есть. (Кладет книгу на стул, садится сверху.)

ОНА (смеется): Ну, спасибо, сушеным цветком на память обеспечил. (Берет Константина за руку и заставляет подняться со стула.) Может, еще и ребенка родить успеем?

ОН: Ребенка — не уверен. Зато через полгода у нас с тобой внук родится.

Вера сама медленно садится на книжку.

ОНА: Уже???

ОН: Что значит "уже"? Нашим детям "уже" за тридцать. Давно пора.

ОНА: А мне Олег ничего не сказал.

ОН: Не обижайся, он просто не успел. Обязательно скажет, завтра.

ОНА: Ты его всегда защищаешь... Все переплелось — я и ты, ты и Олег, Олег и Ира...

ОН: А виной всему — случай и песня про белый теплоход.

ОНА: Случай... Псевдоним Бога, когда он не хочет подписываться...

ОН: Пойдем в ресторан, потанцуем...

Вера встает, Константин обнимает ее за талию, и они выходят из номера. Свет постепенно гаснет, и все громче звучит песня:

"Ах, белый теплоход,
Гудка тревожный бас
Встречает за кормой
сиянье синих глаз.
Ах, белый теплоход,
Бегущая вода,
Уносишь ты меня,
Скажи, куда?"

ПОЭЗИЯ

Илья РЕЙДЕРМАН	
Из глубины	189
Аркадий КОБЗЕНКО	
...А поэты в облака играют	200
Евгений БОРОВЛЕВ	
Живая ткань	208
Юрий ГУРМАН	
Блаженной разлуки блаженная боль... ..	212
Ирина ДЕНИСОВА	
Океан	216

Илья РЕЙДЕРМАН

Из глубины

Я не молчу. Я говорю, как рыба.
Сквозь толщу вод кричу! Напрасный труд.
Средь злобы дня меня не слышат, ибо
в ином пространстве речь моя. Не тут.
Я — в глубине, средь тишины и мрака.
Хотел бы всплыть, да нет пути назад.
Раздумывай о том, что ложь, что благо,
что истина. Сам черт тебе не брат.
Без устали копи свои догадки.
Не унывай. Живи во всех веках.
И, вопрошая о миропорядке,
след истины ищи в запасниках.
Свободно размышляй о всяком сущем,
копайся в запылившихся томах...
В зазоре между прошлым и грядущим
живи — в не наступивших временах!
Не спрашиваю, что там за погода
у вас. Идет ли дождь, а может, снег.
Не все ль равно, какое время года,
да и который год, который век?
О, быть вольноотпущенником Бога,
а не границы знающим рабом!
Так вот она, свобода? Слишком много...
И можно в направлении любом
плыть в этом — без конца и края — море,
вопросы множа и ища ответ.
Ты очутился на таком просторе! —
беда, коль путеводных истин нет...
Поторопись, — пока на полувздохе
не замолчал, судьбу свою кляня.
Так трудно в переходной жить эпохе
(она перешагнет через меня!).
...Я не молчу. Из глубины взываю,
уже узнав отчаянья предел.

Я жадно мира будущего чаю —
а в этом жить, пожалуй, не сумел.
И шевелю, как рыба, плавниками,
и молча разеваю рыбий рот.
И слово, что накоплено веками,
внутри меня мучительно орет...

Библейские вариации

2.

К Иову голос — словно гром органа,
кроме него не слышный никому,
— в ту влажную трепещущую тьму,
в ту глубину, где лоно или рана,
в ту почву, что еще горчит от слез,
в ту тишину, в ту сердцевину боли,
в тот вопль немой: "О, Господи, доколе!"
— слова, как семена. Чтоб смысл пророс.
Растенье, раздирающее чрево...
О, то, чего не вместит естество:
слова любви, величия и гнева,
не объясняющие ничего.

— Иов, ты только капля дождевая,
что ничего не знает о дожде.
Ты плоть, в руке моей еще живая.
Ком глины — что ты знаешь о звезде?
Песчинка — что ты знаешь о пустыне?
Ты — мотылек, одним живущий днем!
Ты — горстка праха в космосе моем!
Но слышишь? — Я тебе ответил ныне.

— Вселенная, Господь, так хороша!
Но быть людьми — так дорого нам стоит...
Вовеки не утешится душа!
Ничто ее уже не успокоит.
Я — древо без листвы. Я — крик беды.

Своих птенцов утратившая птица.
Как непосильна тяжесть правоты
божественной! Но я готов смириться —
ответил Ты! Я не испепелен
и не раздавлен. В этой буре, кроме
есть я и Ты. И никого нет кроме
нас — вне земных пространств и вне времен.
Да, до последней я дошел черты,
и ныне — слышу Господа Живого!
Мучительно растет Господне Слово
во мне. Чтоб говорил не я — а Ты.

Библейские вариации

3.

Нет, не скажу тебе вослед:
всё — суета сует.
Ведь даже нашей жизни бред
— лишь тьма, в которой свет.
Но я с тобой, Экклезияст,
твоя печаль — моя.
Ведь все мы — кто во что горазд,
о смысле бытия
задумываемся. Что спор?
Вот мысль — твоей в ответ.
...Звучит в веках неслышный хор.
Горит незримый свет.

Незыблем нашей жизни круг,
и всё, чем дорожим, уйдет?
Печально это, друг.
Вокруг чего — кружим?
Где эта световая ось,
луч истины прямой?
Всё — суета? Ты это брось.
Жар лета, снег зимой,
подруги влажный поцелуй,

ребенка светлый смех
— все суета? Все — ветродуй?
И прах — вот плод утех?
Всё — ветра дуновенье,
всё, что жизнь нам щедро даст?
Зачем кружится колесо
скажи, Экклезиаст!

Неужто так — любовь и труд,
всей нашей жизни быть
— года пожрут, века сотрут,
все превратится в пыль?
Все — жаркий ветер унесет?
Нет, не вступаю в спор,
а просто открываю рот,
входя в незримый хор.
Переплелись в нем "да" и "нет"...
О, мощный звуков пласт!
И освещает тайный свет
тебя, Экклезиаст.

* * *

"Душа твоя, — промолвил Гераклит,
всегда сухою быть должна, не влажной,
поскольку в ней все тот же огонь горит,
что и в звезде, средь черных бездн отважной.
Всё есть огонь. И из огня — ты сам
явился. И в огонь уйдешь, сгорая.
И этот Космос — грандиозный храм,
где лишь огни от края и до края..."
Как сущность мирозданья горяча!
Твоей судьбы исписана страница? —
в огонь! И слово корчится, крича.
И ничего не может сохраниться.
Что этот пламень — вечное начало?
А, может, мировой пожар конца?
Как бы догадка наша ни звучала,

обречена единственность лица.
Твой взгляд, улыбку, образ мимолетный.
жизнь, выходящую из тьмы на свет, —
все жаркий пламень с яростью холодной
пожрет. И ничему спасенья нет.
Где вечное, что временное скрепит?
Я был на миг — и больше нет меня.
Что жизнь моя, ее невнятный лепет —
в переложеньи на язык огня?
Костры небес пылают неустанно.
Заложники космической игры,
мы гибнем, бессловесны, безымянны,
в огне, ничем не лучше мошкары.
Заставит страсть на миг воспламениться,
а там — обуглится в страданьи рот...
Все формы плавятся, чтоб измениться,
другими стать, исчезнуть в свой черед...
Нет, Гераклит, философ темноватый!
Скажи, огонь твой — злой или благой?
...Вот куст терновый, пламенем объятый,
сгореть не может. Сей огонь — другой!
Глазами разве зрим его? Едва ли.
Слепящий свет. О вечности в нем весть.
Услышь — тебя по имени позвали!
Ответь же поскорее, кто ты есть.

Концерт № 23 ля мажор

С. Терентьеву

Прощайся, Моцарт, с красотой.
Уходит время красоты,
как воздух Вены, молодой,
чьи букли чинно завиты,
волшебной и полухмельной,
воздушной, легкой, кружевной...
Малыш крылатый с высоты,
шалун ребячливый, Эрот

глядит на тех, кто там внизу
в свое грядущее идет,
блуждая в буднях, как в лесу.
На тот в наушниках народ,
большой не ищущий судьбы,
твоих не ведающий нот,
восторгов, горестей, мольбы...
Прощайся! Хоть безумно жаль,
что этот хмель, что этот звук
уносятся куда-то вдаль,
и время падает из рук.
Прощайся, Моцарт! Свет погас.
Я слышу зала пустоту.
Прости нам, если слышишь нас,
всей нашей музыки тцету.
Прощай, пленительность речей...
Хотя под чьей еще рукой,
с такой мелодиею (чьей?),
с печалью, с радостью такой, —
под чьей рукой, когда и где
танцует бабочка-душа?
Ни на земле... Ни на звезде...
Ах, жизнь и вправду хороша,
пока еще хватает нот
и звук не гаснет на ветру...
Прощайся, Моцарт. Век не тот.
И ты умрешь. И я умру.
Ты словно показал нам рай,
но слушать как тебя в аду?
...О, Моцарт, не спеши, играй,
я звук на память украду
и буду жить, едва дыша,
держа в руке пригоршню нот,
пока еще моя душа
твою мелодию поет.

* * *

Е. Шелестовой

Каждая мелочь, каждая малость, —
все беззащитное, все, что умрет,
все, что рассчитывать вправе на жалость,
все, что любви и внимания ждет,
чтоб в бытии мы его укрепили,
чтобы услышали горестный крик,
чтобы не мимо прошли, не забыли,
сделали значимым, крупным на миг, —
все это жизнь... Разве в мире есть меры?
Равны под солнцем гора и цветок.
Как нам мешают величья химеры!
Жаждают доверия, требуют веры —
кто незаметен, кто одинок.
Кто нас спасает? Тот, кто не мерит,
в нас бескорыстно и радостно верит,
соединяя в мгновенный узор
жизни единственной мелочь и сор.
Кто нас спасает? Тот, кто внимает,
по пустяку от восторга орет...
Кто понимает. Кто обнимает.
Кто через смерть осторожно ведет.
Мимо забвения. Вброд через Лету.
Кто, бытию бесконечному брат,
веря твоим откровеньям и бреду,
ловит для вечности слово и взгляд...

* * *

Падаю в сон — словно падают с крыши.
Наша реальность ушла из-под ног.
С каждой секундой — я к вечности ближе.
В каждой секунде — как перст одинок.

Твердая вечность... Нетрудно разбиться.
Темный кристалл, сквозь который глядим.

Видим мы чьи-то неясные лица.
Снится нам то, что в себя не вместим.

В каждой секунде — вся жизнь без остатка.
Жить бы и жить, не боясь умереть.
Нет, не страшусь я — горько и сладко!
Падаю в сон, не успев пожалеть

всё, что осталось там, за спиною,
все, к чему был прикреплен, пригвожден
этою жизнью горячей, земною...
Падаю в вечность. Падаю в сон.

Вот хоть на миг отпустила забота.
Что тяготило — утратило вес.
О, как печально! Это — свобода?
Падаю в бездну темных небес,

в мягкую темень... Словно бы птица
режет крылами небесную твердь.
Как же зовут тебя, птица, что снится?
Ласточка — жизнь? Или ласточка — смерть?

Нет, не ответит... Нырять в пустоты.
Вынырнет, в клюве неся тишину.
Только и есть — бесконечность полета,
повесть судьбы, что рассказана сну.

* * *

Этот день, как ласточка, щебетал.
А другой — печалился и хандрил.
Музыкант на скрипочке — жизнь играл,
без конца с судьбой своей говорил.
Это я — гармонии так хочу.
Это я — мелодию свою леплю.
С каждой новой нотою — ввысь лечу.
Жалуюсь и радуюсь, и люблю.

Что на нотной полочке? Си бемоль?
Жизнью мне подаренный звук возьму.
Радость обещает он или боль —
может, на исходе дня и пойму.
Я настрою правильно каждый звук,
чтоб вместить гармонию бытия.
Выпущу мелодию свою из рук,
словно бы она уже не моя.
Но не слишком много ли громких нот —
превратиться в музыку не спешат?
Может быть, и жизнь моя — пропадет.
Тихая, задумчивая... Заглушат!
В воздухе, разорванном на куски
реактивным грохотом, ревом толп,
не услышишь музыки чужой тоски
(словно ты глухой, как из бетона столб).
Может быть, и слушает только Бог,
что включил заранее магнитофон.
Ты играй, не спрашивай, есть ли прок,
потому что главное — верный тон.
Только не сфальшивить бы, не схитрить.
Не бывает истины — без лица!
А судьбы мелодию сочинить —
все равно, что быть собой до конца.

* * *

Во мне живущий человек другой,
любимый мной! Но я — лица не вижу!
Оно скрывается во тьме такой —
не разглядеть! И голоса не слышу...
Но знаю, знаю, что ты есть во мне —
в той области, что я лучом сознания
не освещу... В той тайной глубине...
(Ей нет определения и названия.)
Скажи, кто ты? И как ты там живешь,
в меня врастая, шевеля корнями
живую тьму?.. И на кого похож?

И как давно, скажи, расстался с нами?
Быть может, как-то явишься во снах,
чуть-чуть похожий на свои портреты?
Еще не весь ты превратился в прах:
ты — мною жив, со мною — жив, во мне ты —
жив! Ты — не тень, не память, что сильна..
Ты — жизнь, душа (без вести не пропала)!
Скажи тихонько, в чем моя вина? —
услышу я во что бы то ни стало.
Я вслушиваюсь напряженно в тишь,
и об одном прошу: скажи яснее
то, что душе неслышно говоришь,
когда меня ты судишь вместе с нею..
И кажется, что слышу я: "Живи!
Перед лицом неумолимой Леты
куда весомей, чем твои победы, —
минута недолюбленной любви..."

* * *

О чем ты говоришь, бродячая собака?
О том, что хорошо на свете бомжевать?
О том, как хороша весной собачья драка?
О том, что хорошо б чего-то пожевать?
Самозабвенно лай, вой от тоски и страха,
и на Луну гляди, что, как фонарь, горит.
Какой-нибудь старик, вдовец или неряха —
погладит ласково, с тобой поговорит.
Мечта твоя — поднос с горою бутербродной.
Мысль о еде — в мозгу застряла, как игла.
Прохожий не поймет собачий взгляд голодный,
поскольку ждут его дела... дела... дела..
Я тоже виноват. Хожу, дышу весною,
от радости готов вертеть хвостом, как пес.
Я — почка, что внутри полна уже листвою.
Я воздух нюхаю, вверх поднимая нос.
Я нюхаюсь в весну, чтоб не остаться с носом,
бесплодно доверяя лишь уму...

Бездонны небеса! — вот и конец вопросам.
И я, почти как пес, все главное пойму.
Не головой — хребтом, печенкой, всею плотью
пойму природы суть. (Правда — пока жива!)
И благодарен я собачьему отродью
за то, что не могу в свои вместить слова.
Еще, еще полай, бродячая собака!
Собачье слово нам — порой других нужней.
Вот счастье бытия: Весна. Перо. Бумага.
Луч солнца на щеке — твоей руки нежней...



...А поэты в облака играют

* * *

Лицо — цветок, в зрачок —
с стрелой смешливый паучок.

В предсердье левом цветок, цветок.
Как нежно льется волшебный ток.

В улитку-слово, клейкость следа,
увы, не ново вторжение бреда.

В предсердье левом цветок, цветок.
Невинно каплет цыкуты сок.

* * *

В безножии постылого фасада
шесть плоскостей, замок гаражный —
пейзаж, привычно безобразный.
Мертвеет сердце в камнях града.

Здесь между миром и душой
панельно-плоская преграда,
повсюду суетный покой.

И плеч чела клонятся крылья.

Как хочется в леса
и видеть

город

Рим.

* * *

Моря берег золотой,
календарик отрывной,
жаркие деньки,
легкие листки.

Хвост огненной лисы,
мелькнув обманом,
уносит лето.

Июль зноится желтизною.

* * *

Когда приходит в дом она
и начинает так браниться,
что перед нею и Ксантиппа,
как благонравная девица,
мне хочется в броню из сна.
Еще я вижу в том спасенье —
из дома выскользнувши тенью,
с зеленым змием обручиться.

...Давно никто уж не бранится.
Иного соблазняет змий
иль спит в норе.
Мерцают звезды на дворе,
душа молчит.
Ей не с кем говорить.

* * *

По синему морю кружит карусель,
не ведает парус глубины и мель,
ломаются чувства в пороги,
и чуть-чуть трепещет душа —
что запрягаются черные дроги.

* * *

Не страшно мне, что мое тело
сначала в холм зловонный превратится,
затем — в молекул чистых кирпичи.

А страшно мне, что дух мой пораженный
дырою черной поглотится,
и одинокая душа пойдет блуждать в ночи.

* * *

Проснулся, и печаль звучит небесной сутрой.
В прозрачную вуаль оделся день с утра.
О, день,
как быстро пробежал...
Растерянно стоит недопитый бокал.

Давай в последний раз мы станем у окна,
пускай запомнит нас безлика луна.
О, день,
как быстро пробежал...
И все еще стоит запыленный бокал.

* * *

Не Вронский я, и Вы — не Анна,
и что случилось, то банально.

Весной зеленые листки
так чувственны —
и мы близки.

* * *

Облака, белокрылые лошадки,
Облака играют в небе в прятки,
Облака, точно беличьи шкурки,
Облака в одеянии снегурки...

Тучки небесные, вечные странники...

Вьются тучи, бьются тучи,
Невидимкою луна...

...А поэты в облака играют,
в разные одежды одевают,
создавая образа подобье —
все кирпичик своего надгробья.

* * *

Что Вы желаете? Скажите сами:
букет из роз с когтистыми стеблями
иль из гвоздик кроваво-красных,
иль из других цветов прекрасных?
Вы отвечаете мне — нет.
Тогда из бабочек букет
хотите? мертвых иль живых,
на ниточках, шуршащих вверх и вниз.
И бабочек Вы не хотите...
Тогда возьмите
букет из человеческих голов.
И в нем свою отдать готов.

* * *

На шее белой, без морщин
мерцают бусы,
и звонкий голос...
Вы так русы,
и лишь один белеет волос,
печальной осени предвестник.
Не возродиться

птице
феникс.

* * *

Ваш лик в душе запечатлен,
но больше — сладкое монисто.
По небу юный Фаэтон
летит уже путем огнистым.

Склон лет, и в профиль, и анфас,
а Вы юны, как лик ни поверните.
Подарок редкий — консонанс,
рисунок белых нитей.

* * *

Одинокий цветок на балконе,
город, пыль, экология, стресс.
А в далеком играют кони,
за рекой начинается лес.

Кони, лес — все картинки из детства,
а цветок на балконе — сейчас.
Дайте мне на мгновение взглянуть,
что творится на сердце у Вас.

Не дайте Вы это мгновение,
мы давно перешли рубикон.
Перед взором стоят, как знаменье,
одинокий цветок и балкон.

* * *

Я приглашаю Вас на танец,
Вы соглашаетесь с улыбкой.
Паркетный пол мерцает зыбко,
и пальцев ног косой румянец.

...Увы, уже окончен танец.
Благодарю я Вас с улыбкой.
Сжимает сердце, будто пыткой,
и в волосах седой багрянец.

* * *

Отколь ты взялся, образ странный,
куда, откуда? Бог? Момент?
И, вечных истин блеск обманный,
стоит в кладбище монумент,
и лишь звучит неотвратимо
завет распятого Христа.

Птичка и небо — в бытии мнимом,
в истинном — Ваши персты и уста.

* * *

Кто я в сознании людей —
сосуд непонятых идей,
иллюзий отзвук улетевший,
а может, просто сумасшедший?
Какая путаница, хрень
приходит в голову с похмелья!
За окнами сияет день,
душе бы толику веселья...

Чем рассуждать о "быть — не быть",
пойду с друзьями водку пить.
Иль попросту пойду на пляж.
Там тоже может быть кураж,
когда купаешься в волне
и загораешь при луне.

А дома снова
друг-кровать.
И ляжешь спать.
Зачем идти?
Зачем вставать?..

* * *

Перо к перу в пучине страха,
и красный свет зрачка потух,
и в крыльях больше нет размаха,
и не петушится петух.

* * *

Вас не могу отождествлять,
не потому, что Вы моложе,
не потому, что Вы пригожей
всех тех, кого дано мне знать.

Вас не могу отождествлять,
ни на кого Вы не похожи,

как не похожа благодать
на то, что разум может дать.

А с той, единственной, что нет,
что в царствии твоём, о, Боже,
с которой, чудится, Вы схожи
душой, как фото и портрет,
душой, как будто звук и свет, —
Вас не хочу отождествлять.
Другая жизнь, другая статья.
Вас не хочу отождествлять.

* * *

Ночь теплая, пасхальная такая,
и в этой теплой темноте
свеча горит, не угасая,
свеча горит во мне.

Свеча горит во мне и в Вас,
свеча горит и в тех,
кто в эту ночь и в этот час
душою смотрит вверх.

* * *

Станция.
Субстанция.
На перроне — "Я" в прострации.
Тело — в зале регистрации,
банальную читает повесть.

Гудок завыл, как сумасшедший,
и как-то очень неумело
соединились "Я" и тело.
И человек оторопевший
садится в пригородный поезд.

* * *

Солнцепах сероцвет в колыбель изнежал,
зелен лист испросонь от росы задрожал.

* * *

Как обнаженный нерв,
в кромешный угол бытия
по лезвию ползущий червь.

* * *

В Западной Монголии
у озера Лохорн
детская площадка с песком.

Пустыня Гоби.

* * *

...Птичка в клетке.
Птичка из клеток.
Клетка из птичек...



Живая ткань

Простейшее, из сложности восстань!
Так радуга из свежести тумана
лесную околдованную рань
лишает бледно-синего обмана.

Нить Ариадны выведет живых
в метаморфозах форм и эволюций.
Кленовые листья качаются для них,
для них и трепетные запахи настурций.

Живая вечно рвущаяся ткань,
немеющая в радости осенней,
пусть мертвое живому платит дань
и продлевает вечность у мгновений.

Все внешнее у внутреннего в чувстве.
И в голосе у плещущей реки
невозмутимо вечное искусство, —
не слышно горя, не было тоски.

Проголосный вопль

Куда улетают все наши проклятья,
Кто их подшивает небесной иглой
В космической пыли, где сейф необъятный,

кто держит их в черной пустыне глухой?
Праматерь Земля, вопли стонов несутся,
хлестаются вихри и громами рвутся, —

вот шквалы, ревущие в глотке людской!
Исчезли, в холодную сжавшись комету.
Но где эти вопли и тягостный вой

растопят в лучах бесконечного света?

Торсу Аполлона

По светотеням мышц века играли взглядом
и исчезали в корче важных мин,
из разворота ног и таза плотоядно
поднялся торс. И древний исполин
обнял день новый, яркий и нарядный.

Музейный холод пустоты
вобрал в себя каррарский мрамор,
на твердых мышцах наготы
выводит солнце цветогаммы.

Но сладострастье, закипая
на ветвях поздней весной,
цветеньем почки рассекает,
и жизнь шумит над головой
того, кто в мраморе страдает.

Северное море

Сияньем северным синий узор,
лазурно-багряные краски сковав,
в кистях сталактитов природу обняв,
шелками холодными радует взор.

Гранятся алмазы зеленого моря
на всплесках свинцово-сиреневых волн,
а белые чайки стенаются в горе
и слышен далеко их раненый стон.

Не может природа над вечным покоем
лить слезы, оставив тревожную жизнь,
Ты, море, в холодном звенящем разбое
у сильных сердца обогрей и зажги!

Дай веру твою и уставшим, и слабым,
дыханием жар головы остуди,
кто помнит, кто любит твой шорох нарядов,
в скитаньях тому ты на помощь приди.

Обезьяний питомник

Ты предок мой, сухумский губошлеп,
измученный абхазскою природой,
нас разделил ничтожный поворот,
в деревьях жизни разметающий всходы.

Лишь мы взошли в сознании себя
в стальных цветах абстракции и логик,
тяжелый веер жизни теребя,
в букетах слова славили природу.

Мы вместе все. И в прутьях наша клеть!
Где путь от нас? К каким еще сознаньям?
Межзвездная глухая круговерть,
где тот предел таинственных дерзаний?

Пока он в нас. Он в нашей пустоте
кипящей жизни смысл одолевает,
но зимней стужей, в гонках, при езде
клубами пар и мысли погоняет.

Прыжок. Но ты завидуешь не мне,
внимательно оглядывая руки,
твои глаза в сухумской синеве
едят банан, испытывая муки.

Серым людям

"Вступая в средние лета, открываем людей ни
совершенно черных, ни совершенно белых; Монтань
бы сказал: серых. Но зато истинная опытность должна
научиться снисхождению, без которого нет ни одной
общественной добродетели: надобно жить с серыми
или жить в Диогеновой бочке".

К.Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе.
Наука, М., 1977, стр. 417.

В сером фраке вечер опустился
на асфальтовую гладь:
серый люд в кино катился
жить, любить и помирать.

Свинцовое время на сердце легло,
и прошлое ближе, и ближе...
Каленым железом вдруг солнце зажгло
верхушки задумчивых вишен.

Лимонным пожаром ответила степь
на шутку земного светила,
и в зыбкой улыбке озерная цепь
ее глубиной поглотила.

Но серая, серая, серая мгла
на город, на степь опустилась,
И скукою серых прохожих гнала
туда, где и елось, и пилося.

Твое же здоровье, пузатый живот,
здоровья вам, серые люди!
Пускай диогены встречают восход,
мы в серости с вами пребудем.

Блаженной разлуки блаженная боль...

Непримечательный циклик стихов.
Я освобождался от старенькой страсти,
От въевшихся в тело привычных оков.
Я убежал их магической власти.

Благодарю Вас за помощь извне,
За этот коротенький курсик лечения,
За гирокомпасик, подаренный мне,
И из контекста меня извлечение.

Я исповедаю Вас на духу,
И благодарно приму епитимью,
И, плача, уткнувшись своим рыльцем в пуху
В уже нескончаемое междузимье.

И милости только буду просить,
Не в силах расстаться с рукою и глазом.
Вы тоже меня попытайтесь простить —
За недописанный цикл экстаза.

* * *

Пушай, я согласен, пусть это — игра
Двух похотливых зверушек,
И мы не пожертвуем даже пера
Из наших пуховых подушек.

Что скрежет зубовный, что похоть очес,
Что гордость и мерзость житейская,
Нам эту любовь продавали на вес
Рожденные нами судейские.

Мне и лягушкой лежать хорошо
И нависать над лягушкой,
И за клубком я тогда не пошел
Чтоб не избегнуть ловушки.

Вот и попались, и поделом,
Что ж вы рыдаете, суки,
Всё ж выпивали за брачным столом
За сексуальные муки.

Когда-то ведь были и мы рождены
Совсем не от залпа "Авроры",
И я утащу у тебя для жены
Кусочек твоей микрофлоры.

Игра накаляется, жестче, больней
В кровь губы кусать неумело,
И кровь, что правдивой воды солоней,
Как мед на морозе густела.

* * *

Я брожу по местам, где любил тебя,
И где с тою прощался, что любил когда-то,
Где ангелы мне возвещали, трубя:
Хорошо бы что-то оставить от родимой хаты.

Если не печь, то хотя б трубу,
Или щель между печною слезой и дверным криком...
И куда я теперь по ночам гребу
Гондолу Стокгольма с патриотическим шиком,

Не скажет мне штурман земли и небес,
Сам отыскал — сам и сбился с курса.
Утонешь — подымут, уменьшив вес,
Отрежут морду, как "Курску".

Я прощаюсь с тобою на этот раз
В ритуальных кварталах, подъездах и лифтах.
Не смерти подобно, но, конечно, и не экстаз,
Но экстаза лучше искать в молитвах.

Там, кстати, скажут, как оставить мель,
Как сняться с этой любви греховной.

Больную голову покидает хмель,
А дышится — как угодно, только не ровно.

Когда накрывает лавина, читал,
Надо в ней себе откопать берлогу,
И если тебя спасатель не откопал,
То Спаситель к Себе приведет, к Богу.

* * *

Я тебя создал из
Ребер своих поломанных.
Пропась, мы смотрим вниз
На жен и мужей соломенных.

Не плаванье кораблю
Зачтут, может быть, в оправдание
А выдох короткий: "люблю",
Последний, в момент заклания.

* * *

Блаженной разлуки блаженная боль.
На рану — стихов несоленая соль.

В полой груди — пустота Торричелли.
Как на свиданья мы наши летели!

И падали в пропасть, и замирали,
И оживали и умирали.

И пальцев безумных безумие дрожи
Не оставляло... Стойте, прохожий!

Мы тоже любили, мы тоже страдали,
И стоном стонали и криком кричали.

Теперь у нас тихо. За окнами наша
Привычная жизнь, и дочка Наташа

По-прежнему любит, и дочка Ребекка
Осколочки склеивает в человека

И дует на папу, на место больное...
Не больно? Почти, ну, немножечко ноет...

И папа, упав, поднимается снова,
Как старый конь, потерявший подкову.

* * *

Я видел не часто мужей безрогих,
Я очень сильно любил не многих,
И мне обычно мои принцессы
Отдавались в море и без эксцессов,
И никто из них не схватил водянки.
Так я избежал Крестов и Лубянки,
Все равно хорошо, накурившись дури,
Рассуждать о пользе тюремной тюрю.
Не лучше ли, шмякнув гудящую трубку,
Тоже оставить затвор-скорлупку,
Чтобы не думать про свой шесточек?
Так бы и сделал, если бы не желточек
Между мной и скорлупкой, кухней и спальней,
Молотом губ, живота наковальней,
Там птицей висеть в поднебесии птицы,
Раскинувшись на две пустые столицы.
Мы полностью их заполняли когда-то
Сплошным отрицанием целибата.
Теперь мы по ним проходим, как тени,
Я — как твое, ты — мое отраженье...

Врастаем насмерть, все мало, вишь...
Но я так сильно любил тебя лишь.

Стокгольм

Okean

Купите у меня хоть что-нибудь!
Идеи, мысли или же очки.
Таков у нас у всех торговый путь
В стране, где все совсем не дурачки.

Купите мои черные очки!
Хотите, я их розовым покрашу,
И станет мир вокруг немного краше,
Чтоб не было коричневой тоски.

У вас свои очки? Ну, бублики купите,
Из кубрика на палубу пройдите,
Здесь, наверху, — такой же карнавал —
Купил сегодня, что вчера продал!

* * *

"Есть только миг"

"Иметь или быть?"

Э. Фромм

Мимолетный взгляд на купол ночи.
Прежде не случалось никогда
Видеть, как взметнулась в нем штрих-точкой —
Снизу вверх — неяркая звезда.

И, летя кривою восходящей,
Становилась ярче, не тускней.
Будущее с прошлым, с настоящим
Отражалось в ту секунду в ней.

Это было считанные миги
(Если миг бывает не один).
Память всех веков, преданья, книги
Были в ней. Вот лампа, Аладдин!

Я нашла ее, мой собеседник,
Мой восточный сказочный герой.
Загадать желанье напоследок?
Но желанья сыпались горой,

Будто бы из рога изобилья
Выбора: так быть или иметь?
И страстей сплошная камарилья
Не давала песнь душе допеть.

Миг тянулся этой песней духа,
А внизу все пенилось: хочу.
Мокро было там. Тепло и сухо
Было только звездному лучу.

Яркостью достигнув апогея,
Вспыхнул и погас он навсегда.

Все же быть. Иметь я не умею,
Снизу вверх упавшая звезда.

* * *

Друг говорил: стихи, ремесло,
Ему, мол, как всему, учиться надо,
А время Бродского давно прошло,
Но "тунеядцу" — памятник награда.

Другой мой друг, в коллегах старший брат,
По-своему оценивал творенья,
Уверенный в корректности наград, —
Будь имя то, иль деньги, иль варенье.

Еще есть Феликс, и еще Роман.
Есть дока Игорь и чудака Валерий.
Но мне в учителя лишь тот был дан,
Кто за собой захлопнул плотно двери.

С тех пор "ни дня без строчки" — не по мне:
Бывает шторм, бывает месяц штиля.
И на крылатом бешеном коне
Я часто на распутье или — или.

Пойдешь налево — потеряешь честь,
Пойдешь направо — деньги потеряешь.
Дорога прямо, вероятно, есть,
Но ты ее, как правило, не знаешь.

Пишу стихи в автобусе одном.
"Водителя молитва" на булавке.
А где — поэта? Как молить о том,
Чтоб не был он раздавлен в мыслях давке?

А говорите — тоже ремесло,
И что учить поэтов должен кто-то.
Нет, время "гунеядцев" не прошло.
Не "ремесло", а трудная работа.

* * *

Я с вами спорить не хочу,
Ученики с учителями.
Я все равно вас совмещу:
Я буду строго между вами.

Сыну

Стихи — тоже дети,
Их тоже надо родить,
Пристраивать как-то в свете,
Причесывать, чистить, мыть,

За строчку водить на учебу
В приличный детсад-журнал,
Искать постоянно, кто бы
Во всем этом помогал.

Ты очень просил братишку,
И, может, то было б верней,
Но я подарила книжку
Из наших с тобой затей.

Стихи — как твои картинки,
Что видишь один лишь ты.
Но, зайка, они всего лишь
Плод нашей с тобой мечты.

Мечта — это в небе птица.
А не на твоём плече,
Как солнышко, что струится
В звенящем лесном ключе.

А в небе — другое солнце,
И пусть его не достать,
Оно к нам само в оконце
Все утро будет стучать.

О чем-то мы все мечтаем,
Живем для своей мечты.
Мой зайка, я так желаю,
Чтоб цели достигнул ты,

Ты только иди, не бойся,
И только не заблудись.
О друге не беспокойся, —
Он будет, а ты учись,

Учись, чтобы смог когда-то
Увидеть свою мечту.
Но, как альпинисту, надо
Трудом взять вершину ту.

И тут даже лучшей маме
Ничем тебе не помочь:

Вершины берем мы сами,
Чтоб утро сменило ночь.

* * *

Прости меня за то, что так душа болит,
И что простить врагов мне сердце не велит,
Прости, что, хоть молюсь, завидую и злюсь,
Прости, что так боюсь, прости, что не боюсь —
Могу всех научить, могу всем дать совет,
Но научиться жить я не умею, нет!
Вольют в меня все боль — принять ее изволь,
А у меня — своя, излить ее позволь.
И я тебя ищу — но ты не говоришь.
Гадалки говорят, но ты к ним не велишь, —
Не в силах мы все знать и мудрость всю принять.
Ее нам не понять, ничто нам не понять!
Прости, что лишь хочу, прости, что не могу,
Что бегаю по жизни, прости, что не бегу.
Прости, что не иду, а только лишь хожу,
Прости, что всех подряд сужу, сужу, сужу.
И все ж благодарю, что жизнь так хороша,
Что до сих пор болит — а значит, есть — душа.

Неотправленные письма

Здесь "нечто, и туманна даль,
И романтические" бредни.
Но реализм — не столь печаль,
Сколь понимание — обедня.

На расстоянии мы лучше, чем вблизи.
Воображенье в этом виновато,
Или обман оптический, иль даты
На штемпелях конвертов, — но стези
Казалось бы, похожих до предела
И совпадающих почти во всем, —
Не совпадают. Вот какое дело.

И, чтоб совпасть единожды, несем
Свой груз своих сомнений в одиночку,
Теряя цель — светящуюся точку.
Пересечемся — точка светит снова,
И временно дорога нам готова.

Шахматный город

Город маленьких королей
С бьющим в берег волной названьем,
Город пешек, слонов, коней
Не вместил твоего сиянья.
Много месяцев, много дней
Ты светил мне своей короной,
Не догадываясь о ней
И отказываясь от трона.

Ты говорил, что слишком мал,
Что дров немало наломал,
Что не сложил из них очаг,
Что пел не то и жил не так.
Расти, мой принц, король, расти,
Живи без страха и прости,
Что пешкой стала на пути,
А ты ферзя мечтал найти.

То блуждающим огоньком,
То беспутниковой планетой,
То мерцающим светлячком
Ты несешься один по свету.
То корона, то зелень глаз
Маяком впереди над троном,
То твой профиль, то твой анфас
Примеряю я под корону.

Расти, мой принц, король, расти,
Живи без страха и прости,
Что пешкой стала на пути,
А ты ферзя мечтал найти,
Но пешка может стать ферзем,
Решившись раз на ход конем,
Чтоб стать у трона с королем
Не у подножья, а вдвоем.



ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

ЮЖНОРУССКАЯ ШКОЛА
Николай Скроцкий: Моя потребность —
впечатления 224
Публикация Ольги БАРКОВСКОЙ

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА
Евгений НИКОЛАЕНКО
"Плыть туда, где любовь!" 234

Николай СТЕПАНОВ
"Скульптура проста, как природа..."
Публикация Ольги САВИЦКОЙ 242

Михаил ВАЙСКОПФ
"Козлиная песнь" Зеэва Жаботинского 251

Олег ГУБАРЬ
Нетерпение Перца 261

МОСКВА - ОДЕССА
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ
Согнув условные колени,
сидели ласточки на стенке! 266

Николай Скроцкий: Моя потребность — впечатления

Николай Иванович Скроцкий — художник, фотограф, критик, личность во многих отношениях примечательная, и для художественной жизни Одессы начала XX века весьма значимая. А сегодня, к стыду нашему, — еще одна полузабытая фигура в бесконечном ряду.

В семье Скроцких было шестеро сыновей. ("Большая коллекция братьев. Наглядное обозрение отрицательных черт", — иронизировал Н. И.) Многие одесситы помнят известного детского доктора, профессора Аркадия Ивановича Скроцкого. Меньше осталось тех, кто знал его старшего брата Николая.

Имя Н.И. Скроцкого часто попадалось мне на страницах старого "Одесского листка", где с 1906 года печатались его статьи о живописи, в основном рецензии на выставки художников. Уровень этих публикаций настолько отличался от общего полудилетантского тона провинциальной критики, что поневоле привлекал внимание. Постепенно собиралась информация об авторе. Как всегда, помогли С.З. Луцкий и Е.М. Голубовский. Что-то удалось узнать благодаря содействию А.Н. Полторацкой. Она же дала мне координаты своего троюродного брата Ю.А. Скроцкого (усыновленного внука А.И. Скроцкого), у которого сохранялись дневники Николая Ивановича. Юрий Аркадьевич живет в Петербурге, врач-психиатр, занимается живописью. Первые уроки рисунка он получил от Н. И., к которому был очень привязан. А весной этого года передал в Одессу две тетради с дневниковыми записями Н. И.

И образ человека незаурядного, талантливого, но по разным причинам — как личным, так и общеполитическим — не до конца себя реализовавшего, стал постепенно оживать.

Н.И. Скроцкий родился в Одессе 9 февраля (ст. стиля) 1876 года. Уже вполне зрелым человеком, в 1907 году, закончил местное художественное училище, где его наставником был Кириак Костанди. Той же осенью Н. И. в Мюнхене. В одну из тетрадей вклеен десяток билетов на различные выставки. Среди них — билет в венскую галерею Митке со



штампом "28 Sept 1907". Понятно, что в Мюнхен и, соответственно, на Мюнхенскую ежегодную художественную выставку (еще один билет 1907 г.) Скроцкий попал не раньше октября. Н. И. посещает Баварскую академию художеств, занимается в знаменитой школе Холлоши. Мюнхенские записи в дневнике продолжаются до осени 1909 (упоминается письмо домой с парижскими впечатлениями от 8 сент. 1909); в декабре идет оживленный обмен письмами с Костанди — из Парижа в Одессу и обратно (часть писем сохранилась в Одесском художественном музее). Скроцкий ходит по музеям, галереям, аукционам, какое-то время занимается у Мориса Дени. Записи в дневнике и пригласительный билет на открытие Осеннего салона (30 сентября 1910) подтверждают пребывание Н. И. в Париже,



по крайней мере, до конца этого года — с осени 1911 в "Одесском листке" вновь появляются его статьи: Скроцкий вернулся в Одессу, и надолго. Он — авторитетный критик, неприменимый участник собраний художников, член фотографического и библиографического обществ — и преподаватель рисования в женской гимназии Шольп. С 1917 года, вместе с М.К. Гершенфельдом, официально выступает со всевозможными заявлениями и инициативами от имени Общества независимых художников. Кстати, почти за год до появления этого объединения Н.И. Скроцкий в рецензии на выставку картин 1916-го продекларировал: "Выставку можно считать безусловно удавшейся, и образование нового художественного общества — совершившимся фактом". Он же в заголовке рецензии впервые как бы утвердил в печати название общества: "Первая выставка "независимых" (Одесск. листок. 1916. 23 нояб.). Далее, в 1918 году, была Свободная академия изящных искусств, созданная "независимыми", где Н. И. — один из преподавателей. В том же 1918 — попытка самому организовать школу прикладного искусства (просуществовала очень недолго, вероятно, из-за непрактичности в деловых вопросах ее основателя).

Парадоксально: можно говорить о Скроцком — критике, художественном деятеле, но мало что известно о нем как о художнике. Ни в одной выставке, насколько удалось установить, он не участвовал. Отзывов о живописных работах нет. В Одессе мне пока известен единственный сохранившийся его этюд — в доме А. Полторацкой. Еще несколько этюдов, как выяснилось, есть в Петербурге у Ю.А. Скроцкого. Вместе с тем, в опубликованных ранее в альманахе (№ 13) письмах прекрасного живописца П. Волокидина к Н. И. — не только дружеское отношение, единство взглядов на искусство, но и желание поработать вместе ("у меня мечта вместе с тобой взяться за работу как следует"), уважение профессионала к профессионалу.

После установления советской власти Скроцкий прекращает сотрудничать в прессе, отходит от активной художественной жизни — работает фотолаборантом в кинотехнике при ВУФКУ, фотографом в судебной экспертизе, в начале 1930-х какое-то время руководит фотомастерской при живописном отделении в Одесском художественном институте, преподает в средних учебных заведениях.

Умер Н.И. Скроцкий в Одессе 14 декабря 1945 года от туберкулеза легких.

В дополнение к этой голой биографической канве приведу отрывок из письма Ю.А. Скроцкого — о личности Николая Ивановича, "его образе", как говорит автор.

[Петербург, 27.05.2003]

(...) Основные мои трудности с фактами — с образом меньше, т. к. было немало воспоминаний о нем тех, кого уже тоже нет. (...) Но может быть, впечатление о его образе, субъективное, конечно, даже более значимо? Оно сложилось у меня из детских воспоминаний, разговоров старших и,

главное, из подборки его книг, из заметок на полях, наконец, из нескольких его этюдов.

Он был не очень веселый человек, хотя и бывал иногда оживлен и разговорчив. Всегда, казалось, находился под гнетом своих физических недостатков, своей внешности. Я знаю о нем как об очень одиноком человеке, но человеке страстном, и это, конечно же, раздваивало его мироощущение и как эстета, и как мужчины. Возможно, были связи, но мне это неизвестно. К тому же он был скрытен. Его духовный облик был с оттенком полумрака; что-то от средневековой тайны, погруженной в трепетную любовь к свету импрессионизма. Близок ему был Ницше, не из моды, а по родству душ.

Н. Ив. был широко, я бы сказал, утонченно образован. В беседе оперировал не памятью, а умом, легко переходя от Тинторетто к Шопенгауэру, понимаемому через Евангелие, а оттуда к Утамаро в современном ему "Аполлоне", выстраивая мозаичную в единстве, оригинальную идею, мысль,

гипотезу. Любил Рёскина, Карлейля, интересовался оккультизмом, теософией, прекрасно путешествовал по историческому времени, сопоставляя философские системы.

Мне кажется, что он всегда стремился к обобщению, к "связи времен" и идей, и потому был, скорее, мыслителем в живописи. Об этом свидетельствуют его этюды. В них много скрытого, зашифрованного, символического (я отнюдь не имею в виду психоаналитический базар), если угодно, онтологического, при том, что на первый взгляд они кажутся непритязательными. Но



всегда изящны и часто не окончены — мысль сформулировалась, дальше не интересно.

Он не был уживчивым человеком. Часто вспыльчивый, доверчиво-недоверчивый, толпу не любил, даже презирал. Отдельных лиц, иногда не заслуживающих доверия, опекал. Был случай, когда привел на ночлег неизвестного, якобы священника. Утром все кончилось воровством. Очень непрактичный, как-то продал за бесценок яхту брата Владимира, хотя получил точные предварительные инструкции. Бывал чрезмерно открытым и бывал замкнутым, угрюмым на фоне экзальтации. Однажды с кем-то из художников* собрался, несмотря на нездоровье, идти пешком в Иерусалим. Всей семьей еле отговорили. Был религиозен, но как-то одиноко религиозен. Во всяком случае, среди "независимых" Николай Иванович был действительно самым независимым.

Мне кажется, к Н. И. подошли бы те слова, которые написал на смерть Борисова-Мусатова незабвенный барон Н. Врангель: "Ведь он не мог воскресить той жизни, о которой грезил, и не мог сделаться соучастником иного бытия".

* * *

После смерти Н.И. Скродского две тетради с его дневниковыми записями попали к известному в Одессе коллекционеру и торговцу С. Бабаджану. Впоследствии эти тетради приобрел Ю.А. Скродский.

Фрагменты из записей Н.И. Скродского

I. Мюнхен — Париж. 1907-1910.

Школьная общая тетрадь в твердой обложке, густо исписанная, где ручкой, где карандашом. Записи в основном датированы, тематика — самая разнообразная. Здесь заметки о школе Ш. Холлоши и о Мюнхенской академии художеств, отзывы о виденных выставках, об отдельных мастерах, характеристики одесских коллег (в основном, весьма нелицеприятные), конспект книги Моклера "Импрессионизм", записи по технике фотографии, опыты графологического анализа и даже кулинарные рецепты — с забавной припиской: "Оказывается, это не так просто, как кажется". Поскольку дневник велся для себя, часто используется скоропись, слова не дописаны, много сокращений, которые, впрочем, легко расшифровываются.

* М. б., с художником Г. Бостремом, с которым вместе учился в Одессе и Мюнхене. В 1910-е гг. Бострем совершил несколько пеших путешествий к святым местам.

Мюнхенские наблюдения

Академия

Проф. Отто Зайтц: Зеленое ухо! Бенгальский огонь! Где вы видели зеленое ухо? Я не позволю работать иначе, как все работают, у меня в мастерской вы портите учеников.

К. Марр сказал Бострему: не надо думать о мазке.

Ашбэ: Нечего бояться красок — они не кусаются. Искать параллели и пересечения линий, пользоваться кругом и квадратом.

Бострем признает, что то не искусство, которое идет в разрез с его взглядами. Он уважает собеседника, пока тот соглашается с его взглядами. Любит повторять стереотипы. Всем сообщает с печальной миной, что он сжег свое великое произведение (...).

Школа Холлоши

29 февр. 09. Предмет и представление о нем (...). Правда это то, что я припоминаю, чего я не могу припомнить, для меня это не правда (...).

О рисунке. Вся сила в представлении. Смотреть на натуру лишь в крайнем случае, если сила воображения иссякла. Смотреть на предмет долго, изучая, потом передать впечатление, не глядя на предмет,

иначе реальное грубо рассеет впечатление.

9 марта. Вы думаете много о линиях и плоскостях, а надо думать о форме.

7.IV.09. Голова целая. Глаз не один — рисуйте разом оба глаза. Обе стороны скул, лоб и подбородок вместе. Как можно меньше деталей. Целый предмет д. б.

2 апр. Hol. сказал: голова целая, хорошо нарисов., но не тот человек.

29 апр. (...) Не думать об одной линии, думать о форме, которую ограничивает линия. So und So*. Тогда будете понимать, чего вы хотите достичь. Быть наивным, быть правдивым, но не копировать натуры. Чувствовать под кожей мышцы, под мышцами кости.

* Так и так (нем.).

Общие наблюдения

Впечатления для художника должны быть более от жизни, нежели от искусства.

Краски. Красив. сочетания, а не отдельно взятые. Тон или краска это по чувству (доверять памяти, думать о впечатлении, на которое должно быть похоже изображение).

Рисунок. Каждая точка рисунка чувствует другую точку.

Париж. Тревожно всматриваюсь в себя. До сих пор я брал от книг, от произведений искусства, наслаждался. Теперь должен сам что-то говорить хорошее.

Художник прежде всего ясно знает, что ему нравится в явлении. Видеть, и понять, и выразить понятие.

Право суждения об искусстве. Каждый имеет право сказать: нравится или не нравится (...). Есть профан интересующийся и профан самодовольный. Из первого может образоваться любитель искусства, различающий хорошее от посредственного. Второй профан не только безнадежен, но враждебен живому искусству. Он враг движения и вполне доволен своими взглядами. Он любит говорить о сочном колорите и сухом рисунке и своей болтовней и даже пафосом, в котором ни на йоту убеждения, сеет дурной вкус и глупые суждения.



Н. Скоцкий. Этуд. Собрание Ю.А. Скоцкого

В одесской школе не знают практически ни перспективы, ни анатомии, а колорит = расцвечивание, подделка под Костанди.

Художественное самоопределение Нилуса: раньше à la Больдини*, теперь Сомов.

"Духовная пища" — людоедство в области духа.

Непродуманная мысль и непрожаренная котлета (сопоставление Нилуса).

*Больдини Джованни (1842-1931) — итальянский портретист и жанрист.

Мечтания бабушки о Иерусалиме, мои о Париже.

Работая, вспоминал совет Костанди: вытирать кисть в крайнем случае.

Вспоминал Костанди: больше думать о том тоне, что взял, нежели о том, что возьму (чтоб согласовать оба).

Вспоминал Костанди: "Держаться впечатления. Думать о впечатлении, рисуя". (Рисунок не должен бежать впереди впечатления, как слово впереди мысли.) Смотреть на то, что сделано, и дополнять.

Работая, вспоминал Волокидина кажется зеленым, кладу зеленую, потом месить на холсте. Не бояться брать сильно, ослабить легко.

Хотя процесс писания этюдов столь же интимен, как и писание писем, однако нескромное чтение чужих писем осуждается, а заглядывание под руку художнику, пишущему с натуры, кажется всеобщим правом.

II. Тетрадь "MEMORIA". 1904

Маленькая тетрадка в твердой обложке, скорее, блокнот. Заметки для себя, очень откровенные, часто глубоко интимные. Размышления о жизни, о любви, о Боге. Наброски, отдельные фразы, выражения; бытовые зарисовки, не всегда законченные; цитаты из Ницше и Карьера. Лирика и драма переплетаются с юмором, часто — сарказмом. Записи делались в разное время, разными чернилами и карандашом, но они не датированы, только на обложке год: "1904". Так же, как в мюнхенско-парижской тетради, — много сокращений слов, скоропись. В нескольких местах на полях — комментарии карандашом или чернилами с пометкой: С. Бабаджан.

На форзаце тетради:

На каждое дело тратить времени не более, чем действительно нужно.

Мой опыт. Я его не отдам.

Мои книги. Чужую прочту срочно. Свою — успею прочесть, говорю себе.

Проклятая привычка к аскетизму. Перед любимым делом сладострастная остановка. Могу и не делаю.

Изо всех смертных грехов я выбрал один — гордость.

Моя потребность — впечатления.

Необходимо время для того, чтобы переработать впечатления. Иначе — вроде засорения ума.

Циклодром. Крики: браво, Уточкин!

Его обогнали. Свист. Рыжий!..

Плакать — выплакаться — высказаться.

Перед чужим выплакаться — забавно, интересно или, в худшем случае, досадно (для него). Никогда!

Красота, счастье, царство Божие — внутри нас.

Судьба, жизнь — вне нас.

Писал бы собственной желчью, если б это не вредно для здоровья.

Несправедливо причисленная к прекрасному полу.

Особа, которой всегда "нехорошо".

Мысль иногда, как труп, всплывает раз, чтоб больше не подняться.

Я редко защищаю себя против себя самого.

Явление Аврааму трех ангелов. Витька* начал рассказ так: Когда однажды Авраам сидел за чаем и читал газету...

Люди не создали себе представления о времени, о пространстве, о Боге, познание этого вне наших сил и средств. В конце концов, мой Бог — мое представление о Боге; Бог создан мной, а не я им.



Н. Скроцкий. Этюд. Собрание Ю.А. Скоцкого

Нирвана. Путь к ней через самосовершенствование. Блаженное состояние. Быть буддой можно и при жизни — самосовершенствоваться; будда — просвещение.

Молиться слезами.

Исправление каллиграфом почерков красиво, но бездушно. Вот что значит применять закон и порядок.

*Виктор Иванович Скроцкий — младший брат Н. И., в 1904 г. гимназист.



Н. Скроцкий. Белая и красная кавалерия. Собрание Ю.А. Скоцкого

Спор: на раскаленную плиту бросаю шипящие слова.

Иногда бывает больно думать.
Сон = смерть во время жизни.

Слушать сердцем.

На войне человек становится религиозен. Это мне непонятно. Когда совершается преступление, особенно массовое, Бог должен перестать почитать. Архангелы должны его разбудить. Здесь наступает момент для великого чуда.

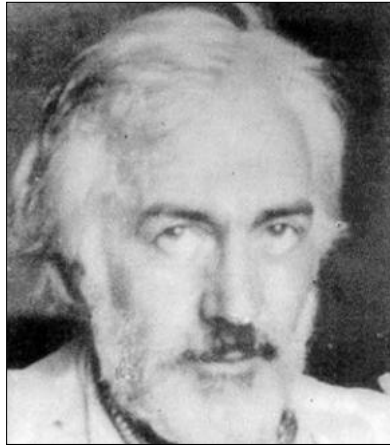
Море — отражение неба. Стремление к небу и Богу.

Вино освещает мрак ночи.

Дрожание жизни.
Произведения искусства, повторяясь, ведут к падению.

Публикация Ольги БАРКОВСКОЙ

"Плыть туда, где любовь!"



Николай Степанов

Почти тридцать лет назад во дворе Одесского художественного училища набирали в глине рабочую модель памятника Татарбунарскому восстанию. Лето подходило к концу, установилась великолепная погода, ушла жара, и настали бархатные денечки, которые бывают только в Одессе до начала сезона осенних дождей. Поэтому работа спорилась, приятно было смотреть. Трудились над памятником автор Николай Конищев, помогали Алик Чернозубенко и Женя Чумак. Привело меня туда обычное любопытство и пригла-

шение автора. Интересно посмотреть, как делается большая — одиннадцатиметровая — скульптура. Жили мы тогда с Конищевым в доме на углу двух Карлов.

К полудню во дворе появился еще один скульптор, который был приветливо встречен бригадой и представлен мне, — Николай Степанов. По всей вероятности, этот день можно считать точкой отсчета нашего знакомства с великолепным мастером и другом, Николаем Ивановичем Степановым, а для меня долгие годы — просто Клошкой. Он был среднего роста, сухопар, открытое славянское лицо, светло-серые глаза, копна уже седых волос и поразительно добродушная улыбка, которая никого не оставляла равнодушным и располагала к общению.

Николай протянул мне руку, и я обратил внимание на примитивную татуировку образца сороковых годов. Он смутился и спрятал руку за спину. Я подумал: как не вяжется эта небольшая детская шалость с этим на редкость интеллигентным человеком. Вот если бы люди после каждой большой пошлости оставляли подобные следы, можно было бы безошибочно определять, кто есть кто.

Подобные мысли донимали мое сознание до тех пор, пока я не разобрался, что это не просто примитивный рисунок на руке, а символ, кото-

рым я закончу свой рассказ. А пока продолжим путь по ходу моих рассуждений, ибо поймать биологический ритм этого художника невозможно, он и сам не знал порой, чем будет заниматься через несколько минут. Я постараюсь раскрыть некоторые не знакомые моему читателю и людям, хорошо знавшим Степанова, пикантные эпизоды из жизни этого добрейшего человека, большого художника, к творчеству которого не раз будут обращаться специалисты и любители изобразительного искусства.

В начале восьмидесятых моя семейная жизнь дала трещину, и я временно поселился в мастерской Конищева, у Пересыпского моста, а по соседству Николай Степанов приобрел мастерскую умершего скульптора Раппа. Мы волею судьбы стали соседями. Моя бабушка когда-то говорила — грубовато, но образно и точно: "Повстрічалася попа с вихтьом". Я заранее прошу извинения у читателя за использование сленга и украинского диалекта. Некоторые коллеги по перу высказывают мне по этому поводу свое "фе". Я использую сленги, они — меня: где же безнравственность?.. Вихоть — это небольшой веник, изготовленный из соломы или травы, который применялся на Украине еще в древности для выравнивания глиняного пола в доме, мог служить вместо туалетной бумаги, — или родители пускали его в ход как орудие экзекуции, снимая штаны и отхлестывая им мускулос глутеус в порядке воспитательной работы с детьми дошкольного возраста. Действовало "орудие пыток" не очень больно, но устрашающе, если было изготовлено из крапивы.

Я не случайно привел эту пословицу, потому что к тому времени мы оба переступили сорокалетний возраст, но, в сущности, оставались детьми, способными на небольшие шалости. Нам хотелось жить, не доставляя никаких неудобств окружающим. На столе иногда появлялась бутылочка водочки, а собеседниками становились очаровательные бестии прекрасного пола, которых Степанов рассматривал как потенциальных натурщиц, а я — с точки зрения сильного пола и непомерного любопытства. Да, время меняет нас, сегодня я осуждаю это как грехопадение. "Если ты смотришь на женщину с вожделением — значит, ты уже прелюбодействовал с ней в сердце своем". А мы не только смотрели. Каюсь, но этот грех совершен не против человечества, а для продолжения его.

Жил со мной в ту пору в мастерской известный среди художников попугай Аркаша. Я мог позволить себе помянуть жену, но не моего верного попугая. Однажды на восхищение симпатичной молоденькой дамы — звали ее Ирина — показал свою невоспитанность: на "Какая красивая птица!" последовал ответ — "Хороша сука", чем поставил в затруднительное поло-

жение хозяина, который при хорошенькой леди хотел выглядеть интеллигентно. Попугай был породы жако, привезен мною контрабандно из Сенегала. Даже мой давний приятель, скульптор Борис Румянцев по забывчивости, не в первый раз представляя меня госпоже Егоровой, говорит: "Познакомьтесь — это Аркашин папа, Женя Николаенко". Я горжусь, что у меня такой знаменитый попугай. Хотя, несколько обидно — сам по себе я ничего не представляю. Зато Аркаша до сих пор так протяжно и нежно зовет своего кумира: "Ко-ля, Ко-ля". А ведь еще недавно залазил ему в уши, нежно кряхтел, лез целоваться. Ему в мастерской разрешалось делать все: распускать на нитки еще хороший свитер, ломать гипсовые скульптуры, и даже там, где впору было ставить табличку "руками не трогать", орудовал мощный клюв попугая, вызывая умиленную улыбку хозяина.

Сейчас даже коты вокруг мастерской осиротели без Степанова. Он не мог появиться на работе без баночки еды, специально приготовленной для них. Железные ящики перевернуты, некогда в них селились бомжи. Степанов выносил им старые одеяла, давал хлеб и чай, за это не однажды был отчитан люмпен-пролетарием русским ядреным матом — не со зла, а так, по пьяни. Необходимо помнить: "Ни одно доброе дело, сделанное на этой земле, не обходится безнаказанно".

Иногда мы с Николаем уезжали в его родные Роксоляны. Деревенский дом Степанова утопал в зелени больших деревьев черешни. Созревшие, сочные, темно-вишневые плоды просились: "Сорвите нас", угощая своими сладкими, как мед, ягодами прилетевших птиц, местную ребятню и взобравшихся на мощные ветки молодых людей. Хватало всем, а на продажу рвать их было не принято.

Нас встречала мать Степанова, Александра Дмитриевна, или просто баба Шура, дородная пышная женщина с большим бюстом. По словам самого художника, оторвать его от маминой груди нельзя было почти до пяти лет. По всей вероятности, о таких женщинах рассказывал Лев Николаевич Толстой: "Если бы наше высокоблагородие не скрешивалось время от времени с такими бабами, мы бы вымерли, как динозавры". По-моему, он был прав, такие женщины составляют соль земли нашей и производят на свет не только себе подобных, а иногда уникалов и гениев. Эти женщины поднимали после войны страну, заменяли порой трактор и лошадь, учили добродетели детей. Да и вообще, на них держится жизнь.

Под тенью черешен расставлен стол, Александра Дмитриевна угощает нас простой деревенской пищей, мы сдабриваем ее стаканчиком-другим терпкого душистого домашнего вина. Ведем беседу. Мать обращается к сыну:

— Коля, ну що це в тебе за спеціальність — скульптор? Ось подивись, як живе Вітька Червоний, робе трактористом, хату в центрі села поставив, хазяйство добре має, в почоті у начальства. Одружився на Олічці Саєнко.

— Мама, это же какая Оля?

— Така повна, красива, жила на краю села.

Ну что же, у матери свои понятия о красоте и работе. Чтобы не расстраивать мать, Николай соглашается:

— Хорошо, мама, я подумаю, как поменять специальность.

— Та для чого же тобі щось міняти, ти ж робив трактористом, може, забув, так подучишся.

Я иронизирую: "Необходимо только срочно разыскать тот трактор, как Хрущева шахтерскую каску". Баба Шура понимает иронию и машет рукой. Чтобы улизнуть от материнских сентенций, мы уходим в дом, Степанов показывает мне сельские апартаменты. На стене висит добротный портрет пожилого человека: с козацкими прокуренными усами, в простой одежде, в фуражке-восьмиклинке, со взглядом роксоляновского мудреца, местного Сократа. Характерно, что портрет выполнен грамотно — на холсте, писан маслом. Впечатляет.

— Мой дед, — не без гордости говорит Коля, — Николай Анисимович Руденко, роксоляновский библиотекарь. Мудрый был мужик, с достоинством. Однажды вел речи, и кто-то из партийных функционеров заподозрил его в национальном уклоне:

— Дед, да ведь ты чистый националист!

Николай Анисимович задумался, покрутил ус и ответил:

— Да, але ж який? Соціалістичний за змістом.

Выкрутился дед.

Работа была написана Колиным учителем рисования Василем Черным более полувека назад. По всей вероятности, он привил ему любовь к изобразительному искусству. Мы проходим в помещение, напоминающее музей. Его стены обвешаны ранними работами Степанова и его друзей, неоконченными деревянными скульптурами, здесь же — средневековое пушечное ядро, высохшие пустые тыквы, инструменты; созревает и хранится вино. Дегустируем еще по стаканчику, и уже с трудом определяю на рисунке, какого цвета море. Все представляется в розовом цвете, и хочется расцеловать весь мир. Чтобы убрать лишнюю эйфорию, идем прогуляться к берегу лимана. Минуем курган, разграбленный еще в Средние века, примитивный кирпичный завод, и оказываемся на месте древней Никонии. Степанов здесь же находит несколько черепков и бронзовый наконечник для

стрелы. Говорит, что люди иногда находят здесь золотые монеты. В чем я очень сомневаюсь. Он показывает мне клочок земли в несколько гектаров, который некогда принадлежал семейству Степановых. Снова поднимаемся в село, и я с удивлением рассматриваю название улицы Степанова.

— Твой однофамилец?

— Нет, мой отец, Иван Степанов. Который прошел в полковой разведке всю войну, награжден был двумя орденами Славы, Красного Знамени, другими наградами. После войны работал здесь в колхозе.

Выходные дни заканчиваются, пора собираться в Одессу. Баба Шура замечено нервничает, складывает в сумку яички, творог, вино, какую-то снедь. Задает сыну риторический вопрос:

— Коля, коли ще приїдеш?

— Не знаю, мама, когда позволит время.

На прощание Николай обнимает мать, машина трогается, в зеркало заднего вида еще долго вижу одинокую, уже сгорбленную фигуру пожилой женщины, которая только теперь смахивает платком накатившую слезу. У меня подкатывает горький комок к горлу, ведь моя мама умерла, когда я был еще мальчиком. Вот так, хоть и невольно, заставляем страдать материнское сердце.

Мы выезжаем за село, Николай просит остановить машину и долго вглядывается в развилку трех дорог. Кто хорошо знает творчество Степанова, может вспомнить романтическую деревянную скульптуру "Три дороги". Философская вещь: как важно найти единственную, свою дорогу и не ошибиться. По-моему, с этих трех дорог начинался профессиональный художник — Николо Степанов из Роксолян, как знаменитый его тезка Донателло Николо из Флоренции.

Дороги не всегда ведут в Рим. Первая дорога моего героя от родительского дома пролегла через Донбасс.

Работу скульптора можно сравнить с работой шахтера — по физическим нагрузкам, не говоря об умственных и психологических. Это постоянный поиск, тяжелейший физический труд, но не рабский, а изыскателя, который приносит особое наслаждение, когда работа состоялась. Мне приходилось видеть Степанова в такие минуты. Его глаза светились, он расправлялся и казался выше и мощнее.

Степанов никогда не оставлял без внимания своих друзей. Помнится, мне однажды было очень плохо. Потерял работу, заболел, впал в глубокую депрессию. Со мной творилось что-то страшное, не мог сообразить,

что делать, как жить дальше. Я одиноко сидел в своей квартире, покинутый и забытый всеми. Но вот появился Коля с большим свертком в руке — там был этюдник, краски, кисти.

— Зачем ты принес это все? — спросил я.

— Будешь рисовать.

— Ты что, Коля, шутишь?

— Нисколько.

Он немного пообщался со мной и ушел восвояси, понимая, что ситуацию к лучшему могу переломить только я сам. Оставшись в одиночестве, я долго рассматривал принесенный скарб и решил: а почему бы и не попробовать? Я разрисовал свой туалет, ванную, потом перешел на принесенный картон. "Шедевром" этих упражнений стал мой попугай на шахматной доске. Когда вновь появился Николай, портрет Аркаши был почти готов, но ему чего-то не хватало. Степанов немного постоял, прищурившись, и сказал:

— А ну-ка, ударь здесь светлое пятнышко.

Картина сразу преобразилась, стала живой. И я пришел к выводу: без этой Божьей искорки никакое творчество не достигает цели. Если я в своей работе не нахожу краткого, но емкого понятия, я откладываю ее на неопределенный срок. Спустя много лет Степанов уговорил меня выставить эту работу на вернисаже художников-анималистов, где она заняла вполне достойное место. Но самое главное, через месяц увлечения прошла моя хандра, я отыскал себе работу — лучше, чем прежде. Аркашин портрет, писанный маслом, висит у меня в доме, на самом видном месте, напоминающая мне о том, что в этом мире очень много сложностей, нужно быть сильным и не раскисать даже при самых больших неудачах. По-есенински:

При тяжелых утратах

И когда тебе грустно,

Казаться улыбчивым и простым —

Самое высшее в мире искусство.

Вот такую арт-терапию придумал мне Степанов, и я ему благодарен. Степанов был не противоречивой, однако, очень сложной натурой. Я не в первый раз берусь за описание, считая, что из пишущих людей больше всех его знал, и очень часто попадаю в тупик. Хотя прекрасно понимаю: легко писать только о дураке, ведь он круглый...

Очень трудно в работах Степанова найти пик его побед, выделить как достижение, или отметить этап его творческой деятельности, и причина здесь одна: Степанов — художник от рождения и Бога. При сравнительно

скромном образовании, Николай был человеком высокой эрудиции. Я заметил одну закономерность: стоило Степанову быстро воплотить, как он умел, какую-то задумку в этюд или модель, как через некоторое время такая работа появлялась у некоторых коллег по цеху, но уже накрытая от чужих глаз холстом. Степанов был кладом скульптурных идей, которыми щедро делился с друзьями и недругами, а если и закрывал свои работы пленкой и мокрой тряпкой — только глиняные, для того, чтобы они не пересыхали. Он так лихо работал топором, что работы, выполненные в дереве, повторить было никому не под силу. Я знаю двух больших скульпторов, которые владели в совершенстве этим материалом: Коненков и Мухина. Да вот еще Степанов. Сложность состоит в том, что необходимо чувствовать этот живой материал.

Да что там дерево, — надо сказать, Николай мог заниматься профессионально графикой, живописью, керамикой, офортом. Белых пятен в изобразительном искусстве для Степанова не было. Недаром его не однажды просили продать ранний живописный портрет жены. К счастью, он так и остался в семье Степановых. По оценкам специалистов, портрет выполнен на высшем художественном уровне. К сожалению, ни одной персональной выставки живописи Николай так и не сделал, и его многочисленные работы расплылись по частным коллекциям.

В общении со всеми людьми Коля настолько был прост и по-детски непосредствен, что даже не понимал, зачем надо прятать деньги, когда ты появляешься в дешевых питейных заведениях. За что не однажды был бит, и в основном — по голове. Да, его седой головушке доставалось очень часто не только от злодеев, но и от необдуманных поступков.

Он устанавливал скульптуру Овидия и решил в перерыве искупнуться в лимане. В детстве он прыгал с этого причала, решил повторить гениальный прыжок, не делая поправку в полстолетия, — зарылся головой в песок и камни. Я увидел его на следующий день с ужасным каркасом на шее. Слава Тебе, Господи, обошлось без компрессионных переломов. И когда мы пытались провести очередной мальчишник, его Елена стала в позу и сказала: "Только в сопровождении санитарки". Я спросил растерянно: "Где же ее взять?" — "А я вам что, не подхожу?". Надо отдать должное Леночке, она никогда не мешала ни одной мужской компании, и после небольшого возлияния звучал задушевный дуэт супругов:

Їхав козак містом, містом,
Під копитом камінь тріснув,
Соловейко в гаю свиснув...

Выводил мягкий голос Елены и, с легкой хрипотцой, баритон Николай. Особенно приятно и романтично звучало это пение много лет назад на кручах Днепра, у костра. Мы были в походе где-то в районе Хортицы. Вызывая ностальгию, бурную фантазию по давно прошедшим годам разудалого казачества времен атамана Сирка. Создавалось впечатление, что вот-вот — и на лунной дорожке ночной реки появятся "чайки" с лихими парнями, уходящими к турецким берегам.

Вернувшись из похода, Степанов сделал целую серию скульптур на эту тему: Казак с копьем (крашеное дерево), Гетман (бронза), Казак с флажками (дерево). Все эти работы насыщены особым украинским колоритом, проникнуты большой любовью к своим предкам.

Многие друзья и коллеги уверены, что Степанов — художник Всенародный. Он блестяще отражал ту среду, в которой находился. Очень жаль, что нет такого звания официально. В начале своего повествования я обещал рассказать о татуировке, — вернее, закончить этим символом. Она называлась: "Плыть туда, где любовь". Изображала парусник и восходящее солнце.

Не всегда он достигал желанного порта назначения, нарываясь на рифы человеческой косности, равнодушия, а порой и откровенной злобы. Я уверен в одном: его утлое суденышко было постоянно перегружено большой любовью к людям. К сожалению, за любовь нужно очень дорого платить, тем более в наш жестокий и прагматичный век.

Я до конца использовал отведенное мне место, за что благодарен альманаху, но это не конец моей повести, а только ее начало, поэтому я не ставлю точку, а только многоточие...



Три дороги

"Скульптура проста, как природа..."

I.

Фрагменты автобиографии

С Родиной, с происхождением у меня все в порядке. Некто Мудрый и Щедрый подарил мне мои Роксоляны — малую родину, откуда я не выкину ни камушка, ни даже пенька, о который обивал пальцы, когда бегал босиком, не говоря уже о древних кручах над лиманом, усыпанных античными черепками, о степи курганной, о близости Моря и Города.

Родился и рос я среди консервативных и "запёклых" до работы людей, где крестьянский труд доведен до культа. Порой он, этот труд, кажется непосильным, но не заниматься им или заниматься небрежно считается здесь позорным.

.....

Я же больше всего не любил копаться в земле. Коров пасти — да, охотно. Но плохо справлялся со своими обязанностями огородными. Эта проклятая работа отнимает все силы и все внимание... За мою нелюбовь к ковырянию в земле Бог наказал меня, сделав скульптором. Здесь еще хуже: глина, гипс, пластилин...

.....

Чувствовать, созерцать, мечтать я научился в Роксолянах. Когда стоишь на круче, перед тобой открывается невероятный простор. Слева — тонкая линия косы, где гирло Днестра, справа — силуэт древней крепости Аккерман. Дух захватывающий перламутровый простор с парящими птицами, шумящими камышами, белеющими парусами...

Это место, где рождается мечта, здесь воображению нет предела, как нет тверди, куда бы уперся, остановился взгляд. В желто-красной глине круч гнездятся птицы пестрые — ракши у нас называются. Звучат цикады, пахнет чабрецом и морем, а внизу идут стада... Вокруг степь с курганами — равнина с неглубокими балками, расчерченная тремя дорогами — продолжениями улиц села. Голливуд специально изобретает такие пейзажи, и это стоит больших денег, а мне досталось задаром на всю жизнь.

Я любил смотреть. У меня даже гнездо там было свое — и я подолгу сидел в нем — восторг!

.....

Детство — эта такая страна, такая планета... Уверен, убежден, что все главное в человеке происходит, создается в детстве. Формируется душа и мировосприятие. Накапливается некая живительная сила духовная, которая, как источник, питает человека всю жизнь.

Да, была война, порой было страшно и голодно, холодно, была нищета. Говорят, было трудно, опасно, ужасно. Но как все было интересно!

За детство зацепишься — и не вылезешь. Я же говорю, все, что потом — лишь проигрывание, переигрывание, воспоминание того, что неосознанно, и еще неназванное в тебе уже было. Это как первая работа. У меня есть такая, "Стародавняя песня" называется. В ней было все. Потом пошло развитие и совершенствование заключенных в ней состояний и тем.

Конечно же, на формирование художника влияет и место, где родился, и окружение, в котором рос, и семья, и друзья, и удача.

Если бы я тогда сознавал, что жизнь коротка, что надо ценить время и силы, а не расходовать их почем зря! Теперь понимаю, что обстоятельства моей жизни как нельзя лучше способствовали тому, чтобы из меня получился художник. Но я, как был, так и остаюсь человеком — легко-мысленным и расточительным.

Не позднее 1994 г.

Каролино-Бугаз

Там неслыханное море моей мечты соседствует с плоским лиманом моей роксолянской жизни. Море как стихия свободы — и лиман как препятствие.

Здесь все состояние моего детства.

Роксоляны — это место, где родилась Мечта (не могла не родиться).

Ее видно с кручи.

Март-апрель 2003 г.

.....

Дедушка построил хату у самого "скифского кургана". Все наши детские игры проходили "на могилах". Это дало мне повод другу моему (дядьке Володе Руденко) написать такие строки и приложить фотографию моего деда, а его отца:

У груди материнской земли
Родились мы. Там предки сражались со смертью.
Знать, земля нас поила бессмертьем,
А курганы травой заросли.

Строг, величествен Дедушкин лик,
Он следит за тобой и за мною,
Чтобы мы не забыли ту память земли,
Где история пахнет травой...

II.

О творчестве. Этюды о материале

Жизнь моя делится на две части: до Художественного училища и после. Жизнь до него — это детство, родня, война, школа... бегство из колхоза, комсомольская путевка на стройки коммунизма... армия, работа чернорабочим... После Училища — новое рождение, выбор судьбы. Мое служение Делу, к которому готовилась душа в смутных потемках, среди множества дорог и бездорожья, томясь в невежестве. Шла на ощупь, по какому-то наитию, по чьему-то видению... и нашла.

"Ангел мой, иди со мной. Будь со мной, ты — впереди, я — за тобой".
Не позднее 1994 г.

.....

Одесское Художественное училище. О нем я мечтал больше Суриковки, больше Мухинки. Мне нужна была Родина для души. Родная аура, родные стены, атмосфера... время и место для исполнения всего сокровенного, что намечалось, собралось в душе! Надо сказать, что ко времени моего 2-ого поступления (первое в 1951 г., я ушел, мне не понравилось) я уже набрался жизненного опыта...

Но я никогда не бросал рисования, много читал, самообразовывался, и эта привычка осталась на всю жизнь. Поэтому свое образование считаю "как бы не общим". К тому же я знал себя: если появятся благоприятные условия для занятий — я сверну горы, ибо я жил на своей религии. Педагоги — я любил тех, кто не мешал мне. (...)

Моя Alma Mater, Художественное училище больше всего помогло мне стать вполне работоспособным. Дело оставалось за малым — утвердиться

в этой жизни, в художественном мире. Преподавал здесь же, в этих стенах, в детской художественной школе. Работал, выставлялся. Как молодой художник был направлен в Палангу, в Дом творчества, где пробыл вместо двух — четыре месяца: комиссия решила оставить на второй срок для окончания начатых работ. Всего же я выставил для отчета 40 с лишним художественных произведений. Так что первоначально комиссия решила, что это отчет всего скульптурного заезда. Председатель комиссии Царева, дама из министерства, распорядилась отвезти мою выставку на Кузнецкий мост в Москву. Однако мне было не до этого (о чем жалею). Я так окупился в работу, что пребывание в Паланге (1968 г., январь — февраль — март — апрель) перевернуло мое представление о скульптуре.

Дело в том, что там открылась грандиозная выставка народной деревянной скульптуры из Полесья. А поскольку я и начинал-то с дерева (и люблю дерево за его живую плоть), то особенно внимательно вглядывался в саму пластику, в технику резьбы. Я был в счастливейшем состоянии творчества. А что такое творчество? — Приобретение знаний. Знания я приобретал в активной работе. Что есть скульптура для меня? — На всю жизнь утвердившиеся убеждения, к которым я возвращался и возвращался. Скульптура, ее безошибочный ориентир на народную, традиционную пластику, на многовековую выверенность формы, использование материала (как соавтора)... Какою должна быть современная скульптура? — Я пришел к такому заключению: мир традиции сталкивается с миром модерна, и у этих двух миров разные языки, они не понимают друг друга. Идея — связать в единый образ глубоко индивидуальное с традиционным, дать направляющее слово, перевести на всем понятный язык свою художественную мысль. Эти убеждения вырабатывались в наших бесконечных спорах: что такое современное искусство, которому было бы дано пожить подольше.

Март-апрель 2003 г.

.....

С материалом я вступаю в диалог. Он будто становится моим соавтором. В нем как бы изначально присутствует архитектоника построения. Дерево для меня как школа формообразования. Оно дает ритм, напряжение масс, внутреннюю конструкцию... На каждом этапе материал словно говорит тебе: "не разрушь". Конечно, не обходилось без переключений. Однако в процессе работы я находил новые свойства дерева как материала для скульптуры. Дереву я многим обязан: материал дисциплинирует,

учит, дает абсолютно другое ощущение времени. В каком-то смысле — вводит в вечность. В дереве могут сидеть Мавка, Дафна... Меня всегда смущало, когда дерево переводили в портрет Ленина, Кирова... Это — сиюминутность. Все сказанное выше относится и к камню, да и ко всякому материалу для творения.

Дерево

Скульптуру я почувствовал после того, как стал заниматься деревом. Я полюбил его за живую плоть и за его пластические возможности. К деревьям у меня особое отношение. Среди детей земли эти творения мне кажутся самыми благородными. Гордо и смиренно они живут в этом мире. Щедро отдают свою красоту и себя. Чистые образцы идеального бытия на земле.

Каждое дерево — это изваяние жизни, созданное природой. Становясь материалом после гибели, дерево продолжает вторую жизнь в руках человека. И дать материалу душу, узаконить его вторую жизнь, преобразовать его, не разрушая, есть работа скульптора. Мы желаем, если можно так сказать, внуков природы. Участь у нее, известным образом подражая ей, мы пытаемся вплести в ткань материала свое понимание явлений, давая им те или иные названия. У каждого художника, несмотря на течения и моду, есть свой опыт, отличный от всех. Дело не в наличии тех либо иных приемов и даже не в ориентации на те или иные школы, или отдельных мастеров, а, скорее, в окраске и силе той энергии, тех импульсов душевных, что заставляют брать в руки топор и диктуют мотивы для изображения. Более всего меня волнуют мотивы — воспоминания пражизни, изначальные истоки ее, какие-то стержневые человеческие состояния, лишенные суесть, глубинные черты бытия, что составляют человеческое в людях.

Скульптура — это язык молчания и неподвижности. Возможно ли твердым неподатливым материалом вымолвить то, что требует долгой самостоятельной жизни среди вещей, людей, строений — в жизненной среде?

Многим это все же удавалось. Надеюсь и я.

Не позднее 1994 г.

Бронза

Если дерево дает некую (спасительную) заданность: ствол, структура и т. д., некую пластическую направленность (как камень — блоком), то бронза предназначена для "свободного полета", поскольку таит в себе без-

граничные вариации и возможности. Как тут не вспомнить определение свободы — "Сущность свободы в том, как ею пользоваться".

Это что — мягкий материал или твердый? Когда в форму льется солнце — это чудо. Когда снимается шлак и дорабатывается, доковывается, приваривается — это творческий, но чернорабочий процесс. А остается незабываемым твоё "лепление", твоё понятие пластики. Вернее, то, что остается, скованное, ограниченное твоими понятиями.

А еще остается сладостное и манящее ощущение свободы и безграничной новизны.

Отрывок из письма к сыну

...Смотри на мир широко открытыми глазами. Как сказал мудрец: "Смотри на мир четырьмя глазами: глазами холодного скепсиса и очарованного восторженного ребенка".

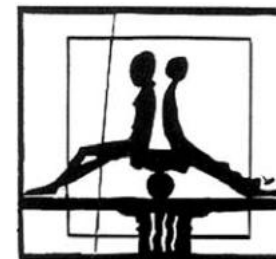
Homo ludens — человек играющий — подчас такое определение всего более подходит нам, артистам, людям, которых Господь отпускает для творчества, для осмысления и совершенствования того, что сделано Создателем не только для житейской рутины. И какое счастье — состояться в этом! И жить так, чтобы в будущем без страха, а в прошлое — без стыда.

Отрывок из стихотворения*

Улетающий узор
Невесомой занавески,
Очертания домов.
Кухни, погреба, деревьев,
Звон под крышей воробьев.

Известковая стена
Ослепительна под солнцем.
Вся смородина в цвету.

Профиль в небе самолета —
как летящая нога
или валенок летящий.



* Напечатано в сб.: "Alter ego" и "Стихотворения".

В это утро, в этот день,
В этот день, как мед
прозрачный,
В этот звон неторопливый,
в бесконечный разговор.

Как все это прекратилось
как я с вечностью расстался —
я не помню.

Мне напомнил утро детства
Воробьиный крик под
крышей,
Утро летнее, окно,
Улетающий узор
Невесомой занавески.



Записи последних месяцев

...странное дело, рядом с таким ярким явлением — южнорусской школой живописи — скульптура в Одессе как бы и не заметна. Я объясняю это бурным строительством Города, где скульпторы были особо востребованы, и некогда им было участвовать в выставках. Лепнина на домах — кариакиды, атланты, многочисленные рельефы, повсеместный декор — вот что занимало одесских скульпторов (за исключением 1-2 мэтров — Эдуардса, Мормоне и др.). Опять же — кладбище, надгробия... В советское время — монументы, те же рабочие-колхозницы, тот же декор. И только необходимость участия в тематических выставках (за что принимали в Союз художников) выявляла имена скульпторов. Впрочем, от них много и не требовалось — головы вождей, те же шаблонные сюжеты доярок, рабочих, военных и т. д.

Меня же долбали за нетрадиционный подход к скульптуре, за тематику, за то, что "це нам чужое"...

К. Костанди и традиции

Но как нагляден одесский пример! Мощно утвердившаяся на рубеже веков южнорусская школа во главе с К. Костанди (так же, как барбизонская

во Франции), безусловно являлась новаторской. Эллинские корни прижились, освоились на почве Причерноморья. Удачная селекция рождающегося края. Иначе и быть не могло, поскольку Город возникал подобно чуду осуществления человеческой мечты, где терпимость, человечность, труд, красота, любовь и свобода — были питательной средой для созидательного роста. Как сказала когда-то О. С. — "Мы — средиземноморцы".

Но почти сразу же (в 1909-1910 гг.) появляется ниспровергатель всего и вся Издебский, организовавший свои знаменитые Салоны. (...) За ним следует Кандинский и К° — это уже мировые явления... Обеспеченный советизмом полный провал, и на фоне почти погибающего искусства 50-х — появляется Юрий Егоров и те, кого О. С. отнесла к "кругу Егорова". Те, кто подтвердил живучесть начал, рожденных южнорусской школой живописи. Традиции, заложенные Костанди как в Одесской рисовальной школе, так и в мире искусства Города, явились настолько прочными и жизнеспособными, настолько динамичным оказался консерватизм (а он заключается в одном: в высоком служении художественной правде!), что, пробив мертвую кору официзма, возникли достойные продолжатели. Самым ярким и живым примером есть и остается творчество Ю. Егорова, полстолетия держащего планку высокого служения искусству.

О Хруще, о Людочке Ястреб

Таким людям первого порядка нечего бояться — у них нет страха. Проснувшаяся в молодых жажда творчества дает им отвагу видеть правду. Коротко, но подобное испытали многие. Даже я доверял своим рукам больше, чем опыту, мозгам. Таким сейчас пребывает Клим (сын Н. Степанова. — О. С.).

Таким сохранил себя Егоров — великий человек, гений.

А Людочка пронеслась, как белый ангел.

"Белая птица андеграунда", — назвала ее Олечка Савицкая.

.....

С как бы ненужной котомкой
Бомжик сидит кротко.
Плачет?
Нет, в тряпочку кашляет
Что-то с утра ему кашляется.

В мире своем тонком,
В уголочке укромном

Отплакался он, отжился,
Отстранился, отнищался,
И — даст Бог — откашляется.

Июль 2002 г.

.....

Говорят (и это сильно похоже на правду), что скульптура — языческое искусство. Красота погружается сама в себя. Спокойное наслаждение, ведущее за собой красу и негу языческого мира.

* * *

Скульптура проста, как природа. Особенно, когда не умничаешь. Впрочем, все значительно сложнее...

"Динамический консерватизм — это осознание нашего внутреннего мистического ядра". (Свиридов.)

.....

Античный автор сказал: "Пусть одно из твоих весел касается песка". Это сказано о традициях в искусстве.

.....

Авангард — это передовой отряд. Много ли чести быть первым на пути в бездну?

.....

Что делать, ведь существуют же такие вещи, странные, ни чем не объяснимые, не управляемые, как мечты, фантазии и просто свое видение мира.

Подготовка к публикации Ольги САВИЦКОЙ

"Козлиная песнь" Зеэва Жаботинского

При всем блеске сионистских достижений Жаботинского, его подлинная биография — это во многом повесть о недоиспользованной жизни, о нереализованных возможностях, о потенциальных векторах судьбы, затерявшихся в злободневной политической сумятице. В качестве значимой проблемы я мог бы указать на некоторые перспективы, таившиеся в его эссеистике. Жаботинский был человеком право-либерального (на русском фоне — околокадетского), рационально-консервативного направления. Казалось бы, меньше всего позволительно вменять ему — просвещенному, трезвому и, главное, национально-ориентированному еврею XX века — романтико-католическую ностальгию по европейскому Средневековью. А между тем к этой, не самой уютной для евреев, эпохе он относился с какой-то душевной симпатией, о чем свидетельствуют и очерк "Advocatus Diaboli", и сюжетно связанный с ним рассказ "В темные века". Оба сочинения вполне могли бы принадлежать его старшему современнику Честертону, католическому апологету Средневековья. При известном англофильстве Жаботинского такое сходжение представляется не столь уж удивительным — особенно, если принять в расчет, что почти все годы Первой мировой войны в качестве корреспондента "Русских ведомостей" провел в Англии и очень пристально следил за культурной жизнью страны; но сходство коренится гораздо глубже. Конечно, здравомыслящий, хладнокровный и скептический Жаботинский был крайне далек от любой формы религиозной экзальтации (порой он даже бравировал своим либеральным вольнодумством или безбожием). Однако и католицизм Честертон проникнут родственной стихией здравого смысла, английского common sense, только поддержанного на сей раз томистской традицией и ясной аристотелевой логикой. Его знаменитые парадоксы обусловлены этим диктатом напористой рассудительности и выверены ее мерой. Но разве иначе обстоит дело с Жаботинским? Временами он буквально неотличим от английского автора — например, от эссе последнего, собранных в книге "Вечный человек". В нее могло бы совершенно органически вписаться, допустим, следующее рассуждение Жаботинского: "Душа" человеческой массы не всегда определяется программными ярлыками, которые она приемлет или отвергает. Целый народ иногда кричит: "Хлеба и зрелищ!", а потом оказывается, что главной чертой эпохи была тогда жажда новых религий. Далеко не всегда люди, особенно в юности,

В мире своем тонком,
В уголочке укромном

Отплакался он, отжился,
Отстранился, отнищался,
И — даст Бог — откашляется.

Июль 2002 г.

.....

Говорят (и это сильно похоже на правду), что скульптура — языческое искусство. Красота погружается сама в себя. Спокойное наслаждение, ведущее за собой красу и негу языческого мира.

* * *

Скульптура проста, как природа. Особенно, когда не умничаешь. Впрочем, все значительно сложнее...

"Динамический консерватизм — это осознание нашего внутреннего мистического ядра". (Свиридов.)

.....

Античный автор сказал: "Пусть одно из твоих весел касается песка". Это сказано о традициях в искусстве.

.....

Авангард — это передовой отряд. Много ли чести быть первым на пути в бездну?

.....

Что делать, ведь существуют же такие вещи, странные, ни чем не объяснимые, не управляемые, как мечты, фантазии и просто свое видение мира.

Подготовка к публикации Ольги САВИЦКОЙ

"Козлиная песнь" Зеэва Жаботинского

При всем блеске сионистских достижений Жаботинского, его подлинная биография — это во многом повесть о недоиспользованной жизни, о нереализованных возможностях, о потенциальных векторах судьбы, затерявшихся в злободневной политической сумятице. В качестве значимой проблемы я мог бы указать на некоторые перспективы, таившиеся в его эссеистике. Жаботинский был человеком право-либерального (на русском фоне — околокадетского), рационально-консервативного направления. Казалось бы, меньше всего позволительно вменять ему — просвещенному, трезвому и, главное, национально-ориентированному еврею XX века — романтико-католическую ностальгию по европейскому Средневековью. А между тем к этой, не самой уютной для евреев, эпохе он относился с какой-то душевной симпатией, о чем свидетельствуют и очерк "Advocatus Diaboli", и сюжетно связанный с ним рассказ "В темные века". Оба сочинения вполне могли бы принадлежать его старшему современнику Честертону, католическому апологету Средневековья. При известном англофильстве Жаботинского такое сходжение представляется не столь уж удивительным — особенно, если принять в расчет, что почти все годы Первой мировой войны в качестве корреспондента "Русских ведомостей" провел в Англии и очень пристально следил за культурной жизнью страны; но сходство коренится гораздо глубже. Конечно, здравомыслящий, хладнокровный и скептический Жаботинский был крайне далек от любой формы религиозной экзальтации (порой он даже бравировал своим либеральным вольнодумством или безбожием). Однако и католицизм Честертон проникнут родственной стихией здравого смысла, английского common sense, только поддержанного на сей раз томистской традицией и ясной аристотелевой логикой. Его знаменитые парадоксы обусловлены этим диктатом напористой рассудительности и выверены ее мерой. Но разве иначе обстоит дело с Жаботинским? Временами он буквально неотличим от английского автора — например, от эссе последнего, собранных в книге "Вечный человек". В нее могло бы совершенно органически вписаться, допустим, следующее рассуждение Жаботинского: "Душа" человеческой массы не всегда определяется программными ярлыками, которые она приемлет или отвергает. Целый народ иногда кричит: "Хлеба и зрелищ!", а потом оказывается, что главной чертой эпохи была тогда жажда новых религий. Далеко не всегда люди, особенно в юности,

точно понимают, чего они жаждут; а именно эта жажда, именно вкусы и аппетиты поколения больше всего определяют его "душу".

Как и Честертон, он с гуманистическим участием защищает презируемые снобами массовые, народно-мещанские виды искусства, наподобие мелодрамы или развлекательного кинематографа. Если Честертон воспел незаметного "простого человека" как брата во Христе, который заслуживает самого уважительного внимания, то Жаботинский занимается сходной переоценкой ценностей, исходя из своего, в чем-то "буржуазного", стремления к точности и справедливости, превосходно ужившегося, впрочем, с романтическим настроем. Он и впрямь эпатажно восхвалял буржуазию в эпоху, когда само это слово считалось ругательным, охотно и с вызовом подчеркивая свою принадлежность именно к этому презренному классу.

Внутренние дихотомии того или иного рода свойственны, конечно, любой значительной личности. У Жаботинского ощутим, среди прочего, постоянный контраст между его декларативным почтением к маклеру, хлеботорговцу, коммивояжеру, вообще к людям, стоявшим за гранью интеллигентской культурной иерархии, — и божественной или полубожественной безыгнорностью самого автора. Напор национальной и личностной гордыни, тон харизматического наставника неизменно чередуется у него с самым настоящим культом деликатной отстраненности, незаметности, маргинальности. Его любимая литературно-публицистическая позиция — это амплуа скромного, порой даже смиренного, но при этом всегда внимательного, добросовестного и благодарного слушателя, который охотно предоставляет слово более компетентному оппоненту. Бывает, что он просто бравирует своей гротескной неосведомленностью — утверждая, например, будто не знает, где находится Дамаск. Иногда он принимает на себя чуть ли не роль туповатого доктора Уотсона, роль послушного и любознательного ученика — так происходит, скажем, в новелле "Завоеватель" (1915), где должность житейского учителя отведена хитрому, смышленому и энергичному австрийскому коммивояжеру (рассказчика ничуть не смущает даже его приверженность знаменитому венскому антисемиту д-ру Люэгеру). Но еще чаще Жаботинский-эссеист являет собой едва ли не сионистскую разновидность патера Брауна — с такой готовностью готов он ступешаться, отступив в угол для удобной и отчетливой фиксации происходящего. Я говорю не только о контраверсальной поведенческой стилистике. Подчеркнуто плебейские симпатии совмещаются у Жаботинского с горделивым аристократизмом, а демократические

убеждения — с харизматическими амбициями и восхвалением монархической иерархии. Характерным для него парадоксом стала и сионистская военизированная молодежная организация "Бейтар", которую он возглавил. Либерально-демократический и насквозь, казалось бы, "приземленный" Жаботинский видел в ней прообраз грядущего еврейского дворянства, проникнутого духом величия и благородства, — тем, что на иврите обозначалось непривычным словом "адар". Значимо, однако, что контуры этого идеала можно обнаружить уже у Ницше в "Так говорил Заратустра": "О, братья мои, необходима новая аристократия, которая будет противником всякой черни и всякого деспотизма и на новых скрижалях начертает слово "благородство". Пацифист, Жаботинский был одним из виднейших инициаторов возрождения еврейских воинских доблестей, реализовавшихся в Еврейском легионе и последующих формированиях. Панегирики диктатуре могут сочетаться у него с презрительной неприязнью к фашистской тирании — например, к владычеству Муссолини, отворотившему его от некогда любимой Италии (на этот счет он, кстати, расходился с Честертоном, поклонником дуче).

Похожей двойственностью отмечены его национальные предпочтения. С одной стороны, это убежденный поборник "железной стены" и "межевого знака" между этносами, проповедник царственной обособленности нации, которой надлежит созидать свой собственный дом; с другой — утопист, грезящий о грядущем слиянии народов ("Правда об острове Тристан-да-Руния"). Но зачастую итог подобного расового смешения третируется им как отталкивающий "рабский сброд". Как очень многие мыслители довоенного времени, Жаботинский отдал некоторую, хотя не слишком броскую дань популярным расовым теориям и теме "чистоты крови"; но сам же нередко подсмеивался над нею. Так, в романе "Самсон Назорей" (1926), он, следуя тогдашним расовым клише, несколько презрительно, хотя без особого нажима, изображает негроидную "ханаанейскую расу" (потомки библейского Хама), влившуюся в состав древнего еврейства, — "толстогубых и пучеглазых" людей, в основном, туземных женщин. Смешение с нею должно, вроде бы, привести к деградации Израиля; а на деле оно, напротив, приветствуется, причем Самсон сравнивает Израиль с солью, которая, растворяясь в бочке с водой, сообщает ей свой вкус. Но те же точно черты "туземной расы" маркированы в облике самого героя, наделенного "пренебрежительно выпяченной нижней губой". Совершенно очевидно, что эта (и прочие ханаанские приметы — "покатый лоб, глаза навывкате, страстная полно-

та губ" — складываются в автопортрет Жаботинского; и те же признаки очень заметны в облике его матери.

Столь примечательна и малопrestiжная специдентификация говорит о многом — и прежде всего, о готовности предпочесть своему, неказистому, чужое как нечто заманчивое и увлекательное. И действительно, обладая отчетливым, в сущности романтическим, ощущением своей индивидуальной выделенности, этот полиглот и великолепный журналист в то же время сходу адаптировался к любой языковой и социальной ситуации, спонтанно устанавливая контакт с любым человеком. Непревзойденным шедевром литературной протейности служит его ранняя стихотворная пьеса "Чужбина" (1908), где виртуозно имитируются всевозможные этнические и групповые идиолекты. Этим же даром он наделил своего Самсона, который славится потрясающим умением воспроизводить любой говор, голос любого человека (а заодно рев, рычание и писк любого зверя, пение любой птицы). Талант имитации может найти и практическое применение: благодаря ему, властный герой обладает магической способностью привлекать к себе самые разные сердца, зажигая в них восторженный и созвучный отклик (более подробный анализ позволил бы продемонстрировать, насколько Самсон в этом смысле тождествен революционному "атаману", о котором тоскует один из персонажей "Чужбины" — Степа: "Шоб степом од его пахло, Волгой для кацапов, шоб он нас само тым пахом аж за кишки злапав...").

Сам Жаботинский вечно раздваивался между тягой к полифоническому универсализму и своим сионизмом, носившем во многом программно-рассудочный, а не эмоциональный характер. Одна из наиболее известных констант его творчества — образ чужака и мотив чуждости, одновременно влекущей к себе и обособляющейся от смешения. Сборник его ранних стихотворений и переводов, выпущенный в 1930 в Париже, заканчивается романтическим "Горбуном" — и его финальными строками:

И прослывет ничьей могила;
и хорошо. Мне все равно.
*Моя душа вас не любила,
вы мне чужие...*

А вот как описана у Жаботинского беседа плененного филистимлянина Самсона с их князем — "сараном", расположенным к этому богатырю из колена Данова:

"— Ты им чужой... совсем чужой сердцем и обычаем", — говорит саран Самсону.

И далее:

"— Но нас ты любишь, — сказал саран.

— Вас я люблю, — подтвердил Самсон. — *Дана зато не люблю, его родичей ненавижу*".

Говоря об этом романе, нельзя не остановиться на его эротическом сюжете, пронизывающем, впрочем, вообще все творчество Жаботинского. Как правило, любовные ситуации в его прозе (да и в поэзии) сопряжены с каким-либо запретом. Героя (обычно самого рассказчика) и его возлюбленную разделяет национальная, социальная, возрастная либо даже какая-то этическая дистанция, преодоление которой носит трагический или травмирующий характер.

К примеру, в "Чужбине" ассимилированный, хотя и сионистски настроенный герой Гонта, снабженный автобиографическими признаками, влюбляется в русскую девушку Наташу, с которой встретился на Волге. Он малодушно скрывает от нее свою национальность, выдавая себя за русского, но к концу действия она узнает шокирующую ее правду. Герой рассказа "Edmée", пожилой доктор, влюбляется в очаровательную 12-летнюю Эдмэ, "маленькую женщину", дочь французского консула. Но Лоли-ты из героини не получилось; покидая город и весьма по-светски прощаясь с симпатичным доктором, она неожиданно прибавляет: "Тут всегда масса евреев. Они такие вульгарные, я не выношу. А вы?". В рассказе "Белка" 7-летний мальчик влюбляется в 11-летнюю девочку — но та, узнав о его чувстве, яростно колотит героя, хватая его за волосы — вроде того, как хватает в романе за волосы спящего Самсона ревнивая филистимская Далила, собираясь выдать его врагам. У Жаботинского она представлена как младшая сестра любимой супруги героя — Смадар, гибнущей за него. Вообще говоря, у Жаботинского женский образ постоянно расслаивается на жестокую или коварную соблазнительницу — и подвижницу, которая приносит себя в жертву герою или своим близким. Так в повести "Пятеро" поступает, спасая сына, Маруся. Вместе со всей своей семьей она принадлежит, казалось бы, к безнадежно ассимилированному слою еврейства — но сама эта ассимиляция придает особое обаяние персонажам, олицетворяющим томительный соблазн отчуждения. И там же изображена любовная связь между циничным артистическим шалопаем Сережей и женской парой — матерью и дочерью (Нюра и Нюта) — "афинские ночи или, если угодно, содомские ночи", комментирует рассказчик. Оба эти уточнения оправданы мифологическим подтекстом. Супруг Нюры и

отец Нюты ослепляет Сережу, плеснув ему в глаза серной кислотой. Несколько лет назад в устном сообщении Майя Каганская весьма убедительно показала, что здесь разыгран сюжет об Эдипе. Думаю, однако, что с таким же правом можно напомнить и об ослеплении грешников Содомы, нарушивших эротическое табу (да и соответствующая глава романа называется "Гоморра"). Наконец, необходимо принять в расчет еще один библейский аспект сюжета. Повесть, написанная поборником сионистского Исхода, рассказывает об альтернативной версии национальной судьбы — о гибельной участи еврейства, предавшегося течению чужой жизни. Перед нами некая негативная фаза библейской темы. В кн. Левит Бог наставляет Моисея, как должен вести себя народ Израйля, вступив в Землю Обетованную; вместе с запретом на прелюбодеяние тут жестко табуируются и "афинские ночи": "И с женою ближнего твоего не ложишься"; "Наготы жены и дочери ее не открывай" (Лев. 18:17, 20) — и затем: "Не оскверняйте себя ничем этим, ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас: и осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие ее, и свергнула с себя земля живущих на ней. А вы соблюдайте постановления Мои и законы Мои и не делайте всех этих мерзостей... ибо если кто будет делать все эти мерзости, то души делающих это истреблены будут из народа своего" (Лев. 18:24-25, 27-29). Но не такова ли и участь Самсона Назорея, ослепленного уже на Земле Обетованной теми самыми филистимлянами, к которым он так тянется у Жаботинского и обычаи которых перенимает?

В целом этот роман представляет собой некое посредующее звено меж библейской героиней Хаскалы (которая противопоставляла себя сухой, бесплодной раввинистической казуистике) и героиней сионистской, вернее, право-сионистской — ревизионистской. (К слову сказать, самое название родного города Самсона — *Цора* — должно было ассоциироваться у Жаботинского с названием его собственной организации: Ха-Ционим ха-ревизионистим, сокращенно *Цоар*; сложилась она к тому самому 1925 году, когда он приступил к работе над романом.) Однако при более тщательном рассмотрении в "Самсоне", как и в более позднем "Пятеро", проступают глубинные мифологические пласты, далекие от библейских мотивов. Я подразумеваю, в первую очередь, тот эллинистический слой, о котором, с присущей ей проницательностью, говорит М. Каганская применительно к "Пятеро". Сюжет последнего она прослеживает в древнегреческой трагедии рока, стимулом для которой служит здесь антично-средиземноморская аура Одессы. Возвращаясь к "Самсону", я должен заме-

тить, что мои собственные наблюдения над ним безоговорочно подтверждают этот вывод, намечая для него дополнительные перспективы.

Начну с того, что герой, постоянно раздваивающийся между суровым и полудиким бытом колена Данова и лучезарной, жизнерадостной культурой языческой Филистии, получает у филистимлян второе имя — *Та-иш*, т. е. козел. С учетом маркированной "косматости" и мощной, свирепой витальности героя становится ясно, что он выступает как ипостась Диониса (козел — священное животное и символ этого бога); а вместе с тем, вероятно, он представляет местный ханаанский культ плодородия, по своему адаптированный иудаизмом. Дионисийским началом обусловлено магическое буйство героя, а равно его оборотничество, ясно сквозящее в имитаторских дарованиях и постоянной маскировке Самсона. Кроме того, дионисийская стихия воплощает в себе дух владычества, сопряженный со всем обликом Самсона и запечатленный в "монарших" аспектах его личности (герой представляет собой как бы некий прообраз того грядущего царя, о котором он говорит незадолго до своей смерти). Одновременно Самсон совершенно отчетливо принимает роль храмового "козла отпущения", погибающего за весь народ: "Из забытых подвалов сознания взвилась, опьяняя, вечная тоска о царе, тайное томление всякой массы — ...сбросить муку заботы на одни чьи-то плечи". Разумеется, сюжет отнюдь не исчерпывается одними лишь мифологемами как персональными, так и общего свойства. Роман подернут геополитическими мечтаниями и не чужд духу политической интриги. Сама вражда-дружба героя с филистимлянами мотивирована не только его спонтанным влечением к чужой жизни, но и вполне практической задачей. Филистимляне обладают монополией на производство железа и изготовление мечей, обеспечивающей их превосходство над Израилем; быть может, еще важнее то, что их господство зиждется на образцовом административном порядке, на чувстве меры, счете и гармонии; они наделены всеми эллинскими добродетелями ликующего солнечного духа (показательно, что как раз со своего Самсона Жаботинский старательно совлекает приметы солярного происхождения, которые традиционно ему приписывались). Если вернуть сюжет к его мифологическим установкам, то это значит, что филистимля-

⁷ Однако в фольклоре козел, как известно, амбивалентен — наряду с сакральностью он вбирает в себя черты профанно-шутовского, травестийного ряда; его сексуальная плодovitость может получить обесцененную трактовку. Эта двойственность постоянно просвечивает и в романе Жаботинского, где герой, призывающий еврейские племена сплотиться под царской властью, сам же словно пародирует эту мечту, комически изображая сходку зверей, избирающих своим царем старого козла.

не приобщены к средиземноморско-эллинистическому идеалу — и здесь "Самсон" вновь аukaется с "Пятеро". Правда, сами они называют себя не греками, а "выходцами из разрушенной Трои", но кажется, это различие не слишком занимает автора. Тесть героя (отец Смадар), подробно и горделиво повествующий об истории своего народа Самсону, даже носит имя Бергам — конечно, в память о троянском Пергаме. Тем самым апеллирующий к библейскому тексту эпизод с убийством жены Самсона и ее отца проецируется на крушение Трои, сожженной ахейцами, а Смадар напоминает о Прекрасной Елене. Главного друга, соперника и врага Самсона в филистимском стане, сраженного им в свирепой схватке, зовут *Ахтур* — то бишь, *Гектор* (ср.: "И до сих пор филистимская знать дает своим детям имена троянских царей, принцесс и героинь"). Неудивительно, что говоря о "гибели Бергамова дома", Жаботинский тоже стилизует эту историю под гомеровский слог. Но главное, что весь образ сверкающей и упорядоченной филистимской цивилизации проникнут солярно-аполлонической символикой (хотя и с некоторой примесью аграрных и смягченно дионисийских элементов). Покровителем Гектора — и, следовательно, его премника Ахтура — является Аполлон. Соответственно, свирепые воинские подвиги "косматого", яростного Самсона подтягиваются к канонической антитезе, выстроенной Фридрихом Ницше в "Рождении трагедии из духа музыки" — т. е. к борьбе Диониса с Аполлоном. Вернее будет сказать, что эта чрезвычайно сложная ницшеанская антиномия здесь крайне упрощена и, так сказать, политизирована — в согласии с общей "приземленностью" Жаботинского, чужавшегося любой мистики. При всем том, можно заподозрить тут некое посредство со стороны Акима Волынского (с которым Жаботинский встречался) и Вячеслава Иванова; автору "Самсона" мог импонировать его политический образ — типаж культурного консерватора и умеренного националиста, ориентированного на античное наследие. Но и без такого содействия вполне естественно было бы допустить прямое знакомство Жаботинского с творчеством немецкого философа, особенно в атмосфере тогдашнего культового ницшеанства. Национально-ориентированных еврейских идеологов, включая некоторых иудейских ортодоксов, певец сверхчеловека притягивал своим юдофильством, неприязнью к христианству и презрением к антисемитам. Воздействие Ницше ощутимо у некоторых представителей нашего "национального возрождения" первых десятилетий 20-го века. Да Жаботинский и сам в "Пятеро" вспоминает о своем достаточно основательном интересе к Ниц-

¹Как известно, Аким Волынский легко опознается в одном неназванном персонаже "Пятеро".

ше, о философии которого он рассказывал одному знакомому целый вечер: "Это было не трудно: мода на Ницше тогда только что докатилась до России, о нем уже три доклада с прениями состоялись у нас в "Литературке"; книги его были у меня; все ли были тогда разрезаны, ручаться не стану, но рассказать своими словами — пожалуйста". Очевидно, книга о Заратустре принадлежала как раз к числу "разрезанных" — чтобы убедиться в этом, нам потребуется лишь сопоставить некоторые его речения с репликами Самсона.

Так говорил Заратустра

"Разумеется, кто никогда не жил вовремя, как же тому умереть вовремя? Пусть бы он лучше никогда не родился! — Вот мой совет лишним".

Самсон Назорей

"Никто не умирает раньше времени. Но лучше было бы для человека умереть до своего часа, чем жить, когда его час прошел".

Уместно также сравнить наставление о женщинах, с которым обращается Заратустра к воину, и беседу богатыря Самсона с влюбленной в него иудейской девушкой Карни; при этом у Жаботинского переименовывается, попадая в ницшеанский контекст, и знаменитая библейская загадка Самсона "из *сильного* вышло *слабое*".

"Заратустра"

"Что такое женщина для мужчины? Настоящий мужчина хочет двух вещей: опасности и *игры*. Поэтому ему хочется женщины как самой опасной *игрушки* (...) Слишком сладкие плоды не нравятся воинам. Потому ему нравится женщина. *Горечь есть и в самой сладкой женщине*... Пусть женщина будет *игрушкой чистой и нежной*".

Любовные диалоги в "Самсоне"

— "Филистимские девушки игривы... — и я люблю их *игру*... Но то, что в тебе, слаще их *игры*"; — "*Из сладкого выйдет горькое*". И снова: — "Но это должны быть именно *игрушки, легкие, веселые*". — "*В самом сладком лакомстве иногда таится отрав*а — так же точно, как в ласке блудницы часто прячется предательство".

Есть в книге Жаботинского и ницшеанская "смерть богов", а пренебрежительное описание иудейских пророков напоминает главу Ницше "О священниках". Перепевами "Заратустры" отдают и все те сцены романа,

где Самсон выведен в должности судьи, превращающего свои суровые приговоры в назидание. Каждый, кто читал книгу Ницше, опознает ее жестокую этику в этих вердиктах Самсона. Он присуждает победу в судебном споре тому, кто более жесток и напорист — а проигравшего, отверженца разумных уступок и честных компромиссов, поучает: "Когда будешь тебя дубиной, хватай тоже дубину, а не трость камышовую. Ступай; вперед будь умнее, и научи этому остальных людей твоего города". (Та же мысль звучала еще в давней статье Жаботинского "Вместо апологии"). Другому, столь же покладистому любителю справедливости, Самсон говорит: "Раз ты сам уступаешь, спор кончен, и судье нечего делать... Иди; и вперед никогда не уступай". Точно так же прямой цитатой из "Заратустры", из его призывов к твердости, властолюбию и "умению смеяться", звучит предсмертный завет Самсона своему народу: "Чтобы копили железо; чтобы выбрали царя; и чтобы *научились смеяться*".

Впрочем, что касается "железа", то здесь Жаботинский примечательным образом сходится с советской сталелитейной темой, с темой "перековки" и создания нового человека. Он дает как бы сионистский вариант для этой советской версии ницшеанства. Однако его Самсон бесконечно далек от индустриального социалистического коллективизма — и в этом своем трагическом одиночестве вновь смыкается с героем Ницше. В конце концов, Жаботинский остался чужаком и в сионистском движении.

Что уцелело от его заветов? Мы не нуждаемся сегодня в железе, и у нас по-прежнему нет царя. Остальное актуальнее, чем когда-либо. Дай нам Бог не разучиться смеяться.

Иерусалим



Нетерпение Перца

(Почти по Стефану Цвейгу)

Портрет "семьи" художника

Хрен его знает, хороший ли он художник. Но то, что разный — как пить дать. А пить он таки дает. Себе и людям. Хотят они того или нет. Не очень спрашивает, просто поддает газу. Газирует стоячие поверхностные воды. А то так бульбы пускает, чтоб форму не потерять. Нравится, не нравится — пузырись, моя красавица. Обитает-то каждый из нас в своем изолированном ведре.

Шурик Ройтбурд — такой особенный дрожжевой грибок. Хорошо бы им что-нибудь забодяжить. Закваску забульбенить погуще, безжалостно к компонентам. Чтоб всё там, в бадье, ходило-бродило котом ученым по имени Леший. Котом профессорски пучеглазым, одновременно лоснящимся и несколько потасканным за разные места, включая хвост. Шурик напишет же однажды по моей наводке (на водке) свой изоморфный образ — вот такой, котячий, на дубе том, у Лукоморья.

Из телефонной трубки вываливается шершавый Шуриков язык, врасплох приятно щекоча "перепончатые барабанки". "Учитель, — изрекает Ройтбурд со всею опереточной подлостью в голосе, на какую только способен в этот полночный час, — тридцать литров вина запроважены в планшеты, аки космические карты. Ожидается штурман Губарь — для приготовления одноименного напитка". Голому неймется заняться самогонованием по моей методике. Догнать и перегнать... вино в граппу. Вот он всегда такой нэтэрплячий. А давеча, в сорокаградусную жару, надумал осуществить наш совместный арт-проект по перегонке пива в виски или — во что получится. "Ты там смотри, — наставляю, — народ не взорви. Ты газ из пива выпустил?" — "Слушаюсь и повинуюсь, Учитель". И кладет трубку, чтоб я не услышал грома небесного.

Направляюсь собирать трупы. Разрекламированный кулибиными и ползуновыми со Староконного самогонный агрегат эстетичен, как бронепоезд. Во все стороны торчат мелкокалиберные орудия. Полуголые каноны и матросы Железняковы с вопросами и без вертятся на перроне. Пахнет псиной и козлом в ассортименте. Во взоре Шурика — неподдельное страдание Фултона в канун спуска и запуска колесного (трехколесного?) парохода. Всегдашние варварки (потенциальные, то бишь доброволь-

где Самсон выведен в должности судьи, превращающего свои суровые приговоры в назидание. Каждый, кто читал книгу Ницше, опознает ее жестокую этику в этих вердиктах Самсона. Он присуждает победу в судебном споре тому, кто более жесток и напорист — а проигравшего, отверженца разумных уступок и честных компромиссов, поучает: "Когда будешь тебя дубиной, хватай тоже дубину, а не трость камышовую. Ступай; вперед будь умнее, и научи этому остальных людей твоего города". (Та же мысль звучала еще в давней статье Жаботинского "Вместо апологии"). Другому, столь же покладистому любителю справедливости, Самсон говорит: "Раз ты сам уступаешь, спор кончен, и судье нечего делать... Иди; и вперед никогда не уступай". Точно так же прямой цитатой из "Заратустры", из его призывов к твердости, властолюбию и "умению смеяться", звучит предсмертный завет Самсона своему народу: "Чтобы копили железо; чтобы выбрали царя; и чтобы *научились смеяться*".

Впрочем, что касается "железа", то здесь Жаботинский примечательным образом сходится с советской сталелитейной темой, с темой "перековки" и создания нового человека. Он дает как бы сионистский вариант для этой советской версии ницшеанства. Однако его Самсон бесконечно далек от индустриального социалистического коллективизма — и в этом своем трагическом одиночестве вновь смыкается с героем Ницше. В конце концов, Жаботинский остался чужаком и в сионистском движении.

Что уцелело от его заветов? Мы не нуждаемся сегодня в железе, и у нас по-прежнему нет царя. Остальное актуальнее, чем когда-либо. Дай нам Бог не разучиться смеяться.

Иерусалим



Нетерпение Перца

(Почти по Стефану Цвейгу)

Портрет "семьи" художника

Хрен его знает, хороший ли он художник. Но то, что разный — как пить дать. А пить он таки дает. Себе и людям. Хотят они того или нет. Не очень спрашивает, просто поддает газу. Газирует стоячие поверхностные воды. А то так бульбы пускает, чтоб форму не потерять. Нравится, не нравится — пузырись, моя красавица. Обитает-то каждый из нас в своем изолированном ведре.

Шурик Ройтбурд — такой особенный дрожжевой грибок. Хорошо бы им что-нибудь забодяжить. Закваску забульбенить погуще, безжалостно к компонентам. Чтоб всё там, в бадье, ходило-бродило котом ученым по имени Леший. Котом профессорски пучеглазым, одновременно лоснящимся и несколько потасканным за разные места, включая хвост. Шурик напишет же однажды по моей наводке (на водке) свой изоморфный образ — вот такой, котячий, на дубе том, у Лукоморья.

Из телефонной трубки вываливается шершавый Шуриков язык, врасплох приятно щекоча "перепончатые барабанки". "Учитель, — изрекает Ройтбурд со всею опереточной подлостью в голосе, на какую только способен в этот полночный час, — тридцать литров вина запроважены в планшеты, аки космические карты. Ожидается штурман Губарь — для приготовления одноименного напитка". Голому нейдет заниматься самогонованием по моей методике. Догнать и перегнать... вино в граппу. Вот он всегда такой нэтэрплячий. А давеча, в сорокаградусную жару, надумал осуществить наш совместный арт-проект по перегонке пива в виски или — во что получится. "Ты там смотри, — наставляю, — народ не взорви. Ты газ из пива выпустил?" — "Слушаюсь и повинуюсь, Учитель". И кладет трубку, чтоб я не услышал грома небесного.

Направляюсь собирать трупы. Разрекламированный кулибиными и ползуновыми со Староконного самогонный агрегат эстетичен, как бронепоезд. Во все стороны торчат мелкокалиберные орудия. Полуголые каноны и матросы Железняковы с вопросами и без вертятся на перроне. Пахнет псиной и козлом в ассортименте. Во взоре Шурика — неподдельное страдание Фултона в канун спуска и запуска колесного (трехколесного?) парохода. Всегдашние варварки (потенциальные, то бишь доброволь-

ные жертвы Шуриковой потенции) населяют обернувшуюся вокзалом (сералем? караван-сараем?) кухню. Как в том анекдоте: глядишь — амазонки, приглядишься — делаварки с тучных пастбищ близ дискотек для несовершеннолетних эрекционеров. Материально независимы — наподобие стран народной демократии. Шурикова аудитория, аудит, кредит и прочий троглодит. Они такие прищуренные, торопливо прикидывающие, как бы поэффектнее морщиться, чтобы показаться думающими или на худой конец — задумчивыми. (Иногда, впрочем, здесь попадаются стайки востроглазых, в совокупности напоминающих склад боеприпасов.)

Ройтбурд — на своем театре действий. Реплики — что мячик в большом теннисе. "Цирк", — щебечет хозяин, указывая на бронепоезд. "Цирк", — вторят варварки: от них хорошо отскакивает, как от стенки. Это такой бой с тенью, игра с самим собой. В поддавки. "Где ты их только подбираешь", — вредничаю. "А чего? Чем тебе не нравится, например, Милонга? Она такая бойкая. Ванда с прилежанием носит свой круп! А Лиза О'Ниллова — ты же знаешь, старик, это моя страсть, хотя ты и называешь ее Молью Бледной". Свежий Шуриков автопортрет — иллюстрация к сюжету о Моли (Молли?). Там у Ройтбурда вместо сердца приклеена эксклюзивная прокладка б/у: то ли "Олдэйз", то ли "Олвэйз", то ли "Ихвэйс". Приглашаются к дегустации. Форма одежды караульная.

Весь ЦИРК резюмируется так, что ЭРОТИКА НЕВРОТИКА — ЭКЗОТИКА. Народ течет, протекает, просачивается через эту квартиру, у которой как бы беспрестанная течка. Козочек много, а венеретеринарный врач, магистр науки страсти нежной, врачеватель-самозванец один. Автопортрет (прокладка) с крылышками (падший ангел).

Шурик пристально всматривается в эти создания природы, каковым с детства внушали, что мудрствование и самость — от лукавого, а все остальное — от жизни, и возведено в ранг добродетели. Вот они блеют в окрестностях накрытой для них "поляны", рога свои ко идолу склоняя. Всё течет, острили шестидесятники, всё из меня. У Ройтбурда даже вазы на холстах членобразные. А сам он должен быть (и есть!) с сияющей плешью — на манер тонзуры, с характерным полированным набалдашником на темечке. Это как раз обтекаемый со всех сторон утес, на груди которого ночевала тучка дождевая. Тучки небесные, вечные странницы, чего с них взять, кроме совместного проистекания на покрывало. Ты прав, Ученик.

Какой, однако, рачительный хозяин своего ковчега. Умеет корма задать. Насытить. Ввести в теорию осоловления. Ввод и вывод в расход. Ка-

кой вывод? Ненасытность гиперпотенции не знает вывода и выхода. Большой художник — великий ПОТЕНТ, а остальные — ИМ... Давайте, повысим ИМ потенцию. Несчастному (счастливому?) Ройтбурду приходится всех остальных, ну, это, ну, обслуживать. Творческие акции (они же акты) перемежаются (промежняются) вариациями осанны. Каждому из остальных жаждалось ритуально и результативно прикоснуться (наткнуться) на творческую продукцию, на вулканический пепел, а лучше — вулканическое стекло (обсидиан). На нечто упругое, отшлифованное, электризирующее — эбонит? (К слову, и пирамиды не зря возводили, да еще на песке.)

Шурик вкладывает вкусности прямо в рот публике, как восточныйстряпун, только что не разжевывает. Впрочем, отчего же, разжевывает. Произносит спичи, предвещающие трапезу и вышибающие обильные желудочно-кишечные слезы. Хорошо готовит экзотические эзотерические блюда. Суши, например. Суши из моря (Японского, япона мать). Суши — это такое членовредительство, обрезание, бармицва. Папиросной бумагой, ломтиками, с присущим нам садомазохистским вдохновением. А как он потчует "большой китайской кастрюлей" — те же яйца, только вид сбоку: ломтики толщиной с минералогический шлиф обмакиваются в одобренный пряностями кипяток, ловким, ювелирным круговым движением против часовой стрелки, смерти вопреки. Наши "гонки" из напитков, какие хороши сами по себе. Квинтэссенция квинтэссенции. "Теин в чаю, букет в благородном вине". Катализатор брожения. Философский драгоценный булыжник. Семя. Не спи, блин, художник, не предавайся сну. Пробуждайся от острого желания. Если можешь, не спи вовсе. Нет, я не в этом смысле. С варварками (выварками?) — можешь. Шура, ты будильник. Просыпаюсь в шесть часов, далее — по тексту.

Между тем козочки все блеют. Интеллигентные молодые люди — их в окрестностях Ройтбурда тоже хоть пруд пруди — почему-то не токуют. Дежурная анекдотически казусная ситуация: эти как бы могут, но не хотят. Сволочи, короче. Этим — покурить, уколоться и упасть на дно колодца (см. "Уч-Кудук"). Только девушки об этом не понимают, и это их, а не юношей, надежды нескромные питают. Станет художник прикармливать боровов и кнуров-производителей, размечтались. И вот они ждут чего-то, различая на Шуриковых полотнах исключительно утесы-великаны и комфортабельные гигиенические принадлежности. И все равно, помимо загруженного в желудок, кишечник и портмоне, уносят неясные бликующие "шелахмунес", новую жажду, не утоляемую одной дискотекой типа "Три прихлопа, два притопа" и "Па-ри-ру-ра-ру-ра".

Прайд есть прайд. Каждой твари по разнополой паре. Двух Пап не бывает у одного дитяти. Мы, основательно подвяленные романтические ма-разматики, не в счет. Мы — в наблюдательном совете. Тоже себе на уме. Были и мы рысаками когда-то (хотя еще как борозды не портим!). А ныне (да не собирается вещей Олег щиты прибавить на калитки: делать ему больше нечего) — не пожрать, так хоть поговорить о вкусной и здоровой пище. Которой мы знатоки. Теоретики. Практические занятия требуют интегральных расходов (включая энергетические), к которым надо подходить дифференцированно. Стану я расплескивать ценное сырье для производства лидазы направо да налево. Еще и гоняться за какой-нибудь дурнушкой дурноватой. Мы хитрые, у нас замечательная болезнь — ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ИМПОТЕНЦИЯ. Пусть себе Шурик ворует невест, ставит коз в стойло за рога и виртуозно исполняет хирургические операции "Ы" над морепродуктами и парной телятинкой.

Да, кстати, запамятовал, он ведь у нас практикующий живописец и график, играющий, так сказать, тренер. Команда — это я. Царство-государство — это я. Говорят, вратарь — половина команды. А один Ройтбурд (один герц, один ампер, один ом, один дурдом) — вся команда. Был в моей юности такой фильм — "Он пошел один". Шурик пошел. А пошел ты, Шурик. Торчит башнею вавилонскою, столпом александрийским, задрал тонзуру, по самые помидоры вонзил ее в тюлевые, с оборочками, на резиночках, облака ("Мы не сеем и не пашем, а валяем дурака...").

Как, однако, хорош мой антигерой на автопортретах: "А вот и я!". Шурик пишет их по одному в год, выдавливая, так сказать, из себя... Нет, выдавливая себя, из жизни. Потихонечку, полегонечку. Когда он прокладка с крылышками, то выполняет нравственный (а не супружеский) долг. А когда — очень симпатичный повешенный (неуравновешенный, на ветру повешенный), то что? То выполняет долг перед всем прогрессивным человечеством — уступает, понимаете, лыжню. А то нехорошо получается: потребности у всех, а возможности у одного. Из-за него и появляются в жизни "лишние люди" — Онегины там, Печорины. А это негуманно.

Следующий самопортрет Ройтбурд будет впервые исполнять ("Живу я в мире в первый раз...") в ночь с 31 декабря 2002-го на 1 января 2003-го. По сложившейся уже традиции. Когда он повешенного намалевал, так я был официально приглашен на поживу, на смотрины, на свежатинку, и унес на старой куртке и сванской шляпе промокнувшие малахитовые краски. "Веревка мне заменит честь, а в раю мне уж место есть. И поделят тогда мой наряд сторожа, что внизу сторожат". А теперь выдаст мой сюжет — усебно-



Митьковские "Магаданы" в исполнении рафинированной эмигрантки Дины Верни, непрофессионально, но трогательно матерящейся (не отчетливая, но геронтофилия). Дина, верни! В противофазе — "Товарищ Троцкий в тельняшке флотской нас поведет в последний бой!". Такой себе "марширен" дежурных анти- (нео?) глобалистов (не отчетливый, однако эксгибиционизм). На сорокалетие свое Ройтбурд зазвал в ресторан уличных музыкантов пошиба "ОЙЦ", исправно отработавших замордованную до полной неузнаваемости "Мурку" и компанию (отчетливый садомазохизм).

Молодежь и подростки внимают со снисхождением оксфордского студента к папашке алкоголику. А то какая-нибудь бойкая Милонга вонзится обоюдоострым голоском в подпевку, имитируя лихость маленькой разбойницы. Но Шурика с пути истинного не своротишь, и дурноголосый его речитатив ("его невольно затвердив") будит, будоражит, блюдет пространство, отряхивающее замшелость оцепенения. Короче, малосольная капелла: кто ж перекричит солирующего Ройтбурда? С раскочавшегося вокальными децибелами потолка вот-вот снизойдет на разноголосье что-нибудь тяжеловесное, наподобие театральной лютстры.

...Тем временем у самогонного агрегата активно закапало с конца. Пошел душок хлебной прели и солода. И в нежданно притихшие козьи ясли упала первая тяжелая капля.

Согнув условные коленки, сидели ласточки на стенке!

...Давид Самойлов. Ему надоели поэтессы. Их страдания. Их рыдания.

В книге "Голоса за холмом" я прочитала эти строчки и стало мне... ну, в Одессе говорят о декабрьской промозглой погоде — "Такая мряка!". Я подумала — такая мряка у поэта на душе. Все пишущие тетki, наверное, к нему прут со своими стихами. Рассердилась я на Давида Самойлова невероятно. Что ж это в нем смирения нет, если есть талант. Терпимости. Небось, сначала нравилось, что трепетали и вслушивались, а потом "надоело".

Я еще раз перечитала стихотворение о поэтессах. Строчка "Лучше б мальчиков рожали" — рассмешила. Тоже мне, царь Салтан. Ему, значит, только младшая сестрица годится, с ее любовью. А сестрицы "ткачиха повариха" — пофигу? Интересно, а у него самого-то сын есть?

Поскольку у меня двое бегали, решила, что противопоказаний позвонить Давиду Самойловичу у меня нет. Решила превратиться в сватью бабу Бабариху. То есть, назваться чужим, и лучше — мужским именем. А выбрала имя приятеля своего, поэта Славы Китика. Тем более что не очень понятно, мужское или женское. А дальше — ну, как-то все получится. Мне ужасно не хотелось стучать в разные двери, чтобы "пробиваться в литературу", все эти поездки в Москву — с обязательными посещениями редакций, эти отбойные редактора с шахтерскими замашками, господа, да меня тошнило от их взглядов, подозревающих то ли, что я графоманка, то ли — что за меня позвонит вдруг кто-нибудь, то что со мной на дачу можно свалить, что ли? — Нельзя со мной на дачу, и не будет меня никто лоббировать, и не графоманка я, мне просто нужно публиковаться, потому что есть что.

Но вот Лидия Ивановна Графова, например, пришибла меня как-то в дружелюбной беседе фразой, что: "Не интеллигентно хотеть публиковаться по этим временам". (80-ые годы.) Выходит, по Лидии Графовой, интеллигентно в стол складывать... Меня от чуть не возникшего комплекса (так она меня впечатлила) спасло то, что Лидия Ивановна регулярно публиковалась, и даже в штате была, в Литературке.

А годочков мне было уже 35, вроде как хулиганить поздно... или сердиться на мироустройство...

Дело было в 1986 году, осенью. Нет, летом...

У Давида Самойлова в большом зале ЦДЛ — творческий вечер. Ведет его Зиновий Гердт. Сажу, слушаю, думаю. И вдруг Самойлов читает то самое стихотворение, где "лучше б мальчиков рожали" несчастные поэтессы.

Написала я записку и передала. И вот Зиновий Гердт мою записку озвучил: "Уважаемый Давид Самойлович! Разрешите позвонить вам и познакомиться. Слава Китик из Одессы".

О чем-то пошептались Самойлов с Гердтом, и я получила разрешение позвонить "Завтра, в 13.00".

Денег у меня было мало, но я решила купить цветы. Пять гвоздик получилось. Звоню. Давид Самойлов отвечает, — а я ему про Славу Китика напоминаю. После паузы поэт спрашивает:

— Вы не мужчина?

Я скромно говорю, что мужчина.

— А почему у вас голос такой тоненький?

— Потому что я молод, хрупок и нервничаю, — говорю нахально и смеюсь. Самойлов, свирепо так:

— Ну-ну, являйтесь, посмотрим!

Дверь мне открыла дама в бордовом халате. Спросила:

— Вы звонили?

— Я, — отвечаю. А из-за ее плеча голос раздается сердитый:

— Звонил Китик! И он — не вы.

— Ну да, — отвечаю, — почему это он — не я? Как раз он и есть я.

И разнервничалась, говорю бордовому халату:

— Вы тоже не Давид Самойлов.

А он выходит из-за спины дамы и говорит:

— Вот я — как раз я. А вы кто такая?

Ну, я эти гвоздики даме протягиваю и говорю:

— Это не вам цветы. Это даме.

А он мне вредным голосом:

— Я жду Славу.

Не надо, говорю я робко, слава у вас уже есть, а меня у вас еще не было. Я тоже... ну, это — не плохо, и потом, у меня уже два сына есть, мне к вам можно.

— Проходите, — сухо сказал и вроде как интерес потерял.

Вхожу — он к столу прошел и сразу две пары очков на нос взгромоздил. Спросил:

— А чего это вы решили, что ко мне можно, если у вас уже двое сыновей?

Я ему про его стихотворение и рассказала. Вдруг за спиной кто-то рассмеялся. Оглянулась, а на диване сидит человек и заливается. Лицо у него знакомое, а не вспомнить... Я уже несколько не в себе от ситуации. И отчество у меня отшибло — Давид Самойлов и — больше никак. А — как обратиться? Протягиваю "Голоса..." и прошу автограф. Самойлов говорит:

— А кому, вы же не Китик.

— Да, говорю, я не Китик. Напишите — для Сони Кобринской.

Переспрашивает:

— Вы Соня?

— Нет.

Давид Самойлов ручку отложил и говорит:

— Пока не скажете, как ваше имя, разговаривать не буду. Черт знает что такое.

А человек на диване хохочет, и я тоже начала смеяться. Самойлов книжку надписал.

— А себе, — говорит, — не хотите мою книгу?

— Хочу. Но у меня нет второй. А эту я Соне подарю на день рождения, вы ее любимый поэт.

— Так вы за этим ко мне пришли?

— Да, — вру я. А самой хочется — и стихи свои показать, и о главных вещах поговорить.

— Так как вас зовут?

— Оля. Ильницкая.

— Точно? — переспросил как-то недоверчиво.

И тут я ему вытащила паспорт из сумочки.

Хохот стоял, а потом вдруг Давид Самойлов вытащил голубую книжечку из ящика стола и спрашивает:

— Ваша книга?

Я... уплыла.

— Моя. "Сквозное жилье". Самиздат ленинградский.

— Читайте самое короткое!

Прочитала про ласточек, которые сидят на стенке, согнув условные коленки. А сама думаю — откуда у него? Неужели так бывает? У меня всего одна осталась, вторая у мамы, остальные не знаю где... Может, уже сама и дала? Когда? И вообще, я как — в порядке?!

— Еще, — говорит, — читайте, — но тоже покороче...

И так я ему и тому, за спиной сидящему, всю книжку вслух и прочитала, (я, правда, все боком пыталась стоять), но, нервничая, вообще бега-

ла кругами по комнате и все время забывала — да все забывала. Потому что думала только об одном, как отчество? И кто второй. С жестким знакомым лицом. Неужели Тарковский? И не могла вспомнить.

И тут я ляпнула:

— А я все забыла. Давид, как ваше отчество? И ваше, — повернулась к вроде бы Тарковскому.

Он мне ответил:

— Александрович!

Но я-то не знаю, Арсений Александрович, или нет? Стало еще хуже, тошнить стало, голова заболела. А Давид Самойлов наблюдает и говорит:

— Экземплярчик! Нравится?

Тот, кто "вроде бы" Арсений Александрович, улыбаясь, сказал:

— Нравится! И стихи хорошие.

Давид Самойлович говорит:

— Начала с самого моего любимого, а хороши условные коленки у ласточек!

И, написав на моей книжке — "Оле Ильницкой с надеждой, что пришлет мне эту книгу в типографской ипостаси и с автографом. 4.06.86. Д. Самойлов", — подарил мне мою книжку.

И все. Мы пошли чай пить. Я так рта больше и не открыла — я не вспомнила ни отчества одного, ни имени другого, а переспросить еще раз — трусила. Не каждый день разговариваешь с большими и настоящими Поэтами. Со мной оба были заинтересованно-внимательно-ласковы, расспрашивали, — на вопросы я отвечала, а сама — ничего! Так заклинило, что сжалились и — отпустили с Богом. Но — поцеловали оба. Вроде как — благословили. И договорились, что еще зайду в гости. Но я — уехала в Одессу.

У этой истории было продолжение...

Книгу мою опубликовали только в 1995 году, называется она "Жизнь тому вперед". Но я не смогла ее подарить Давиду Самойловичу — не успела. Поэт уже был не с нами...

Я подарила книгу его сыну — Александру Давыдову.

ПУБЛИКАЦИИ

Антонина ПИРОЖКОВА
"Кольцо Эсфири" 271

Исаак БАБЕЛЬ
Кольцо Эсфири 275

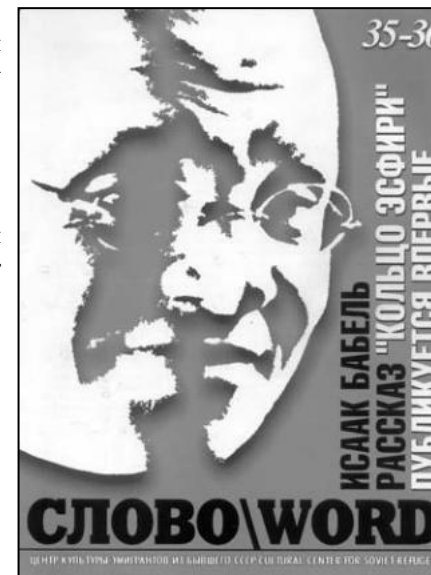
"Кольцо Эсфири"

Недавно Борис Херсонский привез от Ларисы Шенкер журнал "Слово", который она в Нью-Йорке много лет издает. Привез, так как мы попросили его договориться о публикации рассказа И.Э. Бабеля.

В феврале 1978 года член комиссии по литературному наследию И.Э. Бабеля Георгий Николаевич Мунблит передал мне от редакции журнала "Молодая Гвардия" неизвестный рассказ Бабеля "Кольцо Эсфири" и письмо от



Антонина ПИРОЖКОВА,
жена И.Э. Бабеля



человека, приславшего его из города Наманган Узбекской ССР.

Письмо в редакцию журнала "Молодая Гвардия" привожу здесь полностью и так, как оно было написано.

27 февраля 1978 г.

Уважаемые товарищи!

Лет тридцать назад моя тетка Ольга Григорьевна Земскова подарила мне рукопись рассказа русского писателя Исаака Бабеля. В то время, то есть в 1947-1948 году еще не печатались его сочинения.

Рукопись была на 8 или 9 страницах, написанная чернилами на желтоватой бумаге. Ольга Григорьевна хорошо знала Исаака Бабеля. Она долгое

время работала машинисткой и корректором в Одесской газете "Моряк", до самого 1939 или 1940 года. Сочинение подаренное Ольге Григорьевне называлось "Кольцо Эсфири", а сверху было написано:

"Пеке — вместо букета роз" и подпись

"И. Бабель."

Ольга Григорьевна мне рассказывала, что то ли в 23 или в 25 году Бабель несколько раз был в редакции "Моряка", встречался с ней, а рассказ сдал редакции, но он почему-то не был напечатан, и писатель отдал его Ольге Григорьевне. Он сказал, чтобы даром твой труд не пропал, Оленька.

Все листки с рассказом долго лежали вместе с письмами, лет 15 назад я их попросил одного работника газеты почитать и перепечатать. Там много слов было неразборчиво, вода пропитала бумагу и чернила расплылись. Что было непонятно, то сам работник газеты добавил, а добавленные буквы и слова взял в скобки. Он говорил, чтобы я послал рукопись в какой-нибудь журнал. С разными переездами забылось. Недавно в старых вещах нашел рукопись. От нее остались 3 стр. и перепечатанный. Может вас заинтересует.

А О.Г. Земскова живет в Подмосковье, ей 75 лет.

С приветом!

Комлев В.К. — бухгалтер

Я в то время собирала архив Бабеля из уцелевших рукописей, черновиков, фотографий и писем, и редакция журнала "Молодая Гвардия" решила, что рассказ "Кольцо Эсфири" должен храниться у меня. Никаких разговоров о том, чтобы опубликовать его в каком-нибудь журнале, ни у кого не возникало и не только из-за отсутствия автографа Бабеля, но в основном потому, что это были годы, когда произведения Бабеля не издавались в Москве вообще. Все мои попытки издать сочинения Бабеля хотя бы к 80- и 90-летию со дня его рождения, не увенчались успехом. В Союзе писателей мне отвечали: "Нет бумаги", или "План на будущую пятилетку уже сверстан". Так проходили годы, и только в начале 90-х годов удалось заключить договор с издательством "Художественная литература" на издание двухтомника сочинений Бабеля.

Объяснение В.К. Комлева в письме в редакцию журнала "Молодая Гвардия" мне кажется вполне правдоподобным. От Бабеля я не раз слышала об одесской газете "Моряк" и о машинистке Лёке Земсковой, а фраза "вместо букета роз" — бабелевская фраза.

Представляю себе, как Бабель, нуждаясь в деньгах, принес в редакцию

газеты "Моряк" свой, быть может, долго пролежавший у него рассказ и попросил машинистку перепечатать его; машинописную копию отдал в редакцию, а автограф подарил машинистке.

Рассказ "Кольцо Эсфири" напечатан в газете "Моряк" не был — иначе он был бы известен всем.

Прочитав письмо Комлева, я тотчас же написала ему о том, что напечатать рассказ Бабеля невозможно без тех трех листов автографа, которые у него имеются. Я предложила Комлеву прислать мне эти листы с последующим их возвращением, либо сделать с них ксерокс или фотографический снимок. Также я попросила его сообщить мне адрес Ольги Григорьевны Земсковой, с ней мне хотелось повидаться и поговорить. Кроме того, я просила В.К. Комлева назвать его имя и отчество, чтобы не обращаться к нему так официально, зная только его фамилию.

В ответ уже в апреле 1978 года я получила первое письмо от Комлева, адресованное мне. Привожу его здесь полностью:

17.IV.78

Уважаемая Антонина Николаевна!

Мне было радостно получить письмо, которое принесли мне в больницу. Конечно же те листочки рукописи И. Бабеля, которые остались целы, я Вам вышлю. Сейчас прикован к постели по причине камней в желчном пузыре. Возможно будут делать операцию. Вернусь ли живым из операционной неизвестно. Хроническая коронарная недостаточность плюс небольшая гипертония — это не помощь. Я передам, чтобы сделали снимки и выслали Вам. Если выйду — переishю оригиналы, а нет — отправят мои душеприказчики.

К большому сожалению Ваше общение с Ольгой Григорьевной видно не состоится по причине ее болезни. Ей 77 лет и давно она мучилась жестокой гипертонической болезнью, которая отнюдь не улучшила ни ее памяти, ни силы.

Недели три тому назад ее взяла к себе младшая сестра, а моя тетка, в Ярославль.

Если что изменится через два-три месяца сообщу Вам. Однако все это весьма сомнительно.

Ускорить присылку рукописи Вашего мужа я не хочу, ибо дом мой пуст, ничего в нем нет, заняться некому. Поручу насчет ксерокопии, а остальным займусь, если будет возможность.

Низкий Вам поклон

Комлев

Р.С. Получил уведомление от журнала "Молодая Гвардия". Кстати зовут меня Вольга Константинович.

Узнав имя Комлева — Вольга, я очень удивилась; повеяло чем-то древнерусским, былинным.

В письме Комлев обещает прислать мне листы автографа Бабеля, упоминает даже о своих душеприказчиках, которым он дает поручение.

Его обещание казалось твердым, но проходило время, месяц за месяцем, а бандероль не приходила, и я написала ему снова, повторив все ту же просьбу.

В январе 1979 года получила от Комлева второе письмо, и снова из больницы.

Не буду приводить это письмо полностью, так как оно в основном об его операции желчного пузыря и разных других болезнях. В нем снова обещание прислать мне автограф Бабеля или дать распоряжение своим душеприказчикам.

Это письмо было последним, полученным от В.К. Комлева. На другие мои письма он не ответил и листы автографа так и не прислал.

Рассказ "Кольцо Эсфири", безусловно, написан И.Э. Бабелем, хотя я и не отношу его к лучшим рассказам.

Тема базара, барахолки, всегда была излюбленной темой при устных рассказах Бабеля в кругу друзей. Мне он говорил:

— Лицо города или села — его базар. По базару, по тому, чем и как на нем торгуют, я всегда могу понять, что это за город, что за люди, каков их характер. Очень люблю базары, и куда бы я ни приехал, я всегда, прежде всего, отправляюсь на базар.



Авторство Бабеля подтверждается еще и тем, что рассказ "Кольцо Эсфири" отличается краткостью изложения, написан от первого лица, а также одесской особенностью разговора, так хорошо знакомой Бабелю.

Включить этот рассказ в состав двухтомника, которым я в те годы занима-

лась, и который был опубликован в 1990 году, было совершенно невозможно. Издательство "Художественная литература" требовало, чтобы все, входящее в двухтомник, было прежде опубликовано в журналах, но ни один журнал не согласился бы взять рассказ без автографа.

Так и остался рассказ "Кольцо Эсфири" лежать в архиве Бабеля и пролежал там более 20 лет, пока его не согласился, причем охотно, напечатать Нью-йоркский журнал Слово/Word, в издательстве которого была опубликована книга моих воспоминаний о Бабеле.

Антонина ПИРОЖКОВА



Исаак БАБЕЛЬ

Кольцо Эсфири

Рассказ

Я бродил по барахолке и прислушивался к ее немислимым запахам и звукам. Разве может что-нибудь сравниться с одесской барахолкой! Плыл я среди потной и галдящей толпы, терся о сарафаны, сюртуки, лапсердаки, спины и более существенные ценности, как кефаль во время нереста. Я плыл и время от времени нюхал пунцовый цветок, который был у меня в правой руке. Надо же было девать куда-то свой нос. Обширная тетка, которую тут все называли Стеллой, появилась передо мной внезапно. А чему здесь удивляться. Все в мире появляется внезапно. Потому что до того, как появиться, этого-то не было. Не было... а потом вдруг стало. Как все в мире запутано...

Стелла действительно была звездой... лет сорок назад. Хотя и сейчас небесными огнями мерцали ее прекрасные библейские глаза. Глаза, которые, казалось, навечно были созданы для любви и слез, для вопросов, после которых никогда не ждут ответа.

— Что молодой человек имеет предъявить?

— Ничего, — просто ответил я.

Р.С. Получил уведомление от журнала "Молодая Гвардия". Кстати зовут меня Вольга Константинович.

Узнав имя Комлева — Вольга, я очень удивилась; повеяло чем-то древнерусским, былинным.

В письме Комлев обещает прислать мне листы автографа Бабеля, упоминает даже о своих душеприказчиках, которым он дает поручение.

Его обещание казалось твердым, но проходило время, месяц за месяцем, а бандероль не приходила, и я написала ему снова, повторив все ту же просьбу.

В январе 1979 года получила от Комлева второе письмо, и снова из больницы.

Не буду приводить это письмо полностью, так как оно в основном об его операции желчного пузыря и разных других болезнях. В нем снова обещание прислать мне автограф Бабеля или дать распоряжение своим душеприказчикам.

Это письмо было последним, полученным от В.К. Комлева. На другие мои письма он не ответил и листы автографа так и не прислал.

Рассказ "Кольцо Эсфири", безусловно, написан И.Э. Бабелем, хотя я и не отношу его к лучшим рассказам.

Тема базара, барахолки, всегда была излюбленной темой при устных рассказах Бабеля в кругу друзей. Мне он говорил:

— Лицо города или села — его базар. По базару, по тому, чем и как на нем торгуют, я всегда могу понять, что это за город, что за люди, каков их характер. Очень люблю базары, и куда бы я ни приехал, я всегда, прежде всего, отправляюсь на базар.



Авторство Бабеля подтверждается еще и тем, что рассказ "Кольцо Эсфири" отличается краткостью изложения, написан от первого лица, а также одесской особенностью разговора, так хорошо знакомой Бабелю.

Включить этот рассказ в состав двухтомника, которым я в те годы занима-

лась, и который был опубликован в 1990 году, было совершенно невозможно. Издательство "Художественная литература" требовало, чтобы все, входящее в двухтомник, было прежде опубликовано в журналах, но ни один журнал не согласился бы взять рассказ без автографа.

Так и остался рассказ "Кольцо Эсфири" лежать в архиве Бабеля и пролежал там более 20 лет, пока его не согласился, причем охотно, напечатать Нью-йоркский журнал Слово/Word, в издательстве которого была опубликована книга моих воспоминаний о Бабеле.

Антонина ПИРОЖКОВА



Исаак БАБЕЛЬ

Кольцо Эсфири

Рассказ

Я бродил по барахолке и прислушивался к ее немислимым запахам и звукам. Разве может что-нибудь сравниться с одесской барахолкой! Плыл я среди потной и галдящей толпы, терся о сарафаны, сюртуки, лапсердаки, спины и более существенные ценности, как кефаль во время нереста. Я плыл и время от времени нюхал пунцовый цветок, который был у меня в правой руке. Надо же было девать куда-то свой нос. Обширная тетка, которую тут все называли Стеллой, появилась передо мной внезапно. А чему здесь удивляться. Все в мире появляется внезапно. Потому что до того, как появиться, этого-то не было. Не было... а потом вдруг стало. Как все в мире запутано...

Стелла действительно была звездой... лет сорок назад. Хотя и сейчас небесными огнями мерцали ее прекрасные библейские глаза. Глаза, которые, казалось, навечно были созданы для любви и слез, для вопросов, после которых никогда не ждут ответа.

— Что молодой человек имеет предъявить?

— Ничего, — просто ответил я.

— Таки ничего? — продолжала Стелла, и морщины на ее лбу ехидно изогнулись.

— Ничего, — опять сказал я и сунул нос в пунцовый цветок.

Стелла посмотрела на меня, как акушерка на младенца, который изволил явиться на свет божий только через десять месяцев.

Спустя несколько минут Стелла опять появилась передо мной.

— Я поняла, молодой человек, — она делала попытку общаться со мной так, чтобы об этом не слышали на Дерибасовской.

— Я поняла. Вы имеете японские противозачаточные средства. Фир[ма Ку]росава. Поставщик двора мик[адо]. Гарантия сто процентов. Филиалы в Париже, Лондоне и Жмеринке. Но я должна предупредить молодого человека, что этот медикамент сейчас в массы не пойдет. Сейчас массы ни к кому не имеют доверия. Но если молодой человек...

Она заговорила, как хорошо отлаженный механизм, надежный, как тормоз Вестингауза.

— ...хочет реализовать товар? Я имею хороший покупатель Фима Сотник. Нет, нет. Фима не казак. Он сам не любит казаков. Ефим Григорьевич почетный гинеколог города Одессы с девятьсот четы[рнадцатого] года. Кабинеты на Пересыпи и Молдаванке. Очень образованный специалист. В девятьсот десятом году он даже кончил комерч[еское учи]лище в Бендерах...

Стелла говорила без пауз, и я никак не мог изловчиться и просунуть свое слово в ее речь, в которой не было никаких слышимых трещин. Я просто стоял и нюхал пунцовое растение, которое было у меня в правой руке.

Стелла все говорила, говорила, говорила... И вот тогда, в девятнадцатом, на одесской барахолке передо мной открылся истинный, глубинный смысл этого невероятно страшного слова — бесконечность.

— Что, вправду молодой человек ничего не имеет продать? — вдруг остановилась Стелла. — Так зачем молодой человек напустил на себя тайны мадридского двора? Зачем нюхать цветочки на обществе? Здесь что? Таврический сад? Или, может быть, Приморский бульвар? Так зачем же молодой человек отвлекает людей от работы? Жизнь и так коротка, а надо успеть еще заработать на кусок хлеба.

Она замолчала, отвернулась от меня и тихо пошла, прижимая к необъятному бедру плетеную кошелку, набитую какими-то жалкими тряпками.

И вот здесь что-то произошло. Мне показалось, что в это мгновение погасли все доменные печ[и Ев]ропы, что все металлопрокатывающие за-

воды мира остановились на капи[тальный ре]монт и вот-вот начнется солнечное затмение. Организм мой неистово всасывал через все поры вдруг наступивший мрак и холод.

— Стелла! — заорал я, перекрывая звериным рыком наступившую тишину. — Стелла! Стелла!

Старуха медленно и безразлично обернулась.

— Стелла, сувенирчик небольшой имеется, — почти кокетливо сказал я и протянул ей небольшое плоское колечко.

— Ха! Молодому человеку так же хочется кушать! — она рассматривала кольцо, перебирая его пальцами, как заводную головку карманных часов. И вдруг вскинула голову, и в глазах ее было не любопытство, не испуг, а ужас.

— Что такое! Где вы взяли эту вещь? Это кольцо моей Фиры! Вот ее буквы: Э. Р., Эсфирь Розенблюм. Где моя Фира? Что вы сделали с моей Фирой? — кричала Стелла.

Она кричала, а я силился что-нибудь сказать. И не мог. Толпа окружила нас и улюлюкала, призывая к активным действиям. А мы были как бык и тореадор на арене цирка. И толпе нужна была моя кровь. Она жаждала крови.

— Так, значит, вы — Стелла Осиповна? — наконец-то выдал мой язык. — Ведь я же муж вашей Фирочки. Ваша Фирочка уже давно моя жена. И она уже давно не Розенблюм, а Иванова-Ляндерс. Эсфирь Иванова-Ляндерс, а я ее муж Яков Григорьевич Иванов-Ляндерс...

Мой язык говорил еще что-то. Что, я не знаю. Мы были по отдельности, мой язык и я. Я только видел усталую улыбку на лице Стеллы, и слезы, горошинками скатывающимися по ее крутым щекам.

— Так это вы — Яша? Фирочка писала нам, что взяла за себя какого-то очкастого сочинителя. Но мы не думали, что вы, молодой человек, такой тощий. Яша, слушай сюда. Я бы тебя обняла сейчас, но у меня кошелка с галантереей. Обними ты меня, Яша, сыночек, и пойдем скорее домой, разговоров за коммерцию сегодня больше не будет.

Через полчаса мы сидели в прохладной комнатухе с земляным полом. Я поглощал баклажаны, помидоры, фаршированную рыбу и запивал эту царскую снедь красным терпким зайбером. Стелла сидела напротив и печально смотрела на меня и время от времени вновь наполняла тарелки.

— Яша, — сказала Стелла, когда я сделал перерыв в пиршестве, — скажите же что-нибудь за Фирочку, что она делает, мы так давно ничего от нее не имеем.

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

— О, Фира сейчас в Киеве, на Прорезной. Там наша квартира. Знаете, Стелла Осиповна, Киев недавно освободила красная конница и там сейчас свобода. Правда, кроме свободы и селедочного супа там ничего больше нет. Но большевики деловые люди, они скоро все очень хорошо наладят.

— Ну, а что вы приехали в Одессу, Яша? Здесь нехорошо. Вчера белые фотографа Михельсона повесили за агитацию. Он по пляжу в красных трусах ходил.

— Нет у меня красных трусов, Стелла Осиповна, — сострил я. — Что ж мне бояться? А из Киева я уехал временно. Тяжело там сейчас работать. Писал я стихи. Платили мне воблой. Штука за строчку. Нет, думаю, так и помереть недолго. Стал писать поэмы, как Э[дик Ба]грицкий, по пятьсот [стро]к. Редактор мне говорит, что с такими стихами мне надо в Астрахань ехать. Может, там из Каспийского моря и будут такие бешеные гоноары платить. А здесь, в Киеве, нет столько воблы... Вот я и приехал...

— Яшенька, ну расскажи подробнее за нашу Фиру, — с какой-то тоской произнесла Стелла.

Я подошел к ней, положил руку на плечо, обтянутое выцветшим измятым сатинетом, и тихо сказал:

— Мама... мама... не осталось нашей Фиры. Погибла наша Фира. Слушай, мама. Моя любимая жена, товарищ и друг, комиссар особого отряда Киевской губчека Эсфирь Иванова-Ляндерс погибла героической смертью в бою с врагами революции... А кольцо — это все, что мне осталось в память о ней.

Стелла встала с табуретки. Она вскинула вверх руки, закинула назад голову и закричала. Так страшно женщина может кричать только тогда, когда у нее навсегда отнимают любимое порождение ее чрева.

Распахнув дверь, я вышел на пыльную дорогу одесской окраины. Пускай Стелла поплачет, ей нужно плакать, много... плакать. А мне еще предстоит рассчитаться за смерть Эсфири. И не стихами...

1923-1925 г. Одесса.

Татьяна ЩУРОВА

"...Душа богатых песен,

что в тоске и горести поют..." 280

ОДЕССКИЙ БУДИЛЬНИКЪ



Наши политическія партіи. Партія правового порядка.

—Защити́тьъ малыйъ сердцу нашему отъжизни́й режимъ. Пусть все идетъ по старому. Возврати́те на законномъ основаніи. Отстои́те послѣдніи выскляки!



„Держи ее!“

**“...Душа богата тех песен,
что в тоске и горести поют...”**

Родной родительный падеж. Напечатано в периодике почти сто лет назад. Так эмоционально, пренебрегая грамматическими нормами, могли сказать только в Одессе.

Листать забытые “Одесский будильник” (Сборник юмора, сатиры, морали и карикатуры”. 1906), “Одесситку” (“Еженедельная сатиро-юмористическая иллюстрированная газета”. Сохранился ее первый, а может и единственный номер за июнь 1906 г.), “Щелкунчик” (“Бесплатное приложение к “Одесской газете”. Художественно-сатирический еженедельник. 1908) любопытно, хотя в общем нельзя не согласиться с автором все тех же стихов:

“Мнет муза звучных строф в тиши не диктовала
И не влекла с собой в заоблачную высь...”

В этих тоненьких изданиях подлинные одесские ценности сочетаются с примитивными зубоскальными анекдотами, своя жизненная мудрость и неповторимая раскованность. Одесситы сохраняли способность пошутить, быть одновременно забавными и горькими даже в годы реакции. Начало XX века знаменовалось кровавыми событиями, погромами и политическими разочарованиями. Вот что, например, писала редакция газеты “Одесситка”:



Не удержи́те ли.

"...Событія послѣднихъ лѣтъ совершенно измѣнили фізіономію російскаго обывателя. На добродушное, открытое лицо набѣжали неведомыя доселѣ тѣни. Переживаемое время невидимымъ, но грознымъ рѣзцомъ провело на обывательскомъ лицѣ рѣзкія и глубокія морщины, потушило задорный блескъ очей, согнало съ устъ веселую улыбку, замѣнивъ ее отпечаткомъ какой-то растерянности, страданія, испуга или недоумѣнія. Безобидный юморъ и веселый раскатыстый смѣхъ исчезли безслѣдно. Взамѣнъ его воздухъ все чаще и чаще сталъ оглашаться громомъ адскихъ взрывовъ и страдальческими стонами случайныхъ невинныхъ жертвъ. Лицо обывате-

ля, мирнаго обывателя, — стало неузнаваемымъ. Эпоха "обновленія" родины, переживаемая имъ ныне, слишкомъ сильно отражается и на его душевномъ покоѣ, и на его нервной системѣ. А при такомъ душевномъ состояніи, при такомъ постоянномъ напряженіи всей нервной системы, жизнь положительно становится невозможной. Необходимы средства, которые хотя бы на время давали отдыхъ усталой душѣ, которыя хотя бы на короткое время разгоняли удушливую, тяжелую атмосферу современной жизни, возвращали глазамъ прежній блескъ, разглаживали морщины на лицѣ и вызывали хоть отблескъ прежней жизнерадостной улыбки на устахъ..."

Изысканіемъ этихъ средствъ и занимались сатирическіе изданія.

Татьяна ЩУРОВА



Современныя пословицы.

Анархистъ не грянетъ — звонковъ не заведешь.

Хлѣбъ-соль ѣшь, но правды не пиши. Что "правому" здорово, то "лѣвому" — смерть.

Издатель предполагаетъ, а инспекція по дѣламъ печати располагаетъ.

Не красна революція успѣхомъ, а красна кровью.

Печать на выдумки хитра.

На висѣлицѣ и весна не красна.

Г. Дн.

ВЪ ОДЕССѢ.

22 августа въ Одессѣ крестный ходъ. Городъ устраиваетъ тогда на Соборной площади угощеніе для войскъ.

Но милые одесситы набрасываются на столы и угощаются тѣмъ, что не имъ предназначено.

За ними не услѣдить.

Теперь городская управа проситъ дать ей для охраны угощенія войска.

О милая Одесса, я узнаю тебя!

Городской голова поѣхалъ осматривать Ланжеронъ.

Мы прочитали объ этомъ въ газетахъ.

Онъ осматривалъ оползни.

Можетъ быть, и купальни.

Конечно, мужскія — нашъ городской голова человѣкъ строгой нравственности.

Затѣмъ... затѣмъ онъ уѣхалъ домой.

А купальни остались на мѣстѣ.

Дрянныя купальни.

Оползни продолжаютъ дѣлать свое дѣло.

Все, какъ слѣдуетъ.

Одесситъ.



Тыся прощай



Утром у Фанкони за одной чашкой кофе.

НОВАЯ ГРАММАТИКА.

Предисловіе.

Учиться никогда не поздно.

Так думают просвѣщенные люди.

Если бы даже приходилось начинать съ азбуки.

Начинают же часто и высшія сферы съ азбуки.

Хотя чаще забываютъ азбучныя истины.

Будемъ учиться.

Азбука.

Русская азбука состоитъ изъ буквъ, раздѣленныхъ на гласныя, согласныя и полугласныя.

Въ нѣкоторомъ родѣ — министерскія комиссіи.

Разница только въ томъ, что въ азбукѣ полугласныхъ меньше всего, а полугласныхъ комиссій больше всего.

Имя существительное.

"Все то, что мы видимъ, осязаемъ или чувствуемъ есть имя существительное".

Напримѣръ, русская революція. Она существуетъ, значить — имя существительное.

Въ этомъ никто не сомнѣвается.

Имя прилагательное.

Кровь, бомбы, браунинги, пожары...

Это, вѣроятно, прилагательное.

Именно прилагательное, потому что опредѣляетъ характеръ революціи, потому что является необходимымъ приложеніемъ революціи.

Анархисты — это тоже прилагательное.

Имя числительное.

Оно больше въ займахъ.

Многомилліонныхъ займахъ.

И въ жертвахъ революціи, жертвахъ и со стороны "правыхъ", и со стороны "лѣвыхъ".

Оно рисуетъ положеніе дѣлъ — въ обществѣ, въ казнѣ, въ банкахъ.

Впрочемъ, — здѣсь нѣтъ числительнаго.

Много не хватаетъ.

Въ нѣкоторомъ родѣ — недостаточное предложеніе.

Мѣстоимѣніе.

Положимъ, теперь вмѣсто имѣній больше одна пустопорожность да развалины остались.

На мѣсто имѣнія — выжженные поля, да печальныя третьи закладныя.

У обывателя на мѣсто имѣнія покоя — боязнь попасть подъ перекрестный огонь.

Вообще очевидно, что мѣстоимѣніе часть рѣчи скверная.

Глаголь.

Есть и такая часть рѣчи.

Сказуемое къ подлежащему.

Сказуемое, это, конечно, печать которая неукоснительно доказываетъ, что дважды два четыре.

Послѣ роспуска государственной думы эта часть рѣчи была изъята изъ грамматики.

Но постепенно она снова входитъ въ обиходъ, ибо безглагольное предложеніе, въ сущности, недостаточное.

А мы стремимся доказать, что у насъ всего вдоволь.

Нарѣчіе.

Часть рѣчи вполнѣ современная.

Столько нарѣчій, что никто другъ друга не понимаетъ.

Правительство не понимаетъ, чего хотятъ граждане.

Граждане, — чего хочетъ правительство.

Недурно бы завести какой-нибудь воляпоукъ, чтобъ обѣ стороны, наконецъ, поняли другъ друга.



— Скажи, ты интересуешься современной литературой?
— Это теперь очень трудно. Прежде, бывало, прочитаешь отзывы въ газетахъ и знаешь содержаніе книги. А теперь газеты отзывы о книгахъ не печатаютъ.

Предлогъ.

Предлогъ — о немъ мы и говорить то не станемъ.

На это есть много предлоговъ.

Главный — это то, что, если мы будемъ много говорить, то насъ попросятъ замолчать.

Да и кто не пользуется предлогами.

Больше всего, конечно, благовидными.

Междомѣтіе.

Эта часть рѣчи наиболѣе свойственна мирнымъ обывателямъ.

Ахъ! Эхъ! Охъ!

Говоря о былыхъ временахъ, когда все было "благополучно", обыватель восклицаетъ:

— Эхъ!

Когда ему померещится анархистъ или когда въ неурочный часъ увидитъ жандарма, онъ восклицаетъ:

— Ахъ!

А когда его приглашаютъ вступить въ какую-нибудь политическую партію, онъ испуганно хватается за голову и безсвязно мычитъ:

— Эхъ! Ахъ! Охъ!

Гр. де — Карандашъ.

— Ахъ, право, жалко,
Когда не дѣйствуютъ слова!
— Но там, — гласитъ молва,
Поможетъ... палка!

Стрѣлочникъ.

На славномъ посту.

(Провинція)

Фельетонистъ взъерошенный
Засунулъ въ ротъ перо.
На немъ халатъ изношенный
И шляпа болеро...

Чѣмъ въ слѣдующемъ номерѣ
Заполнить сотню строкъ?
Зимою жизнь въ Житомирѣ
Сонлива, какъ сурокъ.

Живетъ перепечатками
Газета-инвалидъ
И только опечатками
Порой развеселить.

Не трогай полицмейстера,
Духовныхъ и крестьянъ,
Чиновниковъ, брандмейстера,
Торговцевъ и дворянъ.

Султана, предводителя,
Толстого и Руссо,
Адама-праародителя
И даже Клемансо...

Ахъ, жизнь полна суровости,
Заплачешь надъ судьбой:
Единственные новости —
Парадъ и мордобой!

Фельетонистъ взъерошенный
Терзаетъ болеро:
Парадъ — сюжетъ изношенный,
А мордобой — старо!
(Сат.)

Саша Черный



Амуръ и пустой кошелекъ

Среди искусствъ.

Музыкальные люди, т. е. настоящіе цѣнители и любители музыки и пѣнія, говорятъ, что Одесса далеко не музыкальна и лишь желаетъ казаться таковою. Говорятъ это не одесситы. Одесситы же готовы "изъ кожи выпрыгнуть", доказывая, съ присущей южанамъ жестикуляціей и горячностью, что музыкальные Одессы нѣтъ города во всей Россіи. Кто жъ въ дѣйствительности правъ? Намъ кажется, что и та и другая стороны не правы, но при этомъ не одесситы ближе къ истинѣ. Дѣйствительно, — какія данныя имѣетъ Одесса,



чтобы доказать свою музыкальную образованность въ настоящемъ значеніи этого слова? Въ отвѣтъ на это одесситъ ссылается очень авторитетно на дорогую итальянскую оперу, которую онъ съ пеленокъ привыкъ слушать в зимнемъ сѣзонѣ, а съ возникновеніемъ миллионнаго Городского театра убѣжденъ, что эта дорого стоящая и потому недоступная большинству игрушка выстроена специально для итальянскихъ соловьевъ. Можно согласиться съ тѣмъ, что Одесса дѣйствительно избалована итальянцами, такъ какъ итальянскія оперныя труппы здѣсь всегда блистали крупными артистическими именами (Баттистини, Ансельми, Титто-Руффо и пр.), причемъ ансамбль состава часто бывалъ такой, какого не видѣлъ и Петербургъ. Все это такъ. Но не слѣдуетъ забывать, что итальянская опера, при всѣхъ ея совершенствахъ, — является по отношенію къ музыкальному образованію слушателя только первоначальнымъ, такъ сказать, общедоступнымъ музыкальнымъ учебникомъ, не болѣе того. Одесса не можетъ этого понять или просто не желаетъ. Но суть не въ этомъ, а въ томъ, что Одесса по отношенію к оперѣ стала очень капризна, настолько капризна, что русская опера, даже при наличности если не безукоризненной, то вполне удовлетворительной труппы, не въ состояніи конкурировать съ итальянцами зимняго сезона и приковать къ себе вниманія публики.

Театральная публика.



Нѣтъ громкихъ "имень", нѣтъ безумно дорогихъ цѣнъ, — значить нѣтъ и оперы, такъ привыкъ разсуждать одесситъ. И такое разсужденіе, не скрываемое и всѣмъ извѣстное, является лучшимъ доказательствомъ той степени музыкальной культурности, какой достигла Одесса. При такомъ положеніи становится положительно жаль энергіи, трудовъ и знаній, затрачиваемыхъ въ настоящее время въ Городскомъ театрѣ гг. Супруненко и Бернарди... За примѣромъ не далеко, кстати и ходить. Кому не извѣстно въ Одессѣ имя Де-Рибасъ? И вотъ, — это имя вдругъ появляется на театральной афишѣ. Этому появленію предшествуетъ широкая молва и отзывы цѣлаго ряда музыкальных критиковъ и газетныхъ рецензентовъ о талантливой юной звѣздочкѣ опернаго небосклона. Молва эта дѣйствительно подтверждается, у юной артистки дѣйствительно оказывается въ личности все для достиженія большого сценическаго успѣха: небольшой, но юный, свѣжій голосъ, отлично поставленный, съ прекрасною школою, поразительно отчетливая дикція, настоящая артистическая игра, — словомъ, — несомнѣнная талантливость, общающая многое. И что-же? Театръ все такъ-же почти пустъ, одесситовъ туда и калачемъ не заманишь. Что-же это значить? Неужели нашего театрально-музыкальнаго развитія и образованія хватаетъ только на ананьевскій "Иллюзіонъ", непрерывно дѣлающій прекрасные сборы...

Чайка.

Практическая жена.

I.

Козовкинъ недавно женился. Жена его, пухленькая Анфиса Павловна, была очень практическая особа. Если-бы всѣ жены были такovy, то женитьба была бы счастьемъ, и каждый имѣлъ бы право жениться даже нѣсколько разъ. Но Козовкинъ былъ идеалистъ, и его смущало, что онъ имѣетъ практическую жену.

II.

Его превосходительство очень мило посмотрѣло на Козовкина. Оно милостиво спросило его, счастливъ-ли онъ въ своей новой семейной жизни, красивая-ли у него жена.

Козовкинъ былъ очень счастливъ, что его превосходительство удостоило его такимъ вниманіемъ. Но вниманіе его превосходительства показалось ему подозрительнымъ.

III.

Когда Козовкинъ пришелъ домой, Анфиса Павловна замѣтила, что мужъ разстроенъ, не смотря на то, что былъ удостоенъ такимъ милостивымъ вниманіемъ его превосходительства. Какъ практическая женщина, она скоро поняла, что мужъ не хочетъ купить повышенія по службѣ цѣною роговъ. И это ей очень, очень понравилось. Поэтому она скоро придумала планъ дѣйствій, и вполне успокоила своего супруга.

IV.

— Послушай, милый — сказала она, — его превосходительство будетъ доволенъ, а у тебя головного убора не будетъ.

Она нѣжно посмотрѣла на своего супруга.

Затѣмъ она стала шептать ему что-то на ухо. Козовкинъ былъ въ восторгѣ. Онъ понялъ, какъ счастливъ, имѣя практическую жену.

На слѣдующій день, когда его превосходительство спросило Козовкина о его семейной жизни, Козовкинъ пригласилъ его превосходительство на чашку чаю. Тогда его превосходительство лично убѣдился, какъ онъ счастливъ.

V.

— Рекомендую: жена моя, Анф-

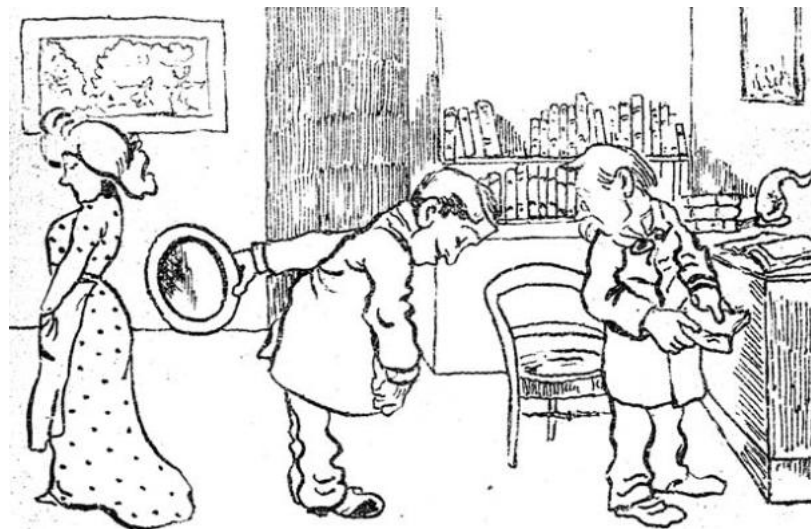
риса Павловна, сестра моя, Перпетуа Ивановна.

Его превосходительство совсѣмъ не знало, что у Козовкина есть и сестра, да еще такая бабешка. Она такъ выразительно посмотрѣла на его превосходительство. Вообще, она держалась очень развязно и курила папироски.

Козовкинъ покраснѣлъ, когда назвалъ Перпетуу Спиридоновну сестрой, но его превосходительство этого не замѣтило.

VI.

Оказалось, что сестра Козовкина, т. е. Перпетуа Ивановна, вдова и что она пріѣхала изъ провинціи искать занятій. Его превосходительство предложило ей переписку у себя на дому. Отчего-же, оно все-



— Уважаемый профессоръ! Я прошу у васъ руки вашей дочери.

— Только-то! Больше вамъ ничего не нужно?

гда радо поощрить честный трудъ.

Козовкинъ поблагодарилъ за участие, и его превосходительство было очень довольно.

VII.

Когда его превосходительство ушло, Козовкинъ обратился къ его новой переписчицѣ:

— Смотрите-же, Перпетуя Ивановна, не выдайте меня. Перпетуя Ивановна просто отвѣтила:

— Мнѣ нѣтъ расчета.

Затѣмъ она простилась и ушла.

Планъ практичной Анфисы Павловны вполне удался.

VIII.

Много-ли было у его превосход-

ительства работы, неизвѣстно. Перпетуя Ивановна посѣщала его очень часто, и Козовкинъ скоро получилъ повышение. Злые языки говорили, что Перпетуя Ивановна была неграмотна да и не была сестрой Козовкина. Самъ Козовкинъ однажды весело сознался, что у него сестеръ нѣтъ.

— Кто-же эта Перпетуя Ивановна? Спросили его.

Козовкинъ расхохотался.

— Одна из "этихъ дамъ".

Мораль: женитесь на практическихъ женщинахъ.

К. Б—ый.

Экзамень.

Профессоръ: Вотъ случай: правая нога короче лѣвой, и отъ этого человекъ хромаетъ. Что бы вы сдѣлали въ этомъ случаѣ?

Студентъ: Я бы тоже хромалъ.

Тришкинъ кафтанъ.

— Такъ Михаилъ Ивановичъ умеръ?

— Да, и ничего не оставилъ.

— Какъ, вѣдь онъ же считался богачемъ.

— Да онъ раньше потерялъ здоровье, приобрѣтая деньги, а потомъ потерялъ деньги, чтобы приобрѣсти вновь здоровье.

Разпорядительность.

— Ваше благородіе, огонь въ третьемъ этажѣ, а труба хватаетъ только до первого. Что дѣлать?

— Ждать, пока загорится первый.



Химикъ.

Отецъ (собираясь пороть сына): Реви сколько хочешь, но не смѣй слезъ руками вытирать, онѣ мнѣ нужны для химического анализа.

Дѣти играютъ.

— Соня, чего ты орешь на весь домъ? Вотъ, посмотри, Коля какой тихій, сѣлъ и молчитъ.

— Мапочка, это мы играемъ такъ. Онъ — папа, который вернулся ночью домой, а я — мама.

"Техническія женщины"

Газеты сообщаютъ о скоромъ открытіи женскаго технического института.

Если это вѣрно, мы торжествуемъ. Дорогу женщинъ!

Учрежденіе женскаго технического института мы считаемъ прямо таки необходимымъ.

Наши основанія:

1) Женщина нуждается въ техническомъ образованіи, потому что она женщина.

2) "Техническихъ женщинъ" у нас слишкомъ мало.

3) Имѣющіяся "техническія женщины" не находятъ примѣненія своему труду.

4) А потому... надо увеличить число "техническихъ женщинъ".

Конечно, записной женофобъ приписалъ бы такой выводъ женской логикѣ.

Но я даже и подумать этого не посмѣю.

Я горячій защитникъ женскаго равноправія, и не понимаю, какъ такъ могутъ мужчины требовать подчиненія женщины себѣ.

Ибо подчиненіе и властвованіе въ понятіяхъ женщины часто одно и тоже.

А женщина, какъ извѣстно всякому, подчиняется мужчинѣ только для того, чтобы придавить его башмачкомъ.

Конечно, у хорошенькой женщины и подъ башмачкомъ чувствуетъ себя прекрасно.

Но все таки было бы лучше, если было бы побольше "техническихъ женщинъ".

Тогда, быть можетъ, — кто знаетъ! — женщины чувствовали-бы себя прекрасно подъ башмакомъ изверга-мужчины.



Тоже одесситка.

Я положительно удивляюсь темъ мужчинамъ, которые восстаютъ противъ женскаго равноправія.

Для этого нужно быть не только "женоненавистникомъ" и просто извергомъ.

И — главное — не понимать своей собственной, "мужчининской" пользы.

Вѣдь, чѣмъ больше было-бы "техническихъ женщинъ", тѣмъ меньше было-бы браковъ!

Чѣмъ больше "техническихъ" женщинъ, тѣмъ меньше семейныхъ спектаклей.

А эта перспектива такъ заманчива, можно сказать, такъ лучезарна, что...

Mesdames, идите в "техническія женщины"!

Барон Тире

АХ, ОДЕССА

Елена ТОЛСТАЯ
Куплю дорогого! или Одна в Одессе 293

Светлана РЫБАЛКИНА
Шел трамвай десятый номер... 300

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол 304

Георг АЛЕКСЕЕВ
"...мы все твои, Одесса, дети..." 307

Еще недавно среди внуков писателя Алексея Николаевича Толстого мы знали два имени — Татьяна и Наталья. Елена начинали как литературовед, но и вот она входит прозой в русскую литературу.

Елена ТОЛСТАЯ

Куплю дорогого! или Одна в Одессе

— Ну как тебе мой новый галстук?

— Один в Одессе!

"Словарь полуживого одесского языка"

Одесса! Одесса! Только в Одессе есть улица Старопортофранковская — в память о том, как она была вольным городом. Вплоть до этой неудобопроизносимой улицы не платили налогов! Ну почему бы и нам не объявить Одессу оффшорной зоной? А?

Что бы там ни говорили, старушка Одесса еще держится. По улицам иссиня-черная брусчатка, по тротуарам узорчатая плитка, дома штукатуренные, четырех (плюс-минус) этажные, а деревья уже ростом в аккурат четыре этажа и смыкаются золотыми кронами, просеивая на мостовую солнечные кружева. Что включает тему стрижек газонов и неистребимый, несмотря на весь абсурд сегодняшности, подтекст скрытой, тайно хранимой добродетели, порядочности, наработанный как-то даже и в советские годы, скорее вопреки, чем благодаря, и все еще ощутимой...

Но элегантность в Одессе наведена лишь в центре, а по краям лезет разруха — вдоль железной дороги надписи: "Сети стреляють", на улицах — "Осторожно! Сыплется штукатурка". Квартиры не расселены, коммунальные услуги — нет, нет, страшно подумать, куда бы это завело нас...

Зато центр Одессы в часы до обеда представляет из себя одну сплошную свадьбу: то ли это такой вид одержимости, то ли я попала в сезон? У дворца Воронцова, графа Михал Семеныча. набоба Новороссии, три свадьбы сразу, и все почему-то конные! Лошади белые и караковые. Поскольку нынешняя свадьба есть не что иное, как игровой фильм, три съемочные группы ждут в очереди на знаменитую ротонду, по сигналу мчатся внутрь и ускоренной съемкой отчебучивают сложный постановочный сюжет. Девочки все в нейлоновых бантах такой величины, что наводят на мысль о морковке, пошедшей в ботву.

Вокруг Дюка Ришелье другая фракция исполняет ритуальный танец, "Море волнуется — раз!", ритмично прерываемый фотовспышками: "Фи-

гура — замри". Похоже, что приглашенные смещаются по кругу в соответствии с устным народным указанием:

*Если встать на крышку люка,
Будет видно письку Дюка.*

(Это какой-то сотый ракурс, игра складок с жезлом...)

Далее по курсу сходка вокруг Лаокоона во дворике Археологического музея: не уstraшенные зрелищем гнева Господня одесситы, говорят, в свое время поотламывали воздетые к небу в немой мольбе гипсовые руки. Последний оплот Гименея — новенький тяжело-металлический гуляка Пушкин на одноименной улице. Какая-то сволочь отломала у него тросточку — а не гуляй!

В попавшейся мне некстати газетке объявлений свадебная тема выглядит так:

Обслуживание свадеб: а/м Мерседес — Е 300, черный перламутр (я бы добавила сюда: не катафалк).

Обслуживание свадеб простым Мерседесом
(Потому что мы простые люди) и

Интеллигентно проведу свадебное торжество
(На "Запорожце"?).

И, как всегда, я не опомнилась, пока ее не прочитала от доски до доски. Ну сами посудите: часто ли вам приходится читать такое:

Распродажа: российский дуб по цене украинской сосны?

А такое:

Если ваш друг — жмот, купите в рассрочку?

Ей-богу, не выдумываю. Эта газетенка называется "Авизо". Хотите выучить одесского языка, читайте "Авизо"!

Пшеница, ячмень, семечка. Куплю!
(хотя, если идти за фонетикой, правильнее писать семочка).

И потом, ну как лучше познать национальный одесский характер? Слушайте сюда:

Памятники, гранит, цвет черный, полированные, любой размер. Недорого! Возможен бартер.

Например, на семочка?

Денег нету, но открытость идеям заменяет деньги, и это хорошо:

Мебель плетеная (лоза), новая. Или меняю на ВАЗ, хор. сост.

Электрокамин масляный. Или меняю на фанеру.

— Или!

Бордосский дог, щенок-девочка. Титулованный производитель.
Возможен обмен на холодильник или мягкий уголок.

А вот и он, этот уголок, сам припрыгал:

Диван-лягушка б/у, кожаный уголок "Мадонна" (вы млеете?), барная стойка (дуже гарная!). Дорого!

Вещи продаются тут коллекционные, они сами складываются в изысканные серии — например, серия "фруктовый салат":

умывальник, цвет салатовый

бачок к унитазу (Румыния), цвет лимонный

ванна пл. (Египет), цвет розовый

подставка под умывальник "Тюльпан"

лицевая часть для ванны оливковая

Поблизости объявлен к продаже — просится в набор
насос фекальный. Авт. Вкл. 5 м.

А вот наш бонус, подарок читателям:

Прибор бытовой, не пылесос: чистка, мытье, дезинфекция люстр, унитазов, одежды, штор, раковин, подушек и пр., без химических препаратов, не замочив кончиков пальцев.

И не "Гербалайф", это точно!

Но что мы все о вещах! Пора развернуться лицом к человеку:

ищем женщину для ведения домашнего хозяйства (козы, куры). Так вот и позабудешь совсем, что такое домашнее хозяйство...

ищу людей для совместного разведения птицы (генная инженерия?)

ищу работу маляра, штукатура. Выполняю все строительные работы.

Татьяна. (В деревню марш — за птицами ходить!)

Но мы отклонились! Мы изучаем человека и его психологию в новых положениях. И очень часто это будет реакция некоторого, я бы сказала, жеманства: мол, мы не отсюда, мы созданы для лучшей жизни, и вообще мы слишком нежные и чудные:

Спиливание деревьев любой сложности. А рядом:

Фасады. Любая художественная сложность. Порядочность. Недорого! (это характерно — как порядочность, так недорого!)

Адвокатские услуги: расторжение брака, возмещение ущерба, в т. ч. морального. Видимо — звоном монеты, ее сверканием на южном солнце, шелестом банкнот под легким бризом.

...Какое количество удивительных, баснословных чудаков в этой Одессе. Ну как вы думаете, кто это:

Сканер пород (почв) с глубиной действия не менее 2-х метров. Куплю. (И обновлю в вечер накануне Ивана Купала.)

Оборудование для пр-ва блинной ленты: куплю. — Дорога блинная!

Стихи, адреса, поздравления к юбилеям, семейным праздникам, дням рождения. Марья Ивановна.

Слава Богу — раньше этим занимался Союз советских писателей, а теперь Марь Иванна справляется одна. Манька Золотая Ручка.

Книги: Б. Прусс, на укр. яз. 5 т. Чучело крокодила. Шкура тигра. Хабаровск.

Кто ты? Украинский Ливингстон! Ибн-Иванович! На полпути к луне? Старику снились львы? Тогда зачем ты купил нудного Пруса? Может, перепутал с Прустом? (не Б.!)

Но и веяния дня долетают до Одессы, носятся в эфире — чтоб их оттуда вытащить, намотать на ус и снять пенку, нужна гениальность. И ее тут есть. Ее тут — è!

Одесса. Бизнес-центр. Набор желающих обучиться технике декоративной росписи ногтей. Метод экспресс-обучения. Отличившимся — возможность работы.

Ага! И в Одессе быть можно дельным человеком! А говорят — падает производство.

Буду вашим представителем во Владивостоке. Знание рынка, в т. ч. рыбного.

Значит так: он сидит, лопает икру ложкой. Красную — по подбородку течет: знает рынок. Слюнный рефлекс, челюсть светло. Звонишь: так и быть! Представляй меня во Владивостоке! Явственно представляй: как мы тут на Ланжероне, на пляже, под солнышком — не доели дыню. Ну не лезет!.. Что?

А вот — ну взял бы и вбю бы!

"Натали"

Агентство прислуги. Домработницы, горничные, швеи, няни, гувернантки, сиделки, повара, садовники. Ул. Базарная (б. Кирова).

Но паазвольте! А где же у вас ключница? А казачок? Шта? Молчать! Рракальи!.. Неужели же нам теперь тосковать по Мальчику из Уржума (б. Кирову)?

Не читайте отдел "Подарки", у кого бывает разлитие желчи.

Приму в подарок радиотелефон.

Мать-одиночка с благодарностью примет в подарок стиральную машину, желательно с центрифугой.

С огромной благодарностью приму в подарок пылесос, электромиксер, с рассекающим ножом, кофемолку. — И еще тостер, микроволновку, электробритву... телевизора все нет... не говоря уж о видео... ну, проигрыватель (теперь это иначе называется как-то...).

Приму в подарок в хорошие руки собаку чи-хуа-хуа или королевского пуделя.

Ни чи-хуа-хуа себе! Помните анекдот: у вас есть жареные хлебцы с изюмом и орехами? — Есть. — Подайте Христа ради, три дня не евши! Может, я тоже приняла бы в подарок радиотелефон!

Но интереснее всего, конечно, брачные объявления: и вы знаете, в радужной Одессе они звучат не так жалобно, как в некоторых других местах. Тут, правда, принято все сокращать: есть даже сокращение "м/ж проблемы", слегка отдающее клозетом. Но все привыкли:

Одесситка, в/о, без в/п (т. е. высшее образование, без вредных привычек), познакомится с симпатичным мужчиной без м/ж проблем. Одесса, а/я 39.

Иногда они сами ощущают затаившийся в этих терминах юмор:

"Женственная ровненчанка познакомится с мужчиной. Можно б/у, но в хор. сост."

Но чаще в объявлениях звучит щедрый, свободно льющийся лиризм:

**Есть дом, который ждет тебя,
Твоей заботы и труда,
Живет в нем мать прекрасных дочерей,
Хозяйка добрых, искренних очей,
Блондинка, 47-16-65, о/в без в/п.
Г. Одесса д/в, п. п. 810896.**

В Одессе в большой моде психология. Даже открыли Институт психоанализа. Психологический подход распространен:

**Ты устал, в свободе счастья нету.
Дом холодный и пуста постель.
Постучу... Открой мне тихо дверь.**

Вы: умны, спортивного типа, с серьезными намерениями. Я: Ольга, 26 лет, привлекательной внешности, умна.

Действительно: настолько умна, чтоб поставить "умна" в конец. Мол: умна и все понимает — в т. ч. разницу между умен и умна. А рамочная конструкция, а симметрия — оцените! Вы умны, а я Ольга. Молодец, девка!

Вообще новости хорошие: желающие замуж характеризуют себя как: **приятной полноты.**

Самая продвинутая (а чего стесняться?) оказалась опять Ольга:

Нежная, темпераментная, абсолютно раскрепощенная, нехудая, с богатой (чего-чего?) эротической фантазией, обаятельная Ольга —

ждет письма от серьезного, нехудого, обеспеченного мужчины. Адрес мы специально не переписали, боясь за Израиль. Но согласитесь, не худо.

И одесситы, похоже, чудно спелись со своими дамами:

Молодой мужчина нормальной внешности и всего остального хочет помочь симпатичной девушке с большой грудью.

Альтруист, однако... Итак — одесситы практичны и знают жизнь, знают любовь, знают женщин, знают, чего они хотят:

Интересный мужчина, солидный, всем обеспечен, ищет женщину, смуглую, плотного телосложения, невысокою роста 30-33 лет, желательно тоже обеспеченную.

Муж скупердайт, жена — кубышка!

Одессит трезв, он прекрасно представляет себе свой идеал и не ошибется:

Простой, обычный, молодой мужчина, без в/п, работает, проживает в частном доме, ждет хозяйку, тоже простую, можно с деревни, не старше 35-170.

На этом фоне открытости и здравого смысла меня до мозга костей пробрало своей угрюмой недоверчивостью следующее сообщение:

Инженер средних лет, 173-68, инвалид 3-ей группы (протез стопы) познакомится с женщиной-инвалидом, обязательно без ноги или руки.

Ах! Леденеет кровь! А с другой стороны, можно легко понять, что человеконенавистный, членовредительный инженер прав — и даже вообразить его разбитую жизнь с этой подлой тварью. — Обобрала и умчалась на своих целых конечностях, стуча копытами.

Да! В большом опыте — большая печаль. Ох, видать, хлебнул и ты, братец:

Бывший житель Украины, еврей, 39-170. Ищет спутницу жизни. Очень приветствуется наличие человеческих качеств. СА, USA.

Надо понимать так, что в СА уже никому веры нет. Что, таки надо было ехать?

Но по большому счету, лейтмотив брачных мужских объявлений — это застенчивое признание:

Молодой. Не спонсор.

Дамы, конечно, резче и сильнее, как всегда бывает:

Молодая, решительная женщина ищет мужчину для дела, тела и души.

Однако изо всех объявлений только одно по-настоящему запало в душу:

Большой, опытный, ласковый, 100% белый, доминантный английский классический перс. Анис фон Кардинал приглашает подружек. Бесплатно!

Я, я хочу! Пустите меня, да не толкайтесь вы! Большого. Опытного. Но — ласкового. И 100% белого. Плевать на politically correct! Именно такого. Джентльмен, весь в белом смокинге с головы до пят. Ну и пусть доминантного, чего там, сколько можно, надоело! Зато английского. По воспитанию английского. Итон там, Хэрроу, Оксфорд. Древний классический грек, то есть перс. Написано же — образование классическое. Et in Arcadia ego. Профиль классический? Мускулатура, золотое сечение... Наверно шейх — а может, забирай выше? Ладно, пусть просто шейх. Учился с младенчества, с самого переворота, в Англии — то-то побелел. А что фон — так все аристократы немножко того, скажем, германофилы. Фон Кардиналь, Кристоаль, Парцифаль... Кристальнахт. Голова кружится. Во рту приятный арамисовый, нет, анисовый вкус...

Эк меня занесло. Как же это я пропустила: это уже другая рубрика, "Дай лапу, друг". Это же про кисок...

Итак, суммируем:

Кризис — да. Но пропасть в Одессе — нет. Со скуки, я имею в виду. Даже если ты одна в Одессе. Поезжайте — обхохочетесь.



Шел трамвай десятый номер...

Одесса! Воскресный день, весенний, теплый, солнечный. На конечной остановке трамвая собралась приличная толпа. Все спешат. А вот и желанный трамвай. Толпа спешно ринулась вперед, чтоб занять лучшие места.

Трамвай поехал по своему маршруту, Людей по воскресеньям, да и в будни, в часы пик, в трамваях ездит много. Не все в нашем обществе могут себе позволить ездить на собственных авто, и не всегда — на маршрутках. Пассажиры уныло уставились в окна, каждый думал о своих проблемах, о том, как выжить в этой непростой жизни. Что всех радовало, так это весна.

Проехав остановку, кондуктор стала обходить плотно столпившихся пассажиров. Приятная женщина средних лет, она не спеша стала всех обилечивать. "Дорогие мои пассажиры, поспешите, билетов мало, всем не хватит, берите скорее!" В трамвае оживились. Кондуктор продолжала: "Милые мои касатики, кто очень хочет купить билет, порадовать меня, но не может ко мне добраться, говорите, я сама к вам протиснусь". Пассажиры неохотно, но покупали билеты. Какая-то пассажирка, услышав знакомый голос кондуктора, спросила: "Шурочка, что-то вас давно не было видно, вы уезжали?" — "Да, — ответила Шурочка, — я отдыхала две недели на Канарских островах". Пассажиры заулыбались.

Трамвай остановился на Большой Арнаутской. Новая волна пассажиров влилась в уже и так набитый вагон, вошел мужчина с пачкой газет. Возраст у него был околпенсионный, внешность интеллигентная. С хорошей дикцией он стал предлагать пассажирам свой товар. Это звучало так: "Дорогие пассажиры, я вам предлагаю "Вечерние вести" сегодняшние с программой за 40 копеек, вчерашние — за 25 копеек". Пассажиры зашевелились. Продавец газет продолжал: "В сегодняшнем номере: когда будут дожди, какая будет весна, будет ли скоро солнечное затмение, когда сажать картошку, будет ли после выборов большинство в Думе, в Киеве хулиганы подожгли синагогу...". На некоторых пассажиров реклама произвела впечатление, и газеты были куплены — штук пять. Продавец не унимался: "Берите вчерашние газеты по 25 копеек". — "А что там?" — "Там о серийном убийце, который изнасиловал двадцать пять женщин, и через пять лет поисков был найден (в трамвае уныние...), а также сенсационная новость о вкладах граждан бывшего СССР". Пассажиры занервни-

чали, пару человек, самых доверчивых, все-таки не пожалели 25 копеек и приобрели газету.

Следующей была остановка "Привоз". Новая волна пассажиров хлынула в трамвай. "Соколики, — громко позвала Шурочка, — кто еще очень хочет купить билет и не может расстаться со своими деньгами — я вам быстро помогу. Берите билеты, они все счастливые". В толпе вошедших было двое детей — очень грязные, загорелые. Они стали рекламировать пассажирам свои вокальные таланты. Одной девочке было года четыре, другой — лет шесть. Они пели один куплет: "Ты меня полюбила, я тебя полюбил, ты меня позабыла, я тебя забыл". Голоса были сочные, девочки пели певуче, растягивая слова. Реакция пассажиров была нулевая. Жалко, конечно, детей, думали пассажиры, да всех жалко, и себя тоже. На следующей остановке дети вышли, явно раздосадованные, и остались ожидать следующего трамвая в надежде на более благодарных пассажиров.

Остановка "Вокзал". Возле вокзала трамвай заполнился до предела. Люди были спрессованы, как селедки в бочке. В толпе раздался молодежь-голос: "Дорогие пассажиры, к вашим услугам газета "Бабушка", сегодняшняя — 40 копеек, вчерашняя — 30 копеек. Из сегодняшнего номера вы узнаете, как без денег, собирая обычные травы, вылечить от всех болезней — аллергии, почек, печени, сердца, сосудов, щитовидки. Главное — сами, без врачей и рентгенов, кардиограмм и компьютеров". На пассажиров такое соблазнительное предложение произвело должное впечатление. Газету стали раскупать. Продавец не унималась: "А во вчерашней газете — как снять сглаз, как приколдовать мужа до конца дней, как влюбить в себя девушку с первого взгляда и как приготовить очень вкусные блюда почти совсем без продуктов, особенно весной, когда у всех авитаминоз, да и пост великий в это время". На толпу последние слова произвели неизгладимое впечатление. Газета раскупалась. Кто-то недоверчиво заметил: "А почему "Бабушка", а почему не "Дедушка"? — "Пожалуйста, — предложила бойкая распространительница, — у меня есть и "Дедушка" с программой на неделю. Из сегодняшнего номера вы узнаете, как у нас на Украине относятся к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией, сколько героина в течение недели обнаружили наши таможенники, зорко охраняя наши границы, где и почем можно приобрести подругу на вечер". Мужчины заерзали, в глазах у многих появились озорные огоньки.

Но здесь трамвай остановился. Остановка — Водопроводная. Часть пассажиров вошла, часть вышла. И здесь зазвучала хорошая песня. Пел парень лет двадцати пяти — тридцати. Пел хорошо. Голос был приятный,

песня была об Афгане, о тех, кто там погиб, На глазах у пассажиров появились слезы, И песня хороша, и слова берут за душу, и парни симпатичные, только, видно, работы у них нет и жить не на что. Пассажиры сочувственно полезли в карманы, помогая ребятам, кто как может. На следующей остановке ребята вышли и пошли покупать себе в будке пирожки и воду. После этого пассажиры притихли. Проезжали кладбище. В этом месте всегда думается о вечном. Высокие кладбищенские тополя верхушками высоко уходят в небо, напоминая нам о нашей связи с космосом. Проезжая в этом месте, пассажиры все думают о друзьях, родственниках, любимых, похороненных здесь.

Следующая остановка — завод "Краян". Здесь пассажиров входит уже немного, в трамвае стало посвободнее. Женщины стали осматривать свои карманы, сумки, все ли в сохранности. И тут несколько женщин обнаружили, что сумки у них разрезаны и кошельки опустели. Вообще, пассажиры трамваев и троллейбусов всегда знают, что такой вариант возможен. Но где-то в глубине души каждый надеется — авось пронесет. Пожилая дама, оставшаяся без денег, стала плакать, она рассказала, что это была ее пенсия до конца месяца, и как она будет жить теперь — неясно. Трамвай молча сочувствовал. Всем было жалко пострадавших женщин — и молодую, и пожилую. Но как виртуозно были вытаснены деньги, как чисто сработано! "Им бы в цирке работать, фокусы показывать, а не людей грабить", — заметил один пассажир. Другой ответил: "Так наша жизнь и есть цирк, причем бесплатный".

Следующая остановка — Ефимова. Вошел мужчина средних лет и стал рассказывать о беспризорных, о том, какими темпами беспризорность увеличивается, где живут, спят маленькие беспризорные дети. О приюте для таких людей, о том, как их там кормят, поят, одевают. Он предложил приносить теплые вещи, игрушки. "Ну а сейчас, дорогие пассажиры, помогите этому обществу и приобретите специальную газету, которая стоит одну гривню. Эти деньги пойдут на питание бездомным". Люди стали молниеносно шарить по своим кошелькам и сумкам. Люди не потеряли сострадания. Бездомным все же хуже всех. Газета быстро раскупалась. Шурочка решила напомнить пассажирам, чтобы они, соколики, осчастливили ее приобретением билетов, которые самые счастливые и везучие. "Где мои зайчики, признайтесь, я быстро помогу вам расстаться с 50 копейками!" — громко предлагала Шурочка, зорко наблюдая за пассажирами. И здесь ее взгляд упал на девушку, робко сидевшую у окна. Ей было лет шестнадцать, она была скромно, но чистенько одета, выглядела совсем не плохо. Девуш-

ка покраснела и тихо сказала: "У меня нет денег". Шурочка потеряла дар речи. Она немного помолчала, а потом сказала: "Мы не можем возить бесплатно, тебе надо немедленно выйти из вагона". Девушку было жалко, Пассажиры понимали: всякое может быть в жизни, Но Шурочка настаивала. И тогда рядом сидящая женщина сняла напряжение в этой непростой ситуации. Она предложила: "Мне положен сопровождающий, вот мои документы, считайте, что девушка со мной". Удачное решение этой проблемы было найдено, и все вздохнули с облегчением.

Трамвай остановился. Остановка — Бреуса. Новые пассажиры вошли в трамвай, Шурочка четко всех обилечивала, неугомонно обходя трамвай. Вот взгляд ее упал на женщину, которая сидела у окошка с закрытыми глазами. Шурочка испугалась: а вдруг женщине плохо, вдруг ей нужна помощь? Мужчина, сидящий рядом, стал легонько ее тормошить — женщина дышала, но очень крепко спала. Все стали переживать: а вдруг она проспит свою остановку — жалко! "Женщина, — позвала Шурочка, — где вам выходить?" Женщина проснулась. Она была счастлива, улыбка была до ушей. Даже непродолжительный сон ее взбодрил. Проснувшись, она сразу полезла к себе в карман. Все благополучно, пятьдесят гривен на месте, никто не украл, воспользовавшись ее сном. А ведь эти деньги так ей дороги! Это деньги, которые сейчас дают каждому владельцу вкладов, замороженных с 92-го года. Проснувшись, женщина стала рассказывать пассажирам, как она накануне с 10 часов вечера заняла в сбербанк очередь и всю ночь, примостившись на каком-то ящике, просидела в очереди, а потом целый день простояла в кассе и в итоге, получив свои 50 гривен, села в трамвай и заснула.

Следующая остановка — Малиновского. В трамвай стремительно вошли двое молодых людей — контролеры. Они стали проверять у всех талоны, в надежде найти зайцев. Но таковых в трамвае не оказалось. Все были с билетами. Трамвай продолжал свой стремительный ход. Вот и конечная остановка! Шурочка зашла к вагоновожатой — такой же, как и она, симпатичной, моложавой и волевой женщине. "Ну, вот и еще один рейс сделали сегодня. Скоро уже и смена закончится", — сказала Шурочка. "А что ты будешь делать завтра, в свой выходной?" — поинтересовалась вагоновожатая. "А что? Поеду на свои Канарские острова — Сухой Лиман, на фазенду — сажать картошку и лук, если, конечно, будет хорошая погода..."

"Городок" — пятый угол

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО НА ВАШЕМ ТЕЛЕЭКРАНЕ —
ЮРИЙ СТОЯНОВ И ИЛЬЯ ОЛЕЙНИКОВ:

Слово за слово...

— Недавно в Россию футбольная команда из Германии приезжала, а в аэропорту висел плакат "Слава народу-победителю!" Так кто-то из начальства велел, когда они будут уезжать, этот плакат снять, времена, мол, изменились, неудобно перед гостями. Представляешь?!

— И что, сняли?!

— Нет, повесили другой: "Слава народу, сыгравшему вничью!".

— Граждане судьи! Я вот тут сидел и слушал, как прокурор обзывал меня грубыми словами типа "озверевший олигарх", "потерявший совесть магнат" и даже "воровской пахан". За что, граждане судьи? Вот тут называли имена всяких нехороших людей и говорили, что они Родину продали, и что их надо судить. И правильно! Надо! А меня-то за что судить? Я же Родину не продавал! Я ее купил...

Нервы ни к черту!

На скамейке возле здания МГУ сидят двое мужчин — дед и отец. Дед вскакивает и нервно ходит туда-сюда. Отец с наслаждением сосет "Чупа-Чупс".

Д. Это же надо! Никак не могу успокоиться! Мой внук поступил в МГУ! В МГУ! Мой внук!

О. Папа, ну ладно! Пора уже успокоиться.

Д. Я тебя не понимаю! Это даже как-то ненормально! Как ты можешь сидеть как истукан, когда твой сын поступил в МГУ! Твой сын — в МГУ! Твой! В МГУ! У тебя что, железные нервы?

О. Во-первых, нервы у меня действительно неплохие. А во-вторых, пора успокоиться, все-таки уже 10 лет прошло...

Из жизни замечательных людей

Карл Маркс

Маленький Карл Маркс сидит на горшке и смотрит в потолок. Входит сиделка.

Сиделка. Карл, ваша муттер очень недовольна! Я жду! У вас серьезная простуда! Надо лечиться, а вы целый час не можете сдать общий анализ мочи. Вы знаете об этом?

Карл. Да, фройлейн Эльза.

Сиделка. Так что же вы сидите и мечтаете?

Карл. Я мечтаю о том времени, когда все будет общее!

Ломоносов

В лабораторию Ломоносова входит важный чиновник с бумагой.

Л. Чем обязан, господин обер-прокурор?

Ч. Скажи, Ломоносов, это правда, что ты когда-то из Холмогор с рыбным обозом пришел?

Л. Было.

Ч. Так вот, я это дело раскопал! Как ты объяснишь, что в том обозе сорок пудов красной рыбы пропало? А?! Только не надо мне парик пудрить, что "если где что убыло, то оно где-то прибыло...", что ты университет основал...

Л. А вы знаете, господин обер-прокурор, сколько нынче надо дать, чтобы в этот университет поступить? Знаете?!

Ч. Ну-у, в общем...

Л. А теперь представьте себе, сколько тогда надо было дать, чтобы этот университет основать!!

Это все — сказки!

Гулливер

За столом таверны сидят двое крепко поддатых лилипута. У 2-го огромные уши.

1-й Ты знаешь, Билл, какой-то ты все-таки странный. Не такой, как все лилипуты.

2-й Что? Не слышу! Говори громче!

1-й (орет) Я говорю, лицо у тебя, как у нормального лилипута, руки, как у лилипута, мозг точно лилипутский, но вот уши...

2-й Да, Джон. Ты не первый, кто мне это говорит.

1-й Но должно же быть какое-то объяснение!

2-й Дело в том, что я сын лилипутки и Гулливера. Уши у меня в папашу. А мамашу свою я никогда не видел, она сразу умерла. Такая была трагедия, понимаешь...

1-й Конечно, понимаю... Она умерла при твоём рождении?

2-й Нет, при моём зачатии...

Кощей Бессмертный

Врач в кабинете, пишет. Входит худой старик.

В. Следующий! Фамилия? Имя?

С. Бессмертный Кощей.

В. На что жалуетесь?

С. На жизнь. Надоела мне такая жизнь! Помереть хочу.

В. Ну, ну! Зачем так мрачно? У нас прекрасные специалисты. Вам до смерти далеко.

С. Конечно, далеко. Она у меня за тридевять земель. Там на дубе сундук, а в сундуке утка...

В. О, дедуля... Все ясно, вот вам направление к психиатру.

С. А в яйце игла...

В. Ага! И к урологу.



"...мы все твои, Одесса, дети..."

"Квадратное, красное, крутится и поет" — на эту заданную мною загадку собеседники реагировали по-разному. Ростовский одессит Валентин Куба приподнял брови, задумчиво посмотрел на пол и выдал ответ. Валерий Чернис озадаченно потрогал свою интеллигентную седую бороду, глянул мне в глаза и сказал, что он думает по этому поводу, а Василий Пинчук откинулся на спинку кресла, отвел взгляд от экрана компьютера, на всякий случай хохотнул и высказал свое мнение. Трое назвали одно и то же слово, дав правильный ответ — "компакт-диск", и в этом не было ничего удивительного: ведь они занимаются звукозаписью множество лет, начав еще во времена монозаписи и легендарных магнитофонов "МЭЗ".

Вы спрашиваете, почему квадратное и красное? Так я вам скажу, что диски бывают не только круглые, а во-вторых, мой диск — в какой цвет хочу покрасить, в такой и покрашу, хоть в желто-голубой...

"Я об Одессе свой веду рассказ,

И лишь о ней страдает моя лира,

И верим мы, что недалек тот час,

Когда Одесса станет центром мира..."

У меня в руках раскаленная добела "железяка" в прекрасно оформленной коробочке с видами старой Одессы. Титульная запись гласит: "Одесситы об Одессе". Это итог двухлетних усилий одесских композиторов, поэтов и музыкантов, собравшихся под эгидой студии звукозаписи "СВИНГ" (директор Василий Пинчук). Львиную долю аранжировок сделал музыкальный редактор проекта, композитор и мультиинструменталист В. Чернис.

На CD записаны 14 песен общей продолжительностью почти 52 минуты, 6 из которых — это традиционные одесские песни с новыми аранжировками, например, "Кафе "Фанкони", "Все будет хорошо".

Этот проект поистине интернациональный: в нем принимают участие украинцы, евреи, русские, осетины и, думаю, не стоит говорить, что их объединяет.

"...Этот город теперь деловит и точен,

Он лоснится довольством со всех обочин,

И все реже услышишь от раза к разу

Здесь одесскую фразу..."

2-й Да, Джон. Ты не первый, кто мне это говорит.

1-й Но должно же быть какое-то объяснение!

2-й Дело в том, что я сын лилипутки и Гулливера. Уши у меня в папашу. А мамашу свою я никогда не видел, она сразу умерла. Такая была трагедия, понимаешь...

1-й Конечно, понимаю... Она умерла при твоём рождении?

2-й Нет, при моём зачатии...

Кощей Бессмертный

Врач в кабинете, пишет. Входит худой старик.

В. Следующий! Фамилия? Имя?

С. Бессмертный Кощей.

В. На что жалуетесь?

С. На жизнь. Надоела мне такая жизнь! Помереть хочу.

В. Ну, ну! Зачем так мрачно? У нас прекрасные специалисты. Вам до смерти далеко.

С. Конечно, далеко. Она у меня за тридевять земель. Там на дубе сундук, а в сундуке утка...

В. О, дедуля... Все ясно, вот вам направление к психиатру.

С. А в яйце игла...

В. Ага! И к урологу.



"...мы все твои, Одесса, дети..."

"Квадратное, красное, крутится и поет" — на эту заданную мною загадку собеседники реагировали по-разному. Ростовский одессит Валентин Куба приподнял брови, задумчиво посмотрел на пол и выдал ответ. Валерий Чернис озадаченно потрогал свою интеллигентную седую бороду, глянул мне в глаза и сказал, что он думает по этому поводу, а Василий Пинчук откинулся на спинку кресла, отвел взгляд от экрана компьютера, на всякий случай хохотнул и высказал свое мнение. Трое назвали одно и то же слово, дав правильный ответ — "компакт-диск", и в этом не было ничего удивительного: ведь они занимаются звукозаписью множество лет, начав еще во времена монозаписи и легендарных магнитофонов "МЭЗ".

Вы спрашиваете, почему квадратное и красное? Так я вам скажу, что диски бывают не только круглые, а во-вторых, мой диск — в какой цвет хочу покрасить, в такой и покрашу, хоть в желто-голубой...

"Я об Одессе свой веду рассказ,

И лишь о ней страдает моя лира,

И верим мы, что недалек тот час,

Когда Одесса станет центром мира..."

У меня в руках раскаленная добела "железяка" в прекрасно оформленной коробочке с видами старой Одессы. Титульная запись гласит: "Одесситы об Одессе". Это итог двухлетних усилий одесских композиторов, поэтов и музыкантов, собравшихся под эгидой студии звукозаписи "СВИНГ" (директор Василий Пинчук). Львиную долю аранжировок сделал музыкальный редактор проекта, композитор и мультиинструменталист В. Чернис.

На CD записаны 14 песен общей продолжительностью почти 52 минуты, 6 из которых — это традиционные одесские песни с новыми аранжировками, например, "Кафе "Фанкони", "Все будет хорошо".

Этот проект поистине интернациональный: в нем принимают участие украинцы, евреи, русские, осетины и, думаю, не стоит говорить, что их объединяет.

"...Этот город теперь деловит и точен,

Он лоснится довольством со всех обочин,

И все реже услышишь от раза к разу

Здесь одесскую фразу..."

На "плите" три песни, автором которых является Валентин Куба, и эти достойные треки ясно показывают, что одесситом можно быть не только по рождению. Он же их и спел — напористо и с удалью.

Особое место занимает песня в традиционном стиле "Эх, клейзмер". Ее сочинил и спел многоопытный "одесский Том Джонс" — Олег Золоев, в свое время написавший песню "Сигарета, сигарета...", многими считае- мую народной.

Особо теплое впечатление производят песни в исполнении мягкого и лиричного В. Черниса, с исключительной любовью спевшего 5 песен. Нельзя не упомянуть замечательную "ландшафтную" песню "Закат в Одессе" (слова В. Пилишенко), сочиненную мастером салонной лирики А. Семенищевым.

Завершает диск ностальгическая песня А. Валеvского и Б. Бортника, название ее угадайте с трех раз... В ней вы услышите басисто рокочущий речитатив заслуженного артиста Украины О. Школьника. Приятное впечатление оставляет мягкое, хорошо сведенное звучание всех треков диска, выполненное звукорежиссером В. Пинчуком.

Если внимательно посмотреть надписи на диске, то в нижней части титула вы прочтете: "Антология. Том № 1". Иными словами, проект продолжает жить: уже создана значительная часть материала для второго диска антологии. А пока ведется подготовка к съемкам видеоклипа и презентации первого диска. В добрый путь!

"О, сколько нас разбросано по белу свету,
Разноплеменных, но таких родных,
Мы все твои, Одесса, дети,
В любых краях и странствиях любых!"



ПУТЕШЕСТВИЕ

Феликс КОХРИХТ	
Критские коллажи	310
Влада ГАЛИНА, Олег ВЛАДИМИРСКИЙ	
Путешествие за гордостью	324

Критские коллажи

В разгаре знойного лета мне выпала удача прожить две недели среди Мифов и Рифов (спасибо Виктору Конецкому за вечный — изящный и сильный — Образ) на двух средиземноморских островах — Крите и Санторине (правильнее — Santorini, острове святой Ирины, — так называли его венецианцы). Тысячелетия назад они были центрами уникальных цивилизаций, подвергшихся слепой тектонической ярости нескольких мстительных древних Демиургов — Вулкана (не нуждается в расшифровке), Геи (богини Земли), повелителя морей Посейдона и, разумеется, громовержца Зевса. Уж его-то гнев, как говорится, не мотивирован: в этих местах он родился и провел детство, здесь, на Крите, оборотившись Быком круторогим, соблазнил и похитил царскую дочь Европу. От этого межвидового мезальянса родился основатель минойской династии — первый правитель Кноссоса Минос...

Помните зачин Эпоса: "Гнев, богиня, воспой..."? Это Гомер, поселившийся в одной из дивных критских бухт волшебницу Цирцею, коварную соблазнительницу Одиссея сотоварищи, но вышесказано о другом Герое Эллады — Ахиллесе, кстати, бывавшем и на нашем родном Змеином. А на Крите рождались, сражались, влюблялись, побеждали, терпели поражение тираноборцы, интеллектуалы, полубоги — Одиссей с экипажем аргонатов, Тесей, Дедал и Икар, из героев же не мифических, а реальных — гениальный художник Доменикос Теотокопулис, известный миру как Эль Греко...

Так вот, гнев богов обрушился сначала на Атлантиду (она, согласно Платону, находилась там, где нынче вздымается из моря скала Санторина): внезапно взорвался Вулкан (его жерло и сегодня булькает под водой), уничтожив города и храмы, равных которым человечество так и не построило, а затем приливная волна и тучи вулканического пепла смели на Крите с лица земли столицу Минойского царства — вместе с Лабиринтом, в котором афинский царевич с помощью путеводной Нити Ариадны победил чудовищного Минотавра... Все это чудесным образом спустя тысячелетия отрыл и реконструировал английский археолог Эванс, а Санторин стал одним из самых крутых центров туризма...

Рифы и Мифы... На этой древней земле, в этом древнем море порой трудно отличить Действительность от Грезы, сказку от были. Этим ощу-

щением Нереального, пережитого в Реальном, мне хотелось бы поделиться с читателями альманаха. Тем более что греки нам, одесситам, не чужие испокон веков.

Минойцы были маленького роста...

В Лабиринте на экскурсии
Я чуть не заблудился...
Озирался, искал,
К кому бы обратиться с вопросом...



И тут, представьте себе,
Столкнулся с Хозяином —
Нос к носу!
Он оказался весьма учтивым,
За руку со мной поздоровался,
Спросил, естественно, по-минойски:
— Ну, как вам наш Кноссос?
Я выразил Царю свое восхищение,
Рассказал, что мы из Одессы.
Где греки издавна проживали...
— Ах да, — припомнил властитель Крита, —
Мне аргонавты рассказывали,
Что мимо вас проплывали...

* * *

Минойцы были маленького роста,
Гибкими, с узкими талиями.
Тесей, обыкновенный эллинский парень,
Казался им настоящим гигантом,
Не говоря уже о долговязых,
плечистых атлантах...



Минотавр-то был плюгавеньким бычком,
Таких у нас до года выращивают на фермах.
Сражение в Лабиринте?
Просто цирк!
Игра на зрительских нервах!

Преклонный минойский возраст —
Где-то под тридцать пять,
И когда по воле Зевса суждено было им умирать,
Хватало мужикам саркофага
Метр на семьдесят пять...



Но в мировую историю эти крохи
Вошли как гиганты
Не только большого секса,
Но и в других важнейших номинациях,
В том числе и как создатели
Великой Минойской цивилизации

* * *

Когда-то захватили Крит
Лукавые венецианцы,
Устроили здесь Карнавал,
Танцы-обниманцы...
...Среди развалин крепостей
Уже не сыщешь их костей,
На местной барахолке —
Стекла муранского осколки...
Танцы-обниманцы...
Чао, венецианцы!
А мы танцуем сиртаки
С доктором Личинаки...



* * *

На улице еще темно,
А у причала Ретимно.
А правильной — Ретимно
Зажег гирлянды "Golden prince"
Он нас везет на Санторин,
В его столицу — Фиру...
Когда-то, много лет назад,
Там был посажен город-сад...

Увы, погибла Атлантида...
Такая у нее планида.
Об этом рассказал Платон,
А он мне друг,
Философ он!
Он нас до порта проводил,
Жаль, рано попрощался,
На берегу остался.
Издатели его скупы и строги:
Он задолжал им "Диалоги".

* * *

Доменикос Теотокопулис
Давно покинул Крит,
Живет себе в Испании,
Без усталости творит.
Его картины странные
В собраниях многих королей,
Их пользуется милостью,
Почтением простых людей...
Но дети озорные — стайка пострелят —
Монаха и затворника,
Великого художника
В покое созерцания оставить не хотят:
С утра до поздней ночи
Под мастерской галдят:



"Ехал грека через реку!"
Не дают отдохнуть человеку!
И так — из века в век —
Не спит великий грек...

* * *

На острове Святой Ирины
Доживает долгий-долгий век
Маленький и толстенький

Диковинный человек.
 Не говорит по-гречески,
 По-французски —
 С корсиканским акцентом...
 Платит за все золотыми франками —
 Не признает ни евро, ни центы...
 Курит крепчайший "Голуаз",
 Пьет лишь "Мадам Клико",
 Закусывает круассанами...
 Он просыпается очень рано:
 Сперва горизонт разглядывает
 В подзорную трубу,
 И что-то при этом бормочет
 Про Англию и судьбу...
 Затем он слушает радио:
 "ООН всполошилась! Заседает срочно созванный СБ!".
 Бывает, он с "ними" вступает в дискуссию.
 Он даже отказывается от контрибуции!
 Он "им" обещает полмира,
 Но Францию — только себе!...
 — Позвольте, месье, но ОН давно уже умер!
 ЕГО могила в Париже, во Дворце инвалидов!
 — Сэр! Раскрою вам тайну:
 Это — ложное захоронение!
 Так, для виду!
 На острове Святой Елены скончался ЕГО двойник,
 Человек, увы, ни в чем не повинный!
 А ОН был тайно мною перевезен
 На остров другой Святой —
 Ирины!
 И дожил,
 Как вы убедились,
 До наших дней
 В чудесном климате
 Санторина!



В городе Ретимно есть парикмахерская,
 в которой работает мастер Канарис...

Под собственной звучной фамилией,
 Ни от кого не таясь,
 Живет на Крите Канарис...
 Он не выходит на связь
 Ни с Шелленбергом, ни с Мюллером.
 Старик он с виду хмурый —
 Работает парикмахером,
 Пошел ему сотый год.
 Он строгий и очень гордый,
 И чаевых не берет...
 ...В двенадцать часов по ночам
 Из гроба встает барабанщик,
 За ним спешит адмирал
 И третий камрад — шарманщик...
 И грезит старый супершпион,
 Что где-то, в далекой Маниле,
 И другу Штирлицу снится сон,
 Как вместе в разведку ходили,
 И как, усмехаясь в седые усы,
 Вручал ордена им Сталин,
 Как Жукову он лукаво сказал:
 "Ребята, конечно, устали...".
 Мы шагнули вперед:
 "Если завтра — война,
 Если завтра — в поход!".
 ...Но солнце встает...
 Сгинули Жуков и Сталин.
 Петух прокричал...
 Уснул адмирал...
 Рассыпался в прах барабанщик...
 По улочкам Крита устало бредет
 Слепой одноногий шарманщик...

Е. Г.

"По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.

.....
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос".



Когда-то Багрицкому это приснилось...
— А что привезти вам, скажите на милость?
— О друг мой, оставьте, не будьте наивны:
Колготки, виагру и контрацептивы.
Ай, Критское море!
Вор на воре!

* * *

Пан пропал.
Осталась флейта,
А Геракл ее пропил...
У Аида была собака,
А Геракл ее убил...
И на могиле написал,
Что собаку звали Цербер,
И что Пан пропал...

* * *

— Ну что тебе сказать про Санторин?
На острове хорошая погода,
Звонят колокола трехсот церквей,
По узкой улочке спешит
Священник православного прихода...
Здесь долго ясны небеса...
Тысячелетия назад
Здесь совершались чудеса...
— Как в Граде-Китеже?

— Увы, из нас никто там не был...
— Но там, спасаясь от беды,
Ушли под воду небеса,
А здесь — рванули в небо!

В Лабиринте входа два...

Тесей по нашим временам —
Генерал от инфантерии,
А бедняга Минотавр —
Жертва генной инженерии

* * *

В Лабиринте рестораник —
Скромно все и без затей.
Окаменевший мититей —
Им закусывал Тесей —
И вина стаканчик.

* * *

Просыпаюсь утром рано:
Нет пружины от дивана!
Всюду — нити Ариадны,
Будь она неладна!

* * *

На выходе из Лабиринта
Контора недавно открыта:
"Тесей и Ариадна.
Рога и копыта".

* * *

В Лабиринте входа два —
Черный и парадный.
Не забудьте обвязаться
Нитью Ариадны!



* * *

Цветет в садах рахат-лукум,
Созрели козинаки.
И в Лабиринте Минотавр
Танцует нам сиртаки.

Стенания гетеры не принимай на веру!

Старик старухе говорит,
Что уезжает он на Крит
Завтра, спозаранку
К молоденькой гречанке:
— Она не курит и не пьет,
Она во всем меня поймет.
И будет ставить банки...



* * *

— Когда легкомыслен и молод я был,
Гречанку младую всем сердцем любил...
Гляжу я с тоскою на черную шаль...
— Чего же ты плачешь?
— Мне Пушкина жаль...

* * *

Мимо тещиногo дома
Критским гордым соколом
Ходит-бродит, песнь заводит
Хмурый Попандопуло...

А. К.

Спешу, друзья, развеять я ваши заблуждения,
Мол, гречанки неказисты с самого рождения:
И носы у них крючком, и кривоваты ноги...
Всех, кто мелет языком, да покарают боги!
И девчата хороши, и зрелые матроны,
Ишь, как пляшут и поют под аккордеоны!
Да, старухи страшноваты...
Но они не виноваты.

* * *

Если критским утром ранним
Повстречаешь ты путану,
И услышишь: "Охи, охи!", —
Это значит — дело плохо.
Не надейся на привет.
"Охи" — в переводе — "Нет"...
Поезжай-ка ты в Микены —
Там пониже будут цены.

* * *

Избегаю я старух,
Их не выношу на дух.
Провожая взглядом школьниц —
Греческих смоковниц...

* * *

Рано утром, спозаранку,
Нас приветствуют вакханки!

О! Эти женщины на Крите!

Дианы грудь,
Ланиты Флоры.
Конечно, ножка Терпсихоры.
Афродиты крупный круп.
Ариадны нити...
Нет! У наших — лучше тити!



О! Эти юноши на Крите!

В. Г.

На пляжах всех модных курортов
Прекрасные принцы-консорты,
Одетые в майки и шорты,
Заняты тяжелой работой.

Потомки Тесеев, Будд, Елисеев
На Крите, Майорке и в Ленинских горках,
И в душной долине Меконга
Песок подметают, дам забавляют
И моют из шлангов шезлонги...

О своих могучих предках
Вспоминают очень редко.

О! Эти критские коты!

Тане

Не то, что б дивной красоты...
Лукавы, ироничны, тощеваты.
Как истинные аристократы.
В их глазах продолговатых
И изысканных фигурах,
В средиземноморском шарме,
Артистических натурах
Отслеживаются традиции
Высокой и таинственной
Крито-микенской культуры.
И существует мнение,
Что все они — мутанты
И вовсе они не кошки,
А потомки великих атлантов...

P.S. Коты — разные в каждом регионе
В Ретимно — ошиваются в порту,



На Санторине — жарятся на солнце,
В Херсониссе — глядят себе в оконце,
А в Ираклионе — бродят по балконам.
Запомните:
В Хане и Мале — лучшие на Крите котята —
Ханята и малята.



Здесь, на жарком, терпком Крите...

Голландка-переводчица учит нас сиртаки...
Мужеподобна и сильна,
Душою морю отдана,
А грешною плотию —
Капитану Фотию...
На теплоходе "Golden Prince"
Реализует свой каприз:
Сбежала эта дама
Из сырого Амстердама —
От приевшейся селедки,
Слабоватой сладкой водки,
От покладистых мужчин...
Вам достаточно причин?
Здесь, на жарком, терпком Крите,
Ей — чудесное раздолье!
Каждый день в таверне танцы
И душевное застолье!
А под вечер, после вахты,
Весь в усах и слегка пьян,
С ней выходит в круг и пляшет
Наш отважный капитан.

* * *

Свободу — Манолису Глезосу!
Премию — Теодоракису!
Каждой Каллас — Онассиса!
Зосе Синицкой — мужа Фемиди!
Бендеру О., увы, — Немизиди!
Каждому Зорбе — танец сиртаки!
Часы золотые — Володе Кастраки!





О. Г.

Проходим решительно мимо сластей,
Ликеров, целебных отваров,
Мимо кофеен, кальянов и всяческих самоваров.
Мечутся в панике продавцы,
А мы им: "Цыц! Это не наша группа товаров!
Берем у вас ракию и узу!".
Дешево и сердито!
И долго водим греческую козу
По затихшим улочкам Крита...

* * *

М. П.

Отведав греческой рицины,
Бежали робкие грузины,
Бряцая мелочью в кармане,
Ворвались храбрые армяне,
И только тихие евреи
Спокойно ели мититеи...

В греческом зале,
В греческом зале...
Сладко мы ели
И выпивали...
Звуки бузуки,
Ритмы сиртаки,
Легкость ракии
И тяжесть мусаки...



Критский ряд ассоциаций

В Греции все есть...
И что выпить, и что съесть,
И фемины и маслины,
И скрипочки, и мандолины,
И сиртаки, и кастраки.
И ракия, и козинаки,
И фетта, и суета,
И бузуки, и узу
(Не забыть бы про козу!),
И Тесеи, и евреи,
Циники и лирики,
Смоковницы и скромницы,
Черные полковники и голубые лейтенанты,
Минотавры и мутанты...
В общем, очень, очень мило
Если нет чего, то было...

* * *

Греческая улица,
Греческая площадь,
Греческая церковь,
Греческий базар...
Нет в Одессе греков,
Как, впрочем, и хазар,
Впрочем, нет обереутов,
Впрочем, нет и арнаутов,
Нет ни малых, ни больших,
Ни хороших, ни плохих...
Нет, как не было, халдеев,
Побавилось евреев,
И прибавилось татар. Вот и весь базар.



Одесса-Крит-Санторин
Фото автора

Путешествие за гордостью

Да, именно с чувством гордости, несколько неожиданным для туристской поездки, возвращалась группа представителей одесских, киевских и московских СМИ из путешествия в Карпаты, состоявшегося в конце июля. Чувством тем более приятным, если принять во внимание, что наши отечественные реалии не часто сейчас дают повод для его возникновения.

Там, де гори, полонини

За эти 7 дней, до предела насыщенных переездами и впечатлениями, мы, кроме Ивано-Франковска, посетили Богородчанский район с самым большим в Европе (высота — 20,6 м) Манявским водопадом и действующим грязевым вулканом у села Старуня, побывали в городках Яремче, Ворохте, Верховине, Косове и многих небольших селах, помокли под дождем вместе с участниками молодежного палаточного лагеря "Черний лес — 2003" вблизи села Старуня, погрелись под лучами солнца на высокогорных лугах — полонинах — у села Криворивня, где рядом с нами вольно паслись, мелодично позвякивая колокольчиками, коровы, дающие экологически безупречное молоко, из которого местные жители готовят более 10 видов молокопродуктов...

На полонину нас сопровождал Василь Кобылюк, личность известная и неординарная — руководитель отряда горноспасателей, большой знаток истории края, незаурядный фотомастер, производитель "неслабой" настойки на карпатском женьшене — золотом корне — (этому напитку гуцулы приписывают свойства новомодной виагры), и просто красавец-мужчина. Слушая его пересыпанную местными диалектизмами и анекдотами хвалебную оду Прикарпаты, в жизни не подумаешь, что живет он здесь лишь 20 лет, и в свое время окончил наш родной Одесский университет. Прежде чем накормить нас шашлыком с костерка, Василь познакомил с достопримечательностями Верховины, где обитает сам, и соседской Криворивни.



Оказалось, что здесь находится дом-музей Ивана Франка — тихий, домашнему уютный и воистину сохранивший дух прошлого. Здесь гостили Леся Украинка, Василь Стефаник, Ольга Кобылянская, Михайло Коцюбинский, который тогда и познакомился с гуцульскими легендами, ставшими основой для его "Тіней забутих предків". Не удивительно, что в этом же селе Криворивня Сергей Параджанов снимал свой знаменитый одноименный "Тіням" фильм. Традиционный гуцульский дом — "гражда", в котором "жил" главный герой Иван, бережно сохраняется как своеобразный приусадебный семейный музей под открытым небом, экскурсии в котором водит 11-летняя белокурая и голубоглазая гуцулочка с приморским именем Маринка — прапраправнучка бывшей хозяйки дома, доброй знакомой И. Франко. А неподалеку, в этом же селе, находилась дача первого Президента Украины Михаила Грушевского.

Местные жители стали жить с тех времен не намного лучше. Здесь высокий уровень безработицы, отсюда по-прежнему, как деды и прадеды, едут в другие края на заработки. Земля пригодна только для скотоводства, и местная кухня в основе своей — молочно-мясная, а богатейшие леса под паевание не идут, они по-прежнему принадлежат государству. "Гуцул лісу як не мав, так і не має", — сетуют верховинцы. Потому предоставление услуг в сфере частного "зеленого туризма" для многих стало альтернативой безденежью.

"Бандеровщина", как иногда называют этот край люди, живущие старыми представлениями и мерками (кстати, это название для местных жителей ничуть не обидно, поскольку руководитель УПА Степан Бандера — уроженец этих мест, и на его родине, в селе Старый Угринев Калушского района, ему установлен памятник, а в Ивано-Франковске — мемориальная доска), чтит всех своих героев, и в селах наряду с ухоженными памятниками погибшим в Великую Отечественную стоят памятные кресты погибшим воинам УПА. Сейчас в качестве экскурсионных программ, или, как принято теперь говорить, "турпродукта", предлагается посещение сохранившихся и восстановленных "схронобойовок", которые служили укрытием бойцам УПА вплоть до 1951 года.



Зеленый туризм — это отдых по-семейному



Об этом и многих других аспектах туристического бизнеса в Прикарпатье мы говорили с частными предпринимателями, руководителями общественных организаций, городскими и областными властями — вплоть до председателя облгосадминистрации Ивано-Франковской области Михаила Вышиванюка. Кстати, губернатор, начав встречу, которая состоялась в последний день нашего пребывания в Ивано-Франковске, с шутки "Ну как, не перестреляли вас бандеровцы?", рассказал, что Генеральный консул России во Львове после инструкций, полученных им в русском МИДе (од-

ному по улице не ходить, по-русски не говорить и т. п.), был поражен доброжелательным и лояльным отношением, которое он везде встречал. Были по-хорошему поражены радушием и мы, в основном говорящие по-русски, в чем и поспешили заверить Михаила Васильевича.

Вообще же, главной целью нашей поездки было ознакомление с такой разновидностью отдыха, которая хорошо известна в Европе еще с 50-х годов как "зеленый туризм". Она подразумевает, что отдыхающий проводит свой отпуск не в гостинице или пансионате, а в хозяйском доме, где становится как бы гостем семьи. В Украине, в частности, в Ивано-Франковской области, такой вид отдыха едва ли можно считать совсем новым. Койка в доме хозяина (с удобствами во дворе) при советской неразвитой инфраструктуре туризма была часто единственной возможностью познакомиться с зимними и летними красотами Карпат (как, впрочем, и других мест отдыха) для того, кто не мог достать вожделенную путевку. Впрочем, условия проживания в пансионатах, домах отдыха и на турбазах, с их удобствами в конце коридора и лимитированной подачей воды, едва ли были комфортнее тогдашнего частного сектора. И если некоторые из них остаются такими же до сих пор, то частный сектор претерпел разительные изменения.

За время поездки мы посетили не менее десятка усадеб разной степени комфорта, респектабельности и цены. Сейчас многие из "пионеров" частного туристического сервиса объединены в общественные организации "Союз содействия развитию "зеленого туризма" и "Ассоциацию малых отелей".

За несколько последних лет, без серьезной поддержки со стороны государства и кредитов, исключительно благодаря труду и предприимчивости жителей Ивано-Франковщины, создается туристическая инфраструктура, обладающая всем необходимым набором удобств: от комфортного жилья с туалетом, кондиционером, душем (или даже джакузи), сауной и русской баней — и до предоставления таких массы услуг, среди которых и такие экзотические, как полеты на параплане, езда на лошадях, охота, спуск по горным рекам на байдарках и плотах, не говоря уже об участии в народных праздниках и обрядах. Аренда лыж, саней, велосипедов, восхождение на самую высокую точку Карпат Говерлу, поход к водопадам и купание в них, экскурсии в соседние городки и села, песни трюистых музык и фотографирование в национальных одеждах — это само собой разумеющееся.

Как тут не испытать гордость за людей, с которыми тебя объединяет "чуття единої родини"?

Важный фактор, делающий привлекательным именно "зеленый туризм", — это тот разброс цен, который позволяет подобрать себе отдых по карману. Так, в Верховине все необходимые удобства вместе с трехразовым питанием и дополнительными услугами можно получить за 45 гривен в день. А в Яремче — за 70 у. е. поселиться в отдельно стоящем просто сказочном резном доме, где предусмотрен даже тренажерный зал на тот случай, если горы, которые начинаются сразу за порогом дома, для вас — недостаточная нагрузка. А вот красота гор, облаков, восходов и закатов, и воздух, не знающий себе равных по чистоте и запахам, достаются всем, независимо от того, какая сумма отложена на отдых.

Туризм как ведущая отрасль бюджета

Для Ивано-Франковской области, которая оказалась в весьма тяжелом положении в результате развала военно-промышленного комплекса СССР (здесь "гнездились" в большом количестве ракеты), туризм должен стать, и постепенно становится ведущей отраслью. А в не далекие еще времена иностранцев вообще не пускали на ее территорию. И те родственники, которые приезжали, чтобы повидаться с жителями некоторых районов Прикарпатья, были вынуждены довольствоваться двухчасовым свиданием со своими родными во Львове, с обязательным присутствием согладата.

Сейчас разработана и принята к исполнению программа развития туризма в области. У губернатора есть заместитель, который курирует туристическую отрасль, — Богдан Костюк. Как он рассказал на встрече с на-



ми, менее чем за два года количество усадеб "зеленого туризма" выросло на Ивано-Франковщине с 70 до 200. А председатель Косовской райгосадминистрации Иван Пидлетьчук только в своем районе ожидает прирост таких усадеб до 100. И это при том, что облгосадминистрация выделила в этом году непосредственно на развитие туризма лишь 3% бюджета. Вместе с тем, рост вложений на ремонт и строительство дорог, этого важнейшего компонента туристической привлекательности региона, вырос с 6 до 80 миллионов гривен. В Ивано-Франковске открывается вуз, в котором будут гото-

вить специалистов туристского бизнеса. Конкурс — 7 человек на место! А в школах введен специальный предмет — "туризм", — на уроках которого детям рассказывают о родном крае с этой точки зрения, учат, как делать свой край привлекательным для гостей. Учатся и взрослые: частных туроператоров собирают на семинары, в каждом районе на бюджетные деньги созданы отделения "Союза содействия развитию "зеленого туризма" с помещением, штатами, оргтехникой, печатными материалами и т. д.

Собственно, и сам наш приезд — яркое свидетельство того, что на Ивано-Франковщине развивают туризм и хотят, чтобы об этом знали далеко за ее пределами. Приезд нашей группы организовали две милые Ольги — Ткачук и Мельник, первая из которых создала информационно-туристический центр "Затишок-сервіс", а вторая — наша коллега, работает по туристической теме на телевидении. Но поддержку им в их инициативе оказывали все и везде, поэтому нас принимали по высшему разряду.

Прошлое — во благо настоящему

Очень интересным, а, может быть, и важнейшим компонентом привлекательности туризма в Карпатах является сохранение местного колорита. То, что строят для своих гостей хозяева, — это не стилизация под "гуцульский" стиль, это "гуцульский" стиль и есть, в который естественным образом вписывают требования комфорта. Это придает неповторимость, тот неподдельный национальный колорит, которого, например, лишена наша многонациональная и, в силу этого, космополитическая Одесса.

Бережное отношение к прошлому характерно и для облика самого

Ивано-Франковска, переживающего сейчас свое возрождение благодаря колоссальной работе по реставрации его центральной части. Город стремится сохранить свою самобытность, восставить побольше того, что осталось от Станислава (так Ивано-Франковск назывался в его австрийский и польский период), и тем самым усилить "европейскость", сложившуюся за его почти 400-летнюю историю. В центральной части много строится и новых зданий, но все они спроектированы таким образом, чтобы не нарушить исторически сложившейся облик.

Как подчеркнул прекрасный знаток истории города Владимир Устинский, заведующий отделом туризма управления внешних связей и туризма Ивано-Франковского горисполкома, хотя город и находился то под австрийской, то под польской короной, но строили-то его украинцы!

Иванофранковцы очень тепло отзываются о нынешнем городском руководстве. За последние два-три года произошло много добрых перемен в облике города, при этом делается все капитально, например, перед тем как покрыть мостовую центральной части плиткой, провели замену всех подземных коммуникаций.

Так что, несмотря на несопоставимость размеров наших областей и областных центров, нам есть чему поучиться друг у друга.

Губернатор Ивано-Франковской области Михаил Вышиванюк считает своими добрыми друзьями председателя Одесской облгосадминистрации Сергея Гриневецкого и председателя Одесского облсовета Владимира Новацкого, часто бывает в Одессе и больше всего любит слушать скрипку в "Гамбринусе". А из этих визитов вынес мечту: создать в Прикарпатье большой центр развлечений, подобный одесской Аркадии. С этой целью приглашает одесских бизнесменов к сотрудничеству, обещая всяческую поддержку и содействие.

...Впечатлений было столько, что обо всем рассказать невозможно. И, тем не менее, одно из самых сильных было в самом начале. Может быть потому, что наши чувства еще не были захлестнуты той лавиной красот и информации, которая обрушилась на нас в пути, а может быть и потому, что в этой встрече в первый день пребывания в Прикарпатье как бы выкристаллизовалось все то, что мы увидели и прочувствовали потом. Когда мы подошли к Ивано-Франковскому кафедральному собору Святого Воскресения, навстречу нам вышла маленькая женщина. Увидев нас и узнав, что приехали издалека, из разных мест, осенила всех крестом, перекрестилась сама и негромко сказала: "Моліться за Україну, бо ми всі її діти!".

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Феликс КОХРИХТ	
Мы — одесситы...	...331
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ	
Три архива	...333
Ольга БАРКОВСКАЯ	
Это сладкое слово — "Либерти"	...335
Олег ГУБАРЬ	
"...Нынче. Завтра — неизвестно!"	...338

Мы — одесситы...

"...А это значит..." У каждого — свое ощущение от припева песни, исполненной Леонидом Утесовым в дни, когда "Одессу покидает последний батальон". Тогда от наших отцов и дедов, старших братьев, от тех, кто провожал их на фронт, требовались, прежде всего, мужество и выдержка. И, разумеется, особый оптимизм — родовое качество уроженцев Южной Пальмиры.

Михаил Бинов — из них. Он — из времени, когда деревья на Приморском бульваре были пониже, а по Французскому можно было прокатиться на извозчике... На улицах и в переулках, ведущих к морю, в разные годы жили наши замечательные земляки. Об одних, скажем, о Сергее Уточкине, Иване Микитенко, рассказывают энциклопедии, другие известны как герои произведений литературы (Александр Певзнер — скрипач Сашка из купринского "Гамбринуса"), третьи вписали в историю Одессы яркие станицы, но, увы, сегодня почти не известны горожанам (врач Чарльз Дюбуше, Александр Вадон, преподававший французский Исааку Бабелю, скрипичный мастер Александр Молчанов, легендарный куплетист Лев Зингерталь)... Много лет их жизнь и творчество исследует Михаил Бинов и, надо отдать ему должное, в большинстве случаев находит неизвестные факты биографий, документы, свидетельства современников, дополняющие наши сведения об этих значительных людях.

Результаты своего поиска писатель, журналист, краевед регулярно публикует на страницах печати, а недавно в одесском издательстве "Книга" увидели свет два изящных томика публикаций Бинова под общим названием — цитатой из легендарной песни, с которой мы начали эти заметки. Знаменательно, что автора зовут так же, как и героя Леонида Утесова...



Сердце будущим живет...

Вот и наступило время, когда в мемуарах, написанных потомственными одесситами, в каждой главе, а то и на каждой станице, встречаешься с теми, с кем сводила жизнь и тебя...



Таким откровением, встречей с детством и юностью, стали для меня воспоминания Татьяны Фоогд-Стояновой, вышедшие вторым изданием в "Оптимуме". Обычно в таких случаях принято уточнять: дополненным и расширенным, но в данном случае справедливо полагать эту меморию новой книгой. Дело даже не в том, что в ней больше страниц: автор перешла от перечисления воспоминаний к их осмыслению. Долгая жизнь — длинная линия, пересекающая ладонь девочки из интеллигентной семьи, где породнились врачи и библиотекари, педагоги и художники... Дворяне и разночинцы, купцы и мещане, люди разных кровей, но одной веры — православной. Достаточно вспомнить, что в большевистской Одессе перед войной принимала верующих лишь одна церковь — на Втором кладбище...

Детство блондинки Тани и чернявой Наташи — сестер Стояновых — проходило в коммуналке на Нежинской (я жил в этом доме после войны), на даче профессора Скроцкого на 11 станции Большого Фонтана. Его внука Юру я знал в юности, тогда же бывал в гостеприимном доме Великановых (старший — профессор — лечил маленькую Таню от скарлатины), довелось работать с еще одним профессором — Москетти, другом юности Татьяны... Она училась в одной школе (№ 37) с моим старшим братом Абой. Из их класса, получившего аттестат зрелости в мае 1941-го, с войны, кроме него, вернулись лишь трое — два парня и девушка...

Татьяна Стоянова и ее семья пережили оккупацию в Одессе. Особый интерес представляют именно эти страницы воспоминаний, записанные ею в молодые годы откровенно и искренне, но, главное, заново увиденные сегодня, спустя жизнь, глазами матери большого семейства, ощущающей всю меру ответственности не только за свое прошлое, но и за будущее светлоголовых, пошедших в голландца-деда Фоогда, внуков. На презентации книги своей энергичной и удивительно моложавой бабушки старшие внимательно слушали наши теплые слова в ее адрес, а самая маленькая бегала по Золотому залу Литературного музея. Судя по старым фотографиям, она очень напоминает маленькую Таню, которой столько же — шесть лет — стукнуло в 1928-м. Тогда ей рассказывал о старой Одессе сам Александр Михайлович Дерибас, качал на коленях Владимир Петрович Филатов, а чуть позже прелестной барышне играл на старом дачном роя-

ле юный Светик Рихтер... А если добавить, что отчимом сестер Стояновых был блистательный поэт и переводчик Серебряного века Владимир Пяст, то...

Впрочем, отсылаю любознательного читателя к книге Татьяны Филипповны, избравшей для ее заголовка пушкинскую прозорливую строку: "Что пройдет, то будет мило...". Я же счел уместным предпослать этим заметкам строку из этого же стихотворения — ей предшествующую: "Сердце будущим живет..." Она как раз — к случаю.

Феликс КОХРИХТ

Три архива

Валентин Крапива
Архивы пустяков
Одесса, 2003



Есть люди, которые по велению души ведут архивы. Еще сами не зная, как они их используют. Может, архивы их утопят в тысячах подробностей, иногда чрезвычайно похожих, а иногда нелепо случайных. Но вот наступает мгновение, которое владец, коллекционер подробностей, и не ожидал. И то, что раньше казалось пустяками, игрой случая, становится закономерностью, так и просится на бумагу, чтобы не только развеселить читателя, но и убедить его в том, что Шекспир был футболистом, лорд Байрон — тенью Лермонтова, Ньютон — прекрасным садоводом. А все прочее — случайность.

Я люблю читать книги Валентина Крапивы, они остроумны и парадоксальны. Их можно читать, сидя в удобном кресле, в самолете, в поезде... Но главное — каждая из них предполагает следующую книгу, поэтому у автора так быстро растет полка собственных книг.

Борис Херсонский
Семейный архив
"Друк", 2003 год





Таким откровением, встречей с детством и юностью, стали для меня воспоминания Татьяны Фоогд-Стояновой, вышедшие вторым изданием в "Оптимуме". Обычно в таких случаях принято уточнять: дополненным и расширенным, но в данном случае справедливо полагать эту меморию новой книгой. Дело даже не в том, что в ней больше страниц: автор перешла от перечисления воспоминаний к их осмыслению. Долгая жизнь — длинная линия, пересекающая ладонь девочки из интеллигентной семьи, где породнились врачи и библиотекари, педагоги и художники... Дворяне и разночинцы, купцы и мещане, люди разных кровей, но одной веры — православной. Достаточно вспомнить, что в большевистской Одессе перед войной принимала верующих лишь одна церковь — на Втором кладбище...

Детство блондинки Тани и чернявой Наташи — сестер Стояновых — проходило в коммуналке на Нежинской (я жил в этом доме после войны), на даче профессора Скроцкого на 11 станции Большого Фонтана. Его внука Юру я знал в юности, тогда же бывал в гостеприимном доме Великановых (старший — профессор — лечил маленькую Таню от скарлатины), довелось работать с еще одним профессором — Москетти, другом юности Татьяны... Она училась в одной школе (№ 37) с моим старшим братом Абой. Из их класса, получившего аттестат зрелости в мае 1941-го, с войны, кроме него, вернулись лишь трое — два парня и девушка...

Татьяна Стоянова и ее семья пережили оккупацию в Одессе. Особый интерес представляют именно эти страницы воспоминаний, записанные ею в молодые годы откровенно и искренне, но, главное, заново увиденные сегодня, спустя жизнь, глазами матери большого семейства, ощущающей всю меру ответственности не только за свое прошлое, но и за будущее светлоголовых, пошедших в голландца-деда Фоогда, внуков. На презентации книги своей энергичной и удивительно моложавой бабушки старшие внимательно слушали наши теплые слова в ее адрес, а самая маленькая бегала по Золотому залу Литературного музея. Судя по старым фотографиям, она очень напоминает маленькую Таню, которой столько же — шесть лет — стукнуло в 1928-м. Тогда ей рассказывал о старой Одессе сам Александр Михайлович Дерибас, качал на коленях Владимир Петрович Филатов, а чуть позже прелестной барышне играл на старом дачном роя-

ле юный Светик Рихтер... А если добавить, что отчимом сестер Стояновых был блистательный поэт и переводчик Серебряного века Владимир Пяст, то...

Впрочем, отсылаю любознательного читателя к книге Татьяны Филипповны, избравшей для ее заголовка пушкинскую прозорливую строку: "Что пройдет, то будет мило...". Я же счел уместным предпослать этим заметкам строку из этого же стихотворения — ей предшествующую: "Сердце будущим живет..." Она как раз — к случаю.

Феликс КОХРИХТ

Три архива

Валентин Крапива
Архивы пустяков
Одесса, 2003



Есть люди, которые по велению души ведут архивы. Еще сами не зная, как они их используют. Может, архивы их утопят в тысячах подробностей, иногда чрезвычайно похожих, а иногда нелепо случайных. Но вот наступает мгновение, которое владец, коллекционер подробностей, и не ожидал. И то, что раньше казалось пустяками, игрой случая, становится закономерностью, так и просится на бумагу, чтобы не только развеселить читателя, но и убедить его в том, что Шекспир был футболистом, лорд Байрон — тенью Лермонтова, Ньютон — прекрасным садоводом. А все прочее — случайность.

Я люблю читать книги Валентина Крапивы, они остроумны и парадоксальны. Их можно читать, сидя в удобном кресле, в самолете, в поезде... Но главное — каждая из них предполагает следующую книгу, поэтому у автора так быстро растет полка собственных книг.

Борис Херсонский
Семейный архив
"Друк", 2003 год



Это большое искусство возвращаться и возвращаться к раз написанному, дописывать новые главы, уточнять ритм, искать самые выразительные образы и метафоры и оставаться верным самому себе и семье, которая вырастила тебя, сделала мудрым и многознающим, наделила тебя печалью и остроумием, иронией.

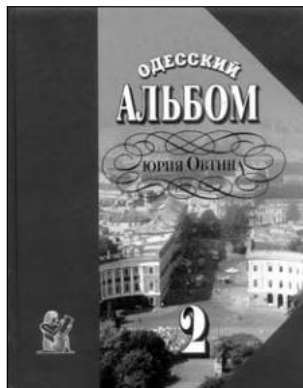
"Семейный архив" — это не книга документов, не книга эссе, это поэзия, чистая поэзия, выросшая на нашей почве из Книги книг — Библии. Можно ли продолжать Библию? Нет, нет и нет. Но мыслить библейскими образами, погрузиться самому и погрузить своего читателя в ритмическое течение псалмов, которые были переведены автором, и их поэтика стала близка Борису Херсонскому — это подлинное искусство.

Юрий Овтин
Одесский альбом
"Папирус", "Астропринт", 2003 год

Юрий Овтин собирал все, что было написано о нем, о его книгах. Когда-то в XIX веке альбомы для дружеских посвящений заводи-ли барышни. Юру Овтина в том, что он барышня, не заподозришь. Но альбом посвящений он создает уже второй. В этом собраны записи о Николае Степанове, Адольфе Лозе, Сергее Гринецевом, перемежающиеся с их собственными словами об авторе — веселыми, подчас ироничными, но всегда доброжелательными. А если вспомнить, что постоянный оформитель книг Ю. Овтина, мэролюб и художни-колоба — график Владимир Миненко, то можно представить, что альбомная традиция сохраняется, и каждая книжка становится произведением если не поэзии, если не прозы, то одесского жанра, которому еще нет названия.

Такие три "архивные новинки" появились на книжных полках в самом конце 2003 года.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ



Это сладкое слово — "Либерти"

Юбилеи имеют обыкновение подкрадываться незаметно — как для окружающих, так и для самих именинников. Вот так, вроде бы ожидаемо, а на самом деле совершенно вдруг, удивила нас своим юбилеем — десятилетним! — галерея "Либерти" Анны Евгеньевны Голубовской, которую большинство знакомых (и не очень знакомых) предпочитает величать просто Анечкой. Десять лет — это не только накопление опыта, обретение "лица необщего выражения", создание круга "своих" коллекционеров, клиентов, почитателей и друзей. Десять лет существования художественной галереи в наших, мягко скажем, непростых условиях — это еще и экзамен на выживаемость.

Как все начиналось? В случае с Аней Голубовской — очень естественно. А сейчас, по прошествии лет, кажется, что иначе быть не могло. Прежде всего — родители. Мама, Валентина Степановна, талантливый, интеллигентный и очень скромный человек, искусствовед по профессии, много лет преподавала в Театрально-художественном училище. Папу, Евгения Михайловича, известного журналиста, вице-председателя Всемирного клуба одесситов, коллекционера, тонкого знатока живописи и поэзии, а в последние годы еще и издателя раритетных книжек, в Одессе представлять никому не нужно. В такой семье не мог вырасти ребенок, равнодушный к искусству. Образование тоже не случайное: художественная школа, кукольное отделение Театрального училища, архитектурный факультет ОИСИ. Аня, с ее профессиональными знаниями и широкой эрудицией, обостренной деликатностью, тихим неотразимым обаянием, замечательным чувством юмора, — дочь, которой по праву могут гордиться — и гордятся! — даже такие неординарные родители.

В начале девяностых, когда на фоне привычного "музейного" пейзажа стали возникать странные, не очень по началу понятные для публики новообразования — художественные галереи, — во Всемирном клубе одес-



Это большое искусство возвращаться и возвращаться к раз написанному, дописывать новые главы, уточнять ритм, искать самые выразительные образы и метафоры и оставаться верным самому себе и семье, которая вырастила тебя, сделала мудрым и многознающим, наделила тебя печалью и остроумием, иронией.

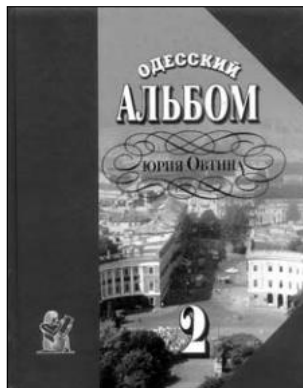
"Семейный архив" — это не книга документов, не книга эссе, это поэзия, чистая поэзия, выросшая на нашей почве из Книги книг — Библии. Можно ли продолжать Библию? Нет, нет и нет. Но мыслить библейскими образами, погрузиться самому и погрузить своего читателя в ритмическое течение псалмов, которые были переведены автором, и их поэтика стала близка Борису Херсонскому — это подлинное искусство.

Юрий Овтин
Одесский альбом
"Папирус", "Астропринт", 2003 год

Юрий Овтин собирал все, что было написано о нем, о его книгах. Когда-то в XIX веке альбомы для дружеских посвящений заводи-ли барышни. Юру Овтина в том, что он барышня, не заподозришь. Но альбом посвящений он создает уже второй. В этом собраны записи о Николае Степанове, Адольфе Лозе, Сергее Гринецевом, перемежающиеся с их собственными словами об авторе — веселыми, подчас ироничными, но всегда доброжелательными. А если вспомнить, что постоянный оформитель книг Ю. Овтина, мэролюб и художни-колоба — график Владимир Миненко, то можно представить, что альбомная традиция сохраняется, и каждая книжка становится произведением если не поэзии, если не прозы, то одесского жанра, которому еще нет названия.

Такие три "архивные новинки" появились на книжных полках в самом конце 2003 года.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ



Это сладкое слово — "Либерти"

Юбилеи имеют обыкновение подкрадываться незаметно — как для окружающих, так и для самих именинников. Вот так, вроде бы ожидаемо, а на самом деле совершенно вдруг, удивила нас своим юбилеем — десятилетним! — галерея "Либерти" Анны Евгеньевны Голубовской, которую большинство знакомых (и не очень знакомых) предпочитает величать просто Анечкой. Десять лет — это не только накопление опыта, обретение "лица необщего выражения", создание круга "своих" коллекционеров, клиентов, почитателей и друзей. Десять лет существования художественной галереи в наших, мягко скажем, непростых условиях — это еще и экзамен на выживаемость.

Как все начиналось? В случае с Аней Голубовской — очень естественно. А сейчас, по прошествии лет, кажется, что иначе быть не могло. Прежде всего — родители. Мама, Валентина Степановна, талантливый, интеллигентный и очень скромный человек, искусствовед по профессии, много лет преподавала в Театрально-художественном училище. Папу, Евгения Михайловича, известного журналиста, вице-председателя Всемирного клуба одесситов, коллекционера, тонкого знатока живописи и поэзии, а в последние годы еще и издателя раритетных книжек, в Одессе представлять никому не нужно. В такой семье не мог вырасти ребенок, равнодушный к искусству. Образование тоже не случайное: художественная школа, кукольное отделение Театрального училища, архитектурный факультет ОИСИ. Аня, с ее профессиональными знаниями и широкой эрудицией, обостренной деликатностью, тихим неотразимым обаянием, замечательным чувством юмора, — дочь, которой по праву могут гордиться — и гордятся! — даже такие неординарные родители.

В начале девяностых, когда на фоне привычного "музейного" пейзажа стали возникать странные, не очень по началу понятные для публики новообразования — художественные галереи, — во Всемирном клубе одес-



ситов открылся маленький арт-салон с гордым именем "Улисс". Для Ани Голубовской это была первая проба сил в качестве галериста. Не случайно в первой экспозиции были показаны "шестидесятники" — Иосиф Островский, Лев Межберг, Александр Ануфриев, Валентин Хрущ, Олег Соколов — художники, чьи работы Аня помнила и ценила с детства. Для нее это были не только замечательные живописцы, но в большинстве своем люди, которых она хорошо знала, с которыми многие годы дружили ее родители.

Следующая ступенька — галерея на втором этаже Дома книги, что на Дерибасовской. Помню, как часто мы забегали туда — то посмотреть новую экспозицию, то просто узнать, как дела. Аня продолжала выставлять живопись и графику одесситов (и теперешних, и бывших), но появились и со вкусом отобранные сувениры, поделки, мелочи, которые с удовольствием приобретали заезжие гости и одесситы. Кстати, по такому принципу работают многие западные галереи.

Наконец, "Либерти" в ее сегодняшнем виде: небольшой симпатичный подвальчик на Ланжероновской, по соседству с выставочным залом Историко-краеведческого музея. Спускаешься вниз по ступенькам — и попадаешь с шумной суматошной улицы в другой мир. Здесь галерее, конечно, тесновато, но уютно. Хотя, опять же, уют — понятие относительное, зависит не только и не столько от стен, сколько от хозяев. А как выяснилось, создание уюта, доброжелательной, дружественной атмосферы — еще один талант Ани Голубовской.

Можно долго перечислять выставки, виденные в "Либерти". Кстати, вновь говорящее имя. Помните? "Это сладкое слово свобода"... Тут свобода декларируется как основной принцип — свобода искусства, свобода самовыражения, свобода и соревнование творческих идей — самых разнообразных и неожиданных. И тогда в один ряд естественно становятся самые разные проекты: живопись и графика Адольфа Лозы, Игоря Марковского, Светланы Юсим, Александра Ройтбурда, Татьяны Гончаренко, Александра Ануфриева, Ларисы Нестеренко, Валентина Хруща, керамика Нины Федоровой, коллажи Аллы Жмайло, выставки мастеров украинского модерна, "Портрет жены художника", а еще — "Что можно собрать на одесских улицах", "Чем писал Пушкин", "Со-бутылники", "Мой советский народ", "Тайны дамской сумочки", "Графиня и графины" и прочее, и прочее...

Галерея — не просто выставочный зал, где можно увидеть и при желании приобрести картину, рисунок или иной, как теперь любят выражаться, предмет искусства. Это своеобразный клуб единомышленников и просто симпатичных друг другу людей, куда приходят не только по делу, но просто повидаться, побеседовать. Глядишь, в отвлеченном, вроде бы, разговоре (а на деле — отнюдь не отвлеченном, ибо здесь любой разговор

в конечном итоге все равно возвращается к теме искусства и коллекционирования) у того же Олега Губаря или Сергея Зеноновича Лущика, или еще у какого-нибудь близкого галерее и его хозяйке человека рождается идея новой необычной выставки. Чем больше друзей, тем интереснее живет "Либерти", тем лучше себя чувствует Аня Голубовская и ее верные помощники, тем охотнее приходят к ним новые люди. Не зря, помимо помощи опытным собирателям, одной из своих главных задач Аня считает воспитание нового поколения коллекционеров.

Давно сложился и "свой" круг художников, хотя его никак не назовешь замкнутым. Появляются новые имена, на каждой выставке могут встретиться приятные сюрпризы. Даже тогда, когда не предвидишь особых открытий, когда все участники экспозиции вроде бы хорошо знакомы, вдруг получаешь неожиданный подарок — радость от встречи с какими-то не виденными до тех пор работами, от того, как они сплетают свои непохожие голоса в общее многоголосие, в цельную гармоничную мелодию. Такое ощущение у меня осталось, например, после выставки "Портрет жены художника".

Аня не скрывает, что особенно близки ей мастера, принадлежащие к поколению авангарда 60-70-х годов. Поэтому логично, что свой праздник "Либерти" отметила экспозицией работ Валентина Хруща (осуществить эту идею помог коллекционер Евгений Лукашов). Напомню, картины Хруща были и на самой первой выставке, показанной начинающим галеристом Голубовской еще в "Улиссе".

А еще в юбилейный день состоялась презентация сборника "Либерти. Нам 10 лет", издательство "ВМВ". Я видела, сколько сил и любви вложила Аня в эту книжку. Элегантная обложка с репродукцией работы Олега Соколова, корректный макет, интереснейшие фотографии (хотелось только, чтобы воспроизведение их было чуть лучшего качества). Маленькие предисловия Феликса Кохрихта и Олега Губаря, изящные, остроумные, любовные. Вступительная статья составителя — ее кредо галериста. Главное же в книге — подборка публикаций, отзывов на выставки, сделанные за эти годы, которая дает возможность другими глазами посмотреть на галерею, оценить, что за плечами у ее сотрудников, оказывается, уже достаточно большой и разнообразный опыт.

У Ани Голубовской масса проектов, желание работать интересно и получать от этого удовольствие. Юбилей — просто возможность приостановиться и оценить пройденный путь. Остается пожелать: счастливого свободного полета тебе, "Либерти"!

Ольга БАРКОВСКАЯ

"...Нынче. Завтра — неизвестно!"

Все, собственно говоря, уже написано. Чего еще напишешь? Разве что, автопортрет. А — какой? Красивый или похожий? В нежном или в жестком возрасте? Рубен Ашрафиан и Алексей Окунь написали двойной автопортрет в интерьере совместной юности. Получился смачный такой артефакт — книжка "Вино, любовь и революция" ладно скроенного и крепко сшитого гибрида (как нынче говорят, андроида) Алексея Ашрафиана (в дальнейшем — АА).

Он — автор — типологический юный одесский романтик образца эпохи продвинутого застоя, конца 1970-х — начала 1980-х. Со всеми вытекающими отсюда (прежде всего, из бутылочного горлышка) пристрастиями и последствиями. АА интеллигентен, вдумчив, начитан, искренен, в меру пошловат, сердечно привязан к друзьям и подругам, однако внешне невозмутим, ироничен (самозабвенно играет в Печорина). Что до недюжинной эротической энергии, то вся она используется преимущественно в мирных целях, включая вкусное стихосложение, плотоядные стилизации, локальные карнавалы, застольные братские переключки и др. АА категорически аполитичен, как и положено хрестоматийному обывателю времен брежневского перманентно развитого социализма.

"Сидели, балагурили,
Играли в домино,
Швыряли недокурные
Мысли за окно".

Впрочем, какой же наш АА асоциальный тип, ежели нет-нет, да и споткнется о некоего корявого неухоженного прощелыгу — продукта жизнедеятельности благоденствующего "общества равных возможностей".

"Вы замечали, мимо дома
Ходит человек сутулый.
Пьет вино у гастронома
Без стеснения из дула.

Это Вася. "Вася, здравствуй!"
Отвечает Вася: "Здрасьте".
С Васей Нина развелась.
У него теперь несчастье.

Нет почти у Васи денег,
Только дыры на коленях.
Из друзей всего у Васи
Разве кот пятнистой масти.



Обижают Васю власти,
Нет на власти те напасти.
И у Васи было счастье,
Да разбилось на части..."

Нет уж, говорите, что хотите, а очень трогательный кадр этот АА, "оченно переживательный". Какая-то горечь во всех его самых как бы иронических и абсентистских строчках, какая-то болезненность, пусть даже несколько вялая и монотонная, наподобие хронического алкоголизма. Хотя на каждом перекрестке он то и дело декларирует разудало разухабистое молодечество, а то и не закамуфлированный цинизм.

"Когда моя страна не знает, как ей быть,
Когда на нас в поход пошли американцы,
Мы просим всех налить. Мы начинаем пить.
А через два часа мы всем объявим танцы".

Иной раз в ерничающем по поводу и без того молодчике просыпается чуть ли не подлинный диссидент:

"Я устал от ваших грез.
Я устал от ваших фраз.
От того, что все всерьез.
От того, что все сейчас.

Я хотел бы поселиться
В стороне от ваших партий,
В государстве без столицы,
Не отмеченном на карте".

Но тотчас же и задремывает, засыпает сном праведника, чтобы все-таки привычно грезить в том же ироническом ключе с многочисленными дулями в многочисленных карманах:

"Я тоже советский, такой же, как вы,
Товарищи в первых рядах при оружьи.
И Леня соседский — он тоже советский,
Хотя не поднимет от карт головы,
Хотя он и хуже расхожей молвы,
Хотя никому и задаром не нужен,
Он тоже советский, такой же как вы,
Товарищи в первых рядах при оружьи..."

Это, кстати, рифмовалось четверть века тому, а, стало быть, наши соавторы понятия не имели о (пост-) советских ретроспективных культурологических экспериментах какого-нибудь Тимура Кибирова. И все же на поверку сделали то же и ничуть не хуже. Просто не раскрученный этот наш АА и живет в провинции. У моря.

"Милая, купи лимон,
Сделай мужу кисленько.
Уж возрадуется он,
С обожаньем висельника.

"...Нынче. Завтра — неизвестно!"

Все, собственно говоря, уже написано. Чего еще напишешь? Разве что, автопортрет. А — какой? Красивый или похожий? В нежном или в жестком возрасте? Рубен Ашрафиан и Алексей Окунь написали двойной автопортрет в интерьере совместной юности. Получился смачный такой артефакт — книжка "Вино, любовь и революция" ладно скроенного и крепко сшитого гибрида (как нынче говорят, андроида) Алексея Ашрафиана (в дальнейшем — АА).

Он — автор — типологический юный одесский романтик образца эпохи продвинутого застоя, конца 1970-х — начала 1980-х. Со всеми вытекающими отсюда (прежде всего, из бутылочного горлышка) пристрастиями и последствиями. АА интеллигентен, вдумчив, начитан, искренен, в меру пошловат, сердечно привязан к друзьям и подругам, однако внешне невозмутим, ироничен (самозабвенно играет в Печорина). Что до недюжинной эротической энергии, то вся она используется преимущественно в мирных целях, включая вкусное стихосложение, плотоядные стилизации, локальные карнавалы, застольные братские переключки и др. АА категорически аполитичен, как и положено хрестоматийному обывателю времен брежневского перманентно развитого социализма.

"Сидели, балагурили,
Играли в домино,
Швыряли недокурные
Мысли за окно".

Впрочем, какой же наш АА асоциальный тип, ежели нет-нет, да и споткнется о некоего корявого неухоженного прощелыгу — продукта жизнедеятельности благоденствующего "общества равных возможностей".

"Вы замечали, мимо дома
Ходит человек сутулый.
Пьет вино у гастронома
Без стеснения из дула.

Это Вася. "Вася, здравствуй!"
Отвечает Вася: "Здрасьте".
С Васей Нина развелась.
У него теперь несчастье.

Нет почти у Васи денег,
Только дыры на коленях.
Из друзей всего у Васи
Разве кот пятнистой масти.



Обижают Васю власти,
Нет на власти те напасти.
И у Васи было счастье,
Да разбилось на части..."

Нет уж, говорите, что хотите, а очень трогательный кадр этот АА, "оченно переживательный". Какая-то горечь во всех его самых как бы иронических и абсентистских строчках, какая-то болезненность, пусть даже несколько вялая и монотонная, наподобие хронического алкоголизма. Хотя на каждом перекрестке он то и дело декларирует разудало разухабистое молодечество, а то и не закамуфлированный цинизм.

"Когда моя страна не знает, как ей быть,
Когда на нас в поход пошли американцы,
Мы просим всех налить. Мы начинаем пить.
А через два часа мы всем объявим танцы".

Иной раз в ерничающем по поводу и без того молодчике просыпается чуть ли не подлинный диссидент:

"Я устал от ваших грез.
Я устал от ваших фраз.
От того, что все всерьез.
От того, что все сейчас.

Я хотел бы поселиться
В стороне от ваших партий,
В государстве без столицы,
Не отмеченном на карте".

Но тотчас же и задремывает, засыпает сном праведника, чтобы все-таки привычно грезить в том же ироническом ключе с многочисленными дулями в многочисленных карманах:

"Я тоже советский, такой же, как вы,
Товарищи в первых рядах при оружьи.
И Леня соседский — он тоже советский,
Хотя не поднимет от карт головы,
Хотя он и хуже расхожей молвы,
Хотя никому и задаром не нужен,
Он тоже советский, такой же как вы,
Товарищи в первых рядах при оружьи..."

Это, кстати, рифмовалось четверть века тому, а, стало быть, наши соавторы понятия не имели о (пост-) советских ретроспективных культурологических экспериментах какого-нибудь Тимура Кибирова. И все же на поверку сделали то же и ничуть не хуже. Просто не раскрученный этот наш АА и живет в провинции. У моря.

"Милая, купи лимон,
Сделай мужу кисленько.
Уж возрадуется он,
С обожаньем висельника.

Станет обнимать тебя,
Называть любимой.
Милая, за два рубля.
Ну, за рупь с полтиною!

Милая, куда же ты?
Ну, чего ты пятишься?
Вот бумажные цветы
На бумажном платице.

Вот рубашка — ночевать,
Вот духи — душиться,
Вот — двуспальная кровать,
Может пригодиться!.."

Как остро и бесхитростно, как надрывно и вместе бесшабашно этот АА умеет любить! Много ли надо умения или неумения, когда на тебе отроду тонкая, чтоб не сказать шагреновая, кожа.

"Она пришла, как камень бросила.
Рябая вся, простоволосая.

Задев косяк,
Вошла, качнувшись, на порог.
Ругнулась так,
Что я опомниться не мог.

Она стояла, зубы скалила.
Рот танцевал, плясала талия.

А я мычал,
А я не знал, что говорить.
Я руки жал
И вяло пробовал шутить.

Но было небо синим-синее,
И было солнце желтым-желтое.
Она сказала: "Унеси меня".
И я понес, давясь заколками..."

Мы выросли под гастрономами. (А ведь неплохая, черт возьми, первая строчка для стишка у меня нечаянно получилась!) Мы радовались жизни в парадных и подворотнях, в пирожковых,пельменных, блинных, диет-столовках и прочих "Капустняках", в обстановке выдающихся возлияний и неудобств, по которым теперь так отчаянно ностальгируем (см. мой текст о книжке Жени Новицкого-Шенкера "Триумф апогея" в "Ор Саме-ах" от 15 августа 2001 года). В этих откровениях нет ничего принципиально нового и оригинального. Кроме одного единственного. Это наши юношеские автопортреты. Понимаете, НАШИ. У вас и свои имеются. Собст-

венные. Эксклюзивные, так сказать, ненадеванные. Покуда — потенци-ально. Осталось всего ничего: обналичить и возрадоваться!

"Потешить себя южнорусской сагой
На старости лет приятно.
Время, когда я передвигался с ватагой,
Кончилось безвозвратно.

.....
Ибо время, когда прикасаться к моей
Коже было приятно,
Прошло, как очередь сквозь мавзолеей,
И кануло безвозвратно".

В юности(!) меня однажды поразило лаконичное четверостишие полу-забытого ныне флорентийца Лоренцо Медичи, прозванного Великолеп-ным и покинувшего этот мир в год открытия Америки в возрасте непол-ных 43-х лет:

"Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь, счастлив будь —
Нынче. Завтра — неизвестно!"

И то правда. Как принято говорить, есть что вспомнить. Если, конеч-но, есть что. Вероятно, для составления солидного корпуса подобных ме-морий надо своевременно прилагать усилия. "Ибо время..." (см. выше) ка-тастрофического скепсиса занимает куда большую часть жизни, нежели та, о который мы так легковесно только что рассуждали.

Бывает, томимся с Рубиком в приличном (накрученном) заведении за бокалом чего-нибудь чересчур добропорядочного (а это уже никак не ме-тафорический юношеский букет пива, водки и "портьюши"), и он с саркас-тической усмешкой затягивает давешнее:

"На столе все то же,
За столом все те же,
Был бы я моложе,
Может, пил бы реже.

Только мне моложе
Быть, увы, не светит...
Дал бы всем по роже,
Но, боюсь, ответят..."

Молча допиваем какой-нибудь "Джек Дэниэл", мартини с джином или бенедиктин и четким строевым шагом направляемся в самую захудалую винарку. Наверное — юность искать...

Олег ГУБАРЬ

Поздравляем!

Почетный легион Одессы

Гордиться историей своего города — означает гордиться людьми, вписавшими в эту историю яркие страницы. Среди таких людей почетное место принадлежит Григорию Маразли — известному общественному деятелю, крупному меценату и дарителю, одному из первых Почетных граждан Одессы. Уже свыше ста лет то, во что он вложил свой талант, сердце, разум, наконец, огромные личные средства, приносит пользу гражданам Одессы. Поэтому не случайно имя Маразли получила Почетная награда одесского городского головы, которая, начиная с нынешнего года, будет вручаться ежегодно в День города людям, которые внесли значительный вклад в экономику, науку и культуру и тем самым способствовали росту авторитета Одессы в масштабах страны и международных масштабах.

Первыми обладателями почетной награды имени Григория Маразли стали Президент Украины Леонид Кучма, митрополит Одесский и Измаильский Агафангел, председатель Южного научного центра НАН Украины академик Сергей Андронати, генеральный директор ОАО "Одесский завод поршневых колец" Юрий Голованов, вице-президент Всемирного клуба одесситов, журналист и краевед Евгений Голубовский, начальник морского торгового порта "Южный" Владимир Иванов, генеральный директор ОАО "Одескабель" Дмитрий Иоргачев, археолог и общественный деятель Вассос Карагиоргис (Кипр), директор строительного предприятия "ЗАРС" Гиви Каркашидзе и олимпийская чемпионка, заслуженный мастер спорта по легкой атлетике Надежда Олизаренко. Заслуги каждого из них перед Одессой и одесситами велики. Их перечень солиден. О каждом можно многое рассказать. Возможно, на фоне больших объемов промышленного производства, решения глобальных политических и экономических задач вклад литератора покажется несоизмеримым с ними. Но это только на первый взгляд, ибо развитие духовной культуры, установка живой связи настоящего с культурными традициями прошлого — задача не менее важная и сложная.

Свыше сорока лет в журналистике Евгений Михайлович Голубовский. Сотни его материалов посвящены проблемам литературы и искусства. Он — вдумчивый критик, добросовестнейший историк культуры, инициатор множества культурных акций, которые принесли Одессе заслуженную славу. Людей, близко знающих Голубовского, всегда восхищает увлеченность, с которой он изучает малоизвестные эпизоды литера-

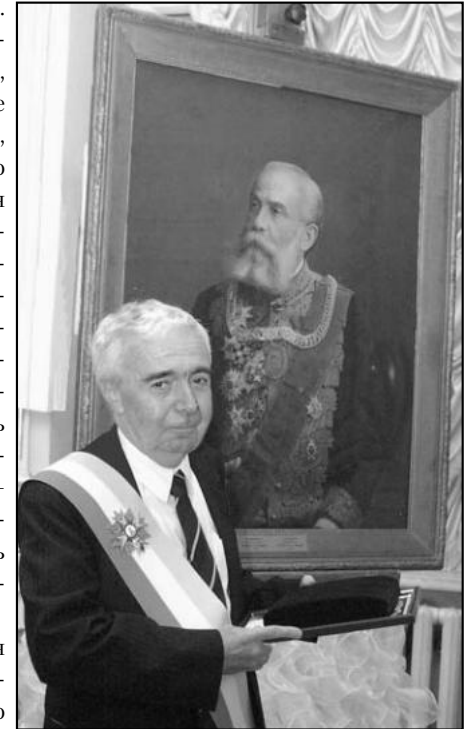
турной истории нашего города. Из бездн забвения он извлекает имена, издания, факты, позволяющие в полной мере оценить литературный процесс, его обретения и потери. По его инициативе родилась серия книг для литературных гурманов, познакомившая современных читателей с молодыми Инбер и Пястом, забытым Ставровым, изданием альманаха "Ковчег" периода гражданской войны, в котором публиковались стихи Мандельштама, Багрицкого... Евгений Михайлович — автор предисловий и комментариев ко многим книгам, и здесь проявляются его высокая эрудиция и талант исследователя.

Не менее обширны знания Голубовского в области изобразительного искусства. Его оценки всегда точны, аргументированы, оригинальны. К ним всегда прислушиваются, на них ориентируются.

Голубовский — скромный интеллигентный человек, отвергающий публичность как форму самовыражения. Зато он предельно принципиален, когда речь идет о профессиональной честности, ответственности за сказанное и написанное.

То, что Евгений Голубовский оказался среди первых кавалеров награды имени Маразли, — факт объективный. Если не отмечать тех, кто бескорыстно служит нелегкому делу сохранения духовной ауры Одессы, то эта аура быстро исчезнет и навряд ли когда-либо возникнет вновь. Думаю, что Григорий Григорьевич, увидев Голубовского с орденой лентой через плечо, остался бы доволен, ибо убедился бы, что его, Маразли, духовные устремления имеют в Одессе достойное продолжение.

Роман БРОДАВКО



Содержание

От редакции	3
Михаил ЖВАНЕЦКИЙ	
Распространение марксизма	5
<i>ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ</i>	
Василий ГАЛЯС	
Русский историк-славист А.В. Флоровский	9
Борис РЕЗНИК	
Пациент из моего детства	25
Валентина ГОЛУБОВСКАЯ	
Helen	51
Олег ГУБАРЬ	
Дом на углу Конной и Ямской	58
<i>ПРОЗА</i>	
Владимир КАТКЕВИЧ	
Цепной	64
Ефим ЯРОШЕВСКИЙ	
"Королевское лето"	74
Эвелина ШАЦ	
Чао, Антонио! или Поезда моей жизни	81
Александр ГРИНБЛАТТ	
Танго	88
Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК	
Красивая женщина...	99
Лена ВАСНЕВСКАЯ	
"Мелочи жизни"	102
Евгений НОВИЦКИЙ	
Третье кругосветное	105

Мая ИГНАТЕНКО

Летчиками не рождаются	115
-------------------------------------	-----

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ

Лист ожиданий	125
----------------------------	-----

ПОЭЗИЯ

Илья РЕЙДЕРМАН

Из глубины	189
-------------------------	-----

Аркадий КОБЗЕНКО

...А поэты в облака играют	200
---	-----

Евгений БОРОВЛЕВ

Живая ткань	208
--------------------------	-----

Юрий ГУРМАН

Блаженной разлуки блаженная боль...	212
--	-----

Ирина ДЕНИСОВА

Ocean	216
--------------------	-----

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

ЮЖНОРУССКАЯ ШКОЛА

Николай Скроцкий: Моя потребность – впечатления	224
--	-----

Публикация Ольги БАРКОВСКОЙ

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА

Евгений НИКОЛАЕНКО

"Плыть туда, где любовь!"	234
--	-----

Николай СТЕПАНОВ

"Скульптура проста, как природа..."

Публикация Ольги САВИЦКОЙ	242
---------------------------------	-----

Михаил ВАЙСКОПФ

"Козлиная песнь" Зеэва Жаботинского	251
--	-----

Олег ГУБАРЬ

Нетерпение Перца 261

МОСКВА — ОДЕССА

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Согнув условные коленки, сидели ласточки на стенке! ... 266

ПУБЛИКАЦИИ

Антонина ПИРОЖКОВА

"Кольцо Эсфири" 271

Исаак БАБЕЛЬ

Кольцо Эсфири 275

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА

**"...Душа богатых песен,
что в тоске и горести поют..."** 280

АХ, ОДЕССА

Елена ТОЛСТАЯ

Куплю дорого! или Одна в Одессе 293

Светлана РЫБАЛКИНА

Шел трамвай десятый номер... 300

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол 304

Георг АЛЕКСЕЕВ

"...мы все твои, Одесса, дети..." 307

ПУТЕШЕСТВИЕ

Феликс КОХРИХТ

Критские коллажи 310

Влада ГАЛИНА, Олег ВЛАДИМИРСКИЙ

Путешествие за гордостью 324

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Феликс КОХРИХТ

Мы — одесситы... 331

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Три архива 333

Ольга БАРКОВСКАЯ

Это сладкое слово — "Либерти" 335

Олег ГУБАРЬ

"...Нынче. Завтра — неизвестно!" 338

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Роман БРОДАВКО

Почетный легион Одессы 342